ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СССР

XXV
1917 1942

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

INSTITUTE OF HISTORY

TWENTY FIVE YEARS OF HISTORICAL STUDIES IN THE USSR

EDITED

BY V. P. VOLGIN, MEMBER OF THE ACADEMY
E. V. TARLE, MEMBER OF THE ACADEMY
AND A. M. PANKRATOVA
CORRESPONDING-MEMBER
OF THE ACADEMY

PUBLISHED BY
THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
MOSCOW 1942 LENINGRAD

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА ВОЛГИНА В.П.
АКАДЕМИКА ТАРЛЕ Е.В.
И ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА
АКАДЕМИИ НАУК СССР
ПАНКРАТОВОЙ А.М.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР
МОСКВА 1942 ЛЕНИНГРАД

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двадцать пять лет назад, 7 ноября (25 октября) 1917 г., в нашей стране прочно победила Советская революция. Впервые в человеческой истории было построено, вопреки предсказаниям врагов социалистического государства, новое, социалистическое общество. При этом советская власть, борясь за социализм, не только не отбросила все прежние достижения культуры и науки, но заботливо сохранила и использовала их, создав для развития науки и всех форм культуры в СССР особо благоприятные условия.

Даже в те трудные времена, когда молодая Советская республика героически защищала на фронтах гражданской войны свое право на независимое и свободное существование, когда вся страна страдала от голода и холода, советская власть отдавала свои скудные ресурсы для поддержки научных и культурных достижений, для сохранения научных и культурных кадров. Повседневная забота о советской науке не прекращалась со стороны партии и правительства в СССР и после победы на фронтах гражданской войны. Эта помощь выражалась не только в создании для науки исключительных материальных условий, но и в непрерывном и систематическом идейно-политическом и организационном руководстве научной работой во всех ее областях.

Особенно значительную помощь оказали партия, правительство и лично товарищ Сталин советской исторической науке. Благодаря их руководящим указаниям было ликвидировано вредное влияние так называемой «школы Покровского», и советская историческая наука вышла на широкую творческую дорогу.

Настоящий сборник, посвященный подведению итогов исторической науки за 25 лет, всем своим содержанием подтверждает этот общий вывод.

Однако задача настоящего сборника — не только в подведении итогов работы советских историков за четверть века существования передовой советской науки. Эти итоги подводятся в условиях великой отечественной войны против гитлеровской Германии, когда все силы нашей родины сосредоточены на одной задаче — скорейшего и окончательного разгрома немецко-фашистских варваров, этих злейших врагов всякого научного прогресса.

Советская историческая наука, как и вся передовая наука вообще, считает своим патриотическим долгом занять активную позицию в общем фронте борьбы против гитлеризма. Этим определяются задачи и содержание работы советских историков на весь период великой отечественной войны.

Помочь воспитанию миллионов советских патриотов в духе боевых исторических традиций нашего героического прошлого и одновременно принять участие в разоблачении гитлеровского разбойничьего империализма как злейшего врага человечества — такова основная задача советских историков. Чем успешнее и скорее они ее выполнят, тем значительнее будет их доля участия в общем деле быстрейшего разгрома гитлеровской Германии.

Настоящий сборник подготовлен Институтом истории Академии Наук СССР совместно с историческим факультетом Московского ордена Ленина государственного университета им. Ломоносова. В редактировании участвовали, кроме ответственных редакторов (В. П. Волгина, Е. В. Тарле, А. М. Панкратовой), акад. Б. Д. Греков, члены-корреспонденты АН СССР А. В. Ефимов и И. И. Минц, проф. Л. И. Зубок и канд. истор. наук М. А. Коростовцев (бригадир).

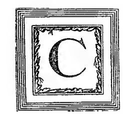

ИСТОРИЯ СССР

Чл.-корр. АН СССР А. М. ПАНКРАТОВА

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА 25 ЛЕТ И ЗАДАЧИ ИСТОРИКОВ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

I

оветская историческая наука подводит итоги своей 25-летней работы в дни великой отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии.

По сложности, по масштабам, по влиянию на судьбы человечества истекшее 25-летие несравнимо ни с одним из прошлых периодов человеческой истории.

Победа Великой Октябрьской революции открыла новую эру мировой истории, заполненную классовой борьбой небывалого размаха и напряжения. За эти 25 лет человечество пережило первую мировую войну, закончившуюся в 1918 г., но потрясшую основы жизни миллионов людей на долгие годы после ее окончания. За эти 25 лет по всему земному шару прокатилась волна революций, массовых движений и войн. Наконец, на последние годы этого исторического 25-летия приходится вторая мировая война и великая отечественная война советского народа против гитлеровской Германии и ее вассалов.

Эпоха великой отечественной войны войдет в историю как один из самых важных поворотных пунктов во всемирной истории.

Крутые переломы в человеческой истории бывали и в прошлом. Но раньше речь шла лишь об изменении направления развития отдельных государств и народов. На борьбу за изменение общественных отношений выступали чаще всего прогрессивные силы, которые стремились устранить условия, тормозившие развитие мировой цивилизации. Теперь темные силы фашистской реакции угрожают повернуть назад колесо человеческой истории. От исхода нынешней грандиозной борьбы прогрессивных сил всех наций, объединившихся против немецко-фашистского варварства, зависит судьба уже не только отдельных государств или народов, а всего человеческого общества.

Но человечество имеет силы для борьбы против реакционных попыток повернуть назад колесо истории. Величайшей из таких исторических сил является созданный 25 лет назад Советский Союз. За четверть века своего существования молодое Советское государство превратилось не только в самую передовую, но и в самую мощную силу, способную противостоять разрушительной силе фашистской агрессии и возглавить борьбу всех свободолюбивых народов против гитлеровской тирании.

Военная и моральная сила Красной Армии является прямым и непосредственным результатом той новой государственной системы, которая эту армию создала и воспитала. Этот факт признает такой официальный документ, как меморандум правительственного «Бюро фактов и цифр» США, в котором подведены итоги мероприятиям стран, объединенных в борьбе против гитлеровской Германии. Американский меморандум от 14 июня 1942 г. подчеркивает, что только Советский Союз оказал непоколебимое сопротивление «самой могущественной из всех существовавших когда-либо армий, совершившей нападение на СССР в момент наивысшего расцвета своей мощи». Меморандум дает этому факту историческое объяснение. Он подчеркивает прямую и непосредственную связь силы и мужества Красной Армии с создавшей ее советской системой. «Советский Союз, — говорится в меморандуме, — является творением человеческих рук, продуктом истории, революции, страданий, человеческой воли и выдающихся достижений».

Меморандум отмечает, что Советский Союз стал второй индустриальной державой в Европе и величайшей в мире страной передового сельского хозяйства. Одновременно с этим Союз укреплял свою обороноспособность, создавая могущественную армию и сильный флот.

«Русские были готовы, — говорит меморандум. — Они многочисленны и сильны. Они молоды: сто десять миллионов населения, в возрасте до 30 лет, знают только новую Россию. Они готовы сражаться и страдать за новую Россию, как русские и как социалисты. Они так и поступают. Некоторые говорят, что это сделало социалистическое государство; другие — что этому причиной вековая русская традиция. Более проницательные знают, что это результат и того и другого».

Последнее утверждение верно. Роль авангарда, какую играет сейчас Советский Союз, возглавляя борьбу всех прогрессивных сил человечества против гитлеровского фашизма, определили и советский патриотизм, воспитанный за годы советской власти в нашем народе, и вся его героическая история.

В своем обращении к руководству Академии Наук СССР товарищ Сталин поставил перед центром советской науки задачу «возглавить движение новаторов в области науки в развернувшейся борьбе со злейшим врагом нашего народа и других свободолюбивых народов — немецким фашизмом». Он выразил уверенность в том, что советские ученые «в суровое время великой отечественной войны советского народа против немецких оккупантов с честью выполнят свой высокий патриотический долг перед родиной».

Действительно, никогда роль науки в условиях войны не была так велика, как в современной войне моторов и машин. Вся научно-исследовательская и техническая мысль советских ученых в дни великой отечественной войны направлена на то, чтобы создать наиболее эффективное оружие, превосходящее по своим качествам оружие врага. Научные работники всех специальностей и во всех областях напряженно работают для осуществления главной задачи — скорейшего разгрома гитлеризма. Советская наука и ее центр — Академия Наук СССР и все ее институты — в условиях великой отечественной войны выступают как передовая наука, отчетливо понимающая свою обязанность ускорить исторический час гибели злейшего врага человечества — фашизма.

Этой цели служит сейчас и историческая наука в СССР. Она помогает идеологическому вооружению советского народа, разъясняя возвышенные и благородные цели великой отечественной войны как самой справедливой войны в истории. Она разоблачает варварскую

идеологию фашизма. Она показывает, на основе закономерностей классовой борьбы, на основе изучения наших лучших исторических традиций, что «наше дело правое и что победа будет за нами». Последний вывод — не агитационный лозунг, а результат глубокого знания законов истории.

Народы Советского Союза защищают исторически правое дело. Ленин писал о таких исторически прогрессивных войнах: «В истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения... самые варварские в Европе деспотии». [1]

Марксистско-ленинское учение о войнах справедливых и несправедливых основывается на этом положении.

Победа прогрессивных сил, твердо знающих, что они с оружием в руках защищают правое дело, не раз определяла исторические судьбы народов и государств.

Так было в период справедливых войн французской революции, пока Наполеон не превратил их в захватнические и несправедливые. Так — в еще большей мере — было в период гражданской войны в СССР.

Большевики, выступавшие против вовлечения человечества в борьбу за империалистические интересы в период первой мировой войны, призвали к вооруженной защите отечества, как только власть перешла из рук империалистической реакции в руки исторически прогрессивного класса. Ленин писал об этом: «Мы — оборонцы с 7 ноября (25 октября 1917 г.). Мы — за защиту отечества, но та война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество...»[2]

Большевики стали организаторами обороны Советской России в гражданской войне, так как в корне изменился характер войны: трудящиеся Советской страны вели теперь войну освободительную и справедливую — войну за самое существование своего советского отечества, за возможность построить в своей стране социалистическую, свободную и счастливую жизнь, против реакционных сил, стремившихся вернуть нашу страну под власть эксплоататоров.

Ленин и Сталин еще в дни Октябрьской социалистической революции предсказывали, что Советская республика, находящаяся в капиталистическом окружении, должна будет вступить в полосу новой великой отечественной войны против империалистических захватчиков. Проводя твердую и последовательную политику мира, советское правительство одновременно укрепляло обороноспособность нашей родины и давало решительный отпор всяким наскокам со стороны поджигателей войны.

Когда мирный труд народов СССР был вероломно нарушен гитлеровскими ордами, товарищ Сталин не только разоблачил перед всем миром захватнические цели немецко-фашистских империалистов, не только определил возвышенные и благородные цели войны народов Советского Союза, но и показал — на основе глубочайшего познания законов общественного развития — историческую закономерность победы нашего исторически правого дела.

История развития общества и история войн учат, что, несмотря на всю сложность и противоречивость борьбы, в ней всегда можно частное и временное отделить от коренного и решающего.

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 193.

[2] Ленин. Соч., т. XVII, стр. 378.

Ленин на VII Съезде партии с исключительной силой подчеркнул необходимость не упустить в ходе борьбы из виду общей исторической перспективы, чтобы не потеряться в отдельных зигзагах истории.

Для того, говорил Ленин, чтобы в этих зигзагах и изломах истории не затеряться, важно сохранить общую перспективу и ясно видеть красную нить в развитии событий. Это понимание общих закономерностей и перспектив борьбы особенно необходимо, говорил Ленин, «в периоды шагов назад, отступлений, временных поражений, когда нас история или неприятель отбросит назад».

Товарищ Сталин анализом характера, хода и перспектив войны Советского Союза против гитлеровской Германии показал образец творческого применения марксистско-ленинского метода, помогая понять смысл происходящей гигантской борьбы и ее перспективы, независимо от результатов отдельных сражений.

Вместе с тем опыт истории войн говорит о том, что возможностей развития и исхода войны бывает несколько, и от искусства полководца, от уменья, храбрости, стойкости и сознательности армий зависит реализация наиболее благоприятной из этих возможностей.

Таким образом, знание закономерностей общественного развития в условиях великой отечественной войны приобретает исключительное значение. Роль советской исторической науки неизмеримо возрастает, и соответственно повышаются требования к советским историкам, прежде всего в области их методологической вооруженности.

II

Классики марксизма-ленинизма неустанно учили пролетариат тому, что революционная общественная теория является ни с чем несравнимым по своему могуществу оружием. Она позволяет ему осознать свое положение и цели борьбы. Она помогает ему находить себе верных союзников. Она открывает ему слабые, уязвимые места врагов. Она показывает, куда и как двигались классы в прошлом, и помогает понять, куда они могут двинуться в будущем.

Не случайно в истории искали и ищут опоры все идеологи прогрессивных классов общества, и к фальсификации истории прибегают все реакционеры. Не случайно самое возникновение исторической науки связано с периодом восходящего движения буржуазии как класса. Но даже в наиболее творческий период своего существования буржуазия не могла создать для истории прочной методологической основы. Буржуазия не могла ни правильно оценить прошлое развитие человечества, ни понять направление его будущего развития. Она не открыла, следовательно, и возможности научного предвидения.

Историческая наука в XIX в. поставила проблему закономерности исторического развития, но она не разрешила ее, подменив историческую закономерность внешне-причинной связью между историческими событиями. Только основоположники научного социализма Маркс и Энгельс создали и обосновали материалистическое понимание истории и тем открыли «путь к научному изучению истории как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса». [1]

Используя достижения конкретно-исторических исследований, обобщая громадный исторический опыт классовой борьбы на различных этапах развития общества, Маркс и Энгельс выработали свой научный

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 13.

исторический метод и показали блестящие образцы его применения при анализе как прошлых эпох, так и современной им борьбы классов.

После смерти Маркса и Энгельса наступил период, характеризующийся целой полосой господства оппортунизма II Интернационала, представители которого не только не использовали и не развили исторического учения Маркса и Энгельса, но всячески стремились исказить и фальсифицировать исторический и диалектический материализм.

Буржуазная историография Западной Европы в этот период почти совершенно отказалась от попытки формулировать общие законы истории. В лучшем случае она давала накопление сырых фактов либо изображение отдельных сторон исторического процесса. Бессилие буржуазных историков установить законы общественного развития признавали даже сторонники «исторического синтеза», во главе с французским социологом Анри Берром. Труды социологической секции, или так называемой секции «исторического синтеза», Международного конгресса историков в Варшаве в 1933 г. отличались исключительным эклектизмом.

В то же время историки, которые писали в защиту интересов реакционных классов, все более отказывались от объективной исторической науки, от раскрытия в ней каких-либо закономерностей и скатывались на путь прямой фальсификации истории. Быстрое вырождение буржуазной исторической науки произошло в фашистской Германии. «Идейный» предшественник фашистской историографии Шпенглер одним из первых заявил, что история вообще не имеет ничего общего с наукой. «Историк, — писал он, — тем значительнее, чем меньше он принадлежит науке в собственном смысле слова. Над картиной истории господствует не причинность, которая ей совершенно чужда, а судьба».

Этим реакционно-философским покровом Шпенглер прикрыл ту откровенно фальсификаторскую работу, которую проделали гитлеровские «историки», подвергшие «расовому» пересмотру все исторические эпохи и события.

Что касается русской исторической науки досоветской эпохи, то ее лучшие представители сыграли в свое время, несомненно, крупную научную и общественно-прогрессивную роль. Особенно это можно сказать о С. М. Соловьеве. Он стоял не только на уровне, но во многом и выше уровня европейской буржуазной историографии своего времени. Отражая передовые идеи западноевропейской буржуазной науки, в особенности гегельянства, Соловьев стоит в первом ряду русских и иностранных буржуазных историков, ставивших целью установить действительную закономерность развития, показать исторический процесс в целом и объяснить его. Он установил единство исторического развития России и Западной Европы, правильно оценивая внешнеполитические условия и факторы и отказываясь от реакционно-славянофильских утверждений об особой исторической судьбе России и ее резком отличии от остальной Европы.

Если Соловьев не мог освободиться от недостатков своей государственной теории, то в рамках современной ему историографии Соловьев дал громадный толчок для понимания исторического процесса, не говоря уже о том, что его «История России» до сих пор является фундаментальным сводом богатейшего, научно проверенного, конкретного исторического материала, с правильно установленными в значительной своей части историческими оценками и связями.

Новый этап в развитии русской домарксистской исторической науки обозначен работами таких мыслителей, как Чернышевский и Добролю-

бов. Великие русские просветители, последователи передовой философской мысли Западной Европы, были горячими сторонниками историзма. Они отстаивали идею внутренней закономерности исторического развития, оплодотворяя эту идею своими революционно-демократическими, общественно-политическими устремлениями. Но в силу особенностей русской жизни, сформировавшей их мировоззрение, они не могли еще подняться до марксистского понимания истории.

Попытку исторического синтеза, на основе установления фактов экономического развития, сделал и такой яркий и талантливый представитель буржуазной исторической науки, как В. О. Ключевский, деятельность которого протекала на стыке двух исторических эпох. Выйдя из школы Соловьева — Чичерина, под их непосредственным воздействием, Ключевский достиг научной зрелости уже в эпоху широкого распространения марксистского мировоззрения. Несмотря на свой блестящий талант и широкую историческую эрудицию, Ключевский не преодолел противоречий буржуазного экономизма и юридической схемы и оставил без разрешения задачу создания единой концепции.

Его попытка пересмотра исторической схемы Соловьева — Чичерина, с целью внести в нее социальное и экономическое содержание, привела только к эклектизму в его собственной концепции. Попытка нового исторического синтеза с буржуазных позиций потерпела неудачу.

Но будет справедливым отметить, что, несмотря на методологическую непоследовательность, Ключевский имел большое чутье и интерес к народной жизни, к социальным и экономическим проблемам русской истории. Это помогло ему с большой исторической и художественной правдой и проникновенностью изображать прошлое русского народа. Как художник-повествователь, Ключевский превосходит даже таких западноевропейских мастеров исторической прозы, как Маколей. Вместе с тем Ключевский был несомненным историком-патриотом. С большой силой он разоблачал всякие реакционные вымыслы и легенды (которые в европейской литературе нередко выдавались за русскую историю), способствуя правильному представлению о славном историческом прошлом нашей родины.

Следует вообще подчеркнуть, что русские историки еще до Октябрьской революции внесли много нового и ценного в мировую историческую науку своей смелой постановкой и разработкой крупнейших социальных проблем и по всеобщей истории, особенно по истории французской и английской деревни, по истории английской и французской революций и др.

Историк французской революции Жорес, испрашивая в Палате депутатов кредиты на создание комиссии для подготовки и издания экономических документов французской революции, прямо заявил, что русские ученые своими работами по истории французской революции, по истории французского крестьянства и рабочего класса поставили перед французской наукой многие новые проблемы.

Ту же заслугу русской историографии отметил и известный французский ученый Лефевр при защите своей докторской диссертации о французском крестьянстве в Северном департаменте. Он подчеркнул, что во многом его вдохновили блестящие исследования по истории французской деревни русского историка Лучицкого.

В европейскую историографию вошли многие серьезные исследования таких крупнейших историков и археологов, как Бартольд, Городцов, Виноградов, Кареев, Ковалевский, Латышев, Марр, Петрушевский, Пресняков, Савин, Тарле, Тураев и многие другие.

Вторая половина XIX и начало XX в. характеризуются наступле-

нием кризиса буржуазной исторической науки. Проблемы закономерности, историзма, прогрессивности и т. п. постепенно сходят на-нет, сменяются внешне-юридическими схемами, эклектикой и, наконец, полным отказом искать какие-либо законы истории. Например, Милюков во введении ко второму тому «Очерков по истории русской культуры» признал неудачу таких попыток создать методологию истории и даже отрицал самую возможность установления закономерности в истории.

Прочную научно-методологическую базу для своего дальнейшего развития историческая наука в России получила только со времени развития марксистского материализма. Первым развил и обосновал материалистические взгляды на историю Г. В. Плеханов. Борясь против идеалистических взглядов народников, Плеханов написал ряд марксистских книг, на которых «воспиталось целое поколение русских марксистов» (Ленин). В особенности большое значение имела книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изданная в 1895 г. В ней Плеханов дал систематическое изложение Марксовой теории исторического материализма, подчеркнув единство и закономерность исторического процесса. Но в своих исторических работах, в частности в «Истории русской общественной мысли», Плеханов не сумел преодолеть зависимости от буржуазной исторической науки и ее методологии.

В его исторических работах мы встречаем нередко взгляды, стоящие в полном противоречии с им же самим развитыми основными принципами исторического материализма.

Не преодолели этой зависимости от буржуазной методологии в вопросах истории и Н. А. Рожков и М. Н. Покровский, хотя они и считали себя марксистами.

Как в многотомной работе Рожкова «Русская история в сравнительно историческом освещении», так и в четырехтомнике Покровского «Русская история с древнейших времен», и особенно в его «Русской истории в самом сжатом очерке», общая концепция исторического процесса исходит из позиций «экономического материализма», а не из марксистской теории диалектического материализма.

Особое место в развитии исторической науки занимает Покровский. Выйдя из исторической школы Ключевского, он в период подготовки первой русской революции сблизился с марксизмом и стал на путь борьбы с буржуазной идеологией.

Но на путь радикального пересмотра своей собственной исторической концепции Покровский не стал. Его взгляды на историю как науку, на единство исторического процесса и его закономерность исходили не из марксистско-ленинской теории исторического материализма, а из вульгарной интерпретации марксизма экономическими материалистами.

Изучение исторического процесса в работах Покровского переходило в голое социологизирование. В его истории действовали не живые, конкретные исторические личности, а абстрактные схемы. Отсюда — тот нигилизм в отношении великих личностей, их действий и идей, который так характерен в работах самого Покровского и который принес такой вред развитию исторической науки в работах историков «школы» Покровского.

Только Ленин дал исторической науке твердую методологическую основу, развив дальше и применив к истории России основы исторического и диалектического материализма, открытые Марксом и Энгельсом. Внеся в качестве научного критерия идею диктатуры пролетариата, Ленин показал, что вся тематика в области исторической науки

неизбежно и непосредственно связана с интересами и задачами революционной борьбы рабочего класса.

В своем труде «Развитие капитализма в России» Ленин дал классическую характеристику феодального, крепостнического, барщинного хозяйства и его определяющих признаков. Общую характеристику феодального хозяйства и хронологические грани феодального периода Ленин определил также и в работе «Что такое друзья народа».

В ряде работ Ленин показал процесс эволюции феодальной системы, ее постепенное разложение и зарождение в ее недрах капиталистических отношений. В этой связи Ленин прослеживает весь процесс внутреннего развития капитализма в России, начиная от образования всероссийского рынка в XVII в.

В своей лекции «О государстве» и в ряде статей, посвященных «крестьянской» реформе, Ленин отметил ту экономическую и социальную эволюцию, которую пережил государственный строй России.

В статье «К деревенской бедноте» Ленин дал характеристику классовой борьбы крестьянства как движущей силы феодально-крепостнической эпохи.

Ленин обогатил историческую науку и своими оценками характера и сущности «крестьянской реформы» 1861 г. как буржуазной (и, следовательно, объективно-прогрессивной) реформы, но проведенной руками крепостников. Такой характер реформы, как показал Ленин, определил особенности развития в России капитализма и империализма.

Из всестороннего анализа русской истории во второй половине XIX в. выросло ленинское учение о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве России — «прусском» и «американском». На этом же научном фундаменте оформилась и ленинская теория «военно-феодального империализма», учение Ленина о гегемонии пролетариата в русской революции, о революционной роли русского крестьянства, о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, об условиях победы диктатуры пролетариата, о победе социализма в одной стране.

Ленин внес в сокровищницу мировой науки свое учение об империализме как последней стадии капитализма, в дальнейшем обогащенное новым историческим опытом, обобщенным товарищем Сталиным.

Ленин и Сталин показали также место царской России в системе мирового империализма. Характеризуя царскую Россию как страну, сравнительно отсталую, придавленную массой крепостнических пережитков, Ленин вместе с тем указывал, что нельзя говорить об абсолютной отсталости России. Место царской России — среди стран «средне-слабых» в мировой экономике империализма.

Развитые Лениным и Сталиным взгляды на экономическое содержание военно-феодального империализма имели исключительное значение для правильного понимания особенностей классовой борьбы и развития революции в России.

Мировая война 1914—1918 гг., как и русско-японская война, показали гнилость царизма, его неспособность вывести Россию на путь свободного, независимого и прогрессивного развития. Мировая война стала всесильным «режиссером» и могучим «ускорителем» новой революции. Царская Россия оказалась слабым звеном в мировой империалистической цепи, которая прорвалась уже в феврале 1917 г. в результате победы Февральской буржуазно-демократической революции.

Короткий период господства русской буржуазии между февралем и октябрем 1917 г. не принес России выхода из того тупика, в который

загнали ее русский царизм и контрреволюционная буржуазия. В силу сплетения интересов царизма и империализма, в России накопилось так много горючего материала, что он должен был привести к новой революции. Победа Октябрьской социалистической революции открыла новую эру мировой истории. Такова, в общих чертах, та глубоко научная концепция исторического развития России, которую дал в своих трудах Ленин.

Таким образом, «Ленин применил марксизм к российской действительности и применил его мастерски».[1] Он поставил историческую науку на прочный научный фундамент, показав единство исторического процесса и закономерную смену общественно-экономических формаций.

Дальнейшее развитие ленинизма в истории является научной заслугой И. В. Сталина.

Его статья 1904 г. «Как понимает социал-демократия национальный вопрос», брошюра 1905 г. «Вскользь о партийных разногласиях», статьи 1906—1908 гг. в грузинской прессе и его классическая работа «Марксизм и национальный вопрос», вышедшая в 1913 г., продолжали и развивали марксистско-ленинскую общественно-историческую теорию в применении к конкретным условиям России,

Особенно большое значение имела гениальная работа товарища Сталина, посвященная национальному вопросу. В полном соответствии со взглядами В. И. Ленина, товарищ Сталин дал разработку вопроса о возникновении наций и о создании государственных образований нового типа в разные исторические эпохи.

Громадным вкладом в историческую науку были и другие исторические работы товарища Сталина, особенно его статьи и речи по истории революций 1905 и 1917 гг., по истории гражданской войны, по истории советского государства.

Исторические работы Ленина и Сталина и развитая в них методология положили начало новому, ленинскому этапу в развитии исторической науки в СССР.

III

Победа Октябрьской социалистической революции дала новый угол зрения на прошлое и заставила, как это предвидел Энгельс, писать всю историю сызнова. Советская власть создала небывалую еще материальную базу для мощного расцвета советской исторической науки. В ходе гигантской перестройки всех общественных отношений возрастал и интерес масс к истории.

Уже первое десятилетие советской власти отмечено большими достижениями советской исторической науки. Октябрьская социалистическая революция выдвинула важнейшие вопросы истории классовой борьбы и революционного движения в России, истории большевистской партии и пролетарской диктатуры, истории отдельных народов нашей страны.

Октябрьская революция широко открыла доступ к новым историческим документам и привлекла кадры новых молодых советских ученых. На этой почве выросла широкая работа по публикации исторических источников и по разработке на местах истории народов СССР. В то же время велась активная работа советских ученых, направленная против устарелых традиций буржуазных историков, по разъяснению новых путей советской исторической науки. В этом и заключается непосредственное значение этой первой эпохи в создании советской исторической науки.

---

[1] Сталин. Об основах ленинизма, стр. 2, изд. 11-е.

Но в первый период развития исторической науки, с 1917 по 1924 г., почти на всех участках исторического фронта были еще живучи идеалистические или вульгарно-материалистические взгляды на историю. Руководство исторической наукой зачастую находилось в руках людей, далеких от марксизма. Научно-исследовательские учреждения и университетские кафедры истории возглавлялись нередко активными антимарксистами. Старые буржуазные историки иногда в своих трудах и лекциях открыто наступали на марксизм и высказывались против пролетарской диктатуры. В форме исторических исследований они вели на идеологическом фронте такую же упорную борьбу с пролетарской революцией, какую вела вооруженная буржуазно-помещичья контрреволюция на фронтах гражданской войны.

По окончании гражданской войны, когда ставка буржуазии на военный разгром пролетарской диктатуры оказалась битой, буржуазная историческая наука пыталась исторически обосновать неизбежность перерождения советской власти на рельсах нэпа. Такие идеологи буржуазии, как Устрялов, Милюков, Суханов и другие, «доказывали» историческую неизбежность перерождения советской власти и реставрации капитализма. Именно эту идею развивал, например, Милюков в своей работе «Россия на переломе».

Вместе с буржуазными апологетами, которые в своих исторических работах пытались обосновать неизбежность развития нашей страны по буржуазному пути, против возможности победы социализма в нашей стране выступили троцкисты и бухаринцы, подвергнув фальсификации историю революций 1905 и 1917 гг.

Во второй период, когда партия перешла в решительное наступление против последнего капиталистического класса — кулачества, борьба на историческом фронте обострилась. Между буржуазными историками Западной Европы и враждебными марксизму историками, работавшими в СССР, установился единый антимарксистский фронт. Усилилась вредительская идеологическая работа буржуазных националистов. Так, например, на Украине протаскивались «теории», пущенные в ход австрийским шпионом Яворским и группкой украинских нацдемов, — о буржуазии как движущей силе революции на Украине, о гегемонии кулачества в революционном движении, о первенстве национальной борьбы над классовой борьбой и т. п. Такие же нацдемовские теорийки протаскивались и в исторической литературе советской Белоруссии. Среди историков-востоковедов дискутировалась идея «мирного врастания феодализма в социализм». В дискуссии по вопросу о значении «Народной воли» историки СССР обсуждали вопросы о преемственности ленинизма от крестьянского, утопического социализма.

Подобного рода «теории» представляли собою попытку исторического «обоснования» правооппортунистических теорий, идеализирующих мелкого производителя в тот решающий период, когда партия возглавила борьбу против последнего капиталистического класса — кулачества. Под флагом исторических дискуссий по вопросу о характере революции 1905 г., о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую, о финансовом капитале в России, о двойственном характере Октябрьской революции, об историческом значении «Народной воли», о феодализме и крепостничестве в России как особых общественных формациях и т. п. на деле проводились троцкистские и бухаринские «идейки», имевшие целью «исторически» показать невозможность победы социализма в нашей стране.

Политический смысл этой борьбы на историческом фронте заключался в том, что умирающие эксплоататорские классы попытались закрепиться на основных идеологических позициях, в особенности на фронте исторической науки.

Борьба с идеологическими извращениями за подлинный марксистско-ленинский путь развития исторической науки, определение основных путей ее развития и ее конкретных задач, консолидация кадров советских историков — характеризуют в основном новый этап в развитии советской исторической науки. Если первый период пересматривал и создавал новый материал для советской исторической науки, то второй этап давал для его изучения и освоения прочную научно-политическую и методологическую марксистско-ленинскую базу.

В известном выступлении на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. товарищ Сталин потребовал от работников теоретического фронта преодолеть ту отсталость, которая была характерна не только для историков.

Осенью 1931 г. было опубликовано замечательное письмо товарища Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» — «О некоторых вопросах истории большевизма». Оно сигнализировало о серьезной опасности протаскивания, под флагом истории, контрабанды троцкизма, дававшего мировой буржуазии идейное оружие в ее борьбе против пролетарской диктатуры. Товарищ Сталин потребовал от историков, чтобы они не только не предоставляли трибуны клеветникам и фальсификаторам истории, но чтобы они вели беспощадную борьбу и с гнилым либерализмом в вопросах теории. Он призывал советских историков развернуть положительную, творческую работу и особенно поставить дело изучения истории нашей партии на научные большевистские рельсы. Письмо товарища Сталина обязывало историков к усилению революционной бдительности на теоретическом фронте, особенно в связи с новыми методами классового врага, стремившегося незаметно проникнуть и разложить ряды строителей социализма.

В решении ЦК ВКП(б) и Совнаркома от 16 мая 1934 г. были указаны крупные недостатки и в деле преподавания. Учащимся, под видом истории, преподносились абстрактные определения общественно-экономических формаций, изложение гражданской истории подменялось отвлеченными социологическими схемами.

На основании решения ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о развитии исторического образования в составе университетов были открыты исторические факультеты. Перед ними ставилась задача подготовки новых квалифицированных кадров марксистски образованных историков.

Сильнейшим тормозом для дальнейшего развития исторической науки являлись антимарксистские и антинаучные взгляды «школы» Покровского. Подменяя объективное историческое познание и изучение конкретного развития истории абстрактными схемами и бесплодными антинаучными социологическими концепциями, «школа» Покровского задерживала разработку гражданской истории на основе марксистско-ленинской методологии. Более того, эта «школа» наносила прямой вред делу воспитания молодых поколений в духе советского патриотизма. Она игнорировала изучение героических традиций великого русского народа и не вооружала молодежь чувствами любви к своей родине и ненависти к ее врагам.

В августе 1934 г. товарищами Сталиным, Кировым и Ждановым бы-

ли написаны «Замечания по поводу конспектов учебников» по истории СССР и по новой истории, порученных коллективам нескольких авторов. Представленные авторами конспекты учебников были подвергнуты в «Замечаниях» самой резкой критике. В то же время в них были даны важнейшие методологические указания по всем узловым вопросам истории. Эти указания стали большевистской программой для дальнейшего развития исторической науки в СССР. В критических замечаниях на конспекты учебников по истории товарищи Сталин, Киров и Жданов исходили из того, что народные массы в СССР должны знать научно-объективную, гражданскую историю человечества, которая научит их понимать движение классов, вооружит их знанием законов и перспективы общественного развития.

Крайне важна для исторической науки та часть критических замечаний товарищей Сталина, Кирова и Жданова, которая посвящена вопросу о прогрессивности того или иного общественного явления. Многие историки, например, не усвоили марксистского понимания прогрессивности капитализма по сравнению с феодализмом и вообще с предшествующими ему формациями. Они видели в капитализме лишь разрушительную сторону и нередко сбивались на мелкобуржуазную критику капитализма.

Исключительную ценность представляют указания товарищей Сталина, Кирова и Жданова, касающиеся истории СССР. Нельзя изучать историю нашей страны только как историю России, точнее Великороссии. Необходимо в ней учесть историю многочисленных народов, ныне объединенных в тесную семью народов Советского Союза. Но вместе с тем история СССР не должна превратиться в историю отдельных народов. Она должна быть цельной и единой историей СССР, взятой в целом. Народы нашей страны еще и в дооктябрьскую эпоху имели много общего в своей исторической судьбе. Три крупнейших народа — русский, украинский и белорусский имели общее государственное начало в лице Киевского государства. Они связаны близостью языка и культуры, общностью исторических судеб. Все народы России испытывали общий гнет царизма и объединяли свои силы для борьбы с ним. Они прошли вместе через три величайшие революции и построили невиданное в истории, свободное и могучее, многонациональное социалистическое государство.

Нельзя, вместе с тем, рассматривать историю СССР вне связи ее с историей общеевропейской и мировой.

В «Замечаниях» подчеркивалась необходимость всестороннего изображения конкретного исторического процесса развития СССР, охватывающего все многообразие различных явлений жизни народных масс, историю внутренней и внешней политики государства, историю развития культуры, науки, искусства и т. п.

Однако, несмотря на исчерпывающие методологические указания, сделанные товарищами Сталиным, Кировым и Ждановым на конспекты учебников, в представленных после этого учебниках содержались серьезные недостатки.

3 марта 1936 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) постановили организовать конкурс на лучший учебник для 3-х и 4-х классов средней школы по истории СССР.

Указания партии и лично товарища Сталина помогли историческому фронту развернуть необходимую самокритику и начать борьбу за преодоление недостатков и ошибочных положений, вытекавших из антинаучной, антиисторической, антимарксистской методологии Покровского. Представленные в 1937 г. на конкурс учебники по истории

СССР свидетельствовали об известном положительном сдвиге в этом направлении.

Настоящим праздником для всего исторического фронта явился выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)», составленного под руководством и при непосредственном участии товарища Сталина. Являясь высоким образцом подлинно научного, глубоко идейного исторического произведения, «Краткий курс истории ВКП(б)» имел громадное значение для всего исторического фронта.

Неоценимое методологическое значение имела и имеет для историков всех специальностей написанная товарищем Сталиным глава этого учебника, посвященная диалектическому и историческому материализму. В ней с исключительной ясностью и глубиной дано определение исторической науки, ее задач и целей.

Первейшей задачей исторической науки товарищ Сталин считает изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества. Отсюда вытекает определение основ человеческой истории: «...История развития общества есть, прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей». [1]

Требуя от исторической науки изучения материальных основ общества, товарищ Сталин передвигает центр внимания историков-марксистов в сторону изучения прежде всего действий самих производителей материальных благ, т. е. истории трудящихся масс. Вместе с тем товарищ Сталин подчеркивает необходимость изучения организующей роли передовых идей в общественном развитии.

Основой марксистско-ленинского учения об истории общества является учение об общественно-экономических формациях. Продолжая и развивая учение Маркса, Энгельса и Ленина об общественных формациях, сталинские характеристики основных особенностей первобытно-общинного строя, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической формаций дают историкам в сжатой и концентрированной форме точное и полное раскрытие закономерностей развития общественных формаций. Без знания этих указаний не может обойтись ни один историк, какой бы эпохой и какими бы конкретными вопросами он ни занимался.

Товарищ Сталин требует от историков правдивого и точного освещения событий, предупреждая против приукрашивания истории, против упрощенчества и вульгаризации. Товарищ Сталин учит историков творческому марксизму, который не укладывается в застывшие формулы и в раз навсегда данные положения, а растет и развивается вместе с жизнью.

В замечательной статье «О Ленине» товарищ Сталин говорит о двух группах марксистов, методы работы которых диаметрально противоположны: «Первая группа обычно ограничивается внешним признанием марксизма, его торжественным провозглашением, не умея или не желая вникнуть в существо марксизма, не умея или не желая претворить его в жизнь. Она живые и революционные положения марксизма превращает в мертвые, ничего не говорящие формулы. Свою деятельность она основывает не на опыте, не на учете практической работы, а на цитатах из Маркса. Указания и директивы черпает она не из анализа живой действительности, а из аналогий и исторических параллелей». [2]

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», гл. IV.

[2] Сталин. О Ленине.

Вторая группа марксистов, наоборот, переносит центр тяжести вопроса от внешнего признания марксизма на его претворение в жизнь, намечает пути и средства осуществления марксизма соответственно обстановке: «Директивы и указания черпает эта группа не из исторических аналогий и параллелей, а из изучения окружающих условий. В своей деятельности опирается она не на цитаты и изречения, а на практический опыт, проверяя каждый свой шаг на опыте, учась на своих ошибках и уча других строительству новой жизни».[1]

По поводу одной из статей Энгельса по внешней политике, товарищ Сталин писал в своем письме в редакцию журнала «Большевик», что эта статья ошибочна, ибо Энгельс не учел изменившейся обстановки в России и в Германии в конце XIX в., что в это время нельзя было уже считать царизм последним оплотом реакции в Европе. Это письмо товарища Сталина особенно ценно, как указание на то, каков должен быть истинно научный, творческий и свободный подход исследователя к изучаемым вопросам.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды» осуждается изображение истории партии как сплошного пути побед, без каких бы то ни было временных поражений и отступлений. История — гораздо более сложный диалектический процесс, в котором даже прогрессивные классы не только побеждают, но временами терпят поражения, не только наступают, но и отступают. Это постановление имело огромное методологическое значение для развития исторической науки.

Товарищ Сталин предостерегает историков против упрощенных исторических параллелей и аналогий, требуя умелого использования их для извлечения уроков истории или для сопоставления различных по времени событий, чтобы резче подчеркнуть *различную историческую* обстановку.

Сталинские указания, касавшиеся как общеметодологических проблем, так и отдельных конкретных вопросов истории, стали основой решительного перелома на фронте исторической науки. В то же время исторические работы самого товарища Сталина являлись для историков образцом конкретного марксистско-ленинского анализа исторических событий. Результатом плодотворного влияния сталинских указаний было вооружение советских историков крепким методологическим оружием марксизма-ленинизма.

С 1936—1937 гг. советская историческая наука, опираясь на достижения предшествующих лет, быстро двинулась вперед. Этот третий период ее развития отмечен рядом синтетических работ, и прежде всего созданием учебников по всем историческим дисциплинам.

Новые советские учебники являлись не просто популяризацией ранее накопленных фактических материалов, но определенным творческим итогом достижений советской исторической науки.

Работа над учебниками дала возможность выдвинуть и поставить перед историками целый ряд проблем, еще недостаточно изученных, и подойти к освещению новых периодов в истории, ранее не подвергавшихся монографическому исследованию.

IV

Только марксистско-ленинская историческая наука дала научно обоснованную периодизацию мировой истории. В ее основе лежит разработанное Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным учение об

[1] *Сталин*. О Ленине.

общественно-экономических формациях с его важнейшей идеей — о диктатуре пролетариата. Ленинская периодизация новой истории, изложенная с особенной четкостью в таких работах Ленина, как «Исторические судьбы учения Карла Маркса» (1913 г.), «Август Бебель» (1913 г.), «Под чужим флагом» (1915 г.), была продолжена и развита товарищем Сталиным. Он указал три важнейших периода в развитии новой истории: первый — от буржуазной революции во Франции XVIII в. до франко-прусской войны и Парижской Коммуны — период победы и утверждения капитализма в передовых странах Европы; второй — от франко-прусской войны и Парижской Коммуны до победы Октябрьской революции в России и окончания первой мировой войны, — это период упадка капитализма и его свержения в СССР в результате Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества; третий период — это период послевоенного империализма и общего кризиса в капиталистических странах, период победы социализма в СССР.

В понимании классиков марксизма-ленинизма понятие «эпоха», в основном, должно совпадать с понятием «общественно-экономическая формация». В статье Ленина «Под чужим флагом» даются основные черты больших исторических эпох и объективные условия перехода от одной эпохи к другой:

«...В каждой эпохе бывают и будут отдельные, частичные движения то вперед, то назад, бывают и будут различные уклонения от среднего темпа движений. Мы не можем знать, с какой быстротой и с каким успехом разовьются отдельные исторические движения данной эпохи. Но мы можем знать и мы знаем, *какой класс* стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д. Только на этой базе, т. е. учитывая в первую голову основные черты различия разных «эпох» (а не отдельных эпизодов истории отдельных стран), можем мы правильно построить свою тактику; и только знание основных черт данной эпохи может послужить базой учета более детальных особенностей той или иной страны».[1]

Разработка товарищем Сталиным периодизации всеобщей истории не ограничивается дальнейшим развитием марксистско-ленинского учения о формациях. Товарищ Сталин показал процесс *ускорения* человеческой истории. Каждая новая, более прогрессивная ступень в истории общества на практике доказывает преимущества своего социально-экономического и политического устройства по сравнению с предыдущей.

В декабре 1926 г. на VII расширенном пленуме ИККИ товарищ Сталин мастерски нарисовал картину смены одного общественного порядка другим и объяснил *факт* ускорения темпов развития истории: «Для того, чтобы феодальная система хозяйства доказала свое превосходство над рабской системой хозяйства, на это ушло, кажется, около двухсот лет... Да иначе и не могло быть, так как темп развития был тогда страшно медленный, а техника производства была более чем примитивна.

Для того, чтобы буржуазная система хозяйства доказала свое преимущество над феодальной системой, на это ушло что-то около ста лет или того меньше. Уже в недрах феодального общества буржуазная система хозяйства показала, что она стоит выше, много выше, чем феодальная система хозяйства. Разница в сроках объясняется

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 107—108.

тут более быстрым темпом развития и более развитой техникой буржуазной системы хозяйства».[1]

Капитализм гигантски ускорил развитие производительных сил общества. Его «техника обнаружила небывалые успехи, а темп развития стал прямо бешеный».

Социализм, уничтожающий противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, ликвидирующий кризисы, безработицу, эксплоатацию человека человеком, накопления и непроизводительные расходы паразитических классов, строящий плановое хозяйство на базе высокой техники и культуры и действительно свободного труда, сможет доказать свое превосходство над капитализмом в еще более короткие сроки, чем капитализм по отношению к феодализму.

Товарищ Сталин дал ряд принципиальных указаний, касающихся также и периодизации СССР. В отличие от Западной Европы, где капитализм пришел на смену трем минувшим формациям — первобытно-общинной, рабовладельческой и феодальной, Советский Союз вступил в пятую социально-экономическую формацию — социализм.

Это указание товарища Сталина раздвигает хронологические грани истории народов СССР по крайней мере на 1500—2000 лет. Буржуазная русская историография, как известно, обычно ограничивалась исторической справкой о событиях в Восточной Европе, предшествующих образованию Киевской Руси.

История народов, живших в Восточной Европе и Азии до образования славянских государств, нередко рассматривалась как нечто постороннее славянскому государству, не имеющее «права» на самостоятельное существование.

Товарищ Сталин обратил внимание советских историков на необходимость изучения и описания истории древнейших государств, культура которых основана на эксплоатации рабов, вроде государства Урарту в Закавказье, Бактрии и Согдианы в Средней Азии, государства скифов в Восточной Европе и т. п.

На смену рабовладельческому строю и рабовладельческим государствам пришел феодальный строй, который возник у различных народов нашей родины не одновременно. Феодальный строй доказывал свое преимущество по сравнению с рабовладельческим в течение длительного периода. В этот переходный период сохранялись старые и возникали новые отношения. Товарищ Сталин требовал поэтому более четкого разграничения дофеодального и феодального строя.

В развитии русского феодализма устанавливаются теперь более отчетливые грани между периодом феодальной раздробленности и периодом феодально-самодержавного строя.

При Иване III уже создается Русское национальное государство, а при Иване IV «собирание» земель завершается, и оформляется централизованное Русское государство.

Созданная Петром I империя помогла укрепить феодально-абсолютистское государство XVIII в. Его наиболее полно представляет царствование Екатерины II.

XIX век проходит под знаком развития капитализма и последовательной ликвидации крепостного права.

Развитие капитализма после реформы 1861 г., вступление России в конце XIX и начале XX в. в эпоху империализма, русско-японская война и буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг., первая

[1] «Ленин и Сталин». Сб. «К изучению истории ВКП(б)», т. III, стр. 193—194.

мировая империалистическая война и Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г., Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г., гражданская война и интервенция, переход к мирному хозяйственному строительству, периоды борьбы за социалистическую индустриализацию, коллективизацию, за завершение строительства социализма в СССР — таковы основные этапы периодизации истории СССР XIX—XX вв.

В известном письме товарища Сталина к составителям учебника по истории ВКП(б) дана замечательная периодизация истории партии, которой теперь руководствуются и историки СССР при изучении эпохи XIX и XX вв.[1]

Глубокий сталинский анализ всех основных ступеней истории человеческого общества и всесторонняя характеристика реального прогресса, достигаемого каждой ступенью в жизни человечества, составляют замечательный вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма, значение которого огромно не только для исторической науки, но и для всех наук, связанных с изучением истории человеческого общества. Данная товарищем Сталиным периодизация основных фаз истории человеческого общества представляет глубокую методологическую основу для конкретных исторических исследований всех разделов исторической науки.

V

Какие основные проблемы стояли перед советской исторической наукой за истекшие 25 лет и какими достижениями отмечает она знаменательную годовщину Великой Октябрьской социалистической революции?

На этот вопрос отвечает все содержание нашего юбилейного сборника. Задачей настоящей статьи является подведение лишь общих итогов, их краткая характеристика и оценка.

Советская историческая наука поставила ряд новых проблем и помогла по-новому подойти к разработке многих старых. Так, по-новому была поставлена проблема социально-экномического развития общества в свете марксистско-ленинского учения о социально-экономических формациях. Перед советской исторической наукой возникла задача конкретной разработки целых новых эпох в развитии человечества — эпохи империализма и пролетарских революций и эпохи социалистического строительства в Советском Союзе. По-новому поставлена задача изучения истории отдельных народов Советского Союза, о которых буржуазная историография лишь упоминала как о народах «без истории», а также проблема изучения истории колониальных и зависимых народов во всем мире.

Это только крупнейшие новые исторические проблемы, изучать которые советские историки начали в особенности после ликвидации антимарксистской и антиисторической «школы» Покровского.

Изданные Институтом истории АН СССР два сборника «Против исторической концепции М. Н. Покровского» конкретно вскрыли ошибки и извращения этой антимарксистской «школы». Авторы статей в сборниках не ограничились одной критической работой. Они привлекли значительный новый материал и на основании его показали, в чем заключались отступления от марксизма-ленинизма «школы»

---

[1] «К изучению истории», стр. 29—31. Партиздат, 1937.

2*

Покровского по крупнейшим проблемам, стоящим перед историческим фронтом.

Непосредственным результатом этого перелома было появление марксистских учебников для начальной, средней и высшей школы. Так, в результате большой предварительной критической и творческой работы целых коллективов советских историков появились, наконец, учебники по истории СССР: «Краткий курс истории СССР» под редакцией чл-корр. АН СССР А. В. Шестакова, учебник по истории СССР для средней школы, написанный коллективом авторов — С. В. Бахрушиным, К. В. Базилевичем, А. В. Фохт и А. М. Панкратовой, под редакцией последней; учебники по истории СССР для вузов, по истории СССР до XIX в., под редакцией акад. Б. Д. Грекова, чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина и проф. В. М. Лебедева, а также по истории СССР XIX в., под редакцией проф. М. В. Нечкиной. Подготовлен также, хотя еще и не вышел в свет, учебник по истории СССР XX в. и советского периода, под редакцией чл.-корр. АН СССР И. И. Минца. Вышел в свет и учебник по истории СССР для неисторических факультетов, под редакцией М. Н. Тихомирова и А. В. Шестакова. В настоящее время идет подготовка к изданию второго тома этого учебника, который должен быть доведен до наших дней.

Необходимо также отметить появление целого ряда университетских курсов по истории СССР. Среди них наиболее значительными можно признать курсы проф. К. В. Базилевича в Высшей партийной школе, курс истории Октябрьской революции и гражданской войны И. И. Минца (там же), курс истории Русского государства В. В. Мавродина в Ленинградском университете и т. п. По истории народного хозяйства России написал учебник для вузов проф. П. И. Лященко. Большую работу проделали советские историки в области историографии и источниковедения: можно отметить труды Н. Л. Рубинштейна, О. Л. Вайнштейна, А. И. Андреева, М. Н. Тихомирова, С. А. Никитина.

Столь же значительны результаты и по созданию учебников по всеобщей истории. Появились учебники (для средней школы): по истории древнего мира — проф. А. В. Мишулина, средних веков — чл.-корр. АН СССР Е. А. Косминского, новой истории — чл.-корр. АН СССР А. В. Ефимова. Находится в печати вторая часть учебника по новой истории, посвященная периоду 1871—1918 гг., под редакцией проф. Л. И. Зубока и проф. В. М. Хвостова. Для вузов написаны учебники: по истории древнего Востока — акад. В. В. Струве; Греции и Рима — проф. В. С. Сергеевым; средних веков — коллективом во главе с проф. А. Д. Удальцовым; новой истории (две части) — группой историков, во главе с акад. Е. В. Тарле.

Новой и оригинальной работой является учебник по истории колониальных и зависимых стран, написанный группой историков, во главе с проф. С. Н. Ростовским. В настоящее время заканчивается вторая часть этого учебника.

Вслед за этим началась работа над капитальными трудами обобщающего характера — по многотомной «Истории СССР» и такой же многотомной «Всеобщей истории».

В качестве несомненных достижений исторического фронта надо отметить также довольно интенсивную разработку истории отдельных народов нашей страны. К числу таких работ относятся прежде всего учебники по истории Украины, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Уз-

бекистана, которые либо уже вышли в свет, либо подготовляются к выходу из печати.

Большое научное значение имеет работа, развернувшаяся за последние годы в Секретариате «Истории гражданской войны». Появление несколько лет назад первого тома «Истории гражданской войны», посвященного периоду подготовки Октябрьской социалистической революции, было большим событием на историческом фронте. Этот том, в редактировании которого принял непосредственное участие товарищ Сталин, дал образец высоконаучного исследования, написанного в живой и увлекательной форме. В настоящее время находится в печати второй том этого замечательного труда, посвященный победе Великой Октябрьской социалистической революции.

Большой интерес вызвало появление первого тома «Истории дипломатии», под редакцией В. П. Потемкина. Эта работа была написана коллективом историков: В. С. Сергеевым (дипломатия древнего мира), Е. А. Косминским, С. Д. Сказкиным и С. В. Бахрушиным (дипломатия феодальной эпохи), А. В. Ефимовым, А. Л. Нарочницким, Е. В. Тарле и В. М. Хвостовым (дипломатия в новое время в 1789—1871 гг.). Являясь итогом работы историков во всех направлениях, эта работа означала несомненный успех в с е й исторической науки. Она была удостоена Сталинской премии. В настоящее время подготовлен уже второй том этого труда, охватывающий историю дипломатии с 1871 по 1939 г.

По инициативе покойного ныне, великого пролетарского писателя А. М. Горького, были предприняты широкие массовые издания, такие, как «История гражданской войны в СССР», «История фабрик и заводов», серия исторических романов и т. п.

Годы после победы Великой Октябрьской социалистической революции ознаменовались таким громадным ростом интереса к истории, какого не знает ни одна страна. Достаточно отметить участие в создании важнейших трудов по истории не только специалистов-историков, но и самых широких народных масс. Так, например, в создании таких трудов, как «История гражданской войны» и «История фабрик и заводов», принимали фактическое участие герои гражданской войны, стахановцы — создатели новых форм труда в наших социалистических предприятиях. Многие тысячи воспоминаний, биографий и автобиографий, заметок и отдельных очерков поступили от рабочих-авторов и от участников гражданской войны в Главную редакцию этих изданий и были использованы при составлении отдельных монографий и публикаций.

Можно также указать и на тот факт, что в обсуждении предварительных макетов учебников по истории участвовали многие сотни советских учителей, учащейся молодежи. Каждая книга по истории, если она представляет научную ценность, немедленно расходится, и в каком угодно тираже. За такими трудами, как «Краткий курс истории ВКП(б)», первый том «Истории гражданской войны», первый том «Истории дипломатии», у книжных магазинов выстраивались очереди. Авторы исторических учебников или популярных среди советских читателей исторических трудов получают обычно множество писем с запросами, пожеланиями, советами читателей, которые самым активным образом помогают авторам в улучшении вышедшей из печати исторической работы.

Эта особенность советского читателя ко многому обязывает и советского писателя, в том числе и историка. Политическое значение каждой вышедшей в свет исторической работы тем самым значительно повышается. Достижения советских историков на фронте

исторической науки, однако, нельзя еще признать достаточными, чтобы удовлетворить громадные потребности советского народа, идейные запросы которого непрерывно растут.

VI

Одним из проявлений небывало возросшего интереса к истории являлось значительное расширение в СССР музейной сети. Музеи основывались после Октябрьской революции буквально в каждом городе и даже во многих крупных селах. Многие из них стали местными научно-вспомогательными краеведческими центрами. Большую роль музеи сыграли в деле археологического исследования СССР. Археология перестала быть уделом небольшого круга узких специалистов. Изменились и задачи археологического исследования. Советские археологи особенно активно ведут свои полевые работы — разведки и раскопки с целью более полного и конкретного воссоздания прошлого народов СССР, в отношении которых сохранилось мало документального материала. Стали выходить монографические исследования и сводные труды, подытоживающие достижения в отдельных областях археологии СССР. Особенно значительны были археологические открытия за последние годы в Закавказье и в Средней Азии, а также на Украине, где советские археологи успешно изучали раннеземледельческую трипольскую культуру. На первое место среди достижений в области археологии несомненно можно поставить труд проф. Д. А. Куфтина «Археологические раскопки в Триалети», удостоенный Сталинской премии. Проф. Куфтину удалось подойти к освещению сложной проблемы об этнической принадлежности открытого им древнего культурного очага, связанного с ранними судьбами предков грузинского народа на фоне древневосточного мира.

Следует также отметить научные достижения проф. С. П. Толстова в области изучения бронзы Средней Азии и громадное научное значение раскопок палеолитической стоянки Тешик-Таш, произведенных Окладниковым в Средней Азии.

Постановления партии и правительства о преподавании истории в школах СССР и выступления товарища Сталина, в частности его высказывания о революции рабов (на съезде колхозников в 1933 г.), легли в основу новых монографических исследований по истории древнего мира. Таковы работы акад. С. А. Жебелева «Последний Перисад и восстание на Боспоре», проф. А. В. Мишулина «Спартаковское восстание» и «Революция рабов и падение Римской республики», проф. Машкина «Агностики» и др.

Крупнейший ученый нашей страны, заслуженный деятель науки акад. С. А. Жебелев, недавно умерший в Ленинграде, занимал в области изучения истории древнего мира особенно значительное место. Ученый большой эрудиции и широкого кругозора, он создал целую школу молодых исследователей, которые своими специальными трудами внесли большой вклад в историю Кавказа и Причерноморья в античную эпоху.

Исследования акад. В. В. Струве и других ученых разоблачили научно не обоснованную и политически вредную теорию об «азиатском» способе производства на древнем Востоке и вскрыли рабовладельческий характер древневосточного общества.

Особое значение для историков древнего мира имели достижения советской лингвистики. Работы акад. Н. Я. Марра, создавшего новое учение о языке, дали мощное исследовательское орудие в руки наших

ученых. Опираясь на яфетидологию, советские историки поставили изучение проблемы этногенеза древневосточных народов. Пользуясь материалами языковедения и топонимики, акад. М. Джавахашвили выдвинул интересную теорию об исконном родстве между скифо-сарматскими, древнекартвельскими и хетто-халдскими племенами. Таким образом, в его постановке раскрывается проблема включения древнейших племен Кавказа в круг великих исторических народов древнего Востока. К несомненным достижениям в области изучения истории Кавказа надо отнести исследования акад. Манандяна о Тигране II.

Достижения отдельных историков древнего мира были подытожены и учтены при подготовке Институтом истории АН СССР томов «Всемирной истории», посвященных древнему Востоку и античному миру.

Следует особо отметить успешную работу советских арабистов, под руководством акад. И. Ю. Крачковского. Дореволюционная арабистика интересовалась в основном русско-арабскими и византийско-арабскими отношениями. С 1917 г. положение в этой научной дисциплине в корне изменилось. Вопросы арабской культуры и история арабов стали в центре внимания исследователей. Огромный интерес вызвала дешифровка и изучение бронзовых табличек с сабейскими надписями, относящимися приблизительно к началу нашей эры. В 1937 г. Парижская Академия включила эти памятники в очередной выпуск «Репертуара семитской эпиграфики» как прочное достояние науки.

В первые годы после революции известный востоковед В. Бартольд издал три небольшие книги: «Ислам», «Культура мусульманства» и «Мусульманский мир». Эти три книги имели большое научное значение, так как автор использовал в них неопубликованные материалы и выводы многих своих ненапечатанных исследований.

Большой интерес для науки представляет исследование И. Винникова о Магомете в свете этнографических данных. Серьезный труд по истории халифата написан А. Якубовским, который отвел большое место анализу социально-экономических отношений того времени.

Высокую оценку получили в международной научной печати советские нумизматические работы, особенно по изучению арабских монет. Большие успехи были достигнуты и в области эпиграфики. Если раньше она ограничивалась изданием и переводом надписей, то теперь научный уровень в области эпиграфики значительно повысился: издания подобного рода сейчас сопровождаются обстоятельным палеографическим и филологическим комментарием. Таково, например, издание арабских стэл первых веков ислама, хранящихся в собраниях Академии Наук СССР. Это издание признано образцовым, и им пользуются для палеографических целей специалисты всего мира. Палеографическое исследование было применено и при изучении арабских папирусов в Ленинграде и Москве. По содержанию эти папирусы представляют большой научный интерес для изучения административной и экономической истории раннего арабского Египта.

Такое же значение имеют памятники арабской эпиграфики, находящиеся в советских коллекциях. Работа по их систематизации и изучению значительно продвинулась вперед. Советские арабисты были приглашены к участию в международном издании «Репертуара арабской эпиграфики», выходящем в Каире. Советские работы в этой области вошли в мировой научный обиход.

В тесной связи с этими работами находится исследование арабских источников по истории СССР. Ряд исследований советских арабистов посвящен анализу арабских источников по истории СССР. Таковы, на-

пример, работы П. Жузе о движении Бабека, исследование А. Якубовского о походе руссов на Бердаа и др.

Следует отметить инициативу акад. Крачковского по изучению истории литературы и письменности арабов и в особенности по новой арабской литературе. Именно ему принадлежит заслуга поворота арабистики к изучению современной живой арабской литературы. Изданная в 1928 г. хрестоматия произведений новой арабской литературы принята в качестве учебного пособия в целом ряде университетов мира. Арабская Академия в Дамаске напечатала в своем органе статью акад. Крачковского о методах и задачах изучения новой арабской литературы. Не менее важное значение имеет советское монголоведение. Как научная дисциплина оно основано преимущественно трудами русских ученых. До революции монголы были лишь объектом изучения. После победы Октябрьской революции советские монголы стали активными участниками социалистического строительства. В Бурят-Монгольской автономной республике создан Государственный институт языка, литературы и истории, издающий ценные труды в области национальной литературы и истории. Тесные политические и культурные связи СССР с Монгольской народной республикой являются мощным фактором в развитии советского монголоведения. Центральное место в этой области знания занимают работы крупнейшего специалиста акад. Б. Владимирцева. Из исторических его работ надо отметить монографию о Чингис-хане. Акад. Владимирцеву принадлежит ряд первоклассных изданий монгольских текстов и их исследование, а также работы в области монгольской литературы, фольклора и языка.

Что касается изучения истории средних веков в СССР, то и здесь советские историки могут подвести вполне положительные итоги. Опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма, советские медиевисты стали на путь широкого изучения конкретной истории средних веков. Следует выделить ту работу, которая проводилась по проблемам «предистории» средневековья. Работы советских ученых показали, что потуги фашистских «историков» изобразить германцев как организаторов и руководителей складывавшегося средневекового общества не имеют под собой научного основания.

Как известно, сторонники «расовой теории» объявляют германцев и германский элемент носителями государственности и культуры во всем мире. Разработка проблемы этногенеза германцев под руководством чл.-корр. АН СССР А. Д. Удальцова привела к противоположному взгляду на роль древних германцев. Последние никогда не играли решающей роли в том процессе обновления разлагающегося рабовладельческого мира, какую им приписывают расисты. Исследования советских историков А. И. Неусыхина, О. Л. Вайнштейна и др., касающиеся проблемы общественного строя древних греманцев и этнической базы варварских государств, подтверждают этот общий вывод.

Большое место в исследованиях советских историков средних веков занимали проблемы социально-экономического характера. Горячо дискутировался вопрос о том, можно ли расширить понятие средневековья на весь период господства феодализма.

В соответствии с этим возник вопрос о том, можно ли историю английской буржуазной революции отнести к истории средневековья или к началу истории нового времени. В результате дискуссии договорились начинать период новой истории историей английской революции.

Результатом активного интереса к экономической истории средневековой Европы, и в особенности к истории Англии, явились уже исследования акад. Д. М. Петрушевского.

Труды покойного А. Н. Савина, посвященные истории английской деревни в XVII в., явились началом целого ряда новых конкретных и детальных исследований, которые были проведены учениками Петрушевского и Савина. Проблемами аграрной истории Англии особенно много занимался чл.-корр. АН СССР Е. А. Косминский, автор монографии «Английская деревня в XIII в.». Проблемам английской революции посвящены работы покойного историка И. Л. Попова-Ленского, а также В. Ф. Семенова, Н. П. Дмитриевского, В. М. Лавровского и др. Проблему аграрных отношений в период раннего средневековья разрабатывает проф. Н. П. Грацианский, автор монографии «Бургундская деревня».

Выдающийся исторический интерес и политическое значение имеют последние работы Н. П. Грацианского по истории заэльбских славян, их вековой борьбы против германского наступления на восток. Проблемой французского абсолютизма и народных крестьянских движений занимаются проф. С. Д. Сказкин, Б. Ф. Поршнев и др. Следует отметить интересные работы ленинградских историков: Арского—«История Каталонии» и Розенберга — «Мюнстерская коммуна».

Советским историкам принадлежит заслуга серьезного изучения истории Византии, представляющей исключительную важность для изучения не только общей истории, но и истории народов СССР. Крупнейшее влияние византийской культуры на культуру России, Грузии, Армении, Крыма побуждает советских историков не только возобновить прекратившуюся, под влиянием «школы» Покровского, византиноведческую работу в СССР, но и значительно ее расширить. На этом участке выделяются работы крупнейшего ученого Ф. И. Успенского. Перу молодого советского византиноведа М. В. Левченко принадлежит вышедшая в 1940 г. «История Византии». Наибольший интерес советские историки проявляют к проблеме Византии и славянства. Оживленно обсуждается и изучается вопрос о роли славянства в переходе от античности к средним векам. Советские историки показали, что славяне Восточной Европы обновили своим варварством, своей общиной разлагающийся строй рабовладельческой империи. Этим в корне опровергаются измышления фашистских «историков», которые приписывают одним германцам творческую роль в создании общественного строя средних веков.

Переходя к оценке проблем в области новой и новейшей истории, необходимо отметить ту большую и плодотворную работу, которая велась советскими историками в области социально-экономической истории Европы и Америки.

В особенности велик был интерес советских историков к истории французской революции. При изучении этого громадного исторического поворота советские историки руководствовались высказываниями классиков марксизма-ленинизма, направлявших внимание советских исследователей по правильному пути. Ленин и Сталин подчеркивали, что среди буржуазных революций французская революция 1789 г. была самой последовательной и решительной, сумевшей поднять на защиту своих завоеваний широкие народные массы. Но по сравнению с Великой Октябрьской социалистической революцией французская революция обнаруживает всю свою буржуазную ограниченность. В беседе с немецким писателем Э. Людвигом товарищ Сталин подчеркнул историческую ограниченность французской революции, хотя буржуазия с известным правом считает ее своей великой революцией. «Октябрьская революция, — говорил товарищ Сталин, — не является ни продолжением, ни завершением Великой французской революции. Целью

французской революции была ликвидация феодализма для утверждения капитализма. Целью же Октябрьской революции является ликвидация капитализма для утверждения социализма».

За 25 лет советские ученые, руководствуясь указаниями классиков марксизма-ленинизма, опубликовали большое количество книг и статей, в которых по-новому разрешаются основные проблемы и отдельные вопросы из истории французской буржуазной революции конца XVIII в. Особенно возрос интерес к изучению этой эпохи в связи с исполнившимся 14 июля 1939 г. 150-летним юбилеем революции. В СССР этот юбилей был отмечен подготовкой капитального труда «Французская буржуазная революция 1889—1894 гг.», под редакцией акад. В. П. Волгина и акад. Е. В. Тарле. Крупнейшие советские вузы — Ленинградский университет, а также Московский институт философии и литературы издали юбилейные сборники статей, посвященные французской буржуазной революции.

В целях углубленного изучения идеологии эпохи французской революции, в советское время были переведены впервые на русский язык или переизданы в новых и исправленных переводах труды выдающихся мыслителей XVIII в. — Вольтера, Гельвеция, Гольбаха, Дидро, Кондильяка, Кондорсе, Мабли, Монтескье, Робине, Руссо, Тюрго. Также переведены на русский язык работы Жореса, Олара и других историков французской революции.

Вопросам идеологии французской буржуазной революции и предреволюционной эпохи посвятил свои работы акад. В. П. Волгин. В его «Очерках по истории социализма», и в особенности в новом, дополненном издании этой книги, вышедшем в 1935 г., анализируются социально-политические идеи социалистов-утопистов XVIII в. В книге Волгина «Социальные и политические идеи во Франции перед революцией» (1748—1789 гг.), вышедшей в 1940 г., автор дает характеристику основных течений социально-политической мысли предреволюционной Франции. Большой интерес представляют исследования Ф. В. Потемкина по истории Лионского восстания 1830 г. и по истории промышленного переворота во Франции.

Проблемам экономики, классовой борьбы и идеологии французской революции посвящены и многие работы акад. Е. В. Тарле. Его монография «Жерминаль и Прериаль», вышедшая в 1936 г., и биографические монографии «Талейран» и «Наполеон» являются блестящими исследованиями, основанными на большом количестве новых материалов и источников.

Книга «Наполеон» — одна из самых распространенных и популярных исторических работ: она переведена на восемь иностранных языков и с интересом читается во всем мире. В СССР, кроме книги «Наполеон», большой популярностью пользуется книга Тарле «Нашествие Наполеона на Россию».

Новая монография Тарле «Крымская война» вышла в свет в Ленинграде в первый год отечественной войны. Написанный на основе широкого использования архивных материалов, первый том этого капитального исследования посвящен преимущественно истории дипломатических отношений, а также того внутреннего положения России, какое определило военные неудачи царизма. Красочно и ярко написанная, работа Тарле является несомненным достижением советской исторической науки. Знаменательно, что эта работа печаталась в самое тяжелое время осады Ленинграда немецко-фашистскими варварами. Ленинградские печатники прислали автору волнующее письмо о тех условиях, в которых она печаталась:

«Книга редактировалась и издавалась в осажденном городе Ленинграде, в суровую военную зиму 1941/42 г.

Голодные и измученные рабочие-печатники вручную крутили печатные машины, так как не было электроэнергии.

Некоторые рабочие падали у машины, будучи истощенными от недоедания, но, отдохнув немного, снова подымались и продолжали работу.

Переплеталась книга под гул артиллерийской канонады. Враг обстреливал город.

Доставлялась книга в Москву окольными путями, с многочисленными перегрузками, а в пути были использованы почти все виды транспорта (автомашины, катера, поезд и самолет)».

Новой областью советской исторической науки является изучение истории колониальных и зависимых народов. Впервые марксистские историки рассматривают историю народов Ближнего, Среднего и Дальнего Востока как субъекты истории. В Институте истории концентрируются кадры специалистов, изучающих новую историю народов Востока. Среди их трудов можно назвать работы по истории Китая — проф. Г. Н. Войтинского, Г. С. Кара-Мурза, по истории Турции — А. Ф. Миллера, по истории Индокитая и Индонезии — А. В. Губера, по истории Индии — проф. И. М. Рейснера и др.

К достижениям в области новой и новейшей истории относится издание большого количества документальных публикаций. В первую очередь издавались произведения классиков марксизма-ленинизма. В СССР находится лучшее в мире собрание рукописей Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Институт Маркса — Энгельса — Ленина в Москве, музей Ленина в Москве, институты и музеи Сталина в Тбилиси и Баку, историко-революционные музеи, созданные во всех республиках и крупных центрах нашей страны, заботливо собирают, берегут, изучают и разрабатывают документы и материальные памятники, освещающие в совокупности развитие в России революционного движения.

Капитальнейшие издания подлинных текстов гениальных трудов Маркса и Энгельса имеют исключительно важное научное значение. На основе этого громадного литературного наследства советские историки, а также научные работники других специальностей могут и должны изучать развитие научного социализма, историю международного рабочего движения, историю классовой борьбы в XIX в. и процесс формирования теории научного коммунизма, созданной Марксом и Энгельсом.

Вторая группа документальных публикаций по содержанию представляет главным образом документы по истории международных отношений за самые различные периоды. Громадный интерес к истории дипломатии и развитию международных отношений характеризует нашу страну с первых дней Октябрьской социалистической революции.

Советские публикации занимают первое место среди источников по изучению дипломатической подготовки первой мировой войны и являются самым солидным документальным источником для изучения дипломатической истории самой войны в Европе.

Кроме публикаций официальных документов, из которых важнейшими являются публикации под общим названием «Международные отношения в эпоху империализма», в Советском Союзе уделяется большое внимание исследовательской работе по истории международных отношений. Прежде всего необходимо указать на наличие большого Института мирового хозяйства и мировой политики при Академии Наук СССР, руководимого акад. Е. Варгой. В этом институте работают

видные советские ученые, специально изучающие международные отношения в эпоху империализма и в период первой и второй мировых войн. Большое внимание этим проблемам уделяется также и Институтом истории АН СССР.

В последние годы советские историки написали несколько важных работ по истории первой и подготовке второй мировой войны. Кроме второго тома «Истории дипломатии», под редакцией В. П. Потемкина, подготовлены исследования акад. Ф. А. Ротштейна по истории империализма, работа проф. Б. Е. Штейна и проф. А. А. Трояновского «Внешняя политика СССР», проф. Ф. О. Нотовича «Очерки дипломатической борьбы в годы первой мировой войны», проф. И. Лемина «Внешняя политика Англии от Версаля до Локарно», проф. Е. Жукова «История японской военщины», проф. Л. Иванова «Подготовка и первые итоги второй мировой войны на море» и ряд других.

Большую научную ценность представляет работа коллектива историков «Первая мировая война 1914—1918 гг.», представляющая один из томов «Всемирной истории». В составлении этого тома принимали участие наиболее известные историки-международники.

Подводя итоги достижениям в области истории нового и новейшего времени, необходимо констатировать все же, что действительно серьезных исследований и капитальных работ в области истории новейшего времени пока еще очень мало. Единственной общей работой по новейшей истории (1918—1939 гг.) является давно законченный, но до сих пор не вышедший в свет учебник для вузов, написанный проф. Л. И. Зубоком. Подготовленные исследования, а также защищенные диссертации по истории послевоенного периода пока еще не увидели света. Перед Институтом истории АН СССР и перед кафедрами наших руководящих вузов стоят в этой области две неотложные задачи: 1) создать группу квалифицированных специалистов-исследователей по истории новейшего времени, — для этой цели необходимо также в ближайшее время создать в ряде вузов специальные кафедры по новейшей истории; 2) обеспечить в ближайшие годы изучение наиболее актуальных проблем по истории новейшего времени и выпустить ряд серьезных исследований. В первую очередь необходимо завершить подготовку и издание тех томов «Всемирной истории», которые посвящены новейшей истории.

Переходя к подведению итогов советской историографии в области истории СССР, необходимо отметить большое количество исследований и документаций, вышедших преимущественно за последние годы.

Ни одна узловая проблема не оставлена без внимания советскими историками, хотя не все проблемы еще достаточно конкретно разработаны. Историки СССР активно занимались проблемами генезиса отдельных народов, а также проблемами основных этапов развития феодализма в России. Научное внимание советских историков привлекали также и другие проблемы социально-экономического развития России: зарождение буржуазных связей на ряду с формированием русского национального рынка и складыванием русского национального государства; проблема финансового капитала и военно-феодального империализма в России; история массовых народных движений и особенно история крестьянских движений; история рабочего движения, история социал-демократии в России, история большевистской партии, история революций 1905 и 1917 гг., история гражданской войны и последующих этапов в развитии Советского государства и т. п.

Все эти новые вопросы выдвигаются советскими историками и по-новому разрабатываются на основе глубокого и конкретного

изучения новых документов и материалов в свете марксистско-ленинской методологии.

В первую очередь необходимо указать на результаты разработки проблем, связанных с историей феодализма в Киевском государстве, которой больше всего занимались С. В. Бахрушин и Б. Д. Греков. Бахрушин разрабатывал проблему дофеодального периода и показал значение территориальной общины (марки). Главная научная заслуга акад. Грекова заключается в точном установлении им того, что восточные славяне непосредственно перешли от общинно-родового строя к феодальному, минуя рабовладельческую формацию. В связи с выяснением вопроса о социально-экономическом строе Киевской Руси, Греков приложил много труда и усилий для изучения характера переходного периода в истории восточных славян от общинно-родового строя к феодальному. Этот переходный период принято сейчас называть дофеодальным периодом. Он характеризуется господством территориальной общины (марки), в недрах которой постепенно «вызревают» феодальные отношения. На этой базе и вырастает Киевское государство, крупное международное значение которого вскрыто, в соответствии с указаниями Маркса, в работах Грекова. По мнению последнего, Киевское государство было не первой государственной организацией в Приднепровье, — ему предшествовали более древние политические объединения. Одним из крупных достижений Грекова является установление им на конкретном материале того, что Киевское государство и в социальном и в культурном отношении стояло не ниже аналогичных варварских государств Западной Европы. Очень интересна небольшая монография Грекова, посвященная военной организации восточных славян и военному делу в Киевской Руси.

В работах Б. Д. Грекова «Очерки по истории феодализма в России» и С. В. Юшкова «К вопросу о развитии крепостного права в Московском государстве», а также в книге последнего «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси», несмотря на наличие в них ряда спорных и не вполне выясненных вопросов, проблема изучения феодализма и крепостничества в России была поставлена на прочную базу конкретного исследования в свете марксистско-ленинских указаний о феодальной формации и ее важнейших этапах.

Много сделано Грековым и по истории русского крестьянства начиная с древнейших времен. Он уточнил понятия смерда, закупа, рядовича, упоминаемых в «Русской Правде». В результате этих исследований ему удалось доказать, что уже в Киевской Руси, на ряду со свободными смердами-общинниками, существовали группы смердов, зависимых от землевладельцев. Так же скрупулезно изучает Греков и последующую эволюцию феодальной зависимости крестьянства.

При этом следует отметить одну из крупных научных публикаций под редакцией акад. Грекова — «Русскую Правду». Эта работа вносит в метод изучения источников много нового и ценного.

В связи с историей крестьянства необходимо отметить новое исследование чл.-корр. АН СССР А. И. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.» Работа основана на вновь открытом и основательно изученном Яковлевым наследии Холопьего приказа, затерянного среди столбцов Оружейной палаты, хранившихся в Троицкой кремлевской башне и мало доступных до революции для исследователей.

Исследование вскрывает социальный смысл и происхождение кабального холопства, отдельных норм холопьего права и их приложения к реальной, житейской практике.

Проблемы феодализма и крепостничества привлекли большое внимание советских историков.

Значительный и все возрастающий интерес вызвала среди советских историков проблема образования Русского национального государства в связи с образованием всероссийского рынка. Этой проблеме уделяли и уделяют внимание довольно большое количество историков — А. Е. Пресняков, С. В. Бахрушин, К. В. Базилевич, Ю. В. Готье, С. Б. Веселовский, И. И. Смирнов, В. В. Мавродин и др. С. В. Бахрушин положил начало изучению проблемы всероссийского рынка целым рядом исследований («Торги гостя Никитина» и др.). Проблема образования в XVII в. всероссийского рынка разрабатывается также и проф. К. В. Базилевичем. Его исследования «Торговля В. Устюга в XVII в.», «Крупное торговое предприятие в Московском государстве в XVII в.», «Борьба за русский рынок и коллективные челобитья купечества в первой половине XVII в.», а также особая монография, посвященная денежной реформе царя Алексея Михайловича, конкретно прослеживают процесс образования и развития внутреннего рынка, образования промышленных центров на базе мелкого ремесленного производства, характер товарооборота между городом и деревней, развитие экономических связей между городами, рост общественного и географического разделения труда, накопление купеческого капитала, столкновения крупного купечества с иностранными торговцами (англичанами и голландцами), стремившимися овладеть русским рынком. Базилевичу удалось найти ряд не известных ранее челобитен русского купечества, обращавшегося к правительству с просьбой о защите от иностранной конкуренции. От изучения торговли и производства в первой половине XVII в. Базилевич перешел к изучению государственного строя и классовой борьбы в XVII в.

В ряде исследований, в учебниках, в научно-популярных работах Бахрушин выясняет те исторические условия, которые позволили объединительным силам одержать полную победу над системой феодальной раздробленности. Его небольшая научно-популярная работа об Иване Грозном, а также вновь переработанный труд об Иване IV проф. Виппера по-новому ставят вопрос о положительной роли этого царя в создании Русского централизованного государства, опровергая установившуюся традицию осуждения и отрицательной оценки его деятельности на основании его жестокой расправы со своими противниками. Иван Грозный, как впоследствии Петр Великий, был не более жестоким, чем другие государственные деятели той эпохи. Прогрессивное значение борьбы этих государственных преобразователей с политическими противниками заключалось в том, что они «варварскими методами», по выражению Ленина, боролись с варварством и вели Русское государство по пути укрепления и включения его в круг великих, передовых держав своего времени. Из капитальных трудов, посвященных роли Петра в истории, нужно отметить большое исследование покойного проф. М. М. Богословского, а также ленинградского ученого Н. А. Воскресенского. Последний многие годы своей жизни посвятил работе по подготовке и изданию документов по истории государственной деятельности Петра I. Н. А. Воскресенский предпринял, казалось бы, непосильные для единичного исследователя розыски в государственном, сенатском и других архивах и обнаружил множество петровских бумаг-автографов, никем ранее не использованных. Результаты этих трудов составили восьмитомное издание документов о государственной деятельности Петра, опровергающих установив-

шееся после Милюкова мнение о стихийном характере законодательной деятельности Петра, о влиянии на нее иностранцев и т. п.

Изучением эпохи Петра занимались и многие другие советские историки. Следует отметить, в частности, работы проф. В. И. Лебедева, посвященные социальным движениям при Петре I, а также разработку истории массовых народных и революционных движений, которой советские историки активно занимались (работы М. В. Нечкиной, В. И. Лебедева, М. Н. Тихомирова, П. П. Смирнова, К. В. Базилевича и др.). Особенный интерес советские историки проявляли к изучению истории декабристов (М. В. Нечкина, Н. М. Дружинин, А. В. Предтеченский, Б. Е. Сыроечковский и др.).

Изучение истории отдельных народов, с каждым годом принимающее все более широкие размеры, является целиком заслугой советской историографии. Историческая наука дореволюционной России занималась преимущественно историей великороссов. Советские историки, особенно после замечаний Сталина, Кирова и Жданова, резко изменили эту старую традицию.

Необходимо отметить в этом отношении работы С. В. Бахрушина, С. А. Токарева, Н. Н. Степанова, А. П. Окладникова по истории Сибири. Ими в сущности положено начало изучению истории малых народов Сибири, считавшихся до тех пор народами без истории. Работы Бахрушина дали большой толчок для появления аналогичных исследований, вышедших из-под пера более молодых историков. Следует отметить при этом ценные сборники по истории народов Сибири — «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.» (сост. С. Б. Окунь) и «Сборник материалов по истории Бурятии XVIII в. и первой половины XIX в.» (под редакцией Гирченко), а также издания Института востоковедения «Материалы по истории Бурят-Монголии».

На помощь историкам пришли археологи и лингвисты. В творческом содружестве советских ученых удалось значительно продвинуть изучение истории народов Средней Азии и Закавказья. По изучению народов Кавказа много было сделано акад. Н. Я. Марром и его ближайшими учениками. Новые факты в области изучения древнейшего населения Кавказа позволили установить автохтонность местных национальных культур и опровергнуть теорию миграции, постоянных переселений, как решающего фактора происхождения этих культур.

Из работ по истории народов Кавказа нового времени необходимо указать ценные исследования доктора исторических наук С. К. Бушуева — «Борьба горцев Кавказа за независимость» и «Международные отношения в период завоевания Кавказа 1801—1864 гг.».

По истории осетинского народа Североосетинский научно-исследовательский институт издал книжку Г. Кокиева «Осетины во второй половине XVIII в. по наблюдениям путешественника Шредера» и сборник документов «Материалы по истории осетин».

Большого развития и расцвета достигла советская историческая наука в республиках Закавказья — Грузии, Армении и Азербайджане. Достаточно назвать всем известные имена крупнейших ученых — академиков Манандяна, Джавахашвили, Хачапуридзе, проф. И. П. Петрушевского и др. Естественным результатом научных достижений и быстрого роста научных кадров в Грузинской ССР явилось создание Грузинской Академии Наук.

Таким же показателем роста общей культуры и науки в советских республиках стало создание Украинской и Белорусской академий наук. Мирная и успешная работа их была временно прервана варварским нашествием немецко-фашистских захватчиков, огнем и мечом

истребляющих замечательные достижения национальной культуры в этих советских республиках. Статьи, помещенные в настоящем сборнике, характеризующие изучение истории Украины и Белоруссии, несмотря на сжатость изложения, дают полное представление о той кипучей творческой работе, которая проводилась советскими историками в Белорусской и Украинской академиях наук. Достаточно указать, что, например, в УССР после преодоления национал-демократического направления «школы» Грушевского, после разоблачения вредителя Яворского и его окружения, развернулась продуктивная работа советских историков, результатом которой было издание «Очерков истории Украины», написанных молодыми исследователями Г. Гуслистым, Ф. Я. Ястребовым и акад. М. Н. Петровским. Исследование Петровского, посвященное освободительной войне украинского народа против шляхетской Польши и истории присоединения Украины к России в 1654 г., является серьезным трудом, написанным на основе указаний Сталина, Кирова и Жданова, требовавших изучать историю не только Великороссии, но и других братских народов.

Украинская Академия Наук в настоящее время находится вдали от своей родины, захваченной немецко-фашистскими оккупантами. Тем не менее она продолжает вести большую научную работу, целиком подчиняя ее задачам отечественной войны.

То же можно сказать и относительно работы советских историков Белоруссии. Крупнейший из них — В. И. Пичета, обстоятельная статья которого помещена в настоящем сборнике, возглавил работу большого коллектива молодых советских историков, написавших накануне войны два тома истории Белоруссии. Многие из подготовленных уже работ не могли увидеть свет из-за начавшейся войны. Но работа Белорусской Академии Наук не прекратилась. К 25-летнему юбилею Октябрьской социалистической революции подготовлена монография М. Богданова «Минский совет в 1917 году».

Новым и значительным достижением советской исторической науки является широко поставленное советское славяноведение.

Досоветская славянская историография давала мало общих работ по истории славянских народов, хотя среди них имеются ценные монографии (например, труды Срезневского, Ламанского, Макушева). Представители дворянского и буржуазного славяноведения находились нередко под влиянием реакционного славянофильства. Первой серьезной научной работой, опубликованной после Октябрьской революции, была «История западных славян» М. К. Любавского. В ней дана социально-политическая история прибалтийских славян, чехов и поляков. Однако работа Любавского, при всех ее достоинствах, не ставила по-марксистски историю экономических и социально-политических отношений в Польше, Чехии и других западнославянских странах.

Только советская славистика поставила изучение славяноведения на марксистские рельсы. Работа проф. З. Р. Неедлы «История славяноведения до XVIII в.», исследование чл.-корр. АН СССР В. И. Пичета, посвященное критике и разбору славяноведения в дореволюционное время, большой труд акад. Н. С. Державина, касающийся общего славяноведения, а также ряд других общих и специальных работ по истории западных и южных славян дали новое направление советскому славяноведению. Советские слависты особенное внимание уделяют изучению проблем этногенеза славянства, истории древнейшего социально-экономического быта славян, отношений Византии и славян и образования славянских государств. В настоящее время сектор славяноведения в Институте истории АН СССР, руководимый В. И. Пичета,

подготовил сборник «Борьба славян против германской агрессии», а также ряд отдельных очерков по истории славянских государств — Югославии, Чехословакии, Болгарии, Польши и др.

За последние годы среди советских историков усилился интерес к исследованию проблем советского периода. К сожалению, советская историческая наука не дала еще ни одной общей исследовательской работы, которая показала бы процесс создания и деятельности Советского государства за 25 лет. Единственным образцом марксистского исследования истории советского периода является пока «Краткий курс истории ВКП(б)». В этой работе, а также в ряде докладов товарища Сталина, особенно в замечательном докладе его на XVIII Съезде партии, и в труде «Об основах ленинизма» показаны основные фазы развития Советского государства.

На основе общих указаний товарища Сталина историкам предстоит показать конкретно и во всем объеме, как победила советская власть в СССР и как было создано новое, небывалое еще в истории Советское государство.

Первые шаги к созданию такого рода исследования сделаны главной редакцией «Истории гражданской войны», опубликовавшей уже два тома, посвященных истории Великой Октябрьской социалистической революции.

Редакция «Истории гражданской войны» за несколько лет ее существования создала кадры квалифицированных историков, специализирующихся по истории советского периода. Во главе этого коллектива и всей работы по истории Великой Октябрьской социалистической революции, истории гражданской войны и ныне по истории великой отечественной войны стоит чл.-корр. АН СССР И. И. Минц. Он является автором многих работ по истории Октябрьской революции и гражданской войны, а также редактором большого количества документальных публикаций, подготовленных и изданных Главной редакцией «Истории гражданской войны». Особенно значительны и важны сборники документов, посвященные истории военно-революционных комитетов и их роли в организации вооруженного восстания, а также сборники по истории борьбы с германскими оккупантами на Украине, истории героической обороны Царицына, обороны Петрограда, борьбы за Перекоп и т. п.

Из советских историков, специализировавшихся по истории гражданской войны, можно назвать прежде всего д-ра исторических наук Э. Б. Генкину, автора монографии «Борьба за Царицын в 1918 г.», а также другого автора истории обороны Царицына — В. А. Меликова, написавшего исследование «Героическая оборона Царицына». Из серьезных монографий по истории гражданской войны следует отметить исследования д-ра исторических наук И. М. Разгона, посвященные героической борьбе народов Северного Кавказа и роли Кирова и Орджоникидзе в этой борьбе.

Уже во время войны при Академии Наук СССР создана специальная комиссия по собиранию и разработке документального материала по истории великой отечественной войны. Несмотря на короткий срок своего существования, эта комиссия подготовила ряд документальных сборников по истории обороны Москвы, а также по истории отдельных, наиболее прославившихся частей Красной Армии.

Так, подготовлены книги по истории 1-й танковой гвардейской бригады, 1-й гвардейской стрелковой дивизии, 12-го гвардейского истребительного авиационного полка, а также по истории дивизии народного ополчения. Интересен сборник «Мы слышали Сталина» —

рассказы и воспоминания бойцов, слышавших по радио историческую речь товарища Сталина 6 ноября 1941 г. Этой же комиссией подготовлен сборник о разгроме Ясной Поляны — усадьбы-музея великого писателя Л. Н. Толстого — немецко-фашистскими варварами.

Советские историки развернули в дни великой отечественной войны большую работу по разоблачению германского фашизма и его империалистической идеологии и разбойничьей практики.

Помимо огромного количества статей в газетах и журналах, посвященных великой отечественной войне и героическому прошлому русского народа, следует отметить большое число научных и популярных брошюр и книг, написанных для разъяснения характера и целей нашей отечественной войны против гитлеровской Германии, как самой справедливой войны в истории.

Следует, в частности, указать работы товарищей Ярославского, Александрова, Митина, Минца и др., которые подытоживают исторический смысл и опыт нашей отечественной войны, ее отдельных этапов и форм. В особенности привлекает историков разработка истории партизанского движения в прошлом и обобщение опыта партизанской борьбы в настоящем. В частности, Институт истории сдал в печать сборник, посвященный истории партизанской борьбы на Западе, и заканчивает другой сборник, обобщающий партизанское движение в истории освободительных войн России.

Героическому прошлому нашей родины также посвящено большое количество книг и брошюр. Мужественные образы наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова, Кутузова и других стали особенно популярными после исторического выступления товарища Сталина на военном параде 7 ноября 1941 г.

В связи с 700-летием Ледового побоища в ряде университетских городов и республик были организованы научные сессии, посвященные историческому разгрому «псов-рыцарей» на льду Чудского озера русской ратью во главе с одним из первых русских полководцев — Александром Невским. Стоит отметить тот горячий отклик среди фронтовиков, какой встретила, например, одна из таких научных сессий. Так, на имя президиума научной сессии исторического факультета Московского университета от имени бойцов и командиров, защищавших родную псковско-новгородскую землю, была прислана приветственная телеграмма о том, что мужественная борьба наших великих предков и ее геройские традиции живы в сердцах воинов Красной Армии и вдохновляют их на новые воинские подвиги за полное освобождение нашей родины от немецко-фашистских разбойников.

«С берегов седого Ильменя и древней Ловати бойцы, командиры и политработники шлют советским историкам свой боевой привет. Гитлеровские фрицы все больше испытывают на себе мощь и сокрушительность славных ударов потомков воинов Александра Невского. Зажатая в стальные тиски, 16-немецкая армия последовательными ударами наших частей истребляется. Немецко-фашистские полчища фон Буша постигнет та же участь, что и орду псов-рыцарей фон Валка 700 лет тому назад. Они получат «Ледовое побоище». Желаем вам плодотворной работы. Ковалевский, Рожков № 1425».

Президиум сессии ответил:

«Ваш боевой привет из пределов древней земли Новгородской звоном оружия прозвучал на сессии московских историков. В этом привете мы видим проявление живого единства между работниками науки и бойцами героической Красной Армии, разящей обовшивевших

потомков псов-рыцарей. Попытка немецких захватчиков окончится таким же поражением, как и 700 лет назад: «На том стоит и стоять будет русская земля.»

Будем помнить слова нашего великого вождя товарища Сталина: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Президиум: Ефимов, Минц, Панкратова».

Особо надо остановиться на проблемах, связанных с историей большевистской партии и Коминтерна. Громадное ленинское наследство, разработка которого все более и более привлекает внимание советских историков, а также труды товарища Сталина являются тем гранитным фундаментом, на котором строится подлинно научное изучение истории Всесоюзной коммунистической партии. Громадное значение такой работы видно из того факта, что делу создания истории партии уделил большое внимание лично товарищ Сталин. Под его непосредственным руководством и при его ближайшем участии был создан «Краткий курс истории ВКП(б)». Среди историков, много и плодотворно работающих по истории большевистской партии, необходимо на первое место поставить акад. Е. М. Ярославского. Широко и всесторонне образованный историк, акад. Ярославский свое основное внимание уделяет истории трех революций в СССР и истории большевистской партии. Он был одним из основных авторов и одним из редакторов «Краткого курса истории ВКП(б)», написанного под руководством товарища Сталина. Его краткие, но исключительно ценные работы, посвященные жизни и деятельности Ленина и Сталина, являются книгами, по которым учатся миллионы советских людей.

Громадным вкладом в историю большевизма явилась работа товарища Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Эта книга положила начало документальному исследованию жизни и деятельности товарища Сталина, с которым тесно связана история большевистских организаций Закавказья.

Вопросами истории партии много занимался покойный историк В. Быстрянский. Следует отметить также работы по истории партии Б. М. Волина.

Историей Коммунистического Интернационала занимается д-р исторических наук С. И. Гопнер. Много работ, посвященных истории международного рабочего движения, принадлежит перу известных руководителей международных организаций пролетариата — товарищей Димитрова, Мануильского, Лозовского.

Новая тематика, возникшая перед советской исторической наукой, потребовала введения в научный оборот нового документального материала. Никогда еще ни в одной стране не были так широко открыты для научного использования архивные богатства всех государственных архивов, как в СССР. Знаменитый архивовед, директор Национального архива в Париже Шарль Ланглуа, осмотрев богатейший, великолепно сохранившийся архив синода в Ленинграде, заявил в 1926 г. администрации Ленинградского центрального архива: *«Ваша революция была гораздо культурнее и умнее, чем наша, уничтожившая столько архивных богатств. Вожди пролетариата у вас ни на один миг не утратили уважения к интересам науки».*

До Октябрьской революции положение архивного дела в России было крайне неудовлетворительно. Советское правительство осуществило архивную реформу в числе первых культурных мероприятий

пролетарской революции. В основу архивного дела были положены два принципа: принцип централизации и принцип неделимости фондов. Каждый исторически сложившийся фонд представляет в СССР неделимое органическое целое, из которого не может быть вынут ни один документ. Архивы СССР содержат материалы по истории целого ряда общественных формаций от самых ранних до современных, а также материалы, касающиеся развития десятков народностей, населяющих СССР. Исключительно велико значение громадных архивных богатств эпохи феодализма. Для эпохи пролетарской революции и советского периода наши архивы дают материалы неоценимого значения. Велико значение наших архивов также и для изучения истории Запада. Дипломатическая переписка начиная с XVII в., материалы торговых и политических договоров, заключавшихся царской Россией, материалы, характеризующие дипломатическую подготовку войн, в которых Россия принимала участие, — все это дает возможность привлечения источников и документов с такой полнотой, на которую не могут претендовать буржуазные историки, скованные законами частной собственности.

Помимо крупнейших архивов, ценные коллекции отдельных рукописных фондов хранятся и в наших огромных книгохранилищах — таких, как библиотека им. Ленина в Москве, как имеющая мировое значение библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Необходимо отметить большую научную и популяризаторскую роль специальной исторической библиотеки в Москве, созданной по решению правительства для более планомерного и активного обслуживания научных работников в области истории и для удовлетворения растущих запросов и интереса широких масс к историческому знанию.

VII

Какие задачи в настоящее время стоят перед историческим фронтом в СССР? Эти задачи полностью определяются запросами и требованиями великой отечественной войны против гитлеровского варварского фашизма.

Задача повышения идеологической вооруженности всего советского народа, ведущего величайшую в мире и справедливейшую в истории отечественную войну за сохранение основных достижений своей национальной и общечеловеческой цивилизации, стоит на первом плане перед всеми советскими историками и объединяющими их научными центрами.

Прежде всего советские историки должны дать глубоко правдивое освещение героического прошлого народов Советского Союза. Историки СССР пишут историю своей родины, как горячие патриоты. Они стремятся ярко и конкретно показать современным поколениям славные исторические традиции русского народа, традиции горячей любви к родине и жгучей ненависти к ее врагам, традиции самоотверженности и стойкости в борьбе против угнетателей и поработителей.

Образы великих русских патриотов, героев освободительной борьбы народов СССР, должны быть овеяны славой и бережно сохранены для потомства в трудах советских историков.

В связи с этой большой важности положительной работой историкам предстоит проделать также и критическую работу по пересмотру всего того установившегося в прежние времена отрицательного отношения к нашим традициям или недооценки нашего славного прошлого, которые культивировались «школой» Покровского.

Советские историки должны заниматься не только историей отдаленных эпох и событий далекого прошлого. Они обязаны гораздо более интенсивно, чем до сих пор, изучать историю нашего многонационального советского социалистического государства во всем его конкретном многообразии. Создание научной истории Советского Союза является очередной и исключительно важной задачей исторического фронта в СССР. В связи с этим необходимо активизировать творческую работу во всех советских национальных республиках. Изучение истории отдельных народов и национальностей, даже самых малых и самых отсталых в прошлом, должно помочь выяснению того исторического факта, что в условиях великой отечественной войны окреп несокрушимый боевой союз народов, выступивших единым и мощным фронтом против немецко-фашистских полчищ. Историки должны показать, что стратегический просчет Гитлера, полагавшего, что СССР — «только географическое понятие», и надеявшегося на столкновения между народами Советского Союза при первых же военных неудачах, вытекал из того, что фашистские «стратеги» не понимали и не понимают той общности исторических судеб народов нашей родины, которая и определила в настоящее время превращение СССР в единый боевой лагерь.

Своими конкретными исследованиями советские историки могут объяснить и другой просчет гитлеровской политической «стратегии», касающейся взаимоотношений рабочего класса и крестьянства. Те особые исторические условия, которые определяли длительный союз рабочих и крестьян, руководимых большевистской партией, в борьбе против царизма, в борьбе за свержение власти помещиков и буржуазии, их военно-политический союз в период гражданской войны, их хозяйственный и политический союз в период построения социалистического общества в СССР — не могли не сказаться и в труднейших условиях великой отечественной войны. Вот почему временные военные неудачи не только не подорвали этого исторического союза рабочих и крестьян, но еще укрепили его, превратив союз в боевое содружество, на основе морально-политического единства всех трудящихся нашей родины.

Советские историки должны шире развернуть давно начатые работы по истории крестьянства и рабочего класса в нашей стране, показав историю этих классов на протяжении всего их исторического развития, от возникновения до наших дней.

Великая отечественная война пробудила громадный интерес к военной истории русского народа. Знание конкретного боевого опыта русских армий в прошлых войнах имеет не только общепознавательное значение. Оно необходимо также и для практических боевых задач, стоящих перед Красной Армией и ее командирами и политработниками, так как военная выучка на фронтах гражданской войны значительно облегчилась бы и сократилась при наличии широкого военно-исторического образования наших кадров. Обобщение и изучение достижений русского военного искусства должно стать одной из неотложных научных задач исторического фронта.

Разумеется, громадный опыт, несмотря на исторически короткий срок нашей отечественной войны против гитлеровской Германии, требует уже теперь немедленной мобилизации материалов по истории великой отечественной войны, по подготовке и изданию работ по истории обороны Москвы, Ленинграда, Тулы, Одессы, Севастополя, Сталинграда и других городов, по составлению истории освобождения ряда советских городов и районов. В связи с этим советские историки,

не ограничиваясь только историей славной обороны этих городов против немецко-фашистских орд, должны показать исторический путь борьбы и строительства, какой прошли на протяжении веков эти героические города.

Одной из важных и интересных задач, стоящих перед советскими историками в условиях великой отечественной войны, является задача подытоживания того громадного исторического опыта, который дала народная партизанская борьба в прошлом и в настоящее время. Освещение партизанской борьбы в освободительных войнах народов России, а также всенародного партизанского движения во временно захваченных гитлеровцами советских районах становится непременной обязанностью советской исторической науки. Представляет большой интерес также освещение партизанской борьбы в истории Западной Европы прошлых веков, например борьбы гезов, таборитов, куруцов, фрайшерлеров, франктиреров, гверильясов и др. Историки должны собрать конкретный материал и показать всенародный характер партизанской борьбы в оккупированных гитлеровцами странах Западной Европы.

Важнейшая задача советских историков состоит в разоблачении людоедской фашистской идеологии, в частности фашистской фальсификации истории.

В последние годы германские фашисты развили на историческом фронте ярую активность. Они цинично переделывают на фашистский лад всю мировую историю, подвергают «расовой» проверке даже результаты археологических изысканий, заново раскапывая курганы, открывая вновь древние гробницы и т. п. Стремясь к уничтожению всего передового и прогрессивного, преследуя свои империалистические цели завоевания мирового господства, фашисты поставили на службу своим целям историю, лингвистику, археологию всех времен и народов. Они создали кадры своих «историков»-«расоведов», которые в огромной «ученой» макулатуре пропагандируют бредовые идеи о том, что вся мировая история является результатом творческой деятельности «германского духа». Для оправдания своих политических замыслов и завоевательных планов фашизм стал на путь самого беззастенчивого и наглого извращения истории.

Фашистские фальсификаторы сочиняют самые нелепые и курьезные «теории» о том, будто бы «северные викинги», германские князья еще за две тысячи лет до нашей эры вторглись в древнюю Грецию, превратили ее жителей в своих крепостных и создали здесь «воинственно-агрессивную власть». Распоясавшиеся фашистские «историки» уверяют, что «нордической» расой были созданы все великие государства, цивилизация Египта, Индии, Ассирии, Вавилонии, Греции и Рима. Фашистские фальсификаторы распространяют свои «исторические права» также и на всю Европу, в особенности на земли Восточной Европы.

Борьба с фашистской фальсификацией истории — священный долг и обязанность всякой честной, объективной, прогрессивной науки. Обязанность эту особенно понимают советские историки, ставящие своим лозунгом борьбу против фашистской реакции и мракобесия, за торжество достижений мировой культуры.

Еще в 1939 г. Институт истории АН СССР подготовил и издал сборник «Против фашистской фальсификации истории», в котором была поставлена задача разоблачения на конкретном историческом материале мошеннических приемов и наглого невежества гитлеровских фальсификаторов мировой истории. Эту работу советские исто-

рики продолжили и развернули в еще более широком масштабе в период отечественной войны с гитлеровской Германией. Результатом новых научных работ советских историков является недавно законченный второй антифашистский сборник. Такой же сборник статей против фашистской фальсификации истории подготовлен профессорами и научными работниками исторического факультета Московского университета. Но ограничиться сделанным советские историки не могут и не должны. Разоблачение фашистской лжеистории должно продолжаться с неослабной силой. В частности, советские историки должны всесторонне разоблачать фашистских фальсификаторов истории, которые пытаются представить Германию как родоначальницу Русского государства и как основоположницу государственности в России. Этой фальсификации историки должны противопоставить правду о реакционной роли немцев в истории России.

Большой задачей советских историков является также разоблачение всей истории германского фашизма. Необходимо документально показать, кто такие «национал-социалисты», всесторонне разоблачить империалистический, реакционный характер их идеологии и политики. Советские историки не должны упускать из виду и то обстоятельство, что прусско-юнкерская Германия уже в войнах XIX в., а в особенности в XX в., постоянно выступала в качестве самого реакционного и зверского душителя всех освободительных движений народов и поджигателя международных конфликтов и войн. Советские ученые должны исторически проследить, как германский империализм в определенных условиях пришел к созданию фашизма — самого зверского, хищнического, разбойного и реакционного империализма в мире.

Тот антигитлеровский фронт народов мира, который ныне возглавляет Советский Союз, сложился в результате длительной и трудной борьбы между силами фашизма и его пособников и силами антифашистского движения, еще задолго до войны развернувшего борьбу по разоблачению разбойничьих планов гитлеровской Германии. Советские историки, на основании конкретного изучения истории подготовки второй мировой войны, в особенности международных отношений в этот период, а также политической истории борьбы в каждой из стран Европы, должны показать, что только Советский Союз проводил последовательную миролюбивую и вместе с тем твердую и решительную политику по разоблачению фашистской агрессии и по сохранению мира и обеспечению коллективной безопасности в Европе.

Историки должны собрать материалы и осветить ту всемирно-историческую роль Советского Союза, какую он ныне играет в антигитлеровской коалиции свободолюбивых народов. Одной из важнейших задач советской исторической науки является всестороннее освещение роли славянских народов в истории человечества, и в частности в истории борьбы с германской агрессией. Отмежевываясь от всякого рода былых панславистских тенденций, необходимо показать общность исторической судьбы славянских народов и историческую неизбежность их боевого единства в борьбе против попыток гитлеровской Германии истребить славянские народы и их тысячелетнюю культуру и установить свое господство в славянских странах.

Большие и новые задачи стоят также перед советскими историками-востоковедами. Необходимо в условиях второй мировой войны противопоставить лженаучной и человеконенавистнической пропаганде гитлеровской Германии и ее сообщников правдивое освещение вопросов, касающихся отношений между народами Востока, истории их

порабощения и национально-освободительной борьбы, всемерно разоблачая империалистические планы агрессивных держав «оси» в отношении этих стран.

Разумеется, указанными задачами не ограничиваются рамки и направление творческой работы советских историков на ближайший период. Важно подчеркнуть только основную, неотложную задачу — необходимость мобилизации всех творческих сил советских историков для идейной помощи делу скорейшего и окончательного уничтожения гитлеризма как злейшего и гнуснейшего врага человеческого прогресса. Выполнением этой задачи будет сейчас измеряться степень успехов советской исторической науки как самой передовой и боевой науки современного человечества.

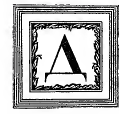
Вооруженная знанием законов общественного развития, пользуясь научным методом марксизма-ленинизма, передовая советская историческая наука должна выполнить и выполнит возложенные на нее общественно-прогрессивные задачи.

Проф. С. В. КИСЕЛЕВ

25 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

ревнейшие стадии развития человека на территории нашей родины, отраженные в памятниках каменного периода, за последние годы значительно разъяснились. Уже обнаружен, главным образом на Западном Кавказе, ряд пунктов, исследование которых может пролить свет на первые шаги истории в шелльское и ашельское время. Но особенно успешными оказались поиски мустьерских стоянок, современных рисскому максимальному оледенению.[1] До революции Волчий грот около Симферополя был единственным изученным археологами мустьерским местонахождением в России. Южное его положение способствовало распространению взгляда о незаселенности более северных областей Восточной Европы в мустьерское время. Находка мустьерских стоянок на Деркуле и на средней Десне, а также открытие накануне войны мустьерских орудий на Островской стоянке на Чусовой[2] убедительно доказали наличие мустьерских поселений по всей Европейской части СССР, даже в районах, непосредственно примыкавших к ледниковой зоне. Кроме того на последние же годы падает открытие первого мустьерского памятника в Средней Азии. В пещере Тешик-Таш в Узбекистане были обнаружены не только мустьерские орудия, но и погребение мальчика, оказавшегося типичным неандертальцем.[3] В связи с этим нельзя не упомянуть работы художника-антрополога М. М. Герасимова, которому удалось, применяя новые способы реконструкции, воссоздать по костным остаткам внешний вид этого неандертальца.

Палеолитические ориньякские, солютрейские и мадленские стоянки в значительном числе были известны в России, однако в настоящее время не только сильно возросло их количество, но и очень расширилась область их распространения. Палеолитические стоянки были исследованы на Урале, в Западной, Южной и Восточной Сибири. При этом применение точных методов исследования позволило открыть такие детали быта палеолитических людей, которые не были замечены при исследовании самых известных западноевропейских стоянок. Так, на Тимоновской стоянке возле Брянска, Гагаринской и Ко-

---

[1] Ефименко П. П. Первобытное общество. Л. 1938.

[2] Талицкий М. В. Островская палеолитическая стоянка близ города Молотова. Кратк. сообщ. ИИМК, 1940, вып. IV.

[3] Окладников А. П. Мустьерская стоянка в гроте Тешик-Таш. Кратк. сообщ. ИИМК, 1939, вып. II.

стенковской на Дону и на Мальтинской стоянке близ Иркутска были открыты искусственные жилища-землянки, говорящие о значительной оседлости опытных ориньякско-солютрейских и даже мадленских охотников. На Тимоновской стоянке В. А. Городцовым открыто селение, свидетельствующее об оседлости ее обитателей. Землянки этого селения дали значительно более 100 000 кремневых орудий и много других предметов. Исследования на стоянках Гагаринской, Костенковской и Мальтинской окончательно опровергли мнение западных ученых о будто бы существовавшей «отсталости восточных палеолитиков». Здесь были найдены в числе, уже превышающем теперь количество всех западноевропейских находок, замечательные женские статуэтки. Кроме того были найдены другие орнаментальные и скульптурные произведения, среди которых резное изображение мамонта из Мальты показывает, что и «восточные палеолитики» владели вершинами палеолитического реализма.[1]

Значительно расширились наши знания и по позднейшим стоянкам. На ряду с памятниками типа азиля и к'еккен-меддингов были найдены свидерские и тарденуазские стоянки, а на юге, главным образом в Крыму, пещеры с культурой, близкой к позднекапсийской. Последнее позволяет говорить об очень давнем наличии на нашем Юге культурных связей со Средиземноморьем.[2]

Последовательное применение ряда приемов и прежде всего палеоботанических определений позволило уточнить хронологию многочисленных неолитических стоянок лесной зоны Восточной Европы. Удалось выделить охотничье-рыболовческие стоянки, неолитический быт на которых сложился еще в ту эпоху, когда и на юге господствовал неолит.[3] Вместе с тем удалось выделить и большую серию стоянок, неолитический быт населения которых является уже пережитком, удержавшимся в III и даже во II тысячелетиях до н. э., когда на юге уже господствовала бронза.[4] Такое выяснение неравномерности развития отдельных районов Европы и Советской Азии способствует более конкретному, не схематическому изображению их древнейшей истории.

В заключение нужно упомянуть об открытии в последние годы ряда неолитических могильников. Из них особенным богатством материалов отличаются Мариупольский в Приазовье,[5] Оленеостровский на Онежском озере[6] и неолитические могильники Ангары и Прибайкалья.[7]

* * *

Особенно ярких результатов достигли археологи, изучающие раннеземледельческую, так называемую трипольскую культуру, когда население правобережной Украины познакомилось впервые с медью.[8]

---

[1] Библиографию см. Ефименко П. П. Первобытное общество, Л. 1938.

[2] Труды II Международной конференции ассоциаций по изучению четвертичного периода Европы. Л. 1934, вып. V, стр. 157—168 и 230—245.

[3] Жуков Б. С. Неолитическая стоянка близ Льялова. Труды Ассоциации научно-исслед. институтов при физ.-мат. фак. I МГУ. М. 1929.

[4] Городцов В. А. Панфиловская палеометаллическая стоянка. Владимир 1924.

[5] Макаренко М. Маріюпільский могильник. Київ 1933.

[6] Равдоникас В. И. Неолитический могильник на Онежском озере. Сов. археология, Л. 1940, № 6.

[7] Окладников А. П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. ВДИ, 1938, № 1.

[8] Пассек Т. Трипільська культура, Київ 1941 р., и Сборник «Трипільська культура», т. I. Київ 1941.

Применение Т. С. Пассек точных приемов раскопок позволило со всей детальностью воссоздать архитектуру и быт трипольских поселений IV—III тысячелетий до н. э. Известные трипольские площадки, о которых много противоречивого было написано в начале нашего века, окончательно определились как развалины глиняных жилых домов трипольцев. Эти жилища имели удлиненную форму и состояли из ряда комнат. В каждой комнате жила семья, имевшая отдельную печь для хлеба и свой очаг-жертвенник. Трипольские[1] дома планировкой весьма напоминали так называемые «длинные дома» тех из североамериканских индейцев, у которых земледелие является главным занятием и еще сохраняются нормы материнского права. Находки в развалинах трипольских домов многочисленных зерен злаков, мотыг, каменных серпов и зернотерок также убеждают в исключительном значении земледелия, а наличие среди домашних идольчиков главным образом женских изображений позволяет предполагать сохранение традиций материнского рода. В настоящее время наши специалисты заняты выяснением хронологии, происхождения и культурных связей трипольской культуры. Здесь особенно большое значение имеет исследование орнаментов замечательной трипольской расписной посуды,[1] имеющей сходство на Западе, в находках на дунайских поселениях начала металлического периода и в культурах классического Востока (в Сузах в Иране, в Анау в Туркмении и особенно в Янь-Шао в Китае).

Интересна судьба трипольской культуры, выясненная недавно раскопками в Усатове близ Одессы.[2] На Усатовском поселении уже отсутствуют постоянные дома — сохранились лишь округлые обкладки камнями по основанию легких, явно временных хижин. Среди находок гораздо больше костей домашних животных, и отсутствуют остатки земледелия. Трипольское мотыжное земледелие как будто уступает здесь первенство скотоводству, очевидно требующему частых передвижений, при которых уже излишним становится постоянный глиняный трипольский дом. Симптоматичны также находки в курганах кладбища Усатовского поселка. Особенно интересен главный курган. Его центральное погребение содержало останки мужчины, вместе с которым были насильственно погребены две женщины. Такой ритуал не совместим с нормами материнского права и указывает на усиление патриархальных тенденций. Их поддерживает рост скотоводства, усиление значения мужчины-пастуха.

Судя по усатовским находкам, именно в такой критический для материнского права момент вступает население правобережной Украины в эпоху бронзы. Памятники эпохи бронзы в причерноморских степях были изучены и систематизированы еще в начале нашего столетия, когда В. А. Городцов описал три их последовательные стадии: курганы «ямные», «катакомбные» и «срубные». Новые раскопки на Украине, в Донбассе и в Поволжье подтвердили основные положения этой классификации. Вместе с тем удалось выяснить, что изменение культуры, отразившееся даже в новых формах погребения — то просто в яме, то в катакомбе, то в поставленном в яму деревянном срубе, соответствуют трем, последовательно сменявшим друг друга хозяйственным режимам — древнему, охотничье-рыболовческому («ямный»), скотоводческому с зачатками земледелия («катакомбный»)

[1] Passek T. La céramique tripolienne. Moscou — Leningrad 1935.
[2] Семенов В. И. и Лагодовская Е. Ф. Раскопки Одесского музея в 1936 г. Сов. археология, Л. 1940, № 5.

и земледельческому по преимуществу («срубный»).[1] Удалось также выяснить ряд районных вариантов, подметить отличие волжских памятников от донецких, северокрымских от донецких и кубанских, кубанских от донецких и поволжских. Во всем этом большую роль сыграли раскопки, на ряду с курганами, также и стоянок бронзовой эпохи. Особенно ценный материал они дали для срубной культуры, относящейся к концу бронзовой эпохи (2-я половина II тысячелетия до н. э.). Ее поселения сильно напоминают древнейшие трипольские своей обширностью и многолюдством, своими удлиненными домами, правда теперь полуподземными и полудеревянными, и главное — преимущественной ролью земледелия в хозяйстве. Однако здесь уже господствуют патриархальные отношения, и особенно заметной становится роль родовых старейшин и других представителей племенной знати. В их руках сосредоточиваются большие богатства, частично отображенные в редкостных кладах драгоценных вещей. Их выдающееся значение в обществе подчеркивают грандиозные курганы, насыпавшиеся над их погребениями. Один такой курган незадолго до войны был раскопан в урочище «Три брата» близ г. Элисты в Калмыкии и дал образец погребальной церемонии, необычно пышной для эпохи бронзы.

Много нового дало изучение памятников эпохи бронзы и в более северных областях Восточной Европы. Так называемые фатьяновские могильники Волго-Окского междуречья были изучены за последние годы в большом числе. При этом особенно важными следует считать находки при фатьяновских погребениях костей домашних животных. Это позволяет относить появление скотоводства в лесной зоне Восточной Европы еще к бронзовой эпохе.[2] Отметим также открытие на Оке ряда стоянок, по культуре своей еще неолитических, но существовавших в позднейшее время. Одни из них, вроде Панфиловской около Мурома, носят следы фатьяновских влияний, другие имеют все признаки связи с южной «срубной» культурой.

Впервые удалось исследовать памятники эпохи бронзы в Окско-Камском Поволжье. Здесь в настоящее время установлена особая серия стоянок и курганных погребений, оригинально сочетающая в себе местные черты с формами, привнесенными с юга, из области «срубной» и родственной ей в Сибири «андроновской» культуры. Эта, повидимому, земледельческая культура II тысячелетия до н. э. местными археологами названа абашевской.[3]

К концу бронзовой эпохи относятся замечательные памятники, открытые в торфяниках Урала. За последние годы особенно ценные находки были сделаны в Горбуновском торфянике близ Нижнего Тагила. Некогда там, у берега зараставшего Горбуновского озера, на плотах, устраивал древний человек свои святилища. В толще торфа прекрасно сохранились бревенчатые плоты и стоявшие на них деревянные резные идолы. Рядом найдены остатки приношений идолам — деревянная посуда, украшенная изображениями птиц и лосей, изумляющими силой реализма, прекрасно сделанные весла от челнов.

---

[1] Круглов и Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. Л. 1935.

[2] Бадер О. Н. Лихачевский могильник. Сов. археология, Л. 1940, № 2. Его же. Могильник в урочище Карабай в Чувашии. Сов. археология, Л. 1940, № 6. Кривцова-Гракова О. А. Горкинский могильник. Труды Гос. Историч. музея, М. 1938, вып. VIII.

[3] Смолин В. Б. Абашевский могильник в Чувашской республике. Труды Общ. изучения Чувашского края. Чебоксары 1928, т. I, вып. I.

стрелы вместе с древками и даже бумеранг. Исследованные на берегу. недалеко от святилища, стоянки показывают, что население здесь занималось охотой и рыболовством, пользовалось главным образом кремневыми орудиями, но было уже знакомо с отливкой бронзовых изделий по формам, заимствованным из области фатьяновской культуры.[1]

Выдающиеся открытия по эпохе бронзы сделаны за последние годы в Закавказье. Особое значение имели исследования богатейших курганов племенной знати, произведенные на р. Цалке проф. Б. А. Куфтиным. Его анализ ценнейших находок, сделанных при раскопках, данный в книге, удостоенной Сталинской премии, обнаружил постоянные связи древнего населения Закавказья с передовыми странами классического Востока. Культура Закавказья явилась подлинной хранительницей традиций передовых цивилизаций древности.[2] В Средней Азии за последнее время также удалось выяснить основные этапы эпохи бронзы. Особенно много и успешно в этом направлении работал проф. С. П. Толстов в северном Хорезме.[3]

Впервые советские археологи изучили эпоху бронзы в Сибири. Исследованиями А. П. Окладникова в Прибайкалье и на Ангаре были выяснены этапы развития таежного сибирского неолита. При этом оказалось, что две его стадии — «исаковская» и «серовская» представляют собой древний подлинный неолит. Что же касается третьей стадии — «китойской», то она является таким же пережитком неолитического режима в тайге, как и реликтовый неолит лесной зоны Европейской части СССР.[4] В ту же эпоху, когда в таежной зоне Сибири население в китойское время продолжало жить неолитическим бытом, в более южных степных районах Сибири уже осваивалась техника меди и бронзы, а также происходили важнейшие изменения в хозяйстве и общественном укладе. Исследования С. А. Теплоухова, Г. П. Сосновского, С. В. Киселева показали, что бронзовая эпоха Сибири прошла в своем развитии три культурных этапа: «афанасьевский», «андроновский» и «карасукский».[5] Первый, «афанасьевский» этап современен «китойскому» тайги и знаменуется первым применением скотоводства и металлургии, а в связи с этим и усилением патриархальных тенденций. Второй этап — «андроновский» отличается развитием земледелия и оседлости, а также расширением межплеменных связей. Последнее привело к установлению большого культурного единства между различными областями Сибири и Приуралья. В Приуралье «андроновская» культура доживает до конца эпохи бронзы и является основой местной савроматской, скифообразной культуры.[6] Иначе слагается судьба областей между Карагандой и Енисеем. Сюда вливается значительное количество северокитайских элементов, уходивших от экспансии империи Шан-Инь и, позднее, от ранней Чжоу. Под влиянием новопришельцев создается

[1] Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала. М. 1940.

[2] Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети, т. I. Тбилиси 1941. Подробнее о Закавказье см. в следующей статье проф. В. И. Авдиева.

[3] Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 4. О работах советских археологов в Средней Азии см. статью проф. В. И. Авдиева.

[4] Окладников А. П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. ВДИ, 1938, № 1.

[5] Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы об этнографии, т. III, вып. II. Киселев С. В. Афанасьевские курганы. Сов. археология, Л. 1940, № 2. Его же. Карасукские могильники. Сов. археология, Л. 1940, № 3.

[6] Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казахи», Л. 1927, вып. II.

очень мощная «карасукская» культура южносибирской бронзы, отражающая то единство населения Южной Сибири, которое в китайских летописях приписывается союзу племен дин-лин. Карасукская культура становится основой всего дальнейшего развития Южной Сибири.

* * *

Скифские памятники нашего Юга изучались главным образом камерально.[1] При этом были доказаны прочные связи характерно скифских элементов с предскифской культурой эпохи поздней бронзы Причерноморья. Это позволило говорить о значительности аборигенных групп населения в скифской массе. Особенно большое внимание было уделено изучению восточных, савроматских памятников. Богатые находки Б. А. Гракова в курганах V в. до н. э. у поселка Блюменфельд близ Саратова продемонстрировали живучесть архаических элементов скифской культуры в областях, далеких от греческих берегов Черноморья. Раскопки эти значительно дополнили материал по савроматам, собранный при исследованиях в селе Покровском близ Оренбурга еще М. И. Ростовцевым.[2]

Особенно больших результатов достигли раскопки, произведенные главным образом саратовскими археологами, сарматских курганов Поволжья. Там удалось выделить ряд ступеней сарматской культуры и проследить ее непрерывное развитие до весьма позднего времени — до IV—V вв. н. э.[3] При этом и здесь, как и в Причерноморье, стало очевидно местное боспоро-сарматское происхождение особой группы ювелирных изделий — украшений, орнаментированных геометрической многоцветной инкрустацией, которые неосновательно считались прежде готскими. Интересны также итоги палеоантропологического изучения сарматских останков из различных некрополей нашего Юга. Они убедительно доказывают прочную этническую связь сарматских племен с более древним населением этих и более восточных приуральских областей.

Очень большой материал собран за последние годы по памятникам скифо-сарматского времени в более северных и восточных областях СССР.

Уж давно обратили на себя внимание в Волго-Окском междуречье так называемые городища дьякова типа. Новые данные, добытые раскопками многочисленных городищ, позволили установить преемственность их культуры от реликтового неолита Оки и Верхней Волги, определить, что древнейшие из них (как, например, Каширское, раскопанное В. А. Городцовым)[4] относятся еще к VII—VI вв. до н. э., и выяснить дальнейшую их историю вплоть до VI—VII вв. н. э.[5] Если принять во внимание, что городища дьякова типа — остатки общинных укрепленных поселков первобытных скотоводов-земледельцев — при всей своей многочисленности являются единственным источником нашего знания о быте населения Волго-Окского междуречья

[1] О работах советских археологов над памятниками греко-римской культуры см. специальный раздел настоящего сборника.

[2] Grakov B. Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Oural. Eurasia Septentrionalis Antiqua, III.

[3] Синицын И. Сарматские погребения в северных районах Нижнего Поволжья. Сборник Нижневолжского краевого музея. Саратов 1932.

[4] Городцов В. А. Каширское городище. Л. 1933.

[5] Евтюхова Л. А. Барвихинское городище. Сов. археология, Л. 1940, № 3. Ее же. Описание раскопок Юрьевецкого городища. Сб. «Пятый год деятельности Иваново-Вознес. губ. научн. общ. краевед.». Иваново-Вознес. 1928.

на протяжении почти полутора тысяч лет, понятным станет значение их исследования. Ниже еще будет случай показать важность их изучения в связи с проблемой происхождения северо-восточного славянства. По тем же причинам важно отметить интенсивное накопление материалов по нижнеокским «городецким» городищам и по «костеносным» городищам Вятско-Камского края. Здесь также удается нащупать пути формирования ряда современных народов Поволжья и Прикамья (мордвы, удмуртов, чувашей и др.).[1]

В Сибири особенно упорно исследовались памятники скифо-сарматского времени в Саяно-Алтайском нагорье и в Прибайкалье. Там было установлено, что на основе высокоразвитой культуры конца бронзовой эпохи («карасукской») население пошло в своем развитии далеко вперед, достигнув особых успехов в земледелии, ставшем во многих местах ирригационным, в военном деле и в художественном ремесле. При этом в Южной Сибири внешний облик материальной культуры, формы оружия и украшений, распространенность характерного орнамента (так называемого скифо-сибирского звериного стиля) оказались очень близкими к скифским (культуры «плиточных погребений» на Селенге,[2] «тагарская» на Енисее[3] и «майэмирская» на Алтае).[4] Аналогичное состояние констатировали советские экспедиции в Монгольской и Тувинской народных республиках. Очевидно, скифская и ряд «скифообразных» культур оставили в степях Евразии необыкновенно широкий по распространению и весьма единообразный культурно-исторический этап, послуживший, как мы сейчас увидим, основой для важнейших событий истории Востока.

Несмотря на сильное китайское влияние, открытая известным русским путешественником П. Козловым в курганах Ноин-Ула (Сев. Монголия) культура хунну (гуннов) обнаруживает свою коренную связь с более древней «скифообразной» культурой.[5] Вместе с тем характерные особенности искусства хунну — прежде всего украшение излюбленных изображений борьбы зверей многокрасочной инкрустацией или апликацией — заставляют делать сопоставление с сарматским художеством. То же можно сказать и о культуре других областей Южной Сибири.

В пышных погребениях племенной знати Среднего Енисея в это время (названное там «таштыкским») найдено не мало предметов (главным образом художественной резьбы), по стилю близких и к хуннским и к сарматским.[6] То же можно сказать и про Алтай. Его огромные каменные курганы, и прежде всего исследованный М. П. Грязновым Пазырыкский, доставили не мало предметов, украшенных изображениями зверей и сценами их борьбы. Резьба и апликация из войлока и кожи и здесь богато расцвечены в гунно-сарматской манере.[7] Культурное единство населения степей и здесь, как и в скифское время, необыкновенно сильно. Гунно-сарматское время богато для

---

[1] Материалы и исследования по археологии СССР, Л. 1940, вып. 1.

[2] Сосновский Г. П. Ранние кочевники Забайкалья. Кратк. сообщ. ИИМК, вып. VIII.

[3] Киселев С. В. Тагарская культура. Труды секции археологии РАНИОН, вып. IV.

[4] Руденко С. И. К палеоантропологии Южного Алтая. Сб. «Казахи», Л. 1930, вып. III.

[5] Trever C. Excavations in Northern Mongolia. Leningrad 1932.

[6] Киселев С. В. Саяно-алтайская археологическая экспедиция в 1938 г. ВДИ, 1939, № 1.

[7] Грязнов М. П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае. Природа, 1929, № 11.

южносибирских племен как внешними, так и внутренними коллизиями, основанными на постепенном нарушении первобытного единства и их родовой организации. Вместе с тем оно является этапом, на котором произошло формирование современного физического типа народов Центральной Азии. Особенно наглядно удалось это наблюдать на замечательной портретной галлерее двухтысячелетней давности, собранной в таштыкских могилах Среднего Енисея. Это гипсовые портретные погребальные маски, снятые механическим путем с лица умерших перед их сожжением. Изучение масок показывает, как постепенно исчезает на Енисее древний палеоевропейский тип, господствовавший в степях Сибири в эпоху бронзы, и заменяется новым—монголоидным.

В гунно-сарматское время были значительны культурные связи Южной Сибири с Китаем. Найдено большое количество различных китайских изделий. Симптоматичны находки на Енисее, в усыпальницах таштыкской знати, церемониальных китайских зонтов, жалованных императором вождям союзных племен. В той же связи особый интерес представляют начатые в 1941 г. близ г. Абакана Л. А. Евтюховой и В. П. Левашовой раскопки развалин дворца китайской архитектуры, крытого черепицей с китайскими надписями эпохи Хань.

Недавние раскопки в Усть-Полуе, близ Салехарда, где на стоянке-святилище были найдены замечательные резные из кости гребни и ложки, украшенные звериным орнаментом, показывают, как далеко проникали традиции южносибирского хунно-сарматского искусства. Судя по исследованию В. Н. Чернецова, эти находки позволяют разъяснить многое в вопросе о наличии южных элементов у обских угров.[1]

* * *

Население Южной Сибири уже в VI—VII вв. н. э. создало сильное государство с высокой культурой, во многом служившей образцом для всех кочевнических племен более западных степей.

Алтайские племена, культура которых за последние годы хорошо выяснена раскопками А. Глухова,[2] С. Киселева и Л. Евтюховой,[3] создали в VI в. огромное государство тюрок (туг'ю китайских летописей). Это государство охватывало пространство от Б. Хингана до Зеравшана и от Китая до Алтая. Уже тот факт, что оригинальная орхонская письменность применялась аристократическими группировками тюрок для целей массовой агитации, говорит об относительной высоте их цивилизации.

Близкий культурный уровень был достигнут и населением Прибайкалья. Исследования селищ так называемых «курумчинских кузнецов», проведенные Иркутским университетом, обнаружили, что уже в VI—VII вв. н. э. в Прибайкалье умели плавить чугун, добыча которого в Европе началась лишь спустя девять столетий.

Яркую картину высокого уровня культуры рисуют памятники, принадлежащие времени Кыргызского государства, бывшего на Среднем Енисее грозным соперником орхонских тюрок. Найденные сельскохозяйственные орудия этого времени говорят о высоте пашенного земледелия. Кыргызское оружие также совершенно. Но особенно заме-

[1] Чернецов В. Н. Очерк этногенеза обских угров. Кратк. сообщ. ИИМК, 1940, вып. IX.

[2] Руденко С. и Глухов А. Могильник Кудыргэ на Алтае. Материалы по этнографии, Л. 1927, т. III, вып. II.

[3] Киселев С. В. Саяно-алтайская археологическая экспедиция 1935 г. Сов. археология, Л. 1940, № 1.

чательны вещи, обнаруженные в курганах кыргызской знати (раскопки Л. А. Евтюховой в с. Копенах на Енисее).[1] Золотая посуда, украшенная тонким орнаментом, отделка седел, изображающая сцены охоты, богатые украшения сбруи — все это отличается высоко художественным вкусом и обнаруживает не только знакомство кыргызских художников с вершинами искусства той эпохи на Востоке, с художеством Китая и Ирана, но говорит о способности преодоления ими образцов и создания на их основе собственного, высоко реалистического стиля. Найденные в Копенах вещи и надписи на них, а также вновь обнаруженные эпитафии кыргызских ханов и беков позволили яснее представить внутреннее состояние Кыргызского государства. Во главе его стояла утопавшая в роскоши аристократия, ведшая свое хозяйство при помощи рабов, но взимавшая дань и с собственного народа.

Среди исследований ранних средневековых памятников на юге Европейской части СССР особый интерес представляют обширные раскопки хазарской крепости Саркел, предпринятые под руководством М. И. Артамонова. Найденные там вещи показывают, что материальная культура хазарского периода была неоднородна. В нее, как это уже было высказано акад. Ю. В. Готье, в большой мере входили древние местные, сармато-аланские элементы, но они были осложнены влияниями кочевнической культуры, родственной тюркской Сибири.[2] Повидимому, это отражает и этническую сложность Хазарского царства, этого форпоста западнотюркского каганата на Волге и Кавказе.

Последние годы принесли резкий перелом и в деле изучения исконного конкурента хазар — Волжской Булгарии.[3] Обширные раскопки булгарского города Сувара и его некрополя позволили А. П. Смирнову выделить дотатарские, собственно булгарские вещи и даже архитектурные сооружения. Кроме того им же были подвергнуты исследованию татарские памятники Сувара и Булгара. Среди них общий интерес вызвала обширная постройка, оказавшаяся пышно отделанной восточной баней Булгара, снабженной центральным отоплением, фонтаном и водопроводом с горячей и холодной водой. Изучение всего комплекса булгарских материалов позволило А. П. Смирнову притти к выводу о местных основах булгарской культуры. В ее формировании приняли участие оседлые племена Поволжья, оставившие нам городища с «рогожной» керамикой, и кочевники-скотоводы из сарматской группы племен. Булгарская самобытность, по мнению А. П. Смирнова, определила своеобразное положение Волго-Камского района и в золотоордынское время.

Обширные раскопки были предприняты главным образом саратовскими археологами на всех важнейших развалинах золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Были исследованы оба Сарая — Сарай-Бату и Сарай-Берке, Увек и ряд других городищ. Раскопки эти, опубликованные пока лишь частично,[4] дали огромный материал по планировке, архитектуре и характеристике городской жизни Золотой Орды. При этом предпринятые специальные исследования, например

[1] Евтюхова Л. А. и Киселев С. В. Чаатас у села Копены. Труды Гос. Историч. музея, М. 1940, вып. XI.

[2] Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л. 1935.

[3] Смирнов А. П. Очерки по истории древних булгар. Труды Гос. Историч. музея, 1940, вып. XI.

[4] Греков Б. и Якубовский А. Золотая Орда. Л. 1937. Якубовский А. Ю. Феодализм на Востоке. Л. 1932. Баллод Ф. В. Приволжские Помпеи. М. 1923. Его же. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. М. 1923.

изучение А. Ю. Якубовским золотоордынской посуды,[1] обнаружили большую сложность культуры золотоордынского города, ее сильнейшую зависимость от тех городов Востока и Запада, которые вынуждены были путем насильственного переселения на Волгу соответствующих специалистов создавать пышное и часто высоко художественное внешнее оформление центров монгольского ига.

* * *

Археологическое изучение древней Руси в царской России ограничивалось по преимуществу раскопками восточнославянских курганов. Исследовательские работы в древнерусских городах почти не производились. Вопросы происхождения восточного славянства и его ранней культуры решались обычно без привлечения археологического материала. Два последних десятилетия многое изменили. Изучение так называемых «роменских» городищ и южнорусских кладов V—VII вв. позволило в археологическом плане ставить вопрос о культуре антов и об отношении антского союза к Киевской Руси. Рассмотрение этой проблемы Б. А. Рыбаковым[2] выявило яркие археологические факты, позволяющие утверждать преемственность между культурами антов и славянских племен Киевской Руси. Тем самым местное формирование поднепровского славянства стало возможным относить к глубокой древности. Параллельное накопление исследований по позднедьяковским городищам Волго-Окского междуречья и по ранним погребениям вятичей, кривичей и словен новгородских позволило ряду археологов, и среди них особенно развернуто П. Н. Третьякову,[3] рисовать сложение северо-восточных славянских племен как местный процесс, обусловленный всей древней историей волго-окского населения, известной по материалам дьяковых городищ. Как параллель этому изображается также сложение других народов Волго-Окского бассейна — мери, оставившей нам Сарское городище под Ростовом,[4] муромы и мордвы, имеющей связь с древним населением, оставившим нижнеокские и средневолжские городища «городецкого» типа. Не нужно говорить, что такое разрешение вопроса о происхождении восточнославянских племен, сильно отличаясь от конструкций, основанных главным образом на лингвистических исследованиях, в корне изменяет всю концепцию этногонии Восточной Европы. Оно устраняет ту картину вражды славянских и соседних с ними племен, которая рисовалась в значительной мере под влиянием исторической действительности, взглядов и настроений гораздо более позднего времени.

Многочисленные раскопки славянских курганов IX—XIV вв. позволили ряду исследователей, и среди них особенно А. В. Арциховскому (по вятичам),[5] Б. А. Рыбакову (по радимичам)[6] и П. Н. Третьякову (по кривичам),[7] создать монографические исследования истории и быта отдельных восточнославянских племен. При этом были суще-

[1] Якубовский А. Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. Изв. ГАИМК, Л. 1931, т. VIII, вып. II—III.
[2] Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1.
[3] Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. Материалы и исследования по археологии СССР, Л. 1941, № 5. Его же. Некоторые вопросы этногонии восточного славянства. Кратк. сообщ. ИИМК, 1940, вып. V.
[4] Эдинг Д. Н. Сарское городище. Ростов 1925.
[5] Арциховский А. В. Куганы вятичей. М. 1930.
[6] Рыбаков Б. А. Радзімічы. Працы археолегічнай камісіі Беларускай Акадэміі Навук. Менск 1932.
[7] Третьяков П. Н. Костромские курганы. Л. 1931.

ственно изменены ранее принятые хронология и определения. Однако наибольший успех был достигнут за последние годы в деле изучения древнерусских городов.

В Киеве были обнаружены древнейшие жилые и оборонительные сооружения, восходящие еще к VIII—IX вв.[1] Кроме того были изучены жилые постройки и ремесленные мастерские великокняжеского периода. Особо следует отметить археологические работы в Софии. Здесь реставратором Юкиным были расчищены древние фрески, на которых оказались изображения многих исторических лиц, в частности семейства Ярослава Мудрого. Интересное археолого-антропологическое исследование было произведено в гробнице Ярослава.[2] В ней был обнаружен не один, а два скелета: мужской, принадлежавший Ярославу (была установлена хромота, которой страдал князь с детства), и женский, принадлежавший, судя по физическим особенностям, второй жене Ярослава — Ингигерд. На основе изучения черепа Ярослава художник-антрополог М. М. Герасимов создал реконструкцию внешнего облика этого выдающегося деятеля древней Руси.

Раскопки в небольших городских центрах Киевской Руси, например в Вышгороде, также дали обширный материал, главным образом по городскому ремеслу. Особенно интересны вышгородские кузницы с крицами железа и керамические горны. Следует также отметить почти сплошные раскопки городка Райки около Бердичева, разрушенного в 1258 г. войсками Даниила Галицкого. В развалинах сгоревшего города, заваленного трупами после злой сечи, были обнаружены чрезвычайно ценные своей полнотой наборы повседневных вещей горожанина XIII в. Здесь также особенно много ремесленных изделий и инструментов кузнецов, ювелиров, оружейников и горшечников.[3]

Значительно пополнились те отрывочные материалы, которые были известны из района Тьмутараканского княжества. На Таманском полуострове в верхних слоях городищ обнаружена типично славянская посуда. Славянским же выглядит городище около Коктебеля в Крыму. Исследования М. И. Артамонова на Дону, в частности раскопки на Саркеле, показали, что в XI в. Дон был районом интенсивной славянской, главным образом черниговской колонизации, и Тьмутараканское княжество было тогда не оторванным форпостом Руси в Причерноморье, но было объединено с нею территориально.

Широкие масштабы работ отличают раскопки А. В. Арциховского и Новгородского исторического музея в Новгороде Великом. Там подверглись исследованию целые кварталы на Славенском холме, на Ярославовом дворище, на Торгу, на Рюриковом городище и в других местах. В результате добыт обильный материал для характеристики городской жизни древнего Новгорода. Раскопки прежде всего показали значительную высоту коммунальной культуры Новгорода Великого. Он не только был замощен ранее всех средневековых городов Западной Европы, но раньше их имел (уже с XI в.) водопровод и канализационные стоки. Большинство исследованных в Новгороде изб принадлежало ремесленникам. Особенно многочисленный материал был получен при раскопках изб сапожника и гончара. Находки по-

---

[1] Каргер М. К. К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. Кратк. сообщ. ИИМК, 1940, вып. VI.

[2] Рохлин Д. Г. Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава Мудрого. Гинзбург К. В. Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд. Кратк. сообщ. ИИМК, 1940, вып. VII.

[3] Молчановский Ф. Н. Обработка металла на Украине в XII—XIII вв. по материалам Райковецкого городища. Пробл. истории докапиталистич. общ., 1934, № 5.

зволили воссоздать весь процесс их производств. Особую тему составили раскопки на Торгу. На месте бывших деревянных прилавков — рядков, где торговали съестными продуктами, было найдено очень большое количество зерен злаков, овощей, ягод и плодов. Это позволяет нарисовать подробную картину сельского, особенно плодово-ягодного и огородного хозяйства в окрестностях Новгорода Великого.[1]

Города северно-восточной Руси в последние годы также исследовались интенсивно. Еще в 1926 г. В. А. Городцов произвел большие раскопки на месте старой Рязани, сожженной 23 декабря 1237 г. Батыем. В исследованных избах одной из городских улиц были сделаны многочисленные находки бытовых вещей, оставленных защитниками города во время штурма. Здесь также обнаружены ремесленные мастерские и среди них кузница с инструментами и мастерская по выделке янтарных украшений.[2]

Аналогичные материалы были собраны и при раскопках в Суздале и Владимире. Особо следует упомянуть раскопки Н. Н. Воронина в резиденции Андрея Боголюбского в Боголюбове. Исследуя территорию, примыкающую к знаменитой башне с сенями, Н. Н. Воронин открыл развалины аркад, поддерживавших переходы, соединявшие княжеский дворец с башней и церковью. Важные архитектурные детали были обнаружены и при расчистках древних частей стен церкви. Найденные фрагменты украшений из резного камня и позолоченных медных вырезных листов позволяют восстановить пышную и утонченную декорацию боголюбовского дворцового комплекса, который по размерам своим превосходил аналогичные постройки средневекового Запада.

Состояние древнерусских городов в эпоху феодальной раздробленности также выяснялось раскопками последних лет. Значительные материалы по этой теме были получены раскопками Милонова в тверском и дмитровском Кремле, в Коломне, на Пронском городище и в древнем Радонеже близ Загорска,[3] а также раскопками С. А. Таракановой в Деревской пятине Новгорода Великого.[4]

Впервые широкие масштабы приобрело археологическое изучение Москвы благодаря организации археологических работ на строительстве московского метрополитена.[5] Наблюдения и раскопки археологов, производившиеся изо дня в день в ходе строительства, позволили не только создать археологические профили из конца в конец нашей столицы, но и изучить ряд важнейших участков города. Так, удалось установить систему укреплений Земляного и Белого городов, давно уже срытых, и исследовать башни и стены Китай-города. Чисто археологическим путем был разрешен ряд вопросов по древней топографии Москвы. В частности, было выяснено расположение Опричного двора Ивана Грозного. Удалось определить древнее направление ряда улиц, местонахождение выдающихся зданий, церквей, монастырей и бывших прежде за чертою города пригородных усадеб. Весьма многочислен и тот вещевой материал, который был собран при раскопках и наблюдениях на строительстве. Здесь и драгоценные одежды московской знати,

[1] Арциховский А. В. и Рыбаков Б. А. Раскопки на Славне в Новгороде Великом. Сов. археология, Л. 1940, № 3. Арциховский А. В. и Каргер М. К. Раскопки 1932 г. в Новгороде. Пробл. истории докапиталистич. общ., 1933.

[2] Мансуров А. А. Старая Рязань. Рязань 1927.

[3] Милонов Дмитровское городище. Сов. археология, Л. 1940, № 4. Его же. Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища. Рязань 1931.

[4] Тараканова С. А. Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода. Кратк. сообщ. ИИМК, вып. V.

[5] Сб. «По трассе московского метрополитена», изд. ГАИМК, Л. 1935.

XVII и XVIII вв., и московское оружие, и масса бытовых вещей. Благодаря этим раскопкам впервые стало возможным восстановление той повседневной бытовой обстановки, в которой жили различные слои московского населения в XVI—XIX столетиях.

Наш очерк был бы неполным, если бы в заключение не была упомянута обширная реставрационная деятельность, которая не только сохраняет выдающиеся памятники архитектуры и живописи древней Руси во всех центрах ее культуры, но благодаря исследовательскому своему характеру с каждым годом обогащает нас новыми знаниями о прошлом. Такие работы по архитектурной реставрации, как исследования киевской Софии, Софии новгородской, собора Юрьева монастыря в Новгороде, Троицкого собора в Троице-Сергиевой лавре, соборов и древних зданий Кремля и многие другие, позволили по-новому представить развитие архитектуры древней Руси. То же можно сказать и в отношении памятников изобразительного искусства. Расчистки фресок и мозаик в Софии киевской, исследования древней росписи Успенского собора во Владимире, а также удаление позднейших записей на древних иконах подарили нам величайшие шедевры древнерусской живописи.[1]

Быстрое и плодотворное развитие советской археологической науки сделало возможным в настоящее время подведение итогов ее различных разделов. Предпринятое Академией Наук в качестве первого тома «Истории СССР» освещение древнейшей истории нашей страны, монументальная «История древнерусской культуры», подготовляемая Институтом истории материальной культуры Академии Наук, и целый ряд других аналогичных изданий позволяют советским археологам вместе с историками, этнографами, антропологами и лингвистами рисовать величественную картину славного прошлого нашей Родины.

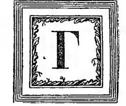
[1] Некрасов А. И. Древнерусское изобразительное искусство. М. 1937.

Проф. В. И. АВДИЕВ

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕГО КАВКАЗА

рандиозное развитие советской науки открыло широкие перспективы перед советской археологией, тесно связанной с изучением истории древнего мира. Смелое новаторство, своевременная постановка новых и актуальных научных проблем будили мысль советских археологов, заставляя их преодолевать старые, отжившие концепции, исправлять старые ошибки, отрешаться от голого схематизма, строя свое исследование на строго историческом изучении конкретного фактического материала и на марксистско-ленинской методологии.

Таким образом, постепенно рушилась та преграда, которая в течение долгих лет отделяла археологию от древней истории, а также лингвистики и этнографии. В этом отношении особенно крупное значение имели работы покойного акад. Н. Я. Марра, создателя яфетической теории и нового учения о языке. Подвергая в своих многочисленных работах резкой критике старую индоевропейскую теорию, крайние сторонники которой выдвигали примат «арийской расы», «арийских культур и языков», Н. Я. Марр противопоставил этим ненаучным «расовым» бредням материалистическую теорию стадиального развития языков, которое в историческом аспекте соответствует развитию хозяйства, общества и культуры в доклассовую и классовую эпохи жизни того или иного народа.

Являясь первоклассным знатоком кавказских языков и выдающимся лингвистом, соединяя исключительные знания в области языковедения с живым интересом к археологии, истории культуры и ряду смежных дисциплин, Н. Я. Марр сумел установить в своих работах тесную связь между археологией, лингвистикой и историей культуры. Изучая в их постоянном взаимодействии сложное скрещение племенных образований, языковых форм и элементов культуры, анализируя их в их стадиальном развитии, начиная от доисторических корней вплоть до современных реликтовых пережитков, Н. Я. Марр, а вслед за ним целый ряд его последователей и учеников в значительной степени исходили из богатейшего материала древнекавказских культур и языков и поэтому сосредоточили особенное внимание на изучении древнейшей культуры кавказских племен. Таким образом, изучение древней истории Кавказа, одного из старейших и наиболее замечательных центров металлургической культуры, который имел колоссальное мировое значение, связывая Европу с Азией, в частности страны Передней Азии и классического Востока с Эгейско-Малоазийским миром и даже с северо-восточной Африкой, получило в советской науке особое значение.

Однако изучение истории древнего Кавказа важно для советского историка не только с точки зрения так называемых «племенных миграций», великих завоеваний и культурных взаимодействий. Советские историки, вслед за Марром, вскрывали своеобразные черты древнекавказских культур тех яфетических народов, которые, по меткому выражению Н. Я. Марра, являлись составным элементом в создании великой средиземноморской цивилизации. Советские историки-марксисты, изучая историю древнейшего и древнего Кавказа, противопоставляют лженаучным бредовым фантазиям фашистских писак, провозглашающих миф об «исконном превосходстве арийской германско-нордической расы», фактически обоснованное учение об историческом развитии семитских, хамитских и яфетических племен, т. е. целого ряда племен, прошедших в своем прогрессивном историческом развитии различные стадии от первобытной общины до рабовладения, и языки которых отражают различные стадии языкового развития. В этом отношении громадное научное значение приобретает проблема типологической, историко-политической и культурной связи Кавказа с древневосточным миром, а также с доисторической и исторической Грецией. Не даром Марр указывал на яфетические элементы в шумерском языке и в то же время подчеркивал тесные связи античной Греции с древневосточным миром, говоря, что «греческий, или эллинский, мир менее увязан социально-генетически с западным, римским, чем с Азией, тем более с Передней Азией».[1] Так советская наука разоблачает фашистскую фальсификацию древней истории, ни на чем не основанные лженаучные и тенденциозные утверждения германских фашистов, что великая греческая культура явилась созданием мифической «германско-нордической расы».[2]

Историко-археологическое изучение древнего Кавказа имело принципиально важное значение для советских историков и археологов. Археологические обследования и раскопки, развертывавшиеся с каждым годом все шире и шире, дали археологам и историкам обильный материал для изучения культуры кавказских племен. Эти раскопки велись довольно интенсивно в различных частях Кавказа: на северном Кавказе, в Кабарде, в Осетии, в Закавказье, главным образом в Азербайджане, в Грузии и в Армении. Интересные археологические работы были произведены также на Черноморском побережье Кавказа — в Абхазии, наконец в Нагорном Карабахе. Таким образом, почти все наиболее важные археологические районы Кавказа подверглись более или менее внимательному и серьезному археологическому изучению. Под неутомимым заступом археологов раскрывались одна за другой новые страницы в истории древнего Кавказа.

Нет никакого сомнения в том, что Кавказ был одним из очень древних очагов культуры. Археологические раскопки, случайные находки и историко-литературная традиция указывают на то, что Кавказ был насе-

---

[1] Марр Н. Я. О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье. Изв. Гос. Акад. ист. мат. культ., М. 1934, вып. 89. Его же. Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков. Под знаменем марксизма, № 6. Его же. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании средиземноморской культуры. Лейпциг 1920. Его же. Материалы по халдской эпиграфике. ЗВО, т. 24, стр. 37—124. Его же. Яфетиды. Восток, кн. 1, стр. 137—142. Его же. Общее учение о языке и памятники материальной культуры. Пробл. истории докапиталистич. общ., 1934, № 3.

Цитирую слова акад. Н. Я. Марра по статье В. Б. Аптекаря «Турецкая проблема и новое учение о языке». Пробл. истории докапиталистич. обществ, 1935, № 1—2, стр. 212.

[2] Богаевский Б. Л. Эгейская культура и фашистские фальсификаторы истории. Сборник статей «Против фашистской фальсификации истории». М. 1939.

лен еще в очень глубокой древности. Установившееся в науке предположение о глубокой древности кавказских культур и племен было подтверждено рядом находок и раскопок, произведенных после 1917 г. Так, в 1924 г. была опубликована находка в г. Пятигорске черепа человека, напоминающего неандертальца, а в одном из районов Северного Кавказа была найдена так называемая Ильская стоянка, относящаяся к мезолитической эпохе.[1]

Но особенный историко-археологический интерес представляют те вещевые комплексы, которые относятся к эпохе халколита (палеометаллическая эпоха) и к так называемому «бронзовому веку». Именно поэтому советские археологи обратили вполне правомерно особенное внимание на археологическое обследование соответствующих районов и на производство здесь систематических раскопок, которые должны были пролить новый свет на важнейшую проблему возникновения и развития металлургии на древнем Кавказе. Так, экспедиция Академии истории материальной культуры обследовала в 1924—1926 гг. близ станицы Аксайской на Северном Кавказе Кобяково городище, произведя там целую серию раскопок. Здесь археологи обнаружили ряд культурных слоев, среди которых наибольший интерес представляют слои, заключающие в себе памятники двух древних доскифских культур. Отличительной чертой этих двух доскифских культур является одновременное сосуществование каменных и металлических орудий, что заставляет относить эти слои к эпохе халколита. Так, во втором доскифском слое были найдены кремневые осколки, кремневые наконечники стрел, отжимники, скребки, молотки и полированные орудия, а также такие, в которых были просверлены отверстия. Среди этих орудий большой археологический интерес представляет молоток-топор. Некоторые обнаруженные при этих раскопках, хорошо сохранившиеся предметы были сделаны из местного раковистого известняка, что указывает на то, что эта камнеобрабатывающая техника является местным производством, восходящим, очевидно, к глубокой древности. Одновременно с этими каменными изделиями были обнаружены бронзовые фрагменты и, что особенно важно, фрагменты плавильных чашек на высоких ножках, ясно свидетельствующие о том, что выплавка металла существовала в этом районе Северного Кавказа уже в древнюю халколитическую эпоху. Очевидно, в эту эпоху здесь выплавлялась медь и бронзовый сплав невысокого качества с незначительной примесью олова. Имеются некоторые основания предполагать, что эта местная северокавказская медно-бронзовая индустрия была в какой-то степени связана с древними металлургическими центрами Передней Азии.[2]

Типична для этой эпохи и керамика. По сохранившимся фрагментам археологам удалось восстановить сосуды этой эпохи с характерным шаровидным туловом, с плоским дном и широким горлом. Эти примитивные глиняные сосуды были все сделаны от руки, без помощи гончарного круга. Большой интерес представляет и тот своеобразный геометрический орнамент, который украшает стенки этих сосудов. Этот вдавленный, штампованный, веревочный или резной орнамент обычно состоит из коротких черточек, елочных узоров, углов или шевронов. Грубый фаллический фетишизм этой эпохи характеризуют антропоморфные камни, напоминающие очень грубо сделанные изваяния человеческой фигуры и, может быть, фаллические символы, представляющие любопытные аналогии к древнеегипетским памятникам архаической эпо-

[1] Городцов В. А. К итогам археологических трудов в СССР за 10 лет. Труды секции археологии РАНИОН, М. 1928, т. II, стр. 6—7.

[2] Северокавказская экспедиция. Сообщ. ГАИМК, 1926, т. I.

хи, в частности к итифаллическим статуям бога Мина из Коптоса. Очевидно, и на древнем Кавказе, как и в других странах древнего Востока, в эту эпоху распада родового строя уже существовал древний и примитивный культ природы, тесно связанный с фаллическим культом плодородия. Наконец, большой интерес представляет процентное соотношение костей животных, найденных во втором доскифском культурном слое. Это соотношение показывает, что больше всего был распространен в эту эпоху мелкий рогатый скот (34%) и собака (27%), существовал домашний бык (15%), и уже появилась лошадь (7.5%).[1]

Уже отмеченные нами типичные черты характеризуют также и находки, сделанные в первом доскифском культурном слое, также относящемся ко времени первого появления металла. Наряду с кремневыми отжимниками и наконечниками стрел и скребковидными орудиями из кварцита здесь встречаются фрагменты медных и бронзовых изделий, а также плавильные чашки, указывающие на местный характер северокавказской металлургии. Фрагменты керамики, найденные в этом слое, также покрыты типичным для этой эпохи геометрическим орнаментом. Наконец, и процентное соотношение костей домашних животных, за небольшими исключениями, остается в прежних рамках. Все это ясно говорит о чрезвычайно замедленном темпе развития северокавказской культуры в эпоху халколита, что, впрочем, являлось в ту эпоху отличительной чертой всего развития кавказских культур в целом.

Классическим центром древнекавказской бронзовой металлургии был издавна Кобанский район, расположенный на территории Осетии. Громадное количество бронзовых вещей кобанской эпохи и кобанского типа было найдено еще в дореволюционную эпоху. Однако множество этих ранее найденных предметов было обнаружено при несистематических, часто хищнических, а иногда и случайных раскопках, что не дало своевременно возможности установить весь археологический комплекс, проследить последовательность культурных слоев, правильно датировать все найденные вещи и на основании всего этого дать историко-археологическую характеристику кобанской культуры в целом. Приступить к разрешению этой важнейшей проблемы смогли лишь советские археологи, начавшие систематические раскопки на территории Осетии, а также в ряде других районов Кавказа. В этом отношении представляют несомненный интерес раскопки, организованные в Дигории (Сев. Осетия) Историческим музеем под руководством Е. И. Крупнова. Здесь около известного Галиатского могильника в 1935 г. были найдены следы древней, докобанской культуры, характерной наличием бронзовых украшений и классического типа древнейшего скорченного погребения. Около верхней Кобани в Тагаурии Е. И. Крупновым было обнаружено любопытное сочетание бронзовых изделий с каменными. Все эти находки с несомненностью указывают на глубокую древность докобанской и отчасти самой кобанской культуры, которые, очевидно, связаны между собой не только территориально. Бронзовый нож и кремневый наконечник стрелы, найденные в Тагаурии, Крупнов относит ко II тысячелетию до н. э. Во время этих раскопок около сел. Камунта было найдено Кобанское селище. Среди находок на этом селище выделяется фибула очень редкого типа. Не менее интересные раскопки были произведены Е. И. Крупновым на территории Дигории в 1937—1938 гг. Раскопанный сотрудниками Исторического музея могильник «Верхняя Рутха» дал богатейший археологический материал, преимущественно бронзовый, относящийся к различным стадиям кобанской культуры. И в данном слу-

[1] Там же, стр. 140.

чае, существенно любопытное сочетание каменных полированных и сверленных топоров с бронзовым оружием и бронзовыми украшениями, а также одновременное наличие кремневых и бронзовых наконечников стрел. Здесь же были обнаружены прямоугольные коллективные могилы, обложенные плитняком, и следы частичного трупосожжения. Весь этот ценнейший археологический материал позволяет приступить к изучению корней и стадий кобанской культуры, а также установить несомненные связи, соединяющие кобанские памятники с бронзовыми вещами аналогичного типа, найденными в других археологических районах Кавказа. Так, например, в 1921 г. в г. Орджоникидзе был найден типичнейший кобанский инвентарь. Вещи кобанского типа найдены были в Кабарде, а также (в глиняных сосудах) в окрестностях сел. Эшери в Абхазии. При сравнительном изучении всех этих бронзовых вещей кобанского типа громадное значение имеет также и вопрос о способе погребения, который не только проливает свет на религиозные воззрения людей той эпохи, но кроме того позволяет точнее установить связи между различными бронзовыми культурами кобанского типа, а также датировать соответствующие археологические комплексы.[1]

Стремясь охватить возможно более широкий район, советские археологи приступили к археологическому обследованию тех областей, которые в дореволюционную эпоху почти совсем не подвергались историко-археологическому изучению. В этом отношении свежий и ценный материал дали раскопки в Чечено-Ингушетии, производившиеся А. П. Кругловым. В 1936 г. им, по поручению Академии истории материальной культуры, было произведено археологическое обследование некоторых районов в долине рек Аргуна и Терека. Здесь было обнаружено поселение бронзовой эпохи, причем наиболее древние находки были сделаны около сел. Дубаюрт. Характерно, что найденная здесь керамика очень близка по своему типу к керамике бронзовой эпохи, обнаруженной у г. Нальчика (Кабарда). Таким образом, весь район центрального Кавказа (Кабарда, Сев. Осетия и Чечено-Ингушетия) в значительной степени насыщен памятниками бронзовой, в частности кобанской эпохи.[2] Именно здесь находился один из центров бронзовой металлургии, сохранивший свое значение вплоть до средневековой эпохи, как на то указывают раскопки катакомбного могильника на р. Аргун.[3]

Довольно большие археологические работы были произведены северокавказской экспедицией Исторического музея в 1939 г. на территории Чечено-Ингушетии и Дагестана, в частности в горных районах Чечни и по берегу Каспийского моря. Во время этих раскопок было обнаружено большое количество вещей, относящихся к эпохе бронзы. Наиболее древние из этих памятников относятся ко II тысячелетию до н. э. Особенный интерес и в данном случае представляет группа памятников, одновременная могильникам кобанского типа в западных районах Кавказа (I тысячелетие до н. э.). В этом отношении следует отметить могильник у сел. Хорочой, где обнаружены погребения в каменных ящиках, керамика, украшенная елочным узором, кремневые стрелы и

[1] Крупнов Е. И. Северокавказская археологическая экспедиция. Сов. археология, 1936, т. I, стр. 280—281. Его же. Из результатов северокавказской археологической экспедиции Гос. Историч. музея 1937—1938 гг. ВДИ, 1939, № 1, стр. 264—265. Его же. Галиатский могильник. ВДИ, 1938, № 2, стр. 113.

[2] Круглов А. П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Зап. Чечено-ингушского научно-исслед. инст. языка и истории, Грозный 1938, т. I.

[3] Там же, стр. 13 и сл.

бронзовые украшения. Особенный интерес представляют изображения двухколесной арбы и колес со спицами, найденные на стенке каменного ящика у сел. Берекей. Этот редчайший рисунок дает нам не только возможность восстановить довольно точно внешний вид древнекавказской повозки, но и установить связь между древними культурами центрального Кавказа и Передней Азии, где, как известно, колесница в своем очень первобытном виде появилась уже в конце IV тысячелетия в древнем Шумере. Наконец, целый ряд памятников (ямы хозяйственного назначения, зернотерки, песты, кремневые вкладыши в серпы, наличие частей животных в погребениях) дает обильный материал для реконструкции хозяйственного быта той эпохи, к которой относятся данные археологические комплексы.[1]

Огромное историко-археологическое значение имеют мегалитические памятники, главным образом менхиры и дольмены, которые в большом количестве сохранились на территории Кавказа. К этим памятникам древнего культа примыкают и циклопические постройки, в частности крепостного типа. В области изучения этой интереснейшей мегалитической культуры советские археологи за последние 25 лет добились очень больших результатов. Целый ряд мегалитических памятников был зафиксирован, описан, изучен, отчасти раскопан. Наконец, была поставлена проблема сравнительно-исторического изучения мегалитических и циклопических памятников древнего Кавказа.

Интересные раскопки дольменов произведены Б. В. Луниным в 1923—1924 гг. на Черноморском побережье Кавказа, в частности около аула Красноалександровского на р. Аш. Здесь были обнаружены менхирообразные сооружения по углам одного дольмена, каменные отшлифованные топорики и бронзовые изделия. Как эти раскопки дольменов, так и многие другие, в частности раскопки геленджикских дольменов, указывают на то, что многие из мегалитических памятников Кавказа относятся к эпохе халколита или даже ко времени бронзы.[2] Не менее интересные раскопки дольменов были произведены и в Абхазии: в 1934 г. акад. И. И. Мещаниновым и в 1937 г. Соловьевым и Лукиным. При этих раскопках был найден материал, принадлежащий к двум стратиграфическим и культурным слоям. Нижний слой относился ко времени сооружения дольмена, а верхний — к значительно более позднему времени, что ясно указывает на длительное существование погребальных обычаев, связанных с мегалитическими сооружениями. И в том и в другом слоях были обнаружены медные и бронзовые вещи, причем некоторые из них близки к кобанским вещам, в частности из дигорских могильников. Таким образом, и эти дольмены могут быть связаны с памятниками кобанской эпохи.[3]

Крупные археологические работы были произведены и на территории Азербайджана, в частности в Нагорном Карабахе, где было обнаружено много памятников, тесно связанных с культурами древнего Востока, в частности с культурой урартийских племен. Эта важнейшая историческая проблема имеет огромное значение для истории народов СССР, так как она дает возможность осветить вопрос о существовании древнейшего Урартийского государства на территории СССР, о взаимных

[1] Круглов А. П. Археологические работы на Северном Кавказе. Кратк. сообщ. о докладах и полевых исслед. Инст. ист. мат. культ. М. 1940, т. V, стр. 65—69.

[2] Лунин Б. В. Археологические исследования на Черноморском побережье в 1923—1924 гг. Бюлл. Сев.-Кавк. бюро краевед., Ростов н/Д. 1926, № 3—4, стр. 35—36.

[3] Куфтин Б. А. К вопросу о ранних стадиях развития бронзовой культуры на территории Грузии. Кратк. сообщ. о докладах и полевых исслед. Инст. ист. мат. культ., М. 1940, т. VIII, стр. 8—10.

влияниях между древнекавказской и урартийской культурами. Правильная постановка и правильное разрешение этой проблемы в корне вскрывают всю фальшь и всю антинаучность фашистских «теорий» о мнимом исконном превосходстве так называемой «арийской германско-нордической расы». Как ясно показывают историко-археологические исследования советских ученых, на территории Кавказа уже в глубокой древности жили урартийские и родственные им яфетические племена, создавшие высокую и своеобразную культуру и образовавшие сильное и независимое государство. Эта древнекавказская и связанная с нею урартийская культуры были тесно связаны с великими культурами древневосточных народов. Еще в 1926 г. акад. И. И. Мещанинов нашел в Кызыл-Ванке своеобразную крашеную керамику, относящуюся ко II тысячелетию до н. э. Крашеная керамика, относящаяся к той же эпохе, была обнаружена А. Алекперовым в 1927 г. в Мильской степи. В частности, эта керамика близка к аналогичным предметам, найденным в Борчалинском уезде в Грузии, и в то же время обнаруживает некоторую связь с древнехеттской культурой, а также с эламским миром, что дает возможность видеть «в азербайджанской крашеной керамике не обособленное явление, а одного из представителей вообще переднеазиатского мира».[1] К этому же кругу памятников относятся и вещи, входящие в так называемый комплекс ресслеровской культуры белой инкрустации, обнаруженный в Ганджинском уезде. Найденная здесь керамика по своему орнаменту очень близка муссианской (эламской). Тут же были найдены и вещи, сделанные из бронзы и железа и относящиеся к эпохе халдов. Имеются все основания полагать, что и эти памятники тесно связаны с культурой древней Передней Азии.[2]

Большой вклад в историко-археологическое изучение древнего Кавказа сделали советские археологи, специально обследовавшие циклопические крепости Азербайджана, в частности А. Алекперов и И. Джафар-Задэ. Некоторые из этих крепостей представляют большой исторический интерес, так как они «датируются в своем существовании древнейшими в Закавказье письменными свидетельствами халдского (урартского) периода». В 1927 г. были обследованы циклопические крепости, находящиеся в Айрумских горах в Ганджинском районе. В 1928 г. А. Алекперов и И. Джафар-Задэ установили в Калакенте наличие циклопических кладок прекрасной сохранности. Здесь даже удалось установить план крепости со своеобразными террасовидными спусками уцелевших стен. Около этих крепостей были обнаружены обширные могильники с каменными ящиками. Аналогичный каменный ящик с типично закавказским бронзовым инвентарем халдской эпохи (IX—VII вв. до н. э.) был раскопан в 1925 г. у сел. Баеи. Таким образом, и этот археологический комплекс тесно связан с урартийской эпохой и культурой.[3]

Значительный научный интерес представили далее раскопки, организованные в Нагорном Карабахе и в Нахичеванском крае в 1926 г. под руководством И. И. Мещанинова. Особенную ценность представляют находки, сделанные в Ходжалах. Здесь были обследованы и раскопаны курганы пяти типов, в частности каменный курган, в центре

---

[1] Мещанинов И. И. Изучение доисторических памятников Азербайджана за последние пять лет. Изв. общ. обслед. и изуч. Азербайджана, Баку 1929, № 8, вып. II.

[2] Там же.

[3] Мещанинов И. И. Восточное Закавказье времен халдских завоеваний. ВДИ, М. 1937, № 1, стр. 68. Его же. Изучение доисторических памятников Азербайджана. Баку 1929, стр. 5—6.

которого было обнаружено погребение, обложенное каменными плитами, изделия из бронзы и 1500 сердоликовых бус. Тут же были найдены черепки сосуда с геометрическим орнаментом, осколки обсидиана и ассирийская бусина. Все эти находки устанавливают тесную связь между этими памятниками и древнеассирийской культурой. Огромный интерес представляют также раскопки в районе Кызыл-Ванка, где И. И. Мещаниновым была найдена замечательная полихромная керамика, украшенная геометрическим узором, погребальная камера, сложенная из больших каменных плит, обсидиановые стрелки, каменные сельскохозяйственные орудия и на ряду с ними бронзовые изделия и вещи из железа, что позволяет датировать эти погребения длительным периодом, охватывающим бронзовый и бронзово-железный века.[1]

Наконец, в 1938 г. в Киркиджане и в Степанакерте были произведены раскопки Гуммелем. Различные бронзовые изделия изящной работы, найденные в Киркиджане, могут быть отнесены к периоду перехода от бронзы к железу, т. е. ко времени образования Урартийского государства (начало I тысячелетия до н. э.). К более древнему времени, очевидно ко II тысячелетию до н. э., относится коллективное погребение, раскопанное Гуммелем в Степанакертском кургане № 103.[2]

Не меньший научный интерес представляют археологические памятники древней Армении, восходящие к доурартской и урартской эпохам. Ценные результаты в историко-археологическом изучении этих памятников были достигнуты Б. Б. Пиотровским и Л. Ж. Гюзальяном, которые тщательно обследовали циклопические крепости древней Армении. Это археологическое обследование древних крепостей, находящихся в районе северных и северо-западных склонов Арагаца, было произведено в 1930—1932 гг. В результате этого обследования удалось датировать и разбить на определенные три группы вышеуказанные крепости.[1]

1. К первой группе можно отнести небольшие цитадели, расположенные на вершинах холма и относящиеся к доурартской и урартской эпохам. Под холмом и на склонах холма обычно находилось поселение, не обнесенное стенами. Рядом располагались могильники бронзовой эпохи.

2. К второй группе следует отнести крепости, тесно связанные с определенными клинообразными надписями, как, например, Колагран, Нор-Баязет и Атамхан.

3. К третьей группе относятся поселения крепостного типа, образующие собой почти целый город. Архаические по кладке стены охватывают собой целую систему холмов.

Археологическое обследование этих крепостей дало ценнейший историко-археологический материал, позволивший подробнее осветить вопрос о продвижении халдов в области Закавказья, в частности Армении. Большой интерес представляют и некоторые находки, произведен-

---

[1] Мещанинов И. И. Краткие сведения о работах археологической экспедиции в Нагорный Карабах и Нахичеванский край, снаряженной в 1926 г. Обществом изучения Азербайджана. Сообщ. ГАИМК, Л. 1926, т. I. Его же. Археологическая экспедиция Общества в Нагорный Карабах и Нахкрай. Изв. Общ. обслед. и изуч. Азербайджана, Баку 1927, № 4, стр. 104—107.

[2] Гуммель Я. И. Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 г. Изв. Азербайдж. фил. АН СССР, Баку 1939, № 4, стр. 77—90. См. рецензию Е. Крупнова, ВДИ, 1940, № 1, стр. 140—142. Ср. Гуммель Я. И. Археологические очерки. Баку 1940.

ные в этих местах, в частности обсидиановые отщепы и орудия, бронзовые изделия и своеобразная керамика. Все эти памятники с несомненностью указывают на то, что Закавказье в эпоху существования Урартийского государства представляло собой цветущую и богатую страну, населенную древними племенами, носителями древней, высокой и своеобразной культуры.[1]

Наконец, новую страницу в истории древнего Кавказа открыли раскопки Б. А. Куфтина в Грузии, огромное значение которых было отмечено высокой правительственной наградой — Сталинской премией. Археологическое изучение древней Грузии в течение последних двух десятилетий с ясностью показало, что на территории Грузии в глубокой древности жили люди и постепенно возникала и развивалась высокая и своеобразная культура. Раскопки Самтаврского могильника близ Мцхета, возобновленные в 1938 г. акад. Джавахашвили и А. Н. Калантадзе, дали огромный археологический материал самого различного типа. Здесь были обнаружены грунтовые погребения, восходящие к концу II тысячелетия до н. э., погребения в кувшинах, напоминающие погребения, найденные в древней Палестине, и, наконец, уже отмеченные нами выше погребения в каменных ящиках. Большой интерес представляет хорошо сохранившаяся керамика, найденная в Самтавро, в частности круглые низкие сосуды, покрытые вдавленным геометрическим орнаментом, а также интереснейший сосуд с рельефным изображением ползучей змеи, который, очевидно, имел культовое назначение и живо напоминает «змеиные домики» из Бет-шана (Палестина). Типичны для грунтовых погребений и различные бронзовые изделия: пинцеты, кольца, булавки и пояса, украшенные изображениями животных и геометрическим узором.[2]

Много отдельных ценных памятников бронзовой эпохи было найдено и в других местностях Грузии. Так, в 1930 г. в сел. Гостибе в Картлии, в сел. Сассирети около Гори и в сел. Анага в Кахетии были найдены бронзовые топоры, наконечники копий, кинжалы, короткие мечи, резцы, удила, браслеты и кольца, наконец маленькие произведения металлургического искусства: фигурки птиц и головка козла. Многие из этих вещей относятся к XIII веку до н. э. и очень близки к типичным вещам кобанской культуры, что позволяет установить тесную связь между металлургическими и культурными центрами центрального Кавказа и Закавказья.[3]

Но, конечно, наиболее важные археологические открытия были сделаны Б. А. Куфтиным во время его раскопок, продолжавшихся с 1936 по 1940 г. в Цалкинском районе, в долине р. Храмы, в местности Триалети. Здесь был раскопан ряд могильников и курганов. В них было найдено множество разнообразных предметов, которые относятся к различным эпохам, начиная от сассанидского времени и кончая серединой II тысячелетия до н. э. В некоторых случаях можно даже говорить и о более древних эпохах. Так, например, к глубокой древности относятся кремневые ножички и наконечники стрел из кремня. Более позднему периоду принадлежат обсидиановые наконечники стрел

---

[1] Пиотровский Б. Б. и Гюзальян Л. Ж. Крепости Армении доурартского и урартского времени. Пробл. ист. мат. культ., 1933, № 5—6, стр. 51—58.

[2] Считаю своим долгом выразить глубокую благодарность А. Н. Калантадзе за то, что он дал мне возможность ознакомиться на месте, в Мцхете, а также в Центральном музее Грузии с результатами его интереснейших раскопок Самтаврского могильника.

[3] Makalathia. Découvertes archéologiques en Géorgie en 1930. Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Wien 1932, B. LXII, SS. 108—109.

двух типов. Огромное количество найденных здесь обсидиановых изделий и обломков вулканического стекла является типичной чертой данного археологического комплекса. Особенный интерес, как и всюду на Кавказе, представляют памятники бронзовой эпохи, в большом количестве найденные в Цалкинском районе. Так, в Бешташенском могильнике был найден инвентарь, похожий на вещи из нижнего этажа Самтаврского могильника, но более древний. Здесь было найдено множество интереснейших бронзовых вещей, как, например, серпы, удила с псалиями из рога оленя, кинжальные клинки кобанского типа, конические бронзовые шлемы, узкие пояса, втульчатые копья, шаровидные булавы и бронзовый молоточек (близкий к ходжалинскому). Многие из этих вещей обнаруживают явно кобанский тип, другие же происходят из южнокавказских производственных центров.

Еще более интересные памятники глубокой древности были найдены в курганах. Эти интереснейшие предметы отличаются большим своеобразием и несомненно тесно связаны с «основной переднеазиатской культурой». Характерно, что в этих курганах были найдены очень древние предметы. Такова чашка сфероидальной формы с черной росписью, близкая к самой древней закавказской керамике из Кызыл-Ванка. Таковы также крупные сосуды типа гидрий без ручек, украшенные орнаментом из волокнистых линий и изображениями птиц, аналогичные сосудам 2-го эламского стиля. В курганах младшей группы был найден очень богатый инвентарь и большое количество высоко художественных изделий ювелирного мастерства. Типичны для этих погребений следующие предметы: золотой или серебряный кубок, золотая арматура от «штандарта», золотые украшения, крупные глиняные сосуды типа гидрий или пифосов без ручек, редко встречающееся оружие, в частности серебряные кинжальные клинки, бронзовое копье, обсидиановые стрелки и керамика, украшенная типичным, но в то же время своеобразным геометрическим орнаментом. Среди всех этих вещей резко выделяются замечательные по своей форме, роскошные и изящно сделанные драгоценные предметы из золота и серебра, украшенные тончайшей зернью, филигранью и инкрустациями из драгоценных камней. Цалкинские драгоценности являются совершенно уникальными памятниками древнекавказского ювелирного искусства. Некоторые из этих вещей украшены изображениями, представляющими огромный историко-археологический интерес. Таков, например, серебряный кубок прекрасной сохранности с рельефными изображениями человеческих фигур, идущих вереницей к человеку, сидящему на троне. Отдельные детали этой несомненно культовой сцены, костюмы, обувь, тип лица изображенных фигур, характер ландшафта, изображения оленей и дерева, по мнению Б. А. Куфтина, позволяют сближать этот редчайший памятник искусства с древнехеттскими и древнеегипетскими художественными мотивами. Более того, Б. А. Куфтин устанавливает связь между цалкинскими драгоценностями и теми роскошными вещами из золота и серебра, которые были найдены в древнешумерских городах — в Уре и в Уруке и которые относятся к началу III тысячелетия до н. э., а может быть даже и к несколько более раннему времени.

Дальнейшее археологическое обследование Цалкинского района и подробное изучение уже обнаруженных здесь памятников прольют более яркий свет на эту сложную научную проблему. Однако уже теперь можно считать установленным тот факт, что в глубокой древности (очевидно во II тысячелетии до н. э.) на территории

Грузии, в долине р. Храмы, существовала своеобразная и высокая древнекавказская культура, тесно связанная с культурным развитием ряда древневосточных народов Малой Азии и Северной Месопотамии.[1]

Огромная историко-археологическая работа, проведенная советскими учеными в области изучения древнего Кавказа в течение последних двадцати пяти лет, дала очень значительные и ценные научные результаты. Теперь уже нельзя изучать памятники кавказской археологии вне связи с историко-культурным развитием древнекавказских племен. Своеобразная лексика, оригинальные формы древнейших кавказских языков, многочисленные языковые реликты позволяют говорить об определенной яфетической группе или, вернее, стадии в развитии целого ряда языков. С другой стороны, этот богатейший лингвистический материал, тесно связанный с фольклором, с богатым народным художественным творчеством и с высоко развитой материальной культурой, в частности с достигшей высокого развития бронзовой металлургией, дает возможность подвергнуть всестороннему изучению культуру древнекавказских народов. Наконец, становится совершенно несомненным, что весь древнекавказский культурный мир уже с конца III тысячелетия был тесно связан с культурным развитием древневосточных народов, населявших Малую Азию, северную Месопотамию, Сирию, Иран и может быть даже, конечно в более поздние времена, Египет.[2]

Таким образом, древний Кавказ с его высокой и своеобразной культурой входил в круг великих и мировых древневосточных культур. Заслуга постановки и частичного разрешения этой важной научной проблемы почти целиком принадлежит советским ученым, которые сумели противопоставить «расовым» бредням фашизма глубокий анализ общечеловеческих корней культуры.

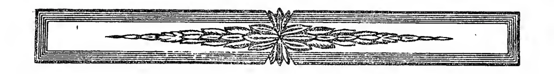
---

[1] Куфтин Б. А. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. Кратк. сообщ. о докладах и полевых исслед. Инст. ист. мат. культ., М. 1940, т. VIII, стр. 5—35. Его же. Археологические раскопки в Триалети. I. Опыт периодизации памятников. Тбилиси 1941.

Считаю своим долгом выразить благодарность Б. А. Куфтину за то, что он дал мне возможность изучить на месте результаты его раскопок.

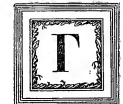
[2] Иессен А. А. К вопросу о древней металлургии меди на Кавказе. Л. 1935. Захаров А. А. Кавказ, Малая Азия и Эгейский мир. Труды секции археологии, М. 1928, т. II. Пиотровский Б. Б. Египетские предметы в Северокавказском крае. Сообщ. ГАИМК, Л. 1931, № 6. Мещанинов И. И. Египет и Кавказ. Изв. Общ. обслед. и изуч. Азербайджана, Баку 1927, № 4. Avdief V. I. Egypt and Caucasus. Ancient Egypt and the East. London 1933, March-June, parts 1—2.

Проф. В. И. АВДИЕВ

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ромадные возможности, открывшиеся после Октябрьской революции перед советской исторической наукой, были всесторонне использованы советскими историками и археологами. Новые вопросы и проблемы были поставлены с неслыханной ранее свободой, смелостью и широтой. Если раньше историки обращали свое внимание почти исключительно на «русскую историю», на историю русского народа, то теперь они значительно расширили свой кругозор, подвергая внимательному историческому исследованию историческое прошлое всех народов, населяющих обширную территорию Советского Союза. Разумеется, в этом отношении особенно привлекали к себе внимание те народы, которые имели богатое историческое прошлое и в свое время сыграли крупную историческую роль. Именно поэтому историко-археологическое изучение Средней Азии стало одним из важнейших участков советской исторической науки.

Древние культурные страны Средней Азии — Гиркания, Бактрия, Согдиана были хорошо известны античным писателям. Геродот, Страбон, Диодор, Арриан и Курций Руф дали в своих трудах интереснейшие описания этих стран и народов, их населявших.[1] Из этих описаний мы узнаем, что многие области Средней Азии, благодаря своей плодородной почве и естественным богатствам, уже в древности были густо населены, что здесь существовали города и ключом била культурная жизнь. Во время своего похода в Азию Александр Македонский именно в этих областях — в Бактрии и Согдиане натолкнулся на особенно упорное сопротивление свободолюбивых и независимых народов Средней Азии. Ценнейшие сведения дают нам и китайские источники, в которых, в частности, описывается далекая западная страна Давань, как китайцы называли Фергану. Наконец, громадное историческое значение имеют труды арабских географов и историков, которые порой весьма подробно описывают историческое прошлое, быт и жизнь среднеазиатских народов. Все эти источники дают нам возможность проследить хотя бы в общих чертах линию развития тех народов, которые населяли со времен античной древности области Средней Азии. Однако все эти свидетельства иноземцев не достаточны для исчерпывающего изучения истории Средней Азии, так как они дают одностороннюю и очень неполную картину. Только археологиче-

---

[1] Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э.—III в. н. э.). Хрестоматия под редакцией Л. В. Баженова. Ташкент 1940.

ское изучение подлинных памятников старины может восполнить эти лакуны. Поэтому советские ученые принуждены были обратить особенное внимание на археологическое изучение древностей Средней Азии и на организацию связанных с этим крупных археологических обследований, разведок и раскопок.

Свидетельства античных авторов, высокий уровень древней и своеобразной культуры, наконец архаические пережитки, сохранившиеся в некоторых языках среднеазиатских народов, давно уже наводили исследователей на мысль о том, что в Средней Азии должны были существовать древнейшие очаги человеческой жизни и культуры. Однако только благодаря недавним археологическим открытиям это предположение нашло себе полное и научное подтверждение. В 1938 г. археолог А. Окладников нашел палеолитическую стоянку в гроте Тешик-Таш в Байсунском районе, около кишлака Мачай, близ р. Турган-Дарьи (Узбекистан). В этом гроте были обнаружены кости различных животных: оленя, дикой лошади, горного козла, кабана, сурка, пищухи и пр. Особенно много было найдено костей горного козла, на которого, очевидно, главным образом охотились первобытные представители каменного века. Тут же было найдено и около 150 грубо сделанных рукой человека каменных орудий. Среди них следует отметить пластинчатые отщепы, дисковидные нуклеусы, рубящие орудия, массивные и небольшие скребки, изящные остроконечники и наковаленки. Наконец, особенный интерес представляют остатки детского скелета: череп, ребра, позвонки и кости конечностей, которые позволяют установить близкую аналогию с костяком неандертальца мустьерской эпохи. Эти раскопки были продолжены в 1939 г. На верхней площадке грота Тешик-Таш были обнаружены кости животных, в частности крупного хищника, и каменные орудия, как, например, скребки, пластины, дисковидные нуклеусы и остроконечники, аналогичные мустьерским орудиям, найденным в Палестине. Другая палеолитическая стоянка была обнаружена Окладниковым в гроте Амир-Темир. Здесь был найден инвентарь, близкий к вещам из Тешик-Таша, в частности типичные мустьерские орудия: ручное рубило, дисковидный нуклеус и скребло. Имеются основания предполагать, что грот Амир-Темир был временным убежищем первобытного охотника, где им добывался камень для изготовления орудий. Эти археологические открытия произвели целую сенсацию в науке. Отныне можно с уверенностью говорить о том, что в Средней Азии люди жили с древнейших времен, даже со времени древнекаменного века.[1]

Более поздняя стоянка конца палеолита или времени мезолита была раскопана М. В. Воеводским в Самарканде в 1939 г. Здесь было найдено несколько кострищ, кости животных, главным образом дикой лошади и верблюда, и отходы производства древнего человека: отщепы, пластинки и нуклеусы. Очевидно, это было временное поселение первобытных людей, расположенное на берегу ложбины небольшого ручья.[2]

Наконец, на территории Туркмении были обнаружены стоянки первобытных охотников, которые пользовались орудиями микролитического типа. Такие же стоянки были найдены в Каракумской пустыне, в Кызыл-Такыр, в Дуз-Юзи и на побережье Каспийского моря. Можно думать, что эти стоянки относятся к самым первым стадиям неолити-

[1] Окладников А. Находка неандертальца в Узбекистане. ВДИ, 1939, № 1, стр. 256—257. Его же. Мустьерская стоянка в гроте Тешик-Таш в Узбекистане. Кратк. сообщ. ИИМК, 1939, № 2. См. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 330—331.

[2] ВДИ, 1940, № 1, стр. 208.

ческой эпохи.[1] Большой научный интерес представило далее углубленное научное изучение памятников так называемой культуры Анау, относящейся ко времени халколита и бронзовой эпохи. Как показали дальнейшие раскопки, оригинальная и своеобразная культура Анау существовала на обширных территориях Средней Азии. Памятники типа культуры Анау были найдены в Ак-Тепе близ Ашхабада, в Намазга-Тепе близ Каахка, в бассейне р. Зеравшана, в районе Термеза и даже в Ферганской долине. Эти памятники были найдены главным образом в предгорьях, там, где маленькие горные речки выходят на равнину. Очевидно, именно в таких естественных условиях возникали древнейшие формы искусственного орошения у тех племен, которые постепенно переходили от охоты и скотоводства к земледельческому хозяйству.[2]

Переход от примитивных форм кочевого хозяйства древнего охотника и скотовода к более высоким формам земледелия, основанного на искусственном орошении, происходил во всех странах древнего Востока в V—IV тысячелетиях до н. э. Приблизительно в эту же эпоху появляется металлургия, главным образом обработка меди, а впоследствии бронзы. Крупный рост производительных сил приводит к развитию и усложнению хозяйства в целом, возникает древнейшая меновая торговля, появляются примитивные формы домашнего рабства, создаются все предпосылки для возникновения древнейшего классового общества. Именно поэтому изучение эпохи халколита и ранней бронзы представляет громадный научный интерес не только для археолога, но также и для историка. А изучение древнейших памятников этих эпох на территории Средней Азии проливает новый и неожиданный свет на все эти исторические проблемы и в то же время дает возможность установить типологическую и историко-культурную связь между Средней Азией и древним Востоком. Громадное научное значение в этом отношении имели раскопки в Хорезме, которыми в течение последних лет руководил С. П. Толстов.[3]

Хорезмская экспедиция в течение трех лет (1937—1939) производила крупные археологические работы на территории Кара-Калпакской республики, на землях древнего орошения близ Кызыл-Кумской пустыни, а также вдоль берега Аму-Дарьи. Здесь в мертвых песках Кызыл-Кумов археологам посчастливилось найти древнюю неолитическую стоянку Джанбас-Кала № 4 с памятниками своеобразной культуры, получившей название кельтеминарской. Среди находок следует отметить кости рыб и диких животных: дикой свиньи, оленя, косули, черепахи. Орудия, найденные здесь, относятся к типу микролитоидных. Это по большей части вкладыши для костяных или деревянных орудий, концевые скребки, проколки, скобели и мелкие наконечники стрел. Особенный интерес представляет керамика — глиняные сосуды, украшенные разнообразным штампованным и штриховым орнаментом, заключенным в кольцевые зоны. Имеются все основания предполагать, что эта керамика близка к степным культурам халколита восточной Европы и сев.-зап. Азии, в частности к афанасьевской культуре южной Сибири. Однако эта керамика неолитического Хорезма значительно архаичнее. На ряду с ней большой интерес представляют

[1] Марущенко А. У истоков культуры. Следы протонеолитических культур в Каракумах. Туркменоведение, 1931, № 7—9, стр. 71—74.

[2] Букинич Д. Д. Некоторые новые данные об Анау и Намазга-Тепе. Туркменоведение, 1929, № 5 (см. ВДИ, 1938, № 1, стр. 181).

[3] Толстов С. П. Древнехорезмийские памятники в Кара-Калпакии. ВДИ, 1939, № 3. Его же. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1.

найденные Толстовым большие остродонные чаши, сохранившие следы красной краски. Эти чаши можно сближать с керамикой из Анау, что позволяет установить связь между древнейшим Хорезмом и великими переднеазиатскими культурами.[1]

Более поздние памятники были найдены около Тешик-Кала и Джанбас-Кала. Эти памятники относятся к третьей культуре первобытного Хорезма, получившей название амирабадской культуры. Здесь следует отметить грубые толстостенные сосуды, иногда украшенные по краю елочным орнаментом. Эту своеобразную керамику можно сближать с доскифской керамикой Северного Кавказа. Эта аналогия дает основания Толстову предполагать «связь алано-сарматских племен и древнего населения Прикубанья с массагетскими племенами Приаралья». В этом отношении большой исторический интерес приобретает проблема сравнительного изучения тех пока еще не многочисленных данных, которые позволяют говорить о некоторой связи между хорезмийским, аланским и осетинским языками.

Не меньший, если не больший, научный интерес представляет историко-археологическое изучение памятников хорезмийской античности, открытых экспедицией Толстова. Это по большей части развалины крепостей и укрепленных поселений, относящиеся к первым векам нашей эры и значительно отражающие сильные эллинистические влияния. Хорошо сохранившиеся бойницы, стены и башни и различные оборонительные сооружения дают прекрасное представление о развитии крепостного строительства в эту эпоху. Детальное историко-археологическое изучение этих развалин дает возможность проследить отдельные этапы этого развития и установить цепь различных культурных влияний и пережитков. Так, например, в крепостях Кургашин-Кала и Аяз-Кала № 1 сохранился древний способ защиты крепостного угла двумя сомкнутыми башнями, образующими в плане форму, напоминающую ласточкин хвост. Этот тип углового укрепления, несомненно, восходит к древневосточной фортификации. Чрезвычайно близки к оборонительным укреплениям ворот древнеегипетских крепостей привратные укрепления, выступы и башни хорезмийских крепостей Джанбас-Кала и Аяз-Кала. Но на ряду с этим следует отметить своеобразные местные черты хорезмийской фортификации, отличающейся большим архаизмом. В этом отношении характерно полное отсутствие башен и замена их бойницами в Джанбас-Кала, а также ряд других элементов крепостной техники. Помимо «античных крепостей» здесь были обнаружены древние городища того же времени, остатки небольших укрепленных городков или поселений, в которых цитадель уже выделена из остального города и образует как бы особое мощное укрепление.

В развалинах этих интереснейших архитектурных памятников «хорезмийской античности» С. П. Толстову посчастливилось найти довольно много предметов, среди которых следует отметить множество прекрасных терракот, относящихся к концу дохристианского периода и к началу н. э., а также фрагменты сосудов с рельефными изображениями. Все эти памятники искусства позволяют говорить о своеобразном, порой высокохудожественном творчестве древних хорезмийцев, впитавшем художественные влияния античного мира и ахеменидского Ирана. Для датировки этих памятников большое значение имеют найденные в развалинах кушанские монеты II в. н. э. и раннехорезмийские монеты III в. н. э.

[1] Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941. № 1, стр. 158—159.

В 1939 г. Хорезмийская экспедиция внимательно обследовала и частично раскопала развалины большого укрепленного поселения Джанбас-Кала, относящегося к кангюйскому и раннекушанскому времени (III в. до н. э. — I в. н. э.). Раскопки обнаружили здесь остатки двух сплошь застроенных жилых массивов, разделенных широкой улицей или длинной площадью, идущей от ворот, которые защищены своеобразным предвратным укреплением. В каждом из этих массивов было по 200 небольших, соединенных между собой жилых комнат. По мнению Толстова, в этих массивах жили родственно связанные между собою роды, а все поселение отличалось дуальной организацией племени, разделенного на две экзогамные фратрии. Если это предположение будет подтверждено дальнейшими раскопками и исследованиями, то этот интереснейший факт прольет яркий свет на своеобразный архаизм древнехорезмийской культуры, долго и прочно сохранявшей пережитки глубокой древности. Большой научный интерес представляет и обнаруженный во время раскопок Джанбас-Кала храм огнепоклонников, или, вернее, общинное святилище огня, «дом огня», как позднее стали называть это святилище. Оно помещалось в небольшой угловой комнате, в середине которой находилось овальное возвышение, очевидно жертвенник. Вдоль стены шла узкая кирпичная скамья. В соседней комнате, очевидно служившей для общественных собраний и трапез, было найдено много обломков костей животных и черепков бытовой посуды. В развалинах Джанбас-Кала было найдено много интереснейших предметов. Среди них следует отметить большое количество архаических терракот со следами архаических ахеменидских и раннеэллинистических влияний, ручки сосудов со штампованными львиными мордами, бронзовые трехгранные наконечники стрел позднескифского типа и различные украшения.

К несколько более позднему времени относится архитектурный комплекс Аяз-Кала, состоящий из трех крепостей и довольно большого поселения. Повидимому, центром всего этого населенного района была расположенная на скале крепость Аяз-Кала, занимающая выгодное стратегическое положение на подступах к Хорезму. Судя по полукруглой форме башен, эта крепость может быть отнесена к кушанской эпохе (II—IV вв. н. э.). Однако она использовалась и в более поздние времена. Найденная здесь керамика XI—XIII вв. говорит о том, что эта крепость имела военное значение даже в эпоху «великих хорезм-шахов». На ряду с тремя крепостями были обнаружены и довольно большие усадьбы. Очевидно, в эту эпоху уже выделялась крупная родовая аристократия, представители которой жили в сильных замках, в то время как отдельные большие семьи занимали усадьбы, расположенные в поселке. Таким образом, изучение этого своеобразного архитектурного комплекса позволяет судить о процессе распада родового строя в первых веках н. э. на территории античного Хорезма. Интересные результаты дали раскопки жилого дома в усадьбе № 1. Здесь были обнаружены хозяйственные хранилища, своеобразные ульевидные печи (тандыры), типичная для кушанского времени керамика, бронзовые перстни, украшения и монеты кушанского царя Канишки.

Далее Хорезмская экспедиция подвергла историко-археологическому обследованию зону мертвого Беркут-Калинского канала. Здесь было описано и нанесено на план 96 замков и укрепленных усадеб и раскопан укрепленный двухэтажный замок № 36 с его многочисленными комнатами. Судя по некоторым находкам, этот замок может быть отнесен к афригидской эпохе (VIII—X вв. н. э.). Особый инте-

рес представляет здесь небольшая, перекрытая куполом пристройка, служившая, по мнению Толстова, специальным помещением для хранения неразложившихся трупов (ката), предусмотренным древнеперсидским зороастрийским погребальным ритуалом. При раскопках в этом доме были найдены семена культурных растений, кости домашних животных, остатки тканей, войлока, кожи, дерева, глиняной посуды и много алебастровых оссуариев на высоких ножках.

Наконец, были обследованы многочисленные укрепленные поселения, расположенные вдоль арыка Чермен-Яб, относящиеся к эллинистическому времени, а также средневековые крепости (XI—XIII вв.), построенные вдоль берегов Аму-Дарьи от Чарджоу до Турткуля. Среди этих последних памятников особенный интерес представляет городище Кюзели-Гыр, где были найдены своеобразная примитивная керамика и стрелы скифского типа, которые позволяют относить все это городище к ахеменидской эпохе.

Как ясно показал этот краткий обзор, историко-археологическое обследование Хорезма, производившееся Толстовым, имеет очень большое научное значение, так как оно открыло новую страницу в истории древнего и средневекового Хорезма. Эти раскопки дали возможность на основании большого найденного материала изучать материальную культуру и даже в некоторых случаях историю древнего Хорезма, где в своеобразных формах и под некоторыми иноземными влияниями складывалась своеобразная местная культура, особенно интересная для эпохи перехода от родового строя к рабовладению. Поэтому изучение древнего Хорезма представляет громадный научный интерес в связи с изучением истории и культуры застойных древневосточных обществ раннерабовладельческого периода. Средняя Азия занимает срединное положение между великими государствами и народами, существовавшими на территории Китая, Индии и Ирана.

Таким образом, Средняя Азия является как бы центром и сердцем Азии, соединявшим высококультурные народы Восточной, Южной и Передней Азии с отсталыми кочевыми племенами, жившими на территории Центральной Азии и Сибири. Через Среднюю Азию шли издревле важные торговые караванные и водные пути, соединявшие Азию с Европой и Северной Африкой, в частности с бассейном Средиземного моря. Поэтому именно в Средней Азии с эллинистической эпохи, а может быть и раньше, процветали большие поселения и даже города, лежавшие на стыке торговых путей и поэтому имевшие огромное политическое, культурное и экономическое значение. Само собой разумеется, что историко-археологическое исследование развалин этих городов имеет огромное значение для изучения не только Средней Азии, но и всех соседних с нею стран, начиная с эпохи Ахеменидов и кончая поздним средневековьем. В развалинах некоторых древних городов здесь можно проследить целый ряд культурных слоев, начиная с эпохи неолита и кончая мусульманской и монгольской эпохами. Таким древним торговым городом был Термез, расположенный на Аму-Дарье. Разумеется, что раскопки Термеза и окружающего его района, производившиеся Термезской археологической комплексной экспедицией в 1936—1938 гг. под руководством М. Е. Массона, имеют очень крупное научное значение. Эти раскопки производились тщательно, систематически, с большим знанием дела и потому дали очень ценные научные результаты.[1]

[1] Массон М. Е. Термезская археологическая комплексная экспедиция. Кратк. сообщ. ИИМК, Москва 1940, № 8. Термезская комплексная археологическая экспедиция. Труды УЗФАН. Ташкент 1940.

Во время этих археологических работ были подвергнуты серьезному обследованию различные объекты. Главное внимание было обращено на приамударьинскую часть городища. Но наряду с этим работники экспедиции изучали памятники первобытной эпохи, буддийские монастыри на возвышенностях Чингизтепа и Каратепа, городище Айртам, раскапывали мечеть IX в., дворец термезских правителей XI—XII вв., квартал металлистов, а также ряд других пунктов и памятников.

Судя по находкам предметов каменного века, район Термеза был населен со времен глубочайшей древности. Так, на городище Айртам были найдены эпипалеолитические орудия, а на самом городище старого Термеза были обнаружены кремневые орудия, типичные скребки и lames, относящиеся ко времени халколита или даже, может быть, неолита. А на платформе Дуньо-Тепе были найдены фрагменты древней крашеной керамики типа Анау, очевидно относящейся к бронзовой эпохе.

Однако более или менее полную картину жизни древнего Термеза можно получить лишь при изучении находок эллинистической греко-бактрийской эпохи. Очевидно, первоначальный город находился на месте средневековой цитадели и занимал около 10 га. Самыми ранними датированными находками здесь являются греко-бактрийские монеты III—II вв. до н. э. Изучение крепостных стен обнаружило несколько периодов кладки из крупных сырцовых кирпичей дофеодальной эпохи, что указывает на длительное существование этой крепости. К несколько более позднему времени относятся находки на городище Айртам, расположенном в 17 км к востоку от Старого Термеза. Здесь было раскопано святилище, в котором еще в 1933 г. был найден интересный скульптурный карниз и фрагмент статуи Будды. Рядом было обнаружено соседнее помещение, которое, судя по находившемуся здесь хозяйственному инвентарю — корчагам для хранения пищи и отстоя воды, было кухней при святилище. Среди находок здесь следует отметить разнообразную керамику, толстостенные хумы, огнеупорные котлы, кувшины, миски, светильники, терракотовые фигурки животных и людей, культовые вещи, архитектурные детали и, наконец, монеты, относящиеся к началу н. э.

На площади Дуньо-Тепе, входившей в состав более позднего шахристана (собственно города), были найдены интересные предметы, в частности важные для датировки этого слоя монеты типа Васудева. Судя по целому ряду данных, Термез рабовладельческой эпохи достиг наивысшего расцвета именно в кушанский период. К этому времени относится постройка внешних стен, окружавших два больших буддийских монастыря.

Археологическое обследование и раскопки холма Кара-Тепе и поселения близ Чингис-Тепе установили здесь наличие двух древнебуддийских пещерных монастырей, напоминающих знаменитые монастыри Бамиана. Наряду с индивидуальными пещерами (кельями) были обнаружены и более крупные пещеры, имевшие значение общественных помещений. На холме Кара-Тепе были раскопаны и развалины крупных наземных сооружений, большие монастырские здания, очевидно училище, реликварий, место собраний (вихара, ступа, сангарама). Здесь были найдены статуэтки, в частности боддисатвы, а также изображения буддийских ступ, нацарапанные на стенах пещер, керамика и монеты, относящиеся к первым векам н. э. Судя по некоторым найденным здесь фрагментам буддийских статуй и статуэток, эти монастыри существовали вплоть до VIII в. н. э.

Большой и ценный материал дали раскопки более поздних культурных слоев, относящихся к феодальной эпохе. Остатки мечети, раскопанной близ минарета 1032 г., могут быть отнесены к X—XI вв. Своеобразная отличительная черта архитектурного плана этой мечети — две открытые с угла и две закрытые стороны. Ее михраб (святилище) состоит из девяти полуколонок, образующих как бы гофрированную поверхность. Временем расцвета средневекового Термеза были XI—XII вв., когда были заново укреплены стены цитадели, город был окружен новыми внутренними стенами, а предместье было заново распланировано, причем ремесленные кварталы особенно разрослись. Большой интерес для изучения экономики того времени представляют результаты раскопок этих кварталов, где жили металлисты, стеклодувы и керамисты. Здесь были найдены керамический и стекольный шлаки, производственный брак и крицы сыродутого железа весом до 5 кг, различные железные изделия, торговые и жилые помещения мастеров. Подробное изучение находок показало, что ремесленный квартал существовал очень долго — от кушанской эпохи и вплоть до XIII в. н. э. Недалеко от этого квартала находились и дома термезских богачей. В одном из них была раскопана парадная комната с полом узорной кладки, с такой же панелью и оконной решеткой, украшенной вставленными осколками разноцветного стекла. Наконец, особенное внимание было обращено на археологическое изучение загородного дворца термезских правителей, который находился в восточной части старого Термеза и может быть датирован XI—XII вв. н. э. Развалины этого дворца привлекали археологов еще в 1927 г., когда экспедиция Музея восточных культур под руководством Б. П. Денике начала обследование этих интересных развалин средневекового Термеза. В 1937 г. раскопки были возобновлены в значительно более крупном масштабе. Во время раскопок были обнаружены выложенный кирпичом водоем, приемный зал с роскошными штуковыми украшениями и расчищен северный боковой павильон, где были найдены стеклянные декоративные медальоны с надписями, розетками и различными изображениями.

Таковы важнейшие результаты раскопок Термеза. Они дали возможность не только изучить историю этого важного среднеазиатского города начиная с первых веков н. э., но и поставить целый ряд крупных исторических проблем, связанных с вопросом о культурных взаимодействиях между Средней Азией, Индией, Ираном и античным эллинистическим миром.

Довольно значительные археологические работы были произведены на территории Ферганы в 1939 г. во время строительства Большого Ферганского канала. Экспедиция, состоявшая из 33 научных и технических сотрудников под руководством М. Е. Массона, производила археологическое обследование местности на трассе канала длиной в 270 км в течение 1½ месяцев. Подвергся обследованию большой культурный слой, который иногда тянется непрерывно на протяжении до 10 км. Наиболее богатыми в археологическом отношении оказались северо-восточные участки трассы. Здесь было обнаружено много городищ, несколько поселений и могильники, а также было сделано много отдельных находок. Особенный интерес представил древний археологический комплекс, в котором были обнаружены зернотерки, грубая керамика, сделанная без гончарного круга, сосуды с процарапанным орнаментом, каменные песты и ступки. Этот комплекс охватывает всю обследованную территорию и может быть отнесен к I тысячелетию до н. э. Далее следует отметить гончарную мастер-

скую с обжигательной печью, которая относится к первым векам н. э., и металлические шлаки, найденные на средневековом городище IX—XII вв. Возможно, что в эту эпоху здесь находилась мастерская металлистов. Таким образом, во время этих раскопок были найдены памятники различных эпох, начиная со 2-й половины I тысячелетия до н. э. и кончая XVII в. н. э. Для датировки более древних памятников большое значение имеют найденные монеты греко-индийского чекана, бухархудатты и др., среди которых встречаются редкие экземпляры. Эти раскопки на трассе Ферганского канала ясно показали, что вся почва Ферганы насыщена большим количеством ценнейших памятников древности, еще ждущих своего исследования.[1]

Археологическое обследование в Фергане, в долинах рек Сох и Шахимардан, производил в 1939 г. М. Воронец. Здесь были обследованы четыре городища, в которых были найдены тонкостенная ангобированная керамика, зернотерки и поздняя глазурованная керамика. Отмечены были шесть групп курганов различных типов и обнаружены интересные наскальные изображения, среди которых на ряду с более поздними встречаются образцы древнего реалистического искусства. Наконец, были найдены четыре группы древних горных выработок, в том числе медных и ртутных.[2]

Довольно значительный археологический материал для изучения древней истории Узбекистана был найден во время раскопок в Янги-Юльском районе Г. В. Григорьевым в 1937—1939 гг. Здесь было подвергнуто археологическому изучению городище Каунчи-Тепе и соседние курганы, расположенные между рр. Чирчиком и Боз-Су вдоль арыка Джун. Во время этих раскопок было вскрыто 12 курганов, относящихся к трем эпохам. Наиболее древние курганы с погребениями в скорченном положении и плоскодонными широкогорлыми сосудами относятся ко времени поздней бронзы. Более поздними являются коллективные погребения с узкогорлыми сосудами, плоскими мисками и грушевидными кружками, которые можно датировать серединой I тысячелетия до н. э. Наконец, в третью группу входят катакомбные, главным образом парные погребения. При мужских костяках здесь были найдены железные мечи, массивные кинжалы, стрелы и костяные обкладки луков, а при женских скелетах — бронзовые зеркала, навершие костяного гребня, бронзовая фибула, бронзовые и железные перстни, а также разные украшения. Среди бытовых предметов следует отметить железные ножи, глиняные сосуды и вьючные фляги. Эти последние погребения, судя по найденным вещам, относятся к III—IV вв. н. э.[3]

В 1936 г. экспедиция Узбекистанского исторического музея под руководством Г. В. Григорьева обследовала окрестности Самарканда, в частности древнее городище в кишлаке Фринкент, расположенное в междуречье Зеравшана. Тут были обнаружены остатки древних стен и зданий, но особенный интерес представили раскопки зороастрийского костехранилища оссуариев с огромным количеством различных сосудов, расположенных иногда в три ряда. Здесь были найдены голубые поливные сосуды, бирюзовый изразец и бирюзовый светильник на высокой ножке, а также фрагменты сосудов с белой поливой и типичным орнаментом XIII в. Все это доказывает, что данное костехранилище существовало очень долго, вплоть до XIII в., в связи

[1] ВДИ, 1940, № 1, стр. 209.
[2] Там же, стр. 208.
[3] Григорьев Г. В. Краткий отчет о работах Янги-Юльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент 1940.

с длительным пережиточным сохранением древних форм зороастрийского культа.[1]

Наконец, в Бухаре, в районе Зеравшана, в 1937—1938 гг. производил раскопки В. А. Шишкин. В 35 км к северо-востоку от Бухары, в пустыне Кызыл-Кум, на городище Варахша были обнаружены развалины дворца, помещения которого были украшены богатейшей штуковой декорацией. На ряду с геометрическим и растительным орнаментом здесь сохранились горельефные изображения деревьев, птиц, рыб и людей. Большое художественное значение имеет также роспись стены Варахшского дворца, вскрытая в 1939 г. Взор зрителя привлекают изображения животных — коня, тигра, оленя и пантеры, а также фигуры охотников, сидящих на слонах. Вооруженные луками и копьями, одетые в короткие штаны и плащи, охотники сражаются с львами, тиграми и фантастическими крылатыми животными.

Высокохудожественная реалистическая трактовка этих изображений заставляет В. А. Шишкина относить Варахшский дворец к V—VII вв. н. э.[2]

Большие археологические работы были произведены в 1936—1938 гг. и на территории Казахстана — в Джамбульской и Алмаатинской областях, а также в Киргизии — в долинах рек Чу, Большого и Малого Кебина. Особенно следует отметить раскопки древнего города Тараза, находившегося на месте современного Джамбула, на левом берегу р. Таласа. Во время этих раскопок были найдены интересные памятники, относящиеся к V—XV вв. н. э.

Развалины древнего Тараза находятся в центре большого археологического комплекса, отдельные части которого точно соответствуют описаниям персидских, китайских и арабских писателей, в частности географа X в. Макдиси. Здесь можно найти обычные части древнего города Средней Азии (цитадель, собственно город и предместье). Цитадель находилась посередине северной части шахристана (собственно города), образовывавшего прямоугольник, ориентированный по странам света. Произведенные здесь раскопки дали возможность установить пять культурных слоев: 1) Современный. 2) Слой XIII—XV вв. с предметами древнемонгольского периода, в частности с голубой тимуридской и иранской керамикой. 3) Слой XI—XII вв. н. э. Здесь были найдены фундаментальные сооружения, каменная кладка городского строительства, в частности тротуара, колодцы, арыки, вымостки из булыжника, много керамики высокого качества и монеты тюрко-китайские и мусульманские. Из более древнего слоя сюда попали варварское подражание римскому солиду V в. н. э. и форма для терракоты гандхарского типа. 4) Слой VIII—X вв. Вследствие нарушений слоя, вклиниваний более поздних слоев, древних катастроф и перестроек археологическая картина здесь гораздо сложнее. Среди вещей, найденных здесь, следует отметить блюдо с изображением «дерева жизни», керамику, украшенную разнообразными орнаментами, в частности так называемую «согдийскую» керамику, т. е. большие сосуды в виде кувшинов с солярным орнаментом из волют и символов солнца, наконец тюргешские монеты VIII в. н. э. Многие из этих вещей указывают на вторую согдийскую колонизацию Семиречья в середине VII века н. э. 5) Слой V—VII вв., характеризующийся отсутствием поливной посуды и множеством терракот и

[1] Григорьев Г. В. Каунчи-Тепе. Ташкент 1940. Его же. Зороастрийское костехранилище. ВДИ, 1939, № 2.

[2] Шишкин В. А. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент 1940. Его же. Раскопки в Варахша. Искусство, 1939, № 5.

предметов, украшенных объемным орнаментом. Таковы ручка оссуария в виде головы обезьяны, статуэтка лошади, ритуальные предметы с ручками в виде голов птиц, напоминающие бронзовые пряжки-застежки Ханьского времени из Ордоса, что, очевидно, указывает на китайское влияние. Эти последние вещи относятся ко II в. до н. э. и к более позднему времени вплоть до V в. н. э.

Далее, в развалинах Тараза была произведена зачистка северо-восточной башни цитадели, что дало возможность установить три строительных периода. Затем были обнаружены части городского водопровода, состоящего из гончарных труб, лежащих на специальном мягком грунте и в некоторых местах перекрытых каменными плитами. Наконец, была раскопана баня (хамам) XI—XII вв. Здесь были найдены кирпичи с резными гипсовыми украшениями и фресковой росписью, обнаружены следы многокупольной крыши, ниши, корыта, ванны, водосливы и жаропроводящая система под полом и в стенах.

Все эти интереснейшие материалы указывают на то, что древний Тараз, имевший права самостоятельного округа, достиг своего расцвета в Караханидскую эпоху XI—XII вв. н. э.

Главный город целого округа, древний Тараз был окружен остатками поселений разных типов (тепе, турткули, городища). Одно из таких поселений, может быть старый город Джикиль, находилось на месте городища Кош-Тюбе. Весь комплекс найденных здесь вещей, как, например, типичное кочевническое тюркское украшение сбруи, указывает на еще широко распространенный кочевнический быт населения. Дальнейшее обследование таласской долины дало некоторое представление о структуре Таразского округа в древности. Обнаруженные материалы дали возможность говорить о комплексе «города и деревни», о единой и продуманной системе обороны и о связи земледельческого оазиса с кочевым населением. К западу от долины р. Таласа, в районе р. Ассы, уже постепенно исчезают остатки городских поселений. Здесь были обнаружены лишь археологические памятники кочевого быта, стоянки и курганники сарматского типа первых веков н. э. со всеми характерными чертами культуры ранней поры «великого переселения народов».

Целый ряд кочевнических погребений был обнаружен в верховьях р. Таласа и в долине р. Кенкол. Здесь было обследовано 220 курганных насыпей, в частности курганы с каменной насыпью I тысячелетия до н. э. Большой интерес представили далее катакомбные захоронения, в которых были найдены деформированные черепа, прекрасная орнаментированная керамика ручной лепки и много деревянной посуды, а также различного вида оружие: стрелы скифского типа, древки от стрел, плетка и костяные обкладки составного лука. Все эти предметы относятся к I в. до н. э. и к первым векам н. э. Весьма возможно, что эти могильники принадлежали северным гуннам. Во всяком случае они отличаются от усуньских и «сарматских» могильников.

Далее, в верховьях р. Таласа, было обнаружено 4 поселения городского типа со всеми составными частями средневековых мусульманских городов (цитадель, шахристан, рабад). В городе Ак-Тюбе был найден водопровод и мощные слои монгольского и послемонгольского периодов. В городище Садыр-Курган был обнаружен слой тимуридской эпохи с монетами Шахруха (XV в.). Судя по всем данным, земледельческий оазис был защищен длинными валами. Это обследование дало возможность отождествить данные городища с географи-

ческими названиями, встречающимися у Макдиси (X в.), и установить торговые связи между городами и кочевниками.

Затем в предгорьях Александровского хребта, к востоку от древнего Тараза, были обследованы курганники с позднекочевническими погребениями (до X в.) и мусульманской подбойной могилой XIV в. н. э. Интересные материалы были получены при раскопках городищ Кулана и Мирки. В Кулане были обнаружены цитадель, шахристан, большой рабад, причем всюду была найдена керамика VIII—X вв. На старой караванной дороге были обследованы остатки караван-сараев (турткулей) и поселений сельского типа, в которых были найдены грубая лепная посуда, зернотерки и кости домашних животных. Обследование огромных развалин Ак-Пешин дало возможность установить, что шахристан был обнесен стеной, рабад имел валы и что весь город был укреплен стенами, башнями, мощными укреплениями ворот и цитаделью. Все эти археологические данные дали богатый материал для истории западнотюркского каганата и для разрешения вопроса о происхождении тюркоязычных народов Киргизии и Казахстана.[1]

В 1939 г. было раскопано 44 кургана на огромном могильнике, расположенном на южном берегу оз. Нийли-Куль в Джамбульской области. Обнаруженные материалы прекрасно обрисовали социальную дифференциацию, существовавшую в этой местности в первых веках до и после н. э. Так, в рядовых могилах были найдены скромные предметы местного производства. А в погребениях воинов и знати было обнаружено оружие, богатые наборы бытовых предметов и украшений из ценных металлов, которые порой сработаны с высоким мастерством. Здесь следует отметить привозные вещи, указывающие на торговые связи с Китаем, и богатые украшения, как, например, золотые серьги, фигурные нашивки от одежды, бусы, кольца, поясные бляхи с изображением льва, нефритовую чашку китайской работы, эфес меча, железные и костяные наконечники стрел, металлические зеркала и части глиняной посуды не местной работы.

Ценные материалы дало археологическое обследование Киргизии. У селений Красная Речка и Ак-Пешин были обследованы развалины крупных городских поселений. В долинах рек Чу, Большого и Малого Кебина были обследованы поселения и могильники, в частности могильник тюркского времени (VI—VIII вв. н. э.). Все эти археологические работы дали возможность вскрыть характер древнего заселения края и наметить основные культурные центры.[2]

Интересные находки были сделаны т. Назаренко в 1939 г. в Казахстане, в Карагалинском ущелье Алмаатинской обл., близ урочища Мынг-Ошакты, на высоте 2300 м. Здесь были найдены кости человека и целый набор золотых предметов (300 штук), в частности длинная золотая полоса; два перстня со скульптурными изображениями верблюдов; бляшки со скульптурными изображениями козлов; серьга, изображающая мышь; бляшки, инкрустированные камнями с ободками зерни; золотые пластинки, изображающие древесный лист, и пр. Особенный интерес представляет золотая полоса, очевидно диадема, украшенная ажурным рисунком, который сделан чеканом. Рисунок, окруженный растительным узором, изображает фантастических зверей, птиц и человека. Все изображения, украшенные инкрустациями, отличаются высоким реалистическим мастерством. Наиболее близкую аналогию к этой вещи мы находим в бронзовом блюде из собрания

[1] Бернштам А. Н. Археологические работы в Казахстане и в Киргизии. ВДИ, 1939, № 4.

[2] ВДИ, 1940, № 2, стр. 184—185.

Лоо. Мы видим здесь типичный звериный стиль, отражающий культурные влияния эллинистического и сарматского искусства. Судя по эмблемам счастья и благополучия, по символам стихий неба и земли, все эти драгоценности были украшениями богатого шаманского одеяния довольно древнего времени. Очевидно, это местная среднеазиатская вещь, сделанная опытным ювелиром, но все же отражающая сильные культурные влияния Ирана и Китая.[1]

Огромное научное значение имеют ценнейшие находки, сделанные в 1933 г. А. А. Фрейманом, А. И. Васильевым и В. А. Воробьевым во время раскопок согдийского замка на горе Муг, на левом берегу Зеравшана, на расстоянии 3 км от кишлака Хайраба в Таджикистане. Здесь было найдено около 400 предметов вещественной культуры, в том числе ткани, изделия из кожи, гончарные изделия, оружие, бытовые вещи, монеты и 81 документ. Наибольшее значение имеют документы, написанные на арабском, китайском и согдийском языках и относящиеся к первой четверти VIII в. н. э. Это собрание документов дает богатейший материал для изучения согдийского языка и истории Средней Азии этого времени. Советские иранисты уже посвятили этим проблемам ряд работ.[2]

Наконец, следует отметить раскопки и обширные реставрационные работы памятников эпохи хорезмшахов, времени монгольского завоевания и блестящего века тимуридов. Особенный интерес представляет вскрытие гробницы Тимура в Самарканде и ряда других гробниц этого времени, давшее большой и интересный научный материал. Среди работ, посвященных этой эпохе в истории Средней Азии, следует отметить труды А. Ю. Якубовского и М. Е. Массона.[3]

Таковы важнейшие результаты историко-археологического изучения Средней Азии за последние 25 лет. Они дают полное право утверждать, что в Средней Азии с древнейших времен жили народы, создавшие своеобразную и порой высокую культуру. Хотя Средняя Азия в географическом отношении находилась на далекой северо-восточной окраине древневосточного мира, однако в историко-культурном отношении она входила в круг великих древневосточных народов, культур и государств, будучи особенно тесно связана с Ираном, Индией и Китаем. Наконец, высокого культурного расцвета достигает Средняя Азия в античную эллинистическую и средневековую феодальную эпохи, когда здесь вырастают величайшие культурные центры, сыгравшие громадную историческую роль. Поэтому дальнейшее изучение древней и средневековой Средней Азии является важнейшей задачей советских историков и археологов, уже сделавших в этом отношении значительный вклад в мировую науку.

---

[1] Бернштам А. Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке. Кратк. сообщ. ИИМК, Москва 1940, вып. 5.

[2] Согдийский сборник. Ленинград 1934.

[3] Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча. Ленинград 1930. Его же. Самарканд при Тимуре и тимуридах. Ленинград 1933. Массон М. Е. Обсерватория Улугбека. Ташкент 1941.

Акад. Б. Д. ГРЕКОВ

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СССР ЗА 25 ЛЕТ

сторическая наука в СССР, разрабатывая все отделы всемирной истории, наибольшее внимание уделяла в истекшие четверть века истории нашей родины, истории народов СССР. Это понятно и неизбежно, особенно если учесть, что многие народы нашей страны до Великой Октябрьской социалистической революции совсем не имели своей писанной истории. Восполнить этот пробел прежде всего было научным и гражданским долгом советских историков. Историки СССР должны были также подвергнуть пересмотру литературное наследство, идеи и построения старых, дореволюционных историков.

Октябрьская революция выдвинула перед исторической наукой ряд совершенно новых проблем и по-новому поставила многие старые. В основу работ советских историков легла марксистско-ленинская теория о развитии человеческого общества, обогащенная новым историческим опытом пролетарской революции и победоносного социалистического строительства.

Не сразу историки СССР нашли правильный путь. Не все приступили к новой работе по-новому. Много ошибок было допущено. Много препятствий приходилось преодолевать. Все же научная работа в области истории СССР не замирала ни на один день. Упорная работа шла без перерыва.

Преодолев ошибки и извращения так называемой «школы М. Н. Покровского», историки СССР получили небывалый простор, и их научная работа в новом русле потекла широкой рекой.

Большую роль в этом сыграли директивы товарища Сталина, его призыв к научному дерзанию, к самостоятельному творчеству, к разработке новых вопросов конкретной истории, в противовес увлечению голыми социологическими схемами.

Подготовленный Институтом истории АН СССР двухтомный сборник «Против исторической концепции М. Н. Покровского» явился первым результатом той критической работы, какую проделали историки СССР, разоблачившие «школу» Покровского и твердо ставшие на путь марксистско-ленинской исторической науки.

Подвести научные итоги в области истории СССР за 25 лет — задача сложная и трудно выполнимая в одной статье. Развивалась научная работа по истории СССР в следующих направлениях: 1) разыскивались и публиковались новые источники; 2) велась

источниковедческая работа по критическому изучению основных источников истории СССР; 3) продолжалась исследовательская работа по вопросам, как начатым разработкой в дореволюционное время, так и поставленным вновь; 4) выполнялись работы широкого обобщающего характера.

1. Разыскания и публикация новых документов. Новые материалы разыскивались, исходя из необходимости осветить такие вопросы или такие участки нашей науки, которые до сих пор либо совсем не освещались, либо изучались очень недостаточно. В этом отношении на первом месте стояла публикация документов по истории отдельных народов СССР, которые до революции не имели своей написанной истории. Чтобы написать ее, необходимы были источники. Публикацией таких материалов и документов занимались: Историко-археографический институт, позднее превращенный в Институт истории АН СССР, Центрархив, Институт востоковедения АН СССР, институты истории Украинской и Белорусской академий, филиалы АН СССР — Узбекский, Казахский, Армянский, Грузинский (позднее превращенный в Академию наук) и другие, а также специальные институты в национальных республиках — Татарский научно-исследовательский институт, Карельский, Якутский и др. Не только проанализировать, но даже кратко обозреть деятельность этих научных учреждений весьма затруднительно.

Отметим лишь наиболее ценные публикации.

По истории народов СССР следует отметить Двинские (Северная Двина) грамоты XIV—XVII вв. (по два тома), писцовую книгу Обонежской пятины XV в. (Карелия), писцовую книгу г. Казани середины XVI в., материалы по истории узбеков, таджиков, татар, мордвы, туркмен, Азербайджана, Дагестана, Башкирии, сибирских народов.

Богатейшие материалы по истории великорусского землевладения, сельского хозяйства и сельского населения были собраны и систематически публиковались чл.-корр. АН СССР А. И. Яковлевым. Чл.-корр. АН СССР С. В. Веселовский проделал огромную работу по выделению и подготовке к изданию материалов XIV—XVI вв. по истории Троице-Сергиева монастыря.

Очень ценны в научном отношении многие публикации и новые переводы нерусских источников по истории народов СССР. Это прежде всего Ибн-Фадлан — по вновь открытому в Иране тексту, подаренному СССР иранским правительством. Он издан, переведен и обстоятельно прокомментирован под редакцией акад. Ю. И. Крачковского. Из серии «Rossica» необходимо отметить документации: «О двух сарматиях» Матвея Меховского, «Хроника Генриха Латыша», «Хроника Титмара Мерзебургского» (еще не напечатана) и др. Эта серия выполняется по определенному плану: подлинный текст, перевод на русский язык, примечания. Лучшим работником этой серии был сотрудник Института истории АН СССР С. А. Аннинский, умерший в 1942 г. Работа продолжается.

Разыскивались и публиковались материалы не только по истории народов СССР, но и по отдельным важнейшим научным вопросам. Например, материалы по истории тульских и олонецких железных заводов, «Фабричные рабочие в петровских мануфактурах», «Вотчина боярина Морозова» и др. В германских и римских архивах были найдены новые ценные известия иностранцев о России времен Ивана Грозного. И. И. Полосин перевел и подготовил к изданию текст записок Генриха Штадена, служившего в опричнине и прекрасно знавшего Москву. Малеин перевел записку Шлихтинга об Иване Грозном.

Кроме публикаций отдельных крупных источников или сборников материалов по определенным вопросам, Институт истории АН СССР выпускает специальный «Исторический архив». Эти систематически выходившие сборники помещали небольшие по размеру, но важные для науки документы. Так, в них были помещены: «Бурятская Правда», записанная московским воеводой, очень ценный документ для изучения варварских «Правд» вообще; ценнейшие материалы об опричнине П. А. Садикова, новые материалы о «заповедных годах» Н. Л. Тимофеева и др. Благодаря этим публикациям широкие круги ученых получили возможность приступить к написанию истории отдельных народов Советского Союза и к разрешению давно интересовавших ученые круги вопросов о происхождении русской фабрики, о характере петровской мануфактуры, об истории рабочего класса в России, по истории крестьянства и др.

Ряд ценных документальных изданий посвящен и XIX веку. Следует упомянуть многотомную публикацию Центрархива, посвященную следственному делу декабристов («Восстание декабристов»), в особенности том, посвященный «Русской Правде» Пестеля (еще не вышел из печати). Институтом истории АН СССР выпущены два тома документов «Дело петрашевцев».

Большое значение для изучения истории общественной мысли в России имеет публикация пяти вновь разысканных «Философических писем» П. Я. Чаадаева,[1] а также его прокламации, обращенные к народу, предположительно относимые к 1848 г. Проф. Е. А. Мороховец, умерший в 1941 г., опубликовал двухтомный сборник официальных документов, посвященных крестьянскому движению, — «Крестьянское движение 1827—1869 гг.» (вып. I и II, М. — Л. 1931).

Опубликовано много ценных материалов, посвященных Н. Г. Чернышевскому, в том числе и вновь разысканные его тексты. Прежде известные работы Чернышевского заново проверены по рукописям или авторским корректурам.

Как результат такой работы можно указать на пятитомные «Избранные сочинения Н. Г. Чернышевского», а также на его «Полное собрание сочинений» (в 15 томах), два тома которого (I и II) вышли в свет в 1939 г.

Лишь после революции историки стали обладателями полного текста такого ценного исторического источника, каким является «Дневник» Чернышевского, а также трехтомного издания «Литературного наследия» Чернышевского, в котором собрана его обширная переписка и другие источники.

Не мало было издано ценных материалов и о младшем современнике, друге и соратнике Чернышевского — Н. А. Добролюбове. К таким публикациям относятся: Н. А. Добролюбов, «Полное собрание сочинений в шести томах под общей редакцией П. И. Лебедева-Полянского» (М. — Л. 1934) (издание еще не закончено); Н. А. Добролюбов, «Дневники, 1851—1859» (М. 1932), затем ценные неопубликованные воспоминания о Н. А. Добролюбове и другие материалы о нем, обнародованные в XXV—XXVI томах «Литературного наследства», посвященных целиком Добролюбову, Чернышевскому и их соратникам, а также их эпохе. Специальные документальные сборники, посвященные рабочему движению 1870-х гг. и демонстрации на Казанской площади, опубликовала Э. А. Корольчук — «Рабочее движение 1870-х годов», сборник архивных документов с вводной статьей

[1] См. журн. «Литературное наследство», № 22—24. М. 1935.

(М. 1934) и сборник воспоминаний и документов «Первая рабочая демонстрация в России» (М.—Л. 1927).

Много ценных документов — источников по истории общественного и революционного движения XIX в. было опубликовано Б. П. Козьминым — «Нечаев и нечаевцы» (1931). Официальные документы о покушении Каракозова были собраны Клевенским и Котельниковым — «Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др.» (тт. I—II, М. — Л. 1928—1930).

Издано большое количество ценных мемуаров, посвященных XIX веку. Эти публикации либо заново проверены и дополнены по не исследованным ранее рукописям, либо вообще еще не издавались. Укажем, например, на мемуары декабристов Н. И. Лорера, Поджио, Бестужевых, воспоминания Б. Н. Чичерина, дневник П. А. Валуева, воспоминания Д. Шипова, Н. В. Шелгунова, Л. Ф. Пантелеева, Л. А. Тихомирова, В. Н. Фигнер, М. Ф. Фроленко, Ал. Михайлова, В. Кельсиева и др. Изданы воспоминания одного из руководителей морозовской стачки П. А. Моисеенко — «Воспоминания, 1873—1923» (М. 1924), а также материалы о Южнороссийском союзе рабочих (1924). Большое внимание источникам по истории XIX в. уделял журнал «Красный архив», опубликовавший немало ценных материалов.

2. Работы источниковедческого характера. В этой области на первом месте надо отметить изучение русских летописей и «Русской Правды». Вопрос о русских летописях как историческом источнике поставлен был еще в конце XVIII и начале XIX в. Шлецером. После него интерес к этому ценнейшему источнику рос беспрерывно и вылился в ряд первоклассных специальных работ И. И. Срезневского, Бестужева-Рюмина и А. А. Шахматова. После смерти последнего (1920) его титаническая работа продолжала вдохновлять его учеников и вызвала много интересных соображений и у его оппонентов.

В числе сторонников и учеников Шахматова имеются крупные имена — А. Е. Пресняков и М. Д. Приселков. Второе поколение специалистов в этой области представлено Н. Ф. Лавровым, умершим в 1942 г., А. Н. Насоновым и М. Н. Тихомировым, продолжающими свою работу и в настоящее время.

Главный упор в изучении летописей как исторического источника делался на вопросы о происхождении русского летописания, о составе «Повести временных лет» и последующей истории летописного дела, вплоть до XIV в. включительно. Из подобного рода работ надо указать прежде всего на большой труд Приселкова «История русского летописания XI—XV вв.», вышедший в 1940 г. и являющийся продолжением работы Шахматова по истории летописания. Под редакцией Приселкова напечатан и последний труд Шахматова — «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.» (М.—Л. 1938).

Основная цель этих работ — раскрытие структуры авторских приемов «Повести временных лет» — в работах Шахматова и его продолжателей настолько подвинулась вперед, что задачу эту можно считать решенной. Надо отметить, однако, некоторые увлечения одного из крупнейших учеников Шахматова — Приселкова: он слишком много и без убедительных доказательств отводит места участию Византии в составлении древнейших русских летописей. Отрицать это влияние, конечно, невозможно: русские книжники учились у Византии, но не византийским заказам обязана своим происхождением наша «Повесть», а осознанной потребности самого русского общества огля-

нуться на свое прошлое и дать изображение всего хода развития Руси с древнейших времен.

Принятие христианства из Византии и последующий разрыв восточной и западной церквей, конечно, сыграли крупную роль в освещении истории Руси в творениях первых летописцев. Но потребность знать свое прошлое явилась в русском обществе без всякого участия Византии. Не осталось без влияния на построение «Повести» и стремление правящей династии Рюриковичей показать историю княжеского дома от Рюрика до Мономаха, прославить и укрепить ее политическое значение. Этого требовала обстановка и угроза распада державы Рюриковичей, на защиту целостности которой выступил особенно энергично Владимир Мономах. Понятно, почему он счел необходимым перестроить «Повесть» и поручил эту ответственную задачу близкому для него человеку — игумену своего фамильного Выдубицкого монастыря Сильвестру. Умонастроение Сильвестра делается нам вполне понятным без всяких натяжек и объясняется обстоятельствами русской жизни.

С дополнениями и некоторыми возражениями Шахматову и его продолжателям выступил акад. Н. К. Никольский, не успевший, однако, закончить своего очень интересного труда. В 1930 г. вышел первый выпуск задуманной им большой книги. Но и этот первый выпуск — ««Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры» (Л. 1939) — ясно показывает серьезность постановки задачи и солидность творческих приемов автора. Он успел показать, как много Сильвестру пришлось переделывать в летописных трудах своих предшественников, как тщательно старался он затушевать древние связи Руси с Западом, столь недавно близким Руси и теперь оторванным благодаря «разделению церквей». Никольский внес много нового и существенного в понимание «Повести». Этот исторический источник он сделал более тонко понимаемым.

Более существенные возражения Шахматову, но не столь убедительные пытался сделать акад. Истрин в своем большом труде «Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь» (тт. I—III, 1920, 1922, 1930). Он считает, что русское летописание до 1064 г. было чисто подражательным, являлось лишь переделкой греческой хроники Георгия Амартола. Доказательства его, однако, не всегда убедительны, и позиции Шахматова до сих пор остаются в силе.

Как известно, в «Повесть» включены договоры Руси с греками. Надо подчеркнуть большое значение работы акад. С. П. Обнорского о языке этих договоров.[1] Автор, путем тщательного исследования языка договоров, приходит к выводу, что договоры переведены с греческого в момент их составления (договор 911 г. — переводчиком болгарином, знавшим русский язык, договор 944 г. — русским). Стало быть, этим самым доказывается наличие русской письменности в самом начале X в.

Изучением истории летописания работа над летописями не исчерпывается. Продолжалось также и издание «Полного собрания русских летописей». Подготовлены к изданию несколько новых летописей, переизданы и пересмотрены на более широкой рукописной базе «Псковские летописи» (вып. I, М. — Л. 1934).

---

[1] Обнорский С. Язык договора русских с греками. Язык и мышление, вып. VI—VII, 1936.

Огромная работа была проделана по академическому изданию ценнейшего исторического источника «Русской Правды». Этот памятник известен всем и всюду. Им интересуются во всех странах мира. Немецкий ученый Гетц посвятил исследованию этого памятника четыре объемистых тома. В России изучение его началось с XVIII в., и нет ни одного ученого, который не пользовался бы данными «Правды» для своих построений.

Памятник исключителен по богатству содержания, но в то же время и по трудности его исследования, заключающейся главным образом в неисправности текста. Текст «Правды» переписывался и тогда, когда этот закон уже перестал действовать. Многое переписчикам было в нем не понятно, и они часто вносили от себя собственные подновления и разъяснения. В некоторых старых рукописях были пометки на полях тех, кто когда-то пользовался «Правдой». Переписчики и эти заметки иногда вносили в текст. Так, в течение длительного времени появилось множество копий с различными особенностями текста. Разобраться во всех этих вариантах, отделить более древние от позднейших, разбить тексты на группы по признакам их особенностей и тем самым дать материал для истории имеющихся в нашем распоряжении текстов — такова первая задача, без решения которой пользование текстами для научных выводов всегда представляет известный риск.

В середине XIX в. эту работу над текстами проделал Н. В. Калачев, имея в своем распоряжении около 50 текстов. Калачев, понимая важность задачи, наметил и путь дальнейшей работы над собиранием и классификацией текстов.

В 1935 г. проф. С. В. Юшков, по поручению Украинской Академии Наук, тоже издал тексты «Русской Правды», однако не во всех отношениях удовлетворил ученых. Выполнил эту работу Институт истории АН СССР в 1939 г. При моем непосредственном участии и под моей редакцией работали В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, Б. А. Романов, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Гейерманс, С. Н. Валк, В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин и др.[1] Было собрано 96 текстов, т. е. вдвое больше, чем известно было Калачеву. Любимов проделал большую работу по их классификации. Второй том, в котором должны быть помещены фотокопии важнейших текстов, находится в типографии. Третий том, посвященный комментарию (около 40 печ. листов), где главную работу вели Лавров и Романов, уже готов и может быть сдан в типографию. Все отзывы специалистов об этом академическом издании «Правды» высокие. Это большая победа исторической науки.

Новое издание текстов «Правды» уже дало возможность по-новому пользоваться этим великолепным памятником и мне, и Юшкову, и Тихомирову, и Любимову, и другим. Тихомиров написал книгу о происхождении текстов «Русской Правды».[2] Любимов заканчивает свое большое исследование на ту же тему. Кроме того, напечатаны его же две интересные и ценные работы: «Палеографические наблюдения над текстом «Краткой Правды» и «Смерд и холоп». Его выводы уже вошли в научный обиход.

На основании академического издания «Правды» появилось уже два опыта учебного издания — Лаврова и Тихомирова. Оба пособия

[1] «Правда Русская», т. I. Тексты. Подготовили к печати: В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Гейерманс и Г. Е. Кочин под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л. 1940.

[2] Тихомиров М. Исследование о «Русской Правде». Происхождение текстов. М.—Л. Изд-во АН СССР, 1941, 256 стр.

снабжены комментарием. Валк заканчивает работу по истории изучения «Правды».

К этой же категории работ источниковедческого характера следует отнести работы Валка по древнейшим, дошедшим до нас новгородским грамотам и работу А. И. Андреева по сибирским летописям.

3. Исследовательская работа (монографии). Касаясь общих итогов в области научного исследования истории СССР, необходимо прежде всего отметить работу по истории тех народов, которые до сих пор либо совсем не имели своей писанной истории, либо история их привлекала мало внимания исследователей.

В течение 25 лет написаны исследования по истории Карелии, Коми (зырян), Якутии, Башкирии, Казахстана, Каракалпакии, Туркмении, Азербайджана, Абхазии, калмыков, ненцев, бурят-монголов, Шории.

Заканчивается составленный в форме учебника для вузов обзор истории Узбекистана (три тома). Написана краткая история казахского народа в качестве учебного пособия для школы и для пропагандистов. Составляются очерки по истории таджиков и туркмен. Написаны монографии по истории киргиз (Бернштам), по истории капитализма в Узбекистане (Бунаков), очерки по истории Сибири.[1] Большая научная работа проведена по истории Грузии, Украины, Белоруссии.[2]

Монографическая работа по общим вопросам истории СССР шла частью по пересмотру прежних построений на основе старого и вновь привлеченного материала, частью по разработке новых сюжетов.

Был произведен радикальный пересмотр старого научного наследства по вопросам: о происхождении Русского государства, о характере общественных отношений в докиевской и Киевской Руси, по истории крестьян с древнейших времен, по истории народных движений (восстания смердов, Болотникова, Разина, Пугачева), по истории движения декабристов, Народной воли, по истории рабочего класса и др. Разработка этих вопросов дала возможность составить целостное представление о ходе развития России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции.

Достижением историков СССР является и то, что на основании археологического и письменного нерусского материала теперь имеется возможность изучать историю русского народа приблизительно со времени великого переселения народов. Удалось в более или менее конкретных чертах установить и охарактеризовать период военной демократии IV—VI вв., участие славян и антов, аналогичное движению германцев, в разрушении рабовладельческого античного строя и образование славянских государств — Болгарии, Чехии, Сербии, Польши и др.; установлен (хотя лишь в общих чертах) докиевский период политической истории Руси; по-новому понято значение Киевского государства в истории великороссов, украинцев и белоруссов

[1] Иванов П. Очерк истории каракалпаков. В кн.: Материалы по истории каракалпаков. М.—Л. 1935. Штейнберг Е. Очерки истории Туркмении. М.—Л. 1934. Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР, I (с древнейших времен по 1870 г.). М. 1941. История Азербайджана. Краткий очерк (с древнейших времен до XIX в.). Баку 1941. Фадеев А. Краткий очерк истории Абхазии, ч. I. Сухуми 1934. Пальмов И. Этюды по истории приволжских калмыков, чч. 1—5. Астрахань 1926—1932. Брюсов А. История древней Карелии. М. 1940. Подоров В. Очерки по истории коми (зырян и пермяков). Сыктывкар. Старцев Г. Самоеды (ненцы). Историко-этнографическое исследование. Л. 1930. Богданов М. Очерк истории бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х гг. XIX в. М.—Л. 1940. Токарев С. Очерк истории якутского народа. М. 1940. Потапов Л. Очерки по истории Шории. М.—Л. 1936. Бахрушин С. Очерки по истории Сибири.

[2] См. отдельные очерки в настоящей книге.

(работы Юшкова, Грекова); вскрыты ранние связи Русского государства со странами Запада и Востока.

По-новому поставлена проблема феодального строя и процесса феодализации страны. В ценные работы Павлова-Сильванского внесено много нового на основе замечаний В. И. Ленина и просмотра всех материалов под углом зрения марксистской теории.

Началось изучение очень запутанного в старой историографии периода уделов, или периода феодальной раздробленности.

По-новому освещены вопросы образования централизованного государства. Благодаря новым опубликованным материалам о Москве, публикации материалов Волоколамского монастыря, опричнины (П. А. Садиков), разработке синодиков XVI в. (С. Б. Веселовский) появилась возможность иначе понять смысл царствования Ивана Грозного, уточнить понимание опричнины, иначе объяснить борьбу Грозного с внутренней изменой и попыткой иноземной интервенции.

В изучении этой интереснейшей эпохи принимали видное участие: Р. Ю. Виппер (2-е издание книги которого «Иван Грозный» печатается); П. А. Садиков, всю жизнь работавший над изучением опричнины; И. И. Смирнов, изучавший деревню этого периода и сейчас занятый большим исследованием о государственном строе времени Ивана Грозного; И. И. Полосин, подготовивший второе издание записок Генриха Штадена и составивший обстоятельное введение к тексту; С. В. Бахрушин, сделавший обзор дипломатических отношений XVI—XVII вв. и написавший отдел об Иване IV в учебнике для высшей школы; Н. Ф. Лавров и М. Н. Тихомиров, изучавшие летописные своды XVI в.

Выход в свет детальной работы акад. М. М. Богословского дал новый материал для изучения личности и деятельности Петра Великого. Новые работы по эпохе Петра пошли в направлении, мало изучавшемся в дореволюционное время. Петровская дипломатия изучается и уже дала результаты в работе Т. К. Крыловой, аграрная политика Петра — в работе А. Л. Шапиро. Огромные архивные разыскания А. Н. Вознесенского, к сожалению еще не напечатанные, дают возможность по-новому осветить многие стороны этого времени.

Работы акад. Ю. В. Готье углубили наши знания за период, отделяющий петровское время от екатерининского. Особенно много сделал Готье по вопросу о государственном аппарате этого периода.[2]

---

[1] Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Перевод и вступительная статья И. И. Полосина. М. 1925. Шлихтинг А. Новое известие о России времен Ивана Грозного. Сказание Альберта Шлихтинга. 4-е изд. Л. 1935. Таубе И. и Крузэ Э. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. Русский исторический журнал, 1922, кн. 8.

[2] Бахрушин С. Обзор дипломатических отношений России в XVI—XVIII вв. в «Истории русской дипломатии», т. I. М. 1941. Садиков П. Из истории опричнины XVI в. Исторический архив, т. III. М.—Л. 1940. Его же. Из истории опричнины царя Ивана Грозного. Дела и дни, кн. II. Птгр. 1921. Его же. Московские приказы-четверти во времена опричнины (1565—1584 гг.). Исторические записки, № 10. М. 1941. Его же. Царь и опричник. Иван Грозный, В. Гр. Грязной и их переписка 1574—1576 гг. Века. Богословский М. Петр I. Материалы для биографии, тт. I—II. 1940. Крылова Т. Торговая политика Петра I в странах юго-западной Европы 1700—1725 гг. Уч. зап. Ленингр. гос. пед. инст. им. Герцена, т. XXIX, стр. 71—119. 1941. Ее же. Франко-русские отношения в первую половину Северной войны. Исторические записки, № 7. М. 1940. Ее же. Россия и Венеция на рубеже XVII и XVIII вв. Уч. зап. Ленингр. гос. пед. инст. им. Герцена, т. XIX. Л. 1939. Шапиро А. Крестьянская община в крупных вотчинах первой половины XVIII в. Уч. зап. Сарат. гос. унив., т. I (XIV); сер. ист. фак., вып. 1. Саратов 1939. Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II, т. II. М.—Л. 1941. Крылова Т. Русско-турецкие отношения во время Северной войны. Исто-

Крестьянский вопрос, которым много интересовалась и дореволюционная наука, продолжал с еще бо́льшим интересом разрабатываться в послереволюционный период. Научная разработка этого вопроса после революции выразилась в замечательных трудах Н. П. Павлова-Сильванского, важных по новизне материалах и соображениях Д. И. Самоквасова, интересных построениях П. И. Беляева и др.

Павлов-Сильванский своими исследованиями о русском феодализме, в сущности, показал, что старые представления по истории крестьян уже не удовлетворяют серьезным требованиям. Признание того, что Россия — не какая-то особая страна, развивающаяся по своим особым законам, а идущая в своем развитии по путям, аналогичным другим европейским и неевропейским странам, пережившая, подобно другим странам, длительный феодальный период, начало которого Павлов-Сильванский находил в Киевской Руси, должно было поставить перед автором и вопрос о положении крестьян в феодализирующемся, а затем и в феодальном обществе. Перед Павловым-Сильванским этот вопрос и возник, но с недостаточной остротой, поскольку в феодализме Павлов-Сильванский видел главным образом только политическую сторону и юридическую структуру отдельных общественных организаций. Однако он очень хорошо понял необходимость пересмотра крестьянского вопроса, и в отдельных его замечаниях уже ясно заметно, что он видит корни крепостного права, которым много занимались его современники, не в XVI—XVII вв., а в киевское время. Самоквасов об этом заговорил тоже совершенно открыто, но только он связывал крестьянскую зависимость не со спецификой феодальных общественных отношений, а с фискальными потребностями государства.

Близко к новому пониманию вопроса подходил и П. И. Беляев в своей интереснейшей работе «Русская сеньория и крестьянская крепость», где в самой постановке предмета заметен ход мысли автора, разорвавшего с теорией государственного закрепощения и раскрепощения крестьян.

Новые материалы Самоквасова о «заповедных годах» наделали много хлопот защитникам старых представлений о возникновении крепостного права в XVI в. из крестьянской задолженности (теория Ключевского — Дьяконова). М. А. Дьяконов, крупнейший специалист по истории крестьян, приложил много остроумия, чтобы спасти здание, на постройку которого и ему пришлсь потратить бо́льшую часть своей жизни. Здание не выдержало и рухнуло.

С. Ф. Платонов и А. Е. Пресняков уже в 20-х годах XX в. не только перестали поддерживать старую теорию, а выступили против нее, подчеркивая решающее значение в вопросе о закрепощении указа о «заповедных годах».

Работы Грекова, Веселовского, Полосина продолжали изучение вопроса о «заповедных годах», и сейчас этот вопрос, можно сказать с уверенностью, окончательно решен. Оставалось выделить условия экономические и политические, делавшие неизбежными как зависимость крестьян от землевладельцев, так и вмешательство в этот процесс государственной власти. В этом направлении и продолжается разработка вопроса. Теория о крестьянской задолженности как экономической основе возникновения крепостного права не находит уже себе поддержки сейчас ни в ком, кроме Юшкова.

рические записки, № 10. М. 1941. Нечкина М. Общество соединенных славян. М.— Л. 1927. Ее же. Кризис Южного общества декабристов. Историк-марксист, 1935, кн. 7. Гессен С. Солдаты и матросы в восстании декабристов. М. 1930.

Центр внимания ученых переносится сейчас на установление периодизации в истории крестьянской зависимости. Если в киевское время крестьянин-смерд находился под крепкой властью землевладельца (право «мертвой руки»), если в конце XVI и начале XVII в. шла борьба за усиление зависимости и отмену Юрьева дня, то естественно предполагать между X—XIII вв. (временем нахождения крестьянина под «мертвой рукой») и XVI в. (временем отмены права выхода — Юрьев день) период некоторого ослабления этой зависимости, понятной в связи с переменами формы эксплоатации зависимого крестьянина. По-новому поставленный вопрос ждет своего окончательного разрешения. По истории сибирских крестьян XVII в. ценную работу сделал В. И. Шунков.

Параллельно идущая большая работа Веселовского по истории землевладения в России XIV—XVII вв. в значительной степени облегчает решение этой задачи.

От крестьянского вопроса не отделим вопрос о другой категории зависимых непосредственных производителей — холопах. Рабство очень давно было известно и в докиевский и в киевский периоды. Но этот институт не оставался неизменным. Холопство XV—XVI вв.— уже не то, что холопство X—XI вв. Вопросу об истории холопства в России посвящен большой труд А. И. Яковлева, законченный печатанием в 1941 г.

Ряд важных тем по истории XIX в. был подвергнут монографической разработке, в том числе историко-хозяйственные темы, внешняя политика, общественное и революционное движение XIX в. и др. А. В. Предтеченский заново пересмотрел вопрос о влиянии континентальной блокады на русскую промышленность,[1] Грековым на примере отдельного имения исследованы процессы разложения крепостного хозяйства.[2] К этой же теме примыкает работа Д. Г. Рындзюнского — «Расслоение крестьянства и классовая борьба в крепостной вотчине в 20-х годах XIX в.» («Исторические записки», т. IV) и ряд других. Акад. Е. В. Тарле издал работу, посвященную отечественной войне 1812 г. и изгнанию Наполеона из России. Этой же теме посвятил свои работы ряд других историков (Предтеченский, Нечкина, Бычков и др.).

Исполнившийся в 1925 г. 100-летний юбилей восстания декабристов дал толчок к новым исследованиям по истории этого движения, его эпохи и биографии отдельных участников. Н. М. Дружинин монографически разработал тему о декабристе Никите Муравьеве (М. 1933). Нечкиной написана монография об Обществе соединенных славян и ряд работ по истории Южного общества декабристов. Чернову принадлежат исследования о Союзе благоденствия.[3] Заканчивается большая работа Дружинина о реформе казенных крестьян, проведенной графом П. Д. Киселевым. Это, несомненно, капитальный труд по истории крестьян времени Николая I.

Массовому движению первой половины XIX в. посвящены работы И. И. Игнатович[4] и П. П. Евстафьева.[5] Р. А. Авербух и А. С. Ни-

---

[1] Предтеченский А. К вопросу о влиянии континентальной блокады на состояние торговли и промышленности в России. Изв. АН СССР, ООН, 1931, № 8.

[2] Греков Б. Тамбовское имение М. С. Лунина в первой четверти XIX в. Изв. АН СССР, ООН, 1932, №№ 6 и 7.

[3] Из работ над «Зеленой книгой». Сб. «Декабристы и их время», т. II. К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 г. Уч. зап. Сарат. гос. унив., т. IV, вып III.

[4] Игнатович И. Крестьянское движение на Дону в 1820 г. Соцэкгиз. М. 1937.

[5] Евстафьев П. Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. М. 1934.

фонтов посвятили монографии теме революции 1848 г. и ее отражению в России.[1] Недавно вышла в свет обширная монография о крымской войне, разработанная акад. Тарле. Вопросы крестьянской реформы 1861 г. разрабатывал проф. Мороховец.

Ряд монографических работ посвящен общественным течениям и революционному движению «разночинского» периода. Не мало исследовательских работ было посвящено Н. Г. Чернышевскому и его времени (Н. М. Чернышевская-Быстрова, М. В. Нечкина, Н. А. Алексеев и др.). М. Евгеньев-Максимов написал монографию о «Современнике» при Чернышевском и Добролюбове (Л. 1936). Н. П. Лебедевым-Полянским написана монография о Добролюбове. Б. П. Козьмин осветил вопрос о жизни и революционной работе П. Г. Зайчневского и о казанском заговоре 1863 г.[2] Н. М. Левин и Э. Корольчук разрабатывали историю рабочего движения 70-х годов.

Главнейшие моменты истории XX в. до 1917 г. нашли свое освещение в ряде больших трудов. Среди них надо отметить большое исследование Б. А. Романова, вышедшее в 1941 г., — «Россия и Манчжурия», посвященное вопросам Дальнего Востока в период, предшествовавший русско-японской войне 1906—1907 гг., и его же большую работу по истории этой войны (еще не напечатана). Над этой же проблемой работает сейчас А. Л. Сидоров.

По истории рабочего класса в России в период XIX—XX в. надо отметить ряд работ Ем. Ярославского и А. М. Панкратовой.

Обширный труд по русской историографии, написанный Н. Л. Рубинштейном, вышел в 1941 г.

4. Работы обобщающего характера. После проделанной работы по выявлению исторических материалов, по обследованию новых сюжетов и пересмотру старых естественно возник вопрос о большом, обобщающего характера труде по истории нашей страны. Эта серьезная и не легкая задача ставилась самой жизнью. Необходимо было изобразить историю многонационального государства так, чтобы каждый народ, входящий в состав Союза, нашел свое место в истории СССР, и именно то место, которое соответствует как собственной его истории, так и участию его в общеполитической жизни России, а позднее и СССР.

Задача стала посильной только после предварительно проделанной значительной работы. Выполнение этой задачи было поручено правительством СССР Институту истории АН СССР. Надо было написать не только большой, капитальный труд по истории нашей страны с древнейших времен, но в то же время создать и учебники для младших и старших классов средней школы, а также и для высшей (для исторических факультетов университетов и для высших учебных заведений не специально исторических, но таких, где история как предмет обязательна).

Обе эти задачи выполнялись одновременно в Институте истории АН СССР (кроме учебника для младших классов, составленного группой специалистов под редакцией А. В. Шестакова), куда были привлечены наиболее крупные специалисты, которые и приступили к делу.

---

[1] Авербух Р. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848—1849 гг. Соцэкгиз. М. 1935. Нифонтов А. 1848 год в России. Очерки по истории 40-х годов. М.—Л. 1931.

[2] Козьмин Б. Зайчневский и «Молодая Россия». М. 1932. Его же. Казанский заговор 1863 г. М. 1929.

Под редакцией Бахрушина, Грекова и Лебедева в 1939 г. вышел первый том «Истории СССР» (с древнейших времен до конца XVIII в.) для исторических факультетов высшей школы; в 1940 г. — второй том (XIX в.) под редакцией Нечкиной; в 1941 г. вышел учебник для неисторических высших учебных заведений под редакцией Пичета, Тихомирова и Шестакова; в 1940 г. вышли три книжки по истории СССР с древнейших времен до наших дней для старших классов средней школы под редакцией Панкратовой.

В то же время составлялась двенадцатитомная история нашей страны. Первые два тома, посвященные древнейшим судьбам народов СССР и построенные главным образом на материалах археологических, выполнил Институт истории материальной культуры, остальные 10 томов составлялись в Институте истории. К началу великой отечественной войны были готовы томы III, IV, V, VI. Третий том охватывает эпоху с IX по XVI век включительно, четвертый том — XVII век, пятый том — XVIII век (над этим томом редакционная работа не была еще закончена), шестой том — первую половину XIX в.

Была твердая уверенность, что первые шесть томов 12-томника выйдут из печати в конце 1941 г. Война помешала осуществлению плана. Над остальными томами работа шла полным темпом с расчетом на ее окончание в 1942 г.

Вполне понятно, что столь обширный труд, охватывающий все народы СССР, не мог быть выполнен без помощи специалистов, работавших по истории отдельных народов на местах. То в порядке написания отдельных глав, то в форме просмотра и редактирования целых отделов были привлечены специалисты по истории Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана и других республиканских научных центров, как входящих в систему Академии Наук СССР, так и не входящих. В процессе этой работы неизбежно пришлось пересмотреть заново много вопросов и сделать дополнительные разыскания, что способствовало как углубленному пониманию всего исторического процесса, так и росту специальных кадров, пополнение которых шло за счет выпусков исторических факультетов, созданных в 1934 г.

Главная редакция, специально созданная для окончательного просмотра всего многотомника, в лице своих членов, успевших ознакомиться с первыми шестью томами, вынесла свое одобрительное суждение, и часть томов поступила в издательство АН СССР для печатания (первые три и шестой томы).

Необходимо подчеркнуть, что успешному течению работы по истории СССР способствовала большая и плодотворная работа в других отраслях истории и по историческим дисциплинам в целом.

Учение Н. Я. Марра о языке (в частности, его палеонтология речи) способствовало, через привлечение языковых данных, более точному пониманию древнейших периодов истории народов СССР. Археологическая наука, поставившая перед собой задачи изучения темных сторон жизни в те же древнейшие периоды, сделала очень много как в своих полевых раскопочных работах, так и в обобщениях богатого старого и нового материала. Благодаря привлечению языкового и археологического материала к объяснению трудных исторических проблем, особенно совершенно не освещенных письменными памятниками, появилась возможность понять много сторон далекого прошлого народов Союза и в частности русского народа. Такие исследования археологов, как П. И. Третьякова, А. В. Арциховского, Б. А. Рыба-

кова,[1] пролили много света на докиевский и киевский периоды нашей истории, а также сделали возможным научное построение до недавнего времени «доисторического» периода нашей истории. Труды ныне покойного акад. С. А. Жебелева и его ученика Д. П. Калистова[2] по истории Причерноморья дали возможность понять эволюцию общественной и политической жизни юга нашей страны со времен скифов. Показав связь истории Руси с древним миром, эти историки раскрыли интереснейшие моменты борьбы так называемых «варваров» с античным рабовладельческим миром, борьбы, закончившейся победой варваров и созданием на новой общественной базе средневековых государств.

Работы специалистов по всемирной истории средних веков и нового времени помогли уточнить давнишние связи народов СССР с общим ходом истории народов Европы и Азии. Учет тесного переплетения судеб всех этих народов, вскрытого общими усилиями специалистов всех областей исторического знания, лег в основу понимания истории человечества в целом.

За истекшее 25-летие, кроме указанных работ, издавались исторические журналы и специальные сборники исторического содержания: «Русский исторический журнал» (1917—1922), «Ученые записки Института истории РАНИОН» (1926—1929), «Историк-марксист» (1926—1941), «Исторический журнал» (1937—1942), «Исторические записки» (1937—1941) и др.; сборники: «Архив истории труда в России», «Века», «Русское прошлое», сборники в честь Н. Я. Марра, С. Ф. Платонова, сборник, посвященный Ломоносову, и др. Итак, 25 лет в исторической науке нашей страны вообще и в частности в истории СССР прошли не бесследно. Сделано не мало. Но предстоит сделать еще больше. Специалисты истории СССР — как старшего поколения, так и вновь созданные кадры историков — прекрасно понимают свои задачи и ответственность перед советской страной. Великая отечественная война против немецко-фашистских захватчиков не уменьшила, а увеличила задачи и ответственность советских историков. В беззаветной любви к своей родине и в жгучей ненависти к ее врагам историки СССР найдут в себе силы для выполнения новых задач, стоящих перед советской исторической наукой.

---

[1] Третьяков П. Подсечное земледелие в Восточной Европе. Изв. ГАИМК, т. XIV, вып. 1. 1932. Его же. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. Сов. археология, 1937, № 4. Арциховский А. Курганы вотичей. М. 1930. Его же. В защиту летописей и курганов (ответ на статью П. Н. Третьякова). Сов. археология, 1937, № 4. Рыбаков Б. Ремесла древней Руси (не напечатана).

[2] Жебелев С. Возникновение Боспорского государства. Изв. АН СССР, VII сер., отд. гуманит. наук, 1930, № 9. Его же. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ВДИ, 1938, № 3. Калистов Д. Этюды из истории Боспора. ВДИ, 1938, № 2—4.

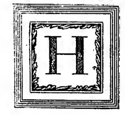

Проф. И. И. СМИРНОВ

ПРОБЛЕМЫ КРЕПОСТНИЧЕСТВА И ФЕОДАЛИЗМА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

I

ачиная с 50-х годов XIX в. и вплоть до Великой Октябрьской революции проблема происхождения и развития крепостного права в России привлекает внимание большинства крупнейших историков XIX—XX вв. Достаточно назвать имена И. Д. Беляева, Б. Н. Чичерина, М. П. Погодина, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского, М. А. Дьяконова, Н. П. Павлова-Сильванского, чтобы признать, что предреволюционная историческая наука не мало поработала над разрешением этой центральной проблемы из истории феодально-крепостнической России. Причины такого внимания русских историков XIX—XX вв. к истории крепостного права кроются в особенностях политической истории России того времени. Начиная с крестьянской реформы 1861 г. и вплоть до Февральской революции 1917 г. крестьянский вопрос оставался одним из центральных вопросов политического развития России. Обращаясь к истории крепостного права, к изучению прошлого крестьянства, историки разных направлений стремились исторически обосновать свои позиции в политической борьбе вокруг крестьянского вопроса.

Бесспорны крупные достижения дворянско-буржуазной историографии XIX—XX вв. в области изучения истории крепостного права в России. Наиболее ярким показателем этих достижений могут служить работы М. А. Дьяконова, образцовые по тщательности анализа источников, полноте их охвата, по свежести и новизне документального материала, положенного в основу исследования.

С другой стороны, эта историография имела в своем активе и ряд теоретических построений по истории крепостного права в России, в том числе блестящую концепцию В. О. Ключевского, поражающую своей логической стройностью и смелостью постановки вопроса. И тем не менее бесспорно то, что к революции 1917 г. дворянско-буржуазная историография крепостного права пришла в состояние глубокого кризиса.

Вышедшая победительницей в борьбе двух основных концепций в вопросе о крепостном праве — «указного» и «безуказного» закрепощения крестьян — теория Ключевского, сделавшись «общепризнанной», вместе с тем стала все отчетливее обнаруживать свои слабые

стороны и уязвимые места: недооценку роли государства как активного фактора в развитии крепостного права; эволюционизм, схематизм и т. д. Развитию кризиса способствовал ряд открытий документального характера, наиболее крупными из которых были опубликованные Д. Я. Самоквасовым в 1909 г., во II томе его «Архивного материала», документы о «заповедных годах». Проблема «заповедных лет» быстро выдвинулась на первое место среди актуальных вопросов истории крепостного права в России. Исследование этой проблемы сделало очевидной необходимость коренного пересмотра господствовавшей теории «безуказного» закрепощения крестьян (теории Ключевского — Дьяконова). Нагляднее всего это назревание неизбежности ревизии в вопросе о происхождении крепостного права в России можно проследить на примере Дьяконова, тщетно и безуспешно пытавшегося в ряде своих статей, посвященных «заповедным летам», примирить новые открытия со старой теорией.[1]

Не менее показательными для характеристики кризиса буржуазной историографии предреволюционных лет в вопросе о происхождении крепостного права являются работы П. И. Беляева, пытавшегося искать новые пути для разрешения вопроса о возникновении крепостного права, сосредоточивая свое внимание на анализе строя отношений внутри феодальной вотчины удельных времен.[2]

Таково было то положение в области изучения истории крепостного права, которое застала Великая Октябрьская социалистическая революция.

II

Первые годы пролетарской революции были временем, о котором Ленин в «Послесловии» к «Государству и революции» писал: «Приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать» (Соч., т. XXI, стр. 455). Это тем более относилось к таким сравнительно далеким от актуальных проблем современности вопросам, как история крепостного права. Поэтому нет ничего удивительного в том, что мы не имеем за это время новых, марксистских работ, посвященных истории крепостного права в России. Но и старая, буржуазная наука, если не считать нескольких страниц, посвященных крестьянам, в книге А. Е. Преснякова «Московское царство» (1918 г.), до начала 1920-х годов почти ничего не дала по вопросу о крепостном праве.

Возрождение интереса к проблемам истории крепостного права в России падает на 1921—1922 гг. В 1922 г., почти одновременно, два виднейших буржуазных историка того времени А. Е. Пресняков и С. Ф. Платонов опубликовали проблемные статьи, посвященные «судьбам крестьянства в русской историографии и задачам их изучения» (Пресняков)[3] и вопросу «о времени и мерах прикрепления крестьян» (Платонов).[4] И Пресняков и Платонов, давая обзор того, что сделано в области изучения истории крестьянства, выдвигают

[1] См. его статьи «Заповедные лета» и «Старина». Сборник статей по истории русского права, посвященных М. Ф. Владимирскому-Буданову, 1904. Выходные и заповедные лета. Изв. Петрогр. политехн. инст., 1915, т. XXIV. Поместье и крестьянская крепость— оттиск из не вышедшего в свет «Сборника, посвященного А. С. Преснякову».

[2] Беляев П. И. Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение. Журн. мин. юст., 1916, октябрь и ноябрь.

[3] Пресняков А. Е. Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения. Архив истории труда в России, 1922, кн. I.

[4] Платонов С. Ф. О времени и мерах прикрепления крестьян. Архив истории труда в России, 1922, кн. 3.

задачу дальнейшего исследования истории крепостного права, причем в качестве одной из важнейших очередных проблем изучения называют проблему «заповедных лет». Годом раньше, в 1921 г., Платонов в своей книге «Борис Годунов»[1] сделал попытку дать новое решение проблемы «происхождения крепостного права в России», причем, отказываясь от ключевско-дьяконовской теории «безуказного» закрепощения крестьян (с которой он солидаризировался в своих прежних работах), С. Ф. Платонов выдвигает тезис о том, что крепостное право было оформлено законодательным путем, особым «уложением» Ивана IV, содержание которого, по мнению Платонова, состояло в установлении «заповедных лет».

Взгляды С. Ф. Платонова оказали очень сильное влияние на историков, работавших в 1920-х годах над вопросами истории крепостного права. Можно сказать, что в течение всех 1920-х годов разработка истории крепостного права в России проходит под знаком «заповедных лет». Одна за другой появляются работы В. Г. Геймана,[2] И. М. Кулишера,[3] С. И. Тхоржевского,[4] Б. Д. Грекова,[5] И. И. Полосина,[6] С. Б. Веселовского,[7] в которых проблема «заповедных лет» подвергается оживленному обсуждению и исследованию. Характерно для этого этапа в историографии крепостного права, что при всем различии общеисторических воззрений авторов, разнообразии их точек зрения в вопросе о крепостном праве, исследователи истории крепостного права, по существу, остаются на старых, буржуазных позициях. Проблема крепостного права исследуется еще главным образом в плане историко-юридическом. Новой, марксистской постановки вопроса еще нет.

Особое место среди работ 1920-х годов, посвященных вопросам истории крепостного права в России, занимает исследование С. Б. Веселовского «К вопросу о происхождении вотчинного режима» (1926). В этом исследовании Веселовский выдвинул оригинальную концепцию происхождения крепостного права как права, уходящего своими корнями в вотчинный режим удельных времен, основу которого, в свою очередь, составляли иммунитетные привилегии землевладельцев.[8] Несмотря на целый ряд весьма ценных и важных наблюдений и выводов по отдельным вопросам, концепция Веселовского в целом не получила признания, причем критика, в лице А. Е. Преснякова, справедливо отметила главный недостаток построения Веселовского, состоящий в формально-юридическом подходе к проблеме крепостного права, исследование которого сознательно ведется Веселовским в отрыве от процессов социально-экономической истории.[9]

Новые моменты в исследовании проблемы феодализма и крепо-

---

[1] Платонов С. Ф. Борис Годунов. 1921.

[2] Гейман В. Г. Новое освещение вопроса о прикреплении крестьян. Русский исторический журнал, 1922, № 8.

[3] Кулишер И. М. Несвободное состояние крестьян в XVI—XVII вв. Сб. «Труд в России», 1924, кн. I.

[4] Тхоржевский С. И. Поместье и крестьянская крепость. Сб. «Труд в России», 1924, кн. 1.

[5] Греков Б. Д. Юрьев день и заповедные годы. Изв. АН СССР, 1926, № 1—2.

[6] Полосин И. И. Поместье и крестьянская крепость. Уч. зап. Инст. ист. РАНИОН, 1928, т. IV.

[7] Веселовский С. Б. Из истории закрепощения крестьян (отмена Юрьева дня). Уч. зап. Инст. ист. РАНИОН, 1929, т. V.

[8] Его же. К вопросу о происхождении вотчинного режима. 1926.

[9] Пресняков А. Е. Вотчинный режим и крестьянская крепость. Летопись занятий пост. истор.-археогр. комиссии, 1927, в. I (34), стр. 186.

стничества вносят работы 1920-х годов Б. Д. Грекова.[1] Исследуя вопрос о крепостном праве в России, в частности проблему «заповедных лет», Греков переносит центр тяжести своих разысканий из сферы историко-юридической, от анализа и комментирования законодательных актов, в сферу экономическую, пытаясь связать законодательство второй половины XVI в. с процессами, происходившими в хозяйстве Московского государства XVI в.

III

Новый этап в советской историографии феодализма и крепостничества открывает начало 1930-х годов. Этот этап можно охарактеризовать как переход на новые марксистские рельсы в изучении этой проблемы.

Марксистская история крепостного права в России означала коренное изменение направления в изучении вопроса, принципиально иной новый подход к проблеме. Суть этой новой, марксистской постановки вопроса заключалась в том, что изучение крепостного права в России переставало быть исследованием отдельных правовых норм (или их совокупности) и причин, эти нормы породивших, а превращалось в изучение общественного строя древней Руси как строя крепостнического, феодального. «Крепостное право» переставало, таким образом, быть самодовлеющей целью исследования, а превращалось лишь в юридическое выражение социально-экономических, феодально-крепостнических отношений древней Руси.

Первые шаги марксистского исследования истории крепостного права в России были еще очень робкими, неуверенными и содержали не мало ошибок. Особенностью этого этапа в развитии советской историографии являлось чрезмерное увеличение абстрактно-социологической постановки вопроса, переходящей нередко в социологизаторство и схоластику. Вместо конкретно-исторического исследования социально-экономических отношений древней Руси историки упражнялись в длинных и весьма мало продуктивных дискуссиях на тему об общественно-экономических формациях. Такое положение на фронте исторической науки в начале 1930-х годов явилось результатом господства в значительной части руководящих исторических учреждений так называемой «исторической школы Покровского» с ее антинаучными, антимарксистскими воззрениями и концепциями.

Но несмотря на господство «школы» Покровского и вопреки этой школе, советская историческая наука, руководимая партией Ленина — Сталина, продолжала расти и развиваться по пути овладения марксистско-ленинской теорией, по пути превращения в марксистскую историческую науку.

Первые попытки советских историков по-марксистски подойти к проблеме феодализма и крепостничества в России характеризуются стремлением изучить теоретические произведения основоположников марксизма — Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина по вопросам феодализма вообще, по вопросам феодализма в России в особенности. Марксистское учение о феодализме означало коренной переворот в исследовании истории крепостничества. Крепостное право — это лишь

[1] Греков Б. Д. Юрьев день и заповедные годы. Изв. АН СССР, 1926, № 1—2. Его же. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома. Летопись занятий пост. истор.-археогр. комиссии, в. 33, 1926 и 34, 1927. Его же. Хозяйство новгородских помещиков в XVI—XVII вв. Уч. зап. Инст. ист. РАНИОН, 1929, т. VI. Сюда же надо отнести и статью Б. Д. Грекова «Происхождение крепостного права в России» в сб. «Крепостная Россия», 1930.

юридическое выражение производственных отношений феодального общества. Крепостное право — основная форма зависимости непосредственного производителя феодального общества — крестьянина. Без крепостного права нет феодализма. Эти основные положения учения марксизма о феодальном обществе необходимо было применить к изучению крепостничества в России. При такой марксистской постановке вопроса о крепостном праве первое, что подлежало исследованию, — это вопрос о генезисе крепостного права, о его возникновении.

В вопросе о возникновении крепостного права в России дворянско-буржуазная историография XIX—XX вв. занимала вполне определенную и единую в основе — несмотря на расхождения в отдельных частных вопросах — позицию. Суть этой позиции заключалась в том, что дворянские и буржуазные историки относили возникновение крепостного права к XVI в., первыми признаками зарождающегося крепостного права считая судебники 1497 и 1550 гг. с их правилами о Юрьевом дне. Таким образом, до XVI в. русский крестьянин был незакрепощенным, свободным. Этот тезис о «свободе» русского крестьянина до XVI в. был общим местом в буржуазной историографии,[1] и в этом буржуазные и дворянские историки видели одно из проявлений национальной самобытности России, одну из особенностей русского исторического процесса по сравнению с Западной Европой.

Очевидна неправильность такой трактовки вопроса о генезисе крепостного права в России. Что феодализм в России возник не в XVI в., а гораздо раньше, это было доказано — даже для буржуазных историков — трудами Павлова-Сильванского. Но раз так, то, следовательно, вместе с феодальным государством, с политическим феодализмом должны были быть и производственные отношения феодального общества, основу которых составляла крепостная зависимость крестьянина, крепостное право. Так вопрос о происхождении крепостного права превращался в составную часть более общего вопроса, вопроса о происхождении феодального общества и крепостнического государства. Но отсюда следовало, что истоков крепостного права надо было искать не в эпоху Московского государства XV—XVI вв. — эпоху судебников, а гораздо раньше — в эпоху Киевского государства, во времена «Русской Правды».

Такова была та новая постановка вопроса о происхождении крепостного права в России, которая вытекала из основ учения марксизма о феодальном обществе. Именно так ставили вопрос основоположники марксизма-ленинизма, причем, что было особенно замечательно и важно, ставили этот вопрос не только в абстрактно-теоретической форме, но и конкретно-исторически, в применении к русской истории. В работах Ленина советские историки нашли замечательные мысли о том, что крепостное право в России существует с IX в.,[2] что крестьянина начали закрепощать еще со времен «Русской Правды».[3] Эти ленинские мысли легли в основу исследований советских историков о крепостном праве и явились как бы маяком, освещающим путь, по которому двинулись в своих исследованиях по истории крепостного права в России советские историки-марксисты.

Внимание советских историков — исследователей истории крепо-

[1] Мнение Д. Я. Самоквасова, видевшего в крепостном праве результат «варяжского завоевания» (летописную легенду о «призвании варягов» Самоквасов ошибочно считал историческим событием), игнорировалось буржуазными историками.

[2] Ленин В. И. Левонародничество и марксизм. Соч., т. XVII.

[3] Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч., т. III.

стного права в России сосредоточилось вокруг двух основных проблем. Первой из них была проблема общественного строя Киевской Руси. Без разрешения вопроса о природе общественного строя Киевской Руси нельзя было решить вопроса о генезисе крепостного права. Второй вопрос, подвергнутый пересмотру в работах советских историков, был вопрос о том, какое значение имела в истории развития крепостного права в России эпоха XV—XVI вв., т. е. эпоха, которой буржуазная историография датировала самое возникновение крепостного права.

Начало разработки обеих названных проблем было положено исследованиями Б. Д. Грекова. В 1932 г. Греков выступил в Академии истории материальной культуры в Ленинграде с докладом на тему «Рабство и феодализм в Киевской Руси». В этом докладе Греков сформулировал свой взгляд на общественный строй Киевской Руси как строй феодальный, дав вместе с тем характеристику форм феодальной зависимости крестьянства, присущих Киевской Руси.[1] Дискуссия, развернувшаяся по докладу Грекова, выявила, что наиболее спорным вопросом, подлежавшим дальнейшему исследованию, явился вопрос о роли рабства в Киевской Руси. Оппоненты Грекова по этому вопросу противопоставляли трактовке Киевской Руси как общества феодального свою концепцию, объявляющую Киевскую Русь рабовладельческим обществом. Неоднократные дискуссии по вопросу о природе общественного строя Киевской Руси, имевшие место на протяжении 1930-х годов, показали ошибочность взгляда на Киевскую Русь как на рабовладельческое общество. Тем не менее дискуссия эта имела и положительное значение, так как заставила пересмотреть первоначальную постановку вопроса о роли рабства в Киевском государстве (при котором рабство рассматривалось лишь как фактор разложения родового строя у славян) и выдвинуть новое решение вопроса — почему Киевское государство возникло как государство феодальное, а не рабовладельческое. В этой новой постановке вопроса возникновение Киевского государства рассматривалось как выражение общеевропейского процесса перехода от рабовладельческой античности к феодальному средневековью — процесса единого и одинакового по своей природе и для Западной Европы и для Восточной.[2]

Разрешение проблемы общественного строя Киевской Руси означало вместе с тем и решение вопроса о возникновении крепостного права. Огромное значение для разрешения этого последнего вопроса имело опубликование «Замечаний» товарищей Сталина, Жданова и Кирова на конспект учебника по истории СССР.[3] В этих «Замечаниях» историки СССР получили важнейшее принципиальное указание, что гранью, отделяющей феодальный период от дофеодального, является закрепощение крестьян.

Разрешение советскими историками «проблемы Киевской Руси» позволило в дальнейшем сосредоточить внимание на более частных и специальных вопросах, связанных с возникновением крепостного права. В ряде работ были подвергнуты исследованию такие вопросы,

[1] Доклад Б. Д. Грекова и дискуссия по его докладу были опубликованы в Изв. Акад. ист. мат. культ. В переработанном и расширенном виде доклад Грекова лег в основу его книги «Феодальные отношения в Киевском государстве» (последнее издание вышло под заглавием «Киевская Русь»).

[2] Итоги дискуссии об общественном строе Киевской Руси см. Историк-марксист, 1939, № 4, доклад Б. Д. Грекова «Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим?» и прения по докладу.

[3] Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. Сб. «К изучению истории», 1938.

как вопрос о смердах и других категориях зависимого населения Киевской Руси, о дани, о земледелии и землевладении и т. д.[1]

В итоге можно сказать, что советская историческая наука приходит к 25-летнему юбилею Великой Октябрьской социалистической революции с прочными результатами исследования вопроса о возникновении крепостного права, и решение этого вопроса является одним из бесспорных достижений советских историков.

Иными путями шло исследование дальнейших этапов истории развития крепостного права в России.

Почти одновременно с выходом в свет стенограммы дискуссии о рабстве и феодализме в Киевской Руси Греков опубликовал другое исследование — «Очерки по истории феодализма в России» (1933).[2] В этой работе он сделал опыт построения истории крепостного права в России от времен Киевского государства до конца XVI в. Ведя борьбу с буржуазной теорией «свободы» русского крестьянина до конца XVI в. и доказывая, что крестьяне были закрепощены уже в Киевской Руси, Греков построил свою теорию как прямую антитезу традиционной буржуазной схемы развития крепостного права в России. В противопоставлении Грековым своих взглядов старым, буржуазным, находило свое выражение его стремление создать новую, марксистскую концепцию истории крепостного права в России. В этом было бесспорно положительное значение развитой Грековым теории. Однако в позитивной части концепция Грекова не во всех ее звеньях оказалась одинаково верно решающей вопрос. Особенно это следует сказать в отношении периода XV—XVI вв., как времени смягчения форм крепостной зависимости крестьянства и начала процесса его раскрепощения, сменившегося во второй половине XVI в. возрождением и усилением крепостных форм зависимости крестьянства.

Дальнейшая работа над проблемами истории крепостного права в России показала необходимость иного решения вопроса о сущности процессов, характеризующих развитие крепостного права в XV—XVI вв. На необходимость пересмотра своей схемы указал и сам Греков.[3]

Необходимость по-новому подойти к проблеме истории крепостного права в России стала особенно ясной после исторических решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР о положении на фронте исторической науки, в которых была вскрыта антимарксистская, антиленинская, по сути дела ликвидаторская сущность взглядов «исторической школы Покровского».

Однако конец 1930-х годов характеризуется известным ослаблением интенсивности работы советских историков над вопросами, связанными с историей крепостного права в XV—XVI вв. Главное внимание историков, занимающихся древним периодом истории СССР, сосредоточивается в эти годы на вопросах истории Киевской Руси. Лишь в 1940 г. Греков в своей новой работе «Главнейшие этапы в развитии крепостного права в России» вернулся к изучению вопро-

---

[1] Кроме названных выше работ Б. Д. Грекова, см. следующие работы: Бахрушин С. В. Некоторые вопросы истории Киевской Руси. Историк-марксист, 1937, № 3. Его же. Держава Рюриковичей. ВДИ, 1938, № 2. Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. 1939. Чернов С. Н. О смердах Руси XI—XIII вв. Сб. в честь Н. Я. Марра. Приселков М. Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. Уч. зап. Мин. гос. унив., 1941, № 73. Любимов В. П. Смерд и холоп. Исторические записки, 1941, № 10.

[2] Греков Б. Д. Очерки по истории феодализма в России, 1933.

[3] В специальном примечании в его книге «Феодальные отношения в Киевском государстве».

сов истории крепостного права в России в целом, включая и XV—XVI вв., но в этой работе, рассчитанной на широкого читателя, он мог лишь наметить направление, в каком должно итти исследование проблем истории крепостного права, оставив открытым ряд спорных вопросов, в частности и те, которые касаются XV—XVI вв.

Две новые работы, посвященные истории крепостного права и опубликованные в 1934—1940 гг. С. В. Юшковым и Л. В. Черепниным, не изменили положения и не продвинули вперед изучения истории крепостного права в России.

Работа Юшкова,[1] представляющая собой критический разбор «Очерков по истории феодализма в России» Грекова, по замыслу автора должна была дать общую схему истории крепостного права в России, в понимании Юшкова, в противовес критикуемой им концепции Грекова. Однако и в части критической, и в части позитивной работа Юшкова не только не приближает к решению спорных вопросов истории крепостного права в России, но, напротив, представляет несомненный шаг назад, так как точка зрения Юшкова, по существу, является не чем иным, как попыткой возрождения в несколько модернизованном виде старой теории Ключевского — Дьяконова о возникновении крепостного права через задолженность крестьянина.

Не является прогрессом в области исследования истории крепостного права в России и работа Черепнина.[2] Поставив перед собой задачу изучить систему отношений господства и подчинения в вотчинах Московского митрополита (по материалам известного сборника актов о землевладении митрополичьего дома), Черепнин, однако, вместо анализа существа этих отношений в их историческом развитии пошел по пути чисто внешнего сравнения отдельных исторических институтов русского феодального права XIV—XVI вв. с аналогичными институтами западноевропейского средневековья. Но то, что было оригинально и ценно во времена Павлова-Сильванского, в конце XIX в., вряд ли могло удовлетворить кого бы то ни было в 1940 г.

Таким образом, вопросы истории крепостного права в России XV—XVI вв. в значительной степени и до сих пор остаются в нашей историографии частью нерешенными, частью спорными. Но если общая схема для этого периода в истории крепостного права в России еще должна быть выработана, то ряд более частных, но тем не менее весьма важных вопросов получил в работах советских историков свое решение. Среди них надо прежде всего назвать проблему юридического оформления крепостного права в конце XVI в., по-новому направленную и успешно разрешенную в работах советских историков.

Последним словом буржуазной исторической науки в этом вопросе были «заповедные годы». Но при всей важности и ценности этого исторического открытия буржуазная историография не разрешила проблемы «заповедных лет». Спорным оставался прежде всего вопрос о самой сущности законов о «заповедных годах». Общая это была законодательная мера или частная, региональная, временная или постоянная, наконец была ли «заповедь», объявляемая в том или другом году, запрещением выхода крестьян в эти годы, или же «заповедные годы» — это такие, в которые землевладельцы получали право вывозить обратно ушедших от них крестьян, — таков неполный

[1] Юшков С. В. К вопросу о развитии крепостного права в Московском государстве. Уч. зап. Свердл. пед. инст., 1938, вып. I.

[2] Черепнин Л. В. Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв. Исторические записки, 1940, № 9.

перечень вопросов, являвшихся предметом споров в дореволюционной литературе о «заповедных годах».[1]

Но перечисленные только что вопросы не исчерпывают содержания проблемы «заповедных лет». Главным и основным вопросом оставался вопрос о том, чем было вызвано введение «заповедных лет», — вопрос о причинах отмены крестьянского выхода.

Разрешение этой проблемы, над которой дворянско-буржуазная историческая наука работала почти 200 лет — со времен Татищева и Новикова, оказалось под силу лишь советским историкам, вооруженным методом марксизма-ленинизма.

Решительно порвав с теориями дворянско-буржуазных историков, объяснявших закрепощение крестьян нуждами обороны страны, требовавшей якобы «закрепощения сословий» государством, советские историки дали принципиально иную, новую постановку вопроса. Они показали, что корни закрепощения крестьян надо искать в самых основах экономики феодальной России и что именно в состоянии экономики Московского государства второй половины XVI в. и обусловленного ею соотношения классов и характера классовой борьбы надо искать причины того изменения в положении крестьянства в конце XVI в., которое буржуазная историография называла «закрепощением крестьян», но которое в действительности являлось лишь новым этапом в развитии крепостного права, правда этапом очень важным, так как содержанием его было усиление форм крепостнической эксплоатации крестьянства и оформление на этой основе крепостного права в общегосударственном масштабе.

При такой постановке вопроса естественно было сосредоточение внимания исследователей на анализе экономики Московского государства второй половины XVI в., в частности и в особенности на изучении так называемого хозяйственного кризиса 70—80-х годов XVI в.; на процессах в области землевладения, в частности на положении поместного землевладения, с одной стороны, и монастырского — с другой; на опричнине и ее влиянии на крестьянское хозяйство и положение крестьян; наконец, на изучении роста классовых противоречий внутри основной ячейки феодального общества Московского государства — внутри феодальной деревни.[2] В итоге всех этих исследований стало очевидным, что решающую роль в подготовке тех мероприятий, которые вылились в форму законов о «заповедных годах», надо приписать опричнине и вызванным ею сдвигам как в экономике Московского государства, так и в области социальных отношений. Если в экономике Московского государства важнейшим результатом опричнины явился хозяйственный кризис 70—80-х годов XVI в.[3] (вызванный ломкой боярского хозяйства, массовым переходом боярских

[1] См. перечисленные выше работы М. А. Дьяконова.

[2] См. названные выше работы Б. Д. Грекова, а также следующие: Смирнов И. И. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. Пробл. истории мат. культуры, 1933, № 5—6. Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник XVI в. Исторические записки, 1938, № 3. Веселовский С. Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв., 1936. Его же. Монастырские заповедники в Московской Руси во второй половине XVI в. Исторические записки, 1941, № 10. Садиков П. А. Из истории опричнины XVI в. Исторический архив, 1940, т. III. Его же. Московские приказы-четверги во времена опричнины (1565—1584). Исторические записки, 1941, № 10.

[3] В 90-х годах XVI в. кризис начинает ослабевать, и в экономике Московского государства намечаются признаки подъема хозяйства. Этот вывод советской историографии не поколебали возражения М. Н. Тихомирова (в названной в предыдущем примечании статье), отказывающегося видеть смягчение хозяйственного кризиса в последнее десятилетие XVI в.

земель в руки помещиков и огромным разорением крестьянского хозяйства), усиленный разрушительным влиянием на хозяйство страны Ливонской войны, то в области социальных отношений опричнина характеризуется резким изменением соотношения сил между крестьянством и классом феодалов — в пользу последнего, ибо опричнина усилила классовые позиции основного ядра в господствующем классе дворян-помещиков, нанеся вместе с тем сильнейший удар крестьянству.

Все эти перемены в экономике и социальных отношениях Московского государства во второй половине XVI в. подготовили почву и создали предпосылки для проведения той серии мероприятий, которые крепостническое государство, также усиленное в результате опричнины, осуществило в 80—90-х годах XVI в. по крестьянскому вопросу, выполняя волю господствующего класса и защищая его интересы.

Разрешив вопрос о причинах усиления крепостного гнета в Московском государстве в конце XVI в., советские историки подвергли исследованию и самые мероприятия, в которых нашло свое выражение усиление крепостничества. На основе достигнутых результатов в изучении характера социально-экономического развития Московского государства XVI в. стал возможен новый пересмотр такого важнейшего вопроса, как проблема «заповедных лет». Крупную роль здесь сыграли исследования Грекова, которому удалось с бесспорностью установить путем исследования нового материала из архива Иосифова-Волоколамского монастыря хронологию введения «заповедных лет» — 1581 г. — и доказать общегосударственный, а не региональный характер их действия.[1] Изучение вопроса о «заповедных годах», однако, обнаружило, что вопрос этот значительно сложнее, чем это казалось первоначально. Повидимому, и в период действия «заповедных лет» имелись определенные категории крестьян, на которых не распространялась «государева заповедь» крестьянского выхода.[2] Поэтому одним из очередных вопросов, подлежащих исследованию, является вопрос о том, на какие категории крестьянства распространялось действие указов о «заповедных годах».

К числу исследований, по-новому ставящих проблему «заповедных лет», надо отнести и работу покойного Н. С. Чаева, выдвинувшего остроумную (хотя во многом и весьма спорную) концепцию о связи законов о «заповедных годах» с другими важнейшими мероприятиями в области внутренней политики конца XVI в. — переписью земель 1581—1592 гг. и отменой тарханов постановлением собора 1584 г.[3]

Другим вопросом, пересмотр которого был произведен за последние годы, явился вопрос о побегах крестьян. Традиционная точка зрения в этом вопросе заключалась в том, что основным направлением побегов крестьян в XVI—XVII вв. было бегство на юг, в южные окраины Московского государства. Однако монографическое исследование вопроса о крестьянских побегах, произведенное по материалам свозных книг Троице-Сергиева монастыря А. Г. Маньковым, выявило совсем иную, несколько неожиданную картину направления и характера побегов крестьян. Оказалось, что основная масса беглых крестьян оставалась и оседала в пределах своего прежнего уезда

---

[1] Греков Б. Д. Очерки по истории феодализма в России, 1933.

[2] Смирнов И. И. Из истории крестьян в Московском государстве в конце XVI в. Уч. зап. Ленингр. унив., 1939, № 32.

[3] Чаев Н. С. К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве конце XVI в. Исторические записки, 1940, № 6.

или соседних с ним уездов. Напротив, количество бежавших на юг, в частности в Заокские уезды, было ничтожным.

Столь же интересным оказалось и другое наблюдение Манькова, также стоящее в противоречии с прежними представлениями. В то время как обычно считалось, что крестьянство бежало от помещиков в монастыри, Маньков установил, что большинство беглых крестьян Троице-Сергиева монастыря было обнаружено живущими у помещиков. [1]

IV

Плодотворные результаты, достигнутые советскими историками в исследовании вопросов истории крепостного права в России, объясняются прежде всего новым, марксистским подходом к изучаемой проблеме. Однако, несмотря на всю ценность исследований, произведенных советскими историками по вопросам истории крепостного права, еще больше вопросов осталось нерешенными, неисследованными.

Каковы задачи, стоящие перед советской исторической наукой в области дальнейшего изучения проблемы крепостничества в России?

В наиболее общей форме эти задачи могут быть определены как продолжение и завершение работы над созданием марксистской концепции истории крепостного права в России.

Исследования советских историков о Киевской Руси заложили прочный фундамент для построения марксистской истории феодализма и крепостничества в России. Исследования в области истории крепостного права послекиевского периода — как времен феодальной раздробленности, так и эпохи Московского государства — если не разрешили еще задачи создания истории крепостного права этих эпох, то все же проделали необходимую предварительную работу по критическому пересмотру прежних представлений о положении крестьян в эту эпоху и — самое главное — выявили основные узловые моменты, над разрешением которых должна работать советская историческая наука, наметили общее направление исследования.

Не вдаваясь в подробности в отношении проблематики дальнейших исследований по истории крепостного права, следует подчеркнуть, что ключ к разрешению задачи построения марксистской истории крепостного права в России лежит в выяснении характера и существа форм зависимости крестьянства в период феодальной раздробленности — в эпоху между «Русской Правдой» и «Судебниками». Именно этот период должен дать ответ на вопрос об исторической преемственности форм крепостной зависимости крестьянства в эпоху Московского государства от форм крепостнической зависимости крестьянства в эпоху Киевской Руси. Именно этот период должен вместе с тем раскрыть, как изменились формы крепостничества при переходе от Киевской Руси к феодальной раздробленности и какие новые формы зависимости крестьянства появились уже в эту, послекиевскую эпоху русской истории. Важность этого последнего вопроса следует особенно подчеркнуть. Насколько кардинальное значение имеет вопрос о новых формах зависимости крестьянства, сложившихся во времена феодальной раздробленности, видно из того, что именно в этот период возникает право перехода — явление, в котором дворянско-бур-

---

[1] Маньков А. Г. Побеги крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XVII в. Уч. зап. Ленингр. унив., 1941, № 80.

жуазная историография видела признак свободы русского крестьянина, но которое в действительности представляло собой одно из выражений процесса разрушения сельской общины и закрепощения крестьян-общинников феодалами-землевладельцами. [1]

Бесспорны трудности исследования этой эпохи, трудности, обусловленные прежде всего ограниченностью источников, сохранившихся для периода XIII—XIV вв. Но все же разрешить задачу выяснения форм крепостного права периода феодальной раздробленности возможно. И разрешение ее даст важнейшее, необходимое звено для построения общей концепции истории крепостного права в России — от его зарождения и вплоть до падения.

* * *

В своей работе «О диалектическом и историческом материализме» товарищ Сталин определяет задачи исторической науки в следующих словах: «...Историческая наука, если она хочет быть действительной

---

[1] Вопрос о возникновении права крестьянских переходов не только не разрешен, но, как это ни странно, даже не поставлен. Если отсутствие исследования вопроса о крестьянских переходах в дворянско-буржуазной историографии еще можно объяснить общими представлениями дворянских и буржуазных историков об исконности крестьянской свободы, то игнорирование этого вопроса советскими историками, конечно, совершенно недопустимо.

Возникновение права крестьянского перехода является важнейшим моментом в положении крестьянства периода феодальной раздробленности. Киевская Русь не знала права крестьянского перехода. Этот вывод вытекает не только из молчания источников о переходах, но прежде всего из наличия такого социального института, как «изгойство». Переход крестьянина из одного места в другое включал в себя момент разрыва общинных отношений и выхода крестьянина из своей общины. В Киевской Руси порвавший со своей общиной крестьянин-смерд становился изгоем. Это значит, что смерд обладал своими социальными качествами и сохранял их не как отдельное лицо, а только как член общины и в составе общины. И разрыв с общиной имел своим результатом потерю смердом своего социального лица: он превращался в изгоя (разумеется, это не означает, что изгойство не имело других источников: они перечислены в уставе князя Всеволода). Следовательно, смерды-общинники не переходили и не могли переходить без потери принадлежности к своей прежней социальной группе (то же следует сказать и о закупе: бежавший от господина закуп превращался в холопа).

Появление крестьянских переходов в период феодальной раздробленности — свидетельство ослабления общинных связей (крестьянин сохранял свое крестьянство и уйдя из общины; его социальное качество, таким образом, индивидуализировалось) и в то же время показатель дальнейшего развития процесса феодализации. Крестьянин, перешедший с черной земли на землю владельческую, терял право собственности на общинную землю и получал от землевладельца землю уже не на праве собственности, а на феодальном праве владения — пользования, включавшего в себя как экономическую, так и политико-юридическую зависимость крестьянина от феодала. Таким образом, уже «первый переход», т. е. переход с черной земли на боярскую, означал тем самым переход свободного крестьянина в зависимость от феодала. Сохранение за крестьянином права перехода, т. е. права ухода его от феодала, на земле которого он сидел, не уничтожало зависимого состояния крестьянина и не делало его свободным. Из трех возможных способов осуществить свое право перехода: а) стать свободным колонистом, б) войти в состав черной волости, в) перейти к другому феодалу, реальным был лишь последний. Колонизация и освоение свободных массовых земель для крестьянина-одиночки были как массовое явление невозможны без «помощи» феодала. Столь же мало реальна была возможность вернуться в черную волость. Здесь тоже крестьянин не мог рассчитывать на «подмогу» в первый момент после прихода, когда нужно было организовать хозяйство. Таким образом, переход крестьян означал, как правило, не выход крестьянина из сферы феодального землевладения, а или вхождение в сферу феодального землевладения, или переход внутри этой сферы.

Повидимому, в период феодальной раздробленности (XIV—XV вв.) правом перехода обладали все категории крестьянства. Источники сохранили свидетельства о переходах «новоприходцев», «старожильцев», «сирот», «серебренников». Наиболее яркие представители феодально зависимого крестьянства XIV в. — сироты Константиновского монастыря — имели право перехода.

наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов» («Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 552).

Историческая наука должна заняться историей трудящихся масс, историей народов. Такова важнейшая задача исторической науки. Составной частью этой общей задачи является изучение истории крестьянства эпохи феодализма. Этим определяется значение работы над проблемами истории крепостного права в России.

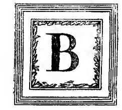

Проф. Б. Б. КАФЕНГАУЗ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СССР ЗА 25 ЛЕТ

I

Военно-историческая литература является наиболее молодой отраслью советской исторической науки. В отличие от внешней политики в целом и особенно дипломатии, вызывающих неизменный и прочный интерес, военная тематика до последнего времени сравнительно слабо привлекала внимание советских историков. Можно сказать, что «гражданские» историки были склонны считать ее особой специальностью, относящейся к ведению только военных специалистов.

Заметное развитие военно-исторической литературы относится к самому последнему времени. Конечно, и в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции появлялись отдельные работы на военно-исторические темы, но они не делали «погоды». Острый интерес к истории войн и военного искусства в нашей стране появляется в годы назревания второй мировой войны и с особой силой вспыхивает с начала отечественной войны СССР против германского фашизма. Это пробуждение интереса к истории русского военного искусства и к истории войн следует признать несомненным достижением на нашем историческом фронте. Оно не должно иссякнуть; напротив, его следует в будущем развернуть в мощное научное движение, имеющее перед собой широкий путь развития.

Буржуазная историческая наука не оставила нам в этой области особенно богатого наследия. К тому же дореволюционная военно-историческая литература требует критической переработки.

Можно различать три способа рассмотрения военной истории. Во-первых, военные события освещаются в известной мере в общих курсах по «гражданской» истории. Во-вторых, войны и история военного искусства могут служить предметом специальных руководств или курсов по истории войн СССР и русского военного искусства, охватывающих длительный период в несколько столетий. И, в-третьих, военные события рассматриваются в специально монографической литературе, посвященной изучению отдельных войн или даже одного сражения или военной операции, деятельности какого-либо полководца и т. п.

В буржуазной литературе, в общих сочинениях и руководствах по «гражданской» истории, военные темы занимали весьма скромное место. Если до революции военной политике в целом отводилось мало

места, то тем меньше внимания привлекали военные вопросы. Их лишь «затрагивали» или «касались» на ходу. В знаменитом курсе русской истории В. Ключевского очень редко, и притом мимоходом, затрагивались такие военные события, как Куликовская битва, Полтавский бой и т. п. Этот блестящий курс главным образом посвящен внутренней истории СССР, социально-экономическому и политическому его развитию.

Остается специальная военно-историческая литература, в дореволюционное время принадлежавшая перу военных специалистов, преимущественно профессоров Военной академии. В этой специальной литературе имелись общие руководства и обзоры по истории войн России и русского военного искусства («Обзор войн» под ред. Леера, «История русской армии и флота», изд. «Образование», «Курс истории русского военного искусства» Байова, Лихневича и др.). Наконец, в буржуазной литературе имелся также ряд монографий и сборников документов относительно отдельных войн, полководцев и т. п.

Внимание военных историков сосредоточивалось преимущественно на изучении наиболее крупных и ярких моментов нашего военного прошлого. Много сил было затрачено на изучение войн и военной реформы Петра Великого. Ряд работ посвящен походам Суворова, а также изучению биографии великого полководца. Достаточно указать на известный труд Д. Милютина о заграничном походе Суворова в 1799 г. Далее идет литература о войне 1812 г. Слабее изучены были Крымская война и войны русско-турецкая в 1877—1878 гг. и русско-японская; имеются отдельные работы о завоевании Крыма, Кавказа и Финляндии. Наконец, история армии и флота и военного управления также привлекала к себе внимание старых военных историков.

В советской исторической науке можно выявить два течения в освещении специально военных тем. С одной стороны, пробивается оригинальное творчество, изучаются новые темы военной истории по новым материалам, главным образом по истории войн в XX в. Следует отметить значительное число оригинальных русских работ по истории мировой империалистической войны 1914—1918 гг. В особенности надо остановиться на работах по изучению гражданской войны в целом и освещению отдельных сражений и операций. Эти две группы являются наиболее ценными работами по военной тематике.

С другой стороны, продолжается изучение войн за предшествующие столетия. Частично это последнее течение в советской историографии выражается в критической переработке старой буржуазной литературы.

Тщательное изучение всей многовековой военной истории СССР советскими историками должно явиться делом будущего, очередной задачей советской исторической науки.

II

Когда Ленин приводил известное высказывание военного историка Клаузевица, что война есть продолжение политики иными средствами, то этим было дано указание не отрывать военную историю от истории внутренней и внешней политики.

Однако совсем иное мы видим в работах М. Н. Покровского, которые были в наибольшей мере распространены в первые годы революции. Покровский особенно интересовался историей внешней поли-

тики, но в освещении дипломатии и военной истории он повинен в целом ряде ошибок и извращений.

Приведем лишь несколько примеров.

Ливонской войне при Иване Грозном Покровский отводит лишь две страницы в своем четырехтомнике (т. I, гл. VIII): Он считает, что завоевание Нарвы удовлетворило московскую буржуазию, а последующая война в Ливонии имела в виду лишь интересы дворянства, стремившегося к земельным приобретениям, к получению в свои руки земельного фонда для раздачи в поместья. Национального значения Ливонской войны Покровский не отмечает.

Военное устройство Русского государства в XVI в., по его мнению, чисто средневековое и во всем будто бы уступало военной организации ливонских рыцарей. Победы Грозного он объясняет только численным превосходством. В действительности же победы 1558—1560 гг. показали превосходство русских военных сил.[1]

Столь же бегло и неверно изображает Покровский войны Петра I. Они объясняются лишь интересами «торгового капитализма», который будто бы заставил 20 лет биться за Балтийское море. Полтавская битва, ее огромное международное значение совсем не привлекли его внимания. Он обошел вопрос о прогрессивном значении Северной войны в истории нашей родины и не заметил военных талантов самого Петра, которого изображает грубым солдатом, совершенно лишенным черт крупного государственного деятеля.

При описании войны 1812 г. Покровский совершенно извратил действительный ход событий. Он изображает дело так, как если бы Наполеон не нападал, а лишь оборонялся от русских на берегах Москвы-реки. Победу России в Отечественной войне он объясняет тем, что французы «замерзли в русских снегах». Покровский совершенно отрицал действительный народный характер Отечественной войны 1812 г.

При освещении русско-японской войны Покровский, вопреки указаниям Ленина, отрицал империалистический характер этой войны, изображая ее также как войну торгового капитала.

Наконец первую мировую войну 1914—1918 гг. он понимал совершенно неправильно, считая, что нападающей стороной в ней была Россия и союзники, а не Германия Вильгельма II.

Вся военная история Русского государства в древности до XX в. рисовалась ему в виде разбойничьих набегов постепенно усиливавшегося хищника. Отрицалось всякое национальное и прогрессивное значение за войнами русского народа. Не даром Покровский пытался изобразить как прогрессивное даже татарское иго.

Концепция Покровского с ее пренебрежительным отношением к военной истории русского периода, конечно, не могла способствовать разработке вопросов истории русского военного искусства. Однако освещение военно-исторических тем продолжалось и в годы так называемой «школы Покровского», но в виде специальных работ, удовлетворявших запросы военных и учащихся военных академий. Эти работы, рассчитанные на узкий круг читателей, были лишены широкого освещения вопросов, ограничиваясь специальным разбором военно-стратегической обстановки, анализом отдельных сражений и т. п.

Из общих работ по военной истории России, вышедших в эти годы, можно отметить «Очерки по истории военного искусства в России XVIII—XIX вв.» А. Верховского, читанные автором в Академии Гене-

[1] Сб. «Против исторической концепции М. Покровского», ч. I, стр. 153.

рального штаба и изданные в 1921 г. Они опирались на буржуазную литературу и давали общий очерк русского военного искусства. Автор выделял эпоху Петра I и Суворовскую эпоху, к которой относил также войну 1812 г. в отношении принципов военного дела. Последующее время XIX в. определялось им как время упадка военного дела и мертвящей бюрократизации русской армии, приведших к севастопольскому разгрому и поражению в русско-японской войне. Основной мыслью этого курса является указание на первостепенное значение психического состояния армии, ее «духа».

По истории войн за прежние столетия до XX в. можно указать лишь единичные работы, вышедшие в первое десятилетие Великой Октябрьской революции, и притом скорее имеющие отношение к внешней политике в целом, чем к военному делу. Следует отметить интересную, хотя эскизную книжку Р. Виппера «Иван Грозный».

Ливонская война справедливо оценивается автором как грандиозное предприятие, имевшее огромное значение, а Грозный изображается крупным политиком, стоящим на уровне идей Западной Европы того времени.

Интересен также очерк С. Бахрушина «Казаки на Амуре» (1925). В нем показано продвижение казаков к Дальнему Востоку и особенно подробно изложено построение крепости Албазин и борьба за нее, закончившаяся заключением Нерчинского мирного договора с Китаем 1689 г.

Специальная разработка военно-исторических тем характеризуется в это время большим числом работ, главным образом по истории первой мировой войны, изданных Военной академией РККА или Штабом РККА. Они посвящены разбору отдельных операций и сражений. Эти работы были предназначены для военных специалистов и лишены большей частью общеполитической оценки. Анализ отдельных операций нередко не увязан в них с ходом войны в целом, преобладает военно-стратегический, скрупулезно подробный анализ. Примером этих работ может служить «Стратегический очерк войны 1914—1918 гг.» (6 выпусков, 1922—1923 гг.), принадлежащий перу ряда специалистов, работа Г. Королькова «Варшавско-Ивангородская операция» (М. 1923), Г. Иссерсона «Канны мировой войны» (гибель армии Самсонова) (М. 1926) и т. п.

Такого рода работы продолжали выходить и в последующие годы. Назовем, например, вышедшую в 1937 г. книгу комбрига Н. Корсун «Сарыкамышская операция на кавказском фронте мировой войны в 1914—1915 гг.».

В целом эта литература имеет значительную ценность по обилию фактического материала и тщательному анализу его со стороны военных условий. Эти специальные работы о первой мировой войне имеют в виду удовлетворить интересы военных специалистов и не рассчитаны на более широкий круг читателей-историков.

Более общее значение имеют известные труды Зайончковского — «Мировая война» (маневренный период 1914—1915 гг.) (М. 1929) и «Подготовка России к империалистической войне» (М. 1926).

Особенно ценна работа Барсукова «Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении» (М. 1926, 1-е изд.). В новом переработанном издании за эту книгу автору присуждена Сталинская премия.

Большое значение имеют мемуары русских участников империалистической войны, из которых выделяются «Мои воспоминания» Брусилова, наиболее даровитого генерала прошлой мировой войны.

III

Пересмотр всей военной истории нашей родины и рост интереса к ней тесно связан с решениями ЦК ВКП(б) и СНК 1934 г. об улучшении преподавания истории и о составлении исторических учебников. Критическая работа, выполненная в двухтомном сборнике «Против исторической концепции М. Покровского», вскрыла с особенной ясностью ошибки Покровского в оценке понимания им внешнеполитической истории СССР. Были выявлены допущенные им извращения в понимании польско-шведской интервенции начала XVII в., во всей истории войн и дипломатии XIX и начала XX в. Авторы критических статей этого сборника не ограничивались критикой, но давали свое, более правильное понимание военных событий нашего прошлого.

Военная и дипломатическая история заняла теперь подобающее ей место в учебниках и руководствах. Этим темам отведено достаточно внимания в учебниках А. Шестакова для начальной и А. Панкратовой для средней школы. Наконец, в учебниках для вузов также уделено большое внимание войнам и дипломатии. Героическая борьба русского народа против татарского ига и немецкой агрессии в XIII в., война с Ливонским орденом в XVI в., петровские войны и т. д. освещены с достаточной выпуклостью в «Истории СССР» под ред. Б. Грекова, С. Бахрушина и В. Лебедева (ч. I) и под ред. М. Нечкиной (ч. II, по истории XIX в.), а также в учебнике для неисторических вузов «История СССР» под ред. В. Пичета, М. Тихомирова и А. Шестакова. В этих учебниках показан конкретный ход войны и международное положение страны. Авторы показывают в таких войнах, как русско-турецкая 1877—1878 гг. или русско-японская и т. п., стойкость и героизм русских войск и деятельность великих полководцев. Борьба за независимость страны военными и политическими средствами занимает в этих руководствах подобающее ей место.

Вместе с тем оживился интерес и к монографической разработке военной истории СССР. Она началась еще задолго до войны против германского фашизма, но война еще усилила, обострила законный интерес к военному прошлому нашей родины.

В литературе по истории войн и военного искусства, вышедшей после 1934 г., можно наметить известное стремление к углубленному монографическому освещению отдельных моментов, но гораздо ярче проявилось другое направление — сделать героическое военное прошлое народов СССР широко известным и доступным для более широких читательских кругов. Это выражается не только в большом числе научно-популярных книг, брошюр и журнальных статей на военно-исторические темы, но также и в том, что серьезные труды крупных историков, использующих первоисточники и архивные материалы, нередко оформляются ими так, чтобы не отпугизать читателя «ученостью», а, напротив, облегчить усвоение путем ясного и литературного изложения. Этим историки идут навстречу интересам более широких советских кругов. В этом отношении военно-историческая продукция последних лет сильно отличается от работ, издававшихся в первое десятилетие после революции, работ, предназначавшихся для узкого круга специалистов, и притом не историков, а преимущественно специалистов-военных.

Для разработки военной истории с 1939 г. стал издаваться Наркоматом обороны «Военно-исторический журнал», освещающий историю войн за ряд столетий. В нем были помещены статьи об Александре

Невском, о Полтавской битве, Семилетней войне и т. п. на ряду с работами по истории гражданской войны и первой империалистической войны. «Историк-марксист» и заменивший его «Исторический журнал» также широко освещают историю войн и внешней политики в целом.

В новейшей советской литературе пересмотру подверглась история борьбы русского народа против татарского ига и против немецкой агрессии в XIII в. В этом отношении следует отметить научно-популярную книгу акад. Б. Грекова и А. Якубовского «Золотая Орда» (изд. Акад. Наук СССР), в которой дается не только очерк образования монгольско-татарского государства в Восточной Европе, но и история борьбы русского народа против татарских завоевателей. Разработке темы о борьбе русского народа и политике русских князей и татарских ханов в XIII—XIV вв. посвящена монография А. Насонова «Монголы и Русь» (Акад. Наук, 1940). Здесь показано, как политика татарских ханов использовала феодальную раздробленность страны и стремилась еще усилить рознь между русскими князьями. Автор выясняет характер татарской власти, налоговую тягость, переписи населения, производившиеся татарами, указывает размещение отрядов татарских баскаков и останавливается на мощных и частых восстаниях русского народа, не мирившегося с иноземным завоеванием.

С этими же проблемами связано издание второго тома «Материалов по истории Золотой Орды» Тизенгаузена (Акад. Наук, 1941). Оно содержит переводы арабских источников по истории Золотой Орды XIV—XV вв.

Усиленное внимание историков привлекала борьба Руси с немецкой агрессией в XIII—XIV вв. Здесь следует отметить монументальное издание «Хроники Генриха Латыша», одного из основных источников для этой темы. «Хроника» с удивительной откровенностью и цинизмом показывает жестокие колониальные методы немцев в XIII в., имевших в виду угнетение и даже истребление народов Прибалтики.

Вместе с тем автор «Хроники» должен был признать храбрость и военное искусство русских войск, которые во главе с русскими князьями не только защищали свои границы, но выступали также в качестве союзников народов Прибалтики в их борьбе против немецких «псов-рыцарей».

Большая сравнительно литература выросла об Александре Невском и о его борьбе против шведов и немцев, в особенности в связи с юбилейной датой — 700-летием Ледового побоища. Из нее следует выделить, как имеющие самостоятельное научное значение, две работы. Прежде всего надо указать книжку М. Тихомирова «Борьба русского народа с немецкими интервентами в XIII—XV вв.», первоначально напечатанную в журнале «Знамя» (1939 г.), а затем переработанную и вышедшую отдельным изданием (Госполитиздат, 1941).

Работа Тихомирова основана на изучении русских летописей и западноевропейских хроник. Автор не только уделяет внимание международному положению в Прибалтике, но подвергает разбору чисто военную сторону событий, останавливается на вооружении русских и немцев, дает ценные соображения о месте Ледового побоища и т. п. Он приходит к выводу о высоком уровне военного искусства и организации русской армии при Александре Невском.

Проф. С. Бахрушин, лауреат Сталинской премии, также посвятил Александру Невскому ценную статью, напечатанную в «Вестнике Академии Наук» (за 1942 г.), являющуюся пересмотром всех сохранившихся известий о Ледовом побоище и великом полководце.

Бахрушину принадлежит также лучшая из популярных брошюр о Дмитрии Донском и Куликовской битве (в изд. Узбекист. филиала АН СССР, Ташкент 1942).

Среди ряда брошюр и статей о Минине и Пожарском, их борьбе с польско-шведской интервенцией и обороне Смоленска следует выделить статьи В. Пичета и А. Савича в сборнике «Против исторической концепции Покровского», где помимо критики его ошибок дана также критика известных работ М. Платонова о «Смуте», страдающих недооценкой роли поляков и борьбы русского народа против них.

Обстоятельно проанализирована деятельность великих патриотов Минина и Пожарского в брошюре А. Савича «Борьба русского народа с польской интервенцией в начале XVII столетия».

Советская общественность и историческая наука отмечали в 1939 г. 230-летие Полтавской битвы. Эта юбилейная дата вновь привлекла внимание историков к Северной войне и к полководческой деятельности Петра I. Исходя из указаний товарища Сталина о прогрессивном национальном значении Петровской эпохи, было вскрыто огромное международное значение Полтавской победы.

«Историк-марксист» откликнулся на юбилей статьей Б. Кафенгауза о Полтавской битве, где была подчеркнута блестящая военная и дипломатическая подготовка Петром Полтавской победы. В «Военно-историческом журнале» была помещена статья Б. Тельпуховского о военно-стратегической стороне событий.[1]

В Полтаве была проведена юбилейная сессия Украинской Академии Наук, посвященная Полтавской битве. Доклады на сессии опубликованы отдельным сборником «Полтавская битва» в Трудах Украинской Академии Наук.

В отличие от трудов буржуазных историков в юбилейных работах было выяснено народное движение на Украине против шведов, вылившееся в партизанскую борьбу, отказ от поставки продовольствия и т. п.

Деятельности Петра I как великого полководца посвящена книжка В. Панова «Петр как полководец» (Военгиз, 1939). Она является переработкой и популяризацией накопленного наукой материала о великом преобразователе русской армии и полководце.

Посчастливилось Семилетней войне, о которой вышло солидное исследование проф. Коробкова. В этой книге советская наука получила достаточно полное и отчетливое исследование войны 1756—1763 гг., основанное на обширной русской и в особенности иностранной литературе и на первоисточниках. Автор использовал также неизданные архивные материалы. В книге освещена деятельность русских армий за границей, колебания в русской политике в течение этой войны, дан анализ крупнейших сражений, освещено знаменитое кратковременное занятие русскими войсками Берлина.

Особенно сильно приковал к себе внимание великий Суворов. Если при изучении суворовских походов и его биографии советские писатели не внесли новых материалов и не дали еще значительных монографий, то все же ценность сделанной в этом отношении работы несомненна. Она выражается не только в популяризации великого полководца. Советские историки дали новое понимание его деятельности, отделив его от царизма, которому он должен был служить, но с которым Суворов никогда не был в ладу.

Суворов вполне правильно понят теперь как народный герой, чуждый царям и придворным кругам. В этом заключается значение книги

[1] Историк-марксист, 1939, № 4; Военно-исторический журнал, 1939, № 1.

К. Осипова «Суворов», выдержавшей уже два издания. В ней особенно выпукло показана личность Суворова.

Особенности стратегии и тактики Суворова и анализ сражений, где он предводительствовал, сжато даны в книге полк. Боголюбова «Полководческое искусство А. В. Суворова» (Воениз, 1937). Переиздана также отдельным изданием знаменитая инструкция Суворова «Наука побеждать».

Более углубленное изучение Суворова, его личности и побед должно стать делом ближайшего будущего. Советским историкам предстоит увлекательная задача не только критически пересмотреть то, что было собрано и написано о Суворове буржуазной наукой, но и дать новые научные исследования, которые заменили бы как книгу генерала Петрушевского «Генералиссимус Суворов» (3 тома), так и труд Д. Милютина о суворовском заграничном походе 1799 г. и другие работы дореволюционных военных историков.

Русско-шведская война 1808—1809 гг. освещена в книжке Захарова (Воениз, 1940). В ней дан анализ действий русской армии и ярко показан героизм русского солдата, особенно проявившийся в неожиданном для шведов зимнем переходе русских по замерзшему Ботническому заливу. В ней показана деятельность в Финляндии будущих героев Отечественной войны Багратиона и Барклая де-Толли.

В обширной дореволюционной литературе о войне 1812 г. отсутствовала научная обобщающая работа об этой войне; особенным пробелом являлось отсутствие достаточно полной биографии М. Кутузова. До сих пор еще приходится пользоваться тем материалом и военно-стратегическим анализом, который дан был в 60-х годах XIX в. в известной монографической работе Богдановича о войне 1812 г. Столетний юбилей Отечественной войны в 1912 г. принес ряд публикаций дневников, мемуаров и очерков, но не дал крупных научных работ.

Советская наука может гордиться прекрасной книгой акад. Е. Тарле «1812 год. Нашествие Наполеона в Россию». Тарле с присущим ему литературным блеском излагает результаты проведенной им большой работы по изучению как изданных материалов и материала первоисточников о наполеоновской эпохе и войне 1812 г., так и неизданных. Им изучены рукописные фонды Гос. Публичной библиотеки и др. В результате книга Тарле по-новому ставит ряд вопросов.

От этого пересмотра прежде всего выросла фигура Кутузова — подлинного народного вождя и одного из величайших полководцев, недостаточно оцененного дореволюционной наукой. Тарле показывает полную самостоятельность Кутузова как в военных вопросах, так и в области политики и дипломатии. Впервые дано правильное освещение весьма скромной роли Александра I в событиях того времени; фигура царя — «плешивого щеголя» потускнела от соседства с Кутузовым. Война 1812 г. показана в книге Тарле как народная война, и в ней отведено подобающее место партизанской борьбе. Победа русского народа над Наполеоном показана в этой работе как результат национального подъема, а не деятельности царя и генералов; она способствовала росту русской культуры, в частности деятельности Пушкина и пробуждению политической мысли у декабристов.

За последнее время вышло много брошюр и статей, посвященных войне 1812 г., биографии Кутузова, Багратиона, партизана Денисова, Надежде Дуровой и т. п. Из них заслуживают внимания статьи и брошюра Л. Боянова о крестьянском движении в 1812 г., направленном против иноземных захватчиков, основанные на использовании архивного материала. Также следует отметить биографию Михаила Кутузова

(«Полководец Кутузов», изд. «Молодой Гвардии»), написанную М. Брагиным весьма живо и дающую достаточно ясное представление о личности великого победителя Наполеона.

Однако следует заметить, что создание полной и подробной биографии Кутузова остается все еще задачей будущих историков войны 1812 г. Отсутствие подобной научной работы является явным пробелом, до сих пор не заполненным.

Кавказские войны интересно представлены С. Бушуевым в книге «Борьба горцев Кавказа за национальную независимость» (Академия Наук, 1938). В этой работе показана деятельность Шамиля как национального вождя горцев Кавказа в их борьбе с царизмом, как организатора армии и предводителя на войне. Автор вскрывает вместе с тем условия, приведшие к поражению Шамиля, — численное превосходство русской армии, с одной стороны, и внутреннюю борьбу различных группировок в правящей горской среде — с другой.

Для изучения Крымской войны большое значение имеет прекрасная биография адмирала Нахимова, написанная акад. Е. Тарле (Воениз, 1941). В ней впервые дан цельный образ этого замечательного моряка и полководца, героя и руководителя Севастопольской обороны. Автор рисует Нахимова как человека, вся жизнь которого принадлежала морской службе, — корабль и матросы заменяли ему семью. В противовес тесной связи его с матросской массой Тарле показывает неприязнь Нахимова к офицерам-белоручкам, его независимую позицию по отношению к главному командованию и даже к самому царю.

Героизм Нахимова противопоставляется бездарности главнокомандующих, выходцев из придворной среды, — Меншикова и Горчакова.

В книге показано также огромное международное значение Синопского боя, в результате которого был уничтожен в самом начале войны неприятельский флот.

В 1942 г. в осажденном фашистскими полчищами Ленинграде вышел первый том большого исследования акад. Е. В. Тарле «Крымская война». Этот исчерпывающий труд, основанный на огромном фактическом материале и на многочисленных, до сих пор не известных, разысканных автором и впервые исследованных архивных материалах, раскрывает одну из важнейших страниц не только военной истории России, но и всей Европы в целом.

Героическая оборона Севастополя в целом отчетливо изложена в книге полк. Лаговского «Севастопольская оборона» (Воениз, 1939). Книга начинается с показа отсталости русской армии в военной технике и организации по сравнению с союзниками, затем разбираются отдельные сражения, показаны работы по укреплению Севастополя, ход подземной «минной войны», выражавшейся в подкопах со стороны русских и французов, и т. д. Книга тщательно выполнена и доступно изложена.

Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. повезло меньше. Для освещения этой войны все же имеется удачная брошюра А. Коленковского и В. Белолипецкого «Русско-турецкая война 1877—1878 гг.» (М. 1939). Она является критическим пересмотром вопроса, основанным на дореволюционной литературе, официальном «Описании» этой войны, многочисленных мемуарах и т. п.

Авторы весьма толково, хотя и сжато излагают ход войны, показывают бездарность главного командования (вел. кн. Николая Николаевича) и вскрывают то новое, что принесла эта война в области военного искусства, как применение рассыпного строя и т. п. В бро-

шюре справедливо отмечен блестящий героический переход русскими войсками зимой горного Балканского хребта.

Русско-японская война отлично изучена в отношении военных событий в труде комбрига Н. Левицкого, выдержавшем уже 3 издания («Русско-японская война 1904—1905 гг.», 3-е изд., Воениздат, М. 1938). Подробное изложение хода войны и анализ отдельных сражений и операций Левицкий дает на фоне изучения общей политической обстановки накануне войны и подготовки России и Японии к войне.

Вслед за книгой Левицкого следует остановиться на работе Ем. Ярославского «Русско-японская война и отношение к ней большевиков» (ОГИЗ, 1939). Она вышла к 35-летию с момента войны и содержит общеполитическую марксистско-ленинскую оценку войны. Несмотря на краткость изложения, автор вскрывает причины войны и выпукло дает основные факты, предшествующие ей, а также останавливается кратко на важнейших сражениях, показывая, что царизм был виновником поражения. Особенно подробно Ярославский освещает отношение Ленина и Сталина к русско-японской войне, приводит не только выдержки из их статей, но также цитирует многочисленные большевистские листовки того времени.

Автор показывает, что 35 лет назад большевики были пораженцами во время позорной русско-японской войны, проигранной царизмом, войны империалистической и несправедливой. Но с момента Великой Октябрьской социалистической революции «мы стали оборонцами своего социалистического отечества, пламенными патриотами!» «Как оборонцы нашей великой социалистической страны мы готовы на деле показать, что нет жертвы, на которую не пошли бы трудящиеся Советского Союза, чтобы отстоять целость нашей родины...»

Надо указать также на ценную брошюру А. Сидорова «Русско-японская война 1904—1905 гг.» (изд. «Московский рабочий», 1939).

До сих пор еще нет советского руководства и по истории русского военного искусства. Курс полк. Разина «История военного искусства» (т. I—II, М. 1940) охватывает как Западную Европу, так и Россию, и притом не идет далее XVIII в.; в этом отношении по своей структуре он приближается к прежней «Эволюции военного искусства» А. Свечина (т. I—II, 1927). Между тем было бы полезно дать самостоятельное изложение военной истории СССР и его военного искусства. Такая работа подготовляется в настоящее время к печати коллективом авторов в Институте истории АН СССР.

В заключение следует остановиться на особенно важном разделе военно-исторической советской литературы, именно на разработке истории гражданской войны. Это большая и самостоятельная статья советской историографии, требующая отдельного, самого внимательного рассмотрения. Не ставя себе подобной задачи, мы укажем лишь две весьма ценные исследовательские работы, вышедшие за последние годы. Это книга Э. Генкиной «Борьба за Царицын в 1918 г.» (Политиздат, 1940) и И. Разгона «Орджоникидзе и Киров в борьбе за власть Советов на Северном Кавказе» (Госполитиздат, 1941).

Обе работы основаны на обширном материале как архивном, так и изданном (местные и центральные газеты и т. п.). В центр исследования Генкиной поставлена деятельность товарища Сталина, организатора и руководителя обороны Царицына в 1918 г. Автор показывает, как руководство товарища Сталина обеспечило перестройку всей партийной и советской работы на юге, как потекли из Царицына поезда с хлебом в промышленные центры.

Приезд товарища Сталина, назначение товарища Ворошилова

командующим войсками Царицынского фронта и создание Военного совета привели к реорганизации советских вооруженных сил и обеспечили полный разгром как первого, так и второго белогвардейского окружения Царицына.

* * *

Советская историографическая наука овладела также и военной тематикой. Начав эту работу со специальной разработки истории первой мировой войны, советские историки постепенно переходят к освещению всей истории войн СССР и к истории русского военного искусства.

Советская историография тем самым идет навстречу широко пробудившемуся интересу к героическому военному прошлому народов СССР, интересу к истории борьбы за нашу национальную независимость. Очередные задачи развития научной мысли объединяются здесь с задачами воспитания широких масс в духе советского патриотизма, в духе национальной гордости величайшими примерами нашего героического прошлого.

Отечественная война против германского фашизма дает ежедневно примеры величайшего героизма и стойкости. Для собирания материалов по истории текущей войны и ее изучения создана специальная комиссия и составляется «Летопись отечественной войны». Тесная связь этой великой борьбы всего советского народа с героическим прошлым СССР отмечена товарищем Сталиным в речи на Красной площади 7 ноября 1941 г., где вождь народов СССР напомнил нам «великий образ наших предков» Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова.

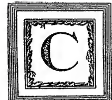

Проф. С. Н. ВАЛК

СОВЕТСКИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ИСТОРИИ СССР XIX—XX ВЕКОВ

I

оветская археография открыла новую эпоху в такой важнейшей для развития исторической науки области, как издание исторических документов. Дело издания документов, получившее в России, и только в России, название археографии (оно было придумано Николаем Полевым, как о том говорит в своих воспоминаниях брат его Ксенофонт), требует громадной затраты усилий и средств для производства розысков подлежащих изданию документов, для их подготовки к печати, для их, наконец, печатания и распространения. Оно поэтому редко оказывается под силу единичному исследователю, как обычно бывало в прошлом, и является теперь достоянием учреждений, правительственных или общественных.

В дореволюционной России начало изданию документов положила Академия Наук, издав в 1767 г. «Русскую Правду» и Никоновскую летопись. В предисловии к последней содержалось обстоятельное рассуждение о том, сколь полезно для самого правительства издание исторических документов; предисловие старалось убедить правительство в том, что ему следует приоткрыть двери наглухо тогда закрытых архивов. Но правительство, даже правительство «просвещенного» абсолютизма, трудно было подвинуть на это дело. Дальнейшие выдающиеся шаги на этом поприще были сделаны частными лицами. В 1772 г. приступил к изданию своей «Древней Российской вивлиофики» Н. И. Новиков и дал в ней собрание документов, во многих частях не утратившее значения и доныне. В начале XIX в. оказавшийся не у дел бывший министр граф Н. И. Румянцев явился не только издателем, но и устроителем обширнейших по тому времени розысков исторических материалов в России и за границей. Затем наступили годы, когда под влиянием охватившего Европу национального движения во всех крупнейших государствах образовались то общества (например, в Германии), то правительственные учреждения (например, во Франции и, с некоторым запозданием, в Англии) специально для издания исторических документов. Правительство Николая I, стремившееся сделать из истории прислужницу своей реакционной политики, учредило в 1834 г. Археографическую комиссию. Ни тогда, ни позже, вплоть до Октябрьской революции, Археографическая комиссия не вышла за пределы издания

допетровских документов. Когда взрыв революционного движения в 50—60-х гг. XIX в. прорвал завесу над полностью скрытой до этого времени от русского исследователя историей XVIII в., с его крупными народными движениями и дворцовыми переворотами, правительство решило взять в свои руки также издание документов по новой русской истории. В 1866 г. было учреждено Русское историческое общество, во главе которого стоял сам царь, и это одно дает достаточное представление о характере изданий этого Общества: 148 томов «Сборника», изданных РИО, заполнены главным образом дипломатическими материалами, к тому же частью относящимися к дипломатической деятельности иностранных государств.

Александр III разрешил начать печатание в «Сборнике» наказов в Екатерининскую комиссию 1767 г. после больших колебаний, видя в наказах чуть ли не предтечу конституционных документов. Общественное учреждение, которое издавало бы документы, было тогда одно— основанное в Москве в 1804 г. Общество истории и древностей российских. В своих изданиях оно напечатало не мало ценных материалов, но о том, как стеснена была его деятельность, можно хотя бы отчасти судить по тому, что последним его председателем до революции был отставленный под давлением революционных событий 1905 г. министр народного просвещения Глазов. Провинция с 1884 г. стала покрываться сетью архивных комиссий, напечатавших много полезных материалов в своих «Трудах», «Известиях» и т. п., но и здесь «непременным попечителем» каждой комиссии был законом поставленный местный губернатор.

II

При таком характере досоветской археографии понятен тот глубокий переворот, который в деле издания документов должна была произвести Октябрьская социалистическая революция, уничтожившая не только старый государственный аппарат, но и весь помещичье-буржуазный общественный строй. Из старых археографических учреждений лишь Археографическая комиссия, перешедшая в 1920 г. в ведение Академии Наук, продолжала свою работу, перестраивала ее по мере перестройки всей работы Академии и закончила свою работу преобразованием Комиссии в Институт истории. Остальные же учреждения либо замолчали, как Общество истории и древностей, либо исчезли, как Русское историческое общество и архивные комиссии. Зато чрезвычайно быстро советскою государственною властью и советскою общественностью был создан целый ряд советских, партийных и общественных учреждений, которые подчинили порученное им дело издания документов новым задачам построения революционной марксистско-ленинской истории молодой Советской республики. Таким образом, вследствие указанного выше характера дела издания документов, перевод этого дела на новые, советские пути произошел гораздо быстрее, решительнее и бесповоротнее, чем в области исторического исследования, где буржуазная историография лишь постепенно уступала свои позиции историографии марксистско-ленинской.

1 июня 1918 г. декретом СНК было учреждено Главное управление архивным делом (Главархив), с 1922 г. — Центрархив, с 1938 г. — Главное архивное управление НКВД. В ведении Главархива — Центрархива был сосредоточен весь архивный фонд страны, и, естественно, именно ему принадлежала первое время руководящая роль в создании советской археографии. 25 сентября 1920 г. СНК была создана Комиссия по изучению истории РКП(б) и Октябрьской революции

(Истпарт), которая за восемь лет своего существования создала целую сеть провинциальных истпартов. Издательская работа истпартов приняла особенно широкий размах в связи с 20-летним юбилеем 1905 г. и десятилетним — Октябрьской революции, доставив исследователю целую библиотеку документов по истории революционного движения конца XIX — начала XX веков. В том же 1920 г. для собирания и издания материалов Маркса и Энгельса был образован Институт Маркса и Энгельса. В 1923 г. начал свою деятельность крупнейший по научному и политическому значению своих изданий Институт Ленина, в 1928 г. к нему присоединен был Истпарт, в 1931 г. — Институт Маркса и Энгельса; после этого он стал называться Институтом Маркса — Энгельса — Ленина (ИМЭЛ). По образцу Истпарта ЦК ВЛКСМ создал Истмол — Комиссию для изучения юношеского движения; ВЦСПС создал Истпроф — Комиссию для изучения рабочего и профессионального движения; для целей изучения специально истории революционного прошлого рабочих транспорта ЦК союза создал Истпрофтран; Народный комиссариат социального страхования организовал свою историческую комиссию — Истстрах. Из народных комиссариатов особую роль в деле создания советской археографии сыграл Народный комиссариат по иностранным делам. Именно он явился первым советским издателем документов, когда выпустил уже в 1917 г. свои приобретшие мировую известность сборники дипломатических документов, составленные матросом Николаем Маркиным. В 20-х годах Народный комиссариат по иностранным делам развил значительную деятельность и издал ряд томов документов по истории дипломатических отношений времени империалистической войны. В первые же годы после окончания гражданской войны обратил внимание на изучение опыта мировой и гражданской войн Наркомат по военным и морским делам. Генеральный штаб РККА и Высший военный редакционный совет Наркомата по военным и морским делам издали ряд ценнейших сборников по истории славного прошлого русского оружия. В течение последнего десятилетия руководящая роль в деле издания документов перешла к Институту истории АН СССР, который, однако, не развернул ее до сих пор за исторические пределы 1917 г. В меньших размерах мы находим сборники исторических документов в составе работ других институтов Академии Наук, как то: Института востоковедения, Института права (ранее Института советского строительства и права) и особенно Института литературы (Пушкинского дома). Правительство учредило также ряд специальных комиссий, задачею которых было всецело либо в части их работ именно издание документов. Первой такой комиссией была комиссия ЦИК СССР по организации празднования двадцатилетия революции 1905 г., такою же была учрежденная в 1929 г. Комиссия Президиума ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма. 30 июля 1931 г. ЦК ВКП(б) вынес постановление об издании «Истории гражданской войны». Секретариат редакции «Истории гражданской войны», приступив к порученной ему работе, собрал громадный и разнообразнейший материал для написания «Истории» и начал издавать некоторые его части в виде отдельных сборников. 10 октября 1931 г. состоялось постановление ЦК ВКП(б) об издании «Истории фабрик и заводов». И здесь Секретариат редакции развернул сходную работу. Обе вновь созданные организации имели также свои ответвления на местах, которые по мере своих возможностей проявляли деятельность в области археографии.

Для плодотворного развития историографии необходимо наличие источников, изданных не в случайном, отрывочном подборе или разроз-

ненными по журналам и книгам звеньями. Такое издание может найти себе выражение либо в виде целых серий, планомерно задуманных и выполняемых, либо, при более узких темах, в виде даже одного тома документов. Примерами серий могли бы послужить для старого времени «Полное собрание русских летописей», издание наказов и дипломатических документов в «Сборниках Русского исторического общества». В наше, советское время такого рода важнейший тип издания приобрел широкое распространение. Достаточно вспомнить хотя бы «Материалы для истории крепостной мануфактуры», «Восстание декабристов», «1905 г. Материалы и документы» (под ред. М. Н. Покровского), «Международные отношения в эпоху империализма» и многие другие. Для советской исторической науки это создавало сразу же прочную источниковедческую основу новых исторических построений.

Но такое серийное издание документов и даже издание их отдельными тематическими томами, при всем его несомненно предпочтительном значении, не могло оказаться единственным типом издания документов. Слишком много всплыло совершенно новых тем, и слишком велик для целостного издания оказался сделавшийся доступным архивный материал, чтобы не появилась настоятельная потребность, впредь до того как соответствующие материалы будут изданы полностью, дать в выборочном виде самое важное и интересное. Два руководящих исторических учреждения, стремясь удовлетворить этой потребности, приступили к изданию: Центрархив — специального журнала «Красный архив» (далее «КА»), а Институт истории АН СССР—непериодических сборников «Исторический архив». «Красный архив» начал выходить в 1922 г. и до 1941 г. успел издать 106 томов. За это время в нем помещено, вероятно, не менее, а то и более тысячи разнообразных, тематически большею частью подобранных изданий отдельных групп документов или даже отдельных документов. В первые годы особенно обильно в этих изданиях были представлены дипломатические документы и документы по политической истории дореволюционного времени, в частности по революционной истории домарксистского периода. Последующие годы поставили на первое место преимущественно документы, связанные с изучением советского периода нашей истории и революционного и рабочего движения 90—900-х гг. На страницах «Красного архива» в последние годы появились также ранее совершенно в нем отсутствовавшие издания документов XVII в. «Исторический архив» начал издаваться в 1936 г. и издан пока в трех томах, содержание которых, в противоположность «Красному архиву», ограничено до сих пор пределами древней истории СССР. Оба эти издания совершенно незаменимы для историка, а «Красный архив» привлек своими документами внимание всей европейской исторической и не только исторической печати.

В то же время для многих учреждений издание специальных сборников документов было делом непосильным, и документы находили себе приют в качестве части сборников статей, воспоминаний, хроники и т. п. Особенно это сказалось в практике провинциальных истпартовских учреждений, многочисленные томы которых большею частью именно имеют такой вид. В нашем обзоре, ограниченном размерами и общим характером его задачи, мы преимущественно останавливаемся на руководящем типе документальных изданий — сборниках документов и их сериях; многочисленные же материалы, напечатанные в журналах и сборных изданиях, включаем лишь в отдельных случаях.

III

Столь обширная и разносторонняя работа советской археографии поставила на первых порах перед нашими историками целый ряд общих вопросов, обусловленных не только тем, что изданию подлежали разновидности документов, ранее почти не входившие в оборот археографии, но и новыми запросами к изучаемым документам. Вместо столетней, упрочившейся и застывшей традиции издания документов теперь надлежало выработать новые приемы издания документов, в первую очередь XIX—XX вв., причем таких не легких для издания, как, например, нелегальные листовки, частная переписка и т. д. Когда в досоветской археографии, равно как в аналогичных случаях и в западноевропейской, возникал вопрос о приемах издания документов, то он сводился почти исключительно к техническим вопросам издания — к составлению заголовков и легенд, к орфографии и пунктуации издаваемого текста, к внешнему виду издания и т. п. В соответствии с такою узко практической постановкой вопросов издания документов вся руководящая в деле издания документов литература приняла вид так называемых «правил издания документов», лучшими из которых явились не только в нашей, но и в европейской литературе вышедшие уже в советское время «Правила издания грамот Коллегии экономии» (Петроград, 1922, изд. Академии Наук СССР), составленные А. С. Лаппо-Данилевским. Советская литература подвергла вопросы издания документов обстоятельному принципиальному рассмотрению, которое главным образом было сосредоточено на основных вопросах установления текста документов.[1]

Другой вид получили теперь советские «правила издания документов», пришедшие на смену немногим, весьма скудным по содержанию «правилам издания документов» дореволюционного времени. Советская археография создала ряд подобных сводов правил, разработанных с чрезвычайной тщательностью. Отметим правила издания, составленные Институтом истории АН СССР применительно к документам XVI—XVII вв. и Ленинградским отделением Центрархива—применительно к документам XIX—XX вв. Специальную задачу преследовал составленный С. Н. Валком «Проект правил издания трудов В. И. Ленина» (М. 1925, изд. Института Ленина).

IV

Первая, дореформенная половина XIX в. совсем осталась неосвещенной в новых советских изданиях — ни в отношении международных связей России, ни в отношении внутренней политики правительства. Для времен Александра I оправдание этому нашлось бы в том, что слишком уж много времени и сил уделено буржуазной историографией и для издания всяческих материалов и для всякого рода

[1] Валк С. Н. «О приемах издания историко-революционных документов». Архивное дело, 1925, № 3—4; Андреев А. И., О приемах издания исторических текстов, там же, 1926, № 5—7; Попов А. Л., О плане и методах издания дипломатических документов, там же, 1929, № 1; его же, О наших публикациях исторических документов, там же, 1935, № 3; Сергеев А. А., О методах публикации исторических документов, там же. Шилов А. А., Руководство к публикации документов XIX—XX вв. М. 1940.

истолкований загадки пресловутого «сфинкса». Но николаевская четверть века требовала и тогда, требует и теперь документальной основы для своего освещения. Однако все внимание советской исторической науки было направлено, и это вполне понятно, на изучение не политики крепостнического государства, а революционной борьбы с ним народных масс и революционных групп и организаций.

Для истории рабочего движения дореформенного времени К. Пажитнов дал относящиеся к этой теме выборки из всеподданнейших докладов по III отделению, в которых вкратце излагались важнейшие события, происходившие в империи (за 1825—1860 гг. в «Архиве истории труда в России», 1921, № 1—2; ср. за предшествующие годы материалы там же, 1922, №№ 5 и 9). Для истории крестьянского движения сходная работа по обследованию всеподданнейших докладов III отделения была проделана столь много поработавшим в области изучения истории крестьян Е. А. Мороховцом («Крестьянское движение 1829—1869 гг.», 2 тома, Центрархив, М. 1931: т. I — до реформы, т. II — после нее).

Под руководством Мороховца в Институте истории АН СССР подготовлено несколько томов основных материалов по истории крестьянского движения излагаемого времени, но ни один том не успел еще появиться в печати.

В то же время советская общественность и советская историография много уделили внимания декабристам, что, впрочем, отчасти было связано со столетней годовщиной выступления их на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Доступ к делам Следственной комиссии о декабристах был открыт только революцией 1905 г., и М. В. Довнар-Запольский, П. Е. Щеголев, А. К. Бороздин и др. имели возможность напечатать ряд материалов следственного дела, а В. И. Семевский — написать на основании его работу, остающуюся по сей день самым крупным общим трудом по истории декабризма. Но все это были лишь слабые усилия единичных исследователей. Теперь Центрархив решил приступить к изданию следственного дела декабристов полностью и начал выполнять это в своем «Восстании декабристов» (тт. I—VI, VIII подгот. к печати А. А. Покровский, Б. Е. Сыроечковский и др., М. 1925—1929), куда вошли напечатанные с исключительной тщательностью, полностью, лист за листом (вплоть до всяких канцелярских записочек) дела Следственной комиссии о деятелях Северного (Рылееве, Трубецком, Н. Муравьеве, Якушкине и др.) и Южного (Пестеле, С. И. Муравьеве-Апостоле и др.) обществ, а также Общества соединенных славян. Шестой том целиком был отведен восстанию Черниговского полка; восьмой том составил «алфавит декабристов», со справками о каждом из них и прекрасным дополнением к ним Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Однако за прошедшие 15 с лишним лет Центрархив не сумел издать седьмого тома «Восстания», который должна была составить «Русская Правда», подготовленная к печати С. Н. Черновым и начатая печатанием одновременно со всеми томами. Громадное научное значение именно седьмого тома явствует из того, что «Русская Правда», этот важнейший документ политической и социальной идеологии декабристов, до сих пор известна в печати лишь на основе весьма неисправной писарской копии из архива акад. Н. Дубровина. Подлинная же рукопись Пестеля открывает совершенно новые горизонты в деле изучения взглядов Пестеля. Являясь плодом многолетней и упорной работы мысли, она носит следы многократной и основательной (во многих местах) переработки ее Пестелем. Чернову с великим трудом удалось успешнейшим образом разобраться в слож-

нейших наслоениях пестелевского текста, и надо особо пожалеть, что эта работа до сих пор остается в гранках.

Второе юбилейное издание Центрархива — небольшой сборник «Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи» (сост. Б. Е. Сыроечковский, М. 1926) содержит заметки Николая I, его матери и жены, переписку с Константином Павловичем и др., частью современные, частью позднейшие документы, характеризующие смуту, которая царила в те дни во дворце, и попытки эту смуту облагородить. Наконец, Центрархив посвятил юбилею тринадцатый том «Красного архива», составленный из ряда небольших публикаций. Особенно примечательно здесь краткое изложение Пестелем своих взглядов в небольшой записке «Конституция — государственный завет», где мы находим ответы на некоторые не затронутые в незаконченной «Русской Правде» вопросы политического переустройства России. Здесь же опубликована и другая работа Пестеля — «Практические начала политической экономии». Другие материалы этого тома — о Н. Раевском, Н. И. Тургеневе, М. Ф. Орлове и др.

Центрархив Украинской ССР издал к юбилею сборник «Рух декабристів на Україні» (1926), в котором напечатан ряд материалов к истории восстания Черниговского полка; это богатое собрание донесений местных органов власти о ходе восстания и его подавлении является прямым дополнением к шестому тому «Восстания декабристов».

Многие другие издания содержат по преимуществу переписку декабристов на каторге и в ссылке или по возвращении их из Сибири и другие материалы того же времени; лишь в весьма малой степени находим в этих изданиях документы, относящиеся к самому восстанию или ко времени, ему предшествовавшему.

Так, в изданном Всесоюзной библиотекой им. В. И. Ленина сборнике «Декабристы» (М. 1926) А. И. Яковлев напечатал много документов о волнениях в Семеновском полку, а также одну из редакций конституции Никиты Муравьева (все редакции ее воедино теперь собраны в приложении к исследованию Н. М. Дружинина «Декабрист Никита Муравьев», М. 1933). Академия Наук СССР издала к юбилею трехтомный сборник «Памяти декабристов» (Л. 1926 [1]), в котором среди разнообразнейшей переписки самое интересное — письма Пестеля в качестве командира Вятского полка к начальнику своему П. Д. Киселеву за 1821—1823 гг. Украинская Академия Наук в сборнике «Декабристі на Україні» (К. 1926), дав ряд небольших публикаций, главным образом коснулась истории восстания Черниговского полка. Среди сборников, посвященных декабристам в Сибири, самый интересный для характеристики декабристов — «Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных» (М. 1926); другие — «Декабристы на каторге и в ссылке» (М. 1926, изд. О-ва политкаторжан), «Сибирь и декабристы» (под ред. М. Азадовского и др., Иркутск 1925) и т. д. в большей мере отдают дань памяти декабристов, чем доставляют существенный материал для их истории. Таков же по существу и последний по времени громаднейший сборник Гос. Литературного музея «Декабристы» (под ред. Н. П. Чулкова, М. 1938), который заполнен все той же сибирской перепиской декабристов, а для самого дела декабристов содержит лишь несколько документов касательно Шервуда, следствия и Черниговского полка. Впрочем, по времени самым последним является сборник отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина («Записки», вып. III, М. 1939), в котором дано, между прочим, по рукописи стихотворение Рылеева «Любовь к отчизне».

Ряд изданий связан с именами отдельных декабристов, привлекавших внимание тех или иных исследователей или хранивших архивы декабристов учреждений. Еще до революции Академия Наук СССР приступила к изданию поступившего к ней архива Тургеневых. В 1924 и 1930 гг. были изданы, в серии «Архив бр. Тургеневых», «Дневник Николая Ив. Тургенева», вып. III—IV, а в 1921 г. «Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским». В 1936 г. по материалам того же архива Институт литературы АН СССР издал том «Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу» (Л. 1936), содержащий письма за 1811—1821 гг. Все эти тургеневские издания по разнообразию интересов их авторов, обширности их связей, наконец их служебной деятельности представляют первостепенный интерес для общего изучения этого времени. Упомянув о бр. Тургеневых, нельзя не отметить выхода тома «Писем Александра Ивановича Тургенева Булгаковым» (подгот. к печати А. А. Сабуров, изд. Всес. библ. им. В. И. Ленина, М. 1939), охватывающих 1800—1844 гг. и характеризующих всю тургеневскую среду, а затем, в позднейшие годы, многообразные общественные связи и занятия, вплоть до исторических, автора писем. Другой известный декабристский архив, бр. Бестужевых, хранящийся в Институте литературы АН СССР, дал материал для издания «Н. А. Бестужев. Статьи и письма» (М. 1933), в котором напечатан написанный под воздействием Сисмонди трактат «О свободе торговли и вообще промышленности», а также статьи 1816—1825 гг. и письма. «Письма из Сибири» М. и Н. Бестужевых за 1839—1841 гг. напечатал М. К. Азадовский (Иркутск 1929). Издан «Дневник» В. Кюхельбекера (Л. 1929) за время его заключения в Свеаборгской крепости и пребывания на поселении в Сибири (1831—1845 гг.). Кюхельбекер далеко отошел в эти годы от каких-либо радикальных дум и мыслей; им владеет литература прежде всего. Немногие наброски-статьи Лунина и его письма издавались С. Штрайхом («Сочинения и письма», М. 1933 и «Декабрист М. С. Лунин», М. 1926) и С. Я. Гессеном и М. А. Коганом («Декабрист М. С. Лунин и его время», Л. 1926). «Письма Г. С. Батенькова, И. И. Куприна и Э. Г. Толля» были изданы Всесоюзной библиотекой им. В. И. Ленина (подгот. к печати Е. Н. Коншина, М. 1936), «Неизданные письма М. Н. Волконской» (М. 1926, подгот. к печати О. Н. Попова) — Гос. Историческим музеем. Более подробные сведения о всех изданиях 1928 г. имеются в прекрасной библиографии декабристов, составленной Н. М. Ченцовым (Центрархив, М. 1928).

Тридцатые годы XIX в. — это «темная ночь», по известному выражению Герцена; «выстрел», раздавшийся в эту темную ночь, — знаменитое «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева. На имя Чаадаева до революции, после работы о нем М. О. Гершензона, была накинута мистико-реакционная пелена, которая теперь рассеивается благодаря новым открытиям Д. И. Шаховского. Мистический дневник, приписанный Гершензоном Чаадаеву, оказался дневником его друга Д. А. Облеухова, и в то же время было обнаружено еще пять новых неизвестных «философических писем» Чаадаева, которые, с тремя ранее известными, составили законченное изложение философских и общественно-политических взглядов Чаадаева; характерным дополнением к письмам является набросок Чаадаева по поводу революции 1848 г., обращенный к «братьям горемычным, людям русским» (все — в «Литературном наследстве», № 22—24).

Мы не можем отметить никаких новых изданий для изучения славянофильства, хотя в хранилища Ленинграда и Москвы поступили за годы революции большие архивы виднейших славянофилов. Но и для

такого созвучного нашему времени деятеля 30—40-х гг., как Белинский, мы можем отметить разве только выход двенадцатого тома издававшегося С. А. Венгеровым «Полного собрания сочинений» (подгот. к печати В. С. Спиридонов, Л. 1927). Зато Герцен и близкий к нему круг людей 30—40-х гг. представлены с исключительным богатством в новых изданиях материалов. Прежде всего надо отметить, конечно, «Полное собрание сочинений и писем» Герцена, вышедшее в 22 томах под ред. М. К. Лемке (первые 8 томов вышли еще до революции). Не останавливаясь на недостатках этого издания, отмечу, что оно отличается не только обилием впервые ставших с его помощью известными герценовских текстов, но и комментариями к ним М. К. Лемке. Лемке широко и в большей мере, чем это обычно принято, использовал возможность черпать материалы из гостеприимно открытых Октябрьской революцией для исследователей архивов и включал в состав своего комментария, иногда по поводу брошенных мимоходом у Герцена упоминаний, целую массу документов, сделав этим свое издание своего рода исторической энциклопедией, хотя бы несистематической и случайной, герценовских времен. Прямым дополнением к изданию Лемке явились «Новые материалы» А. И. Герцена, собранные Н. М. Мендельсоном (Всес. библ. им. В. И. Ленина, М. 1927), в которых напечатаны вновь найденные герценовские письма, среди них письма 1847—1848 гг. и особенно замечательное письмо от 2 августа 1848 г., подводящее итог размышлениям Герцена о значении революции 1848 г. после июньских дней и «поражения всего светлого, всего человеческого». Значительным вкладом в герценовскую литературу явились два тома «Литературного наследства» (38 и 41). Здесь помещена большая группа писем Герцена (Пассекам, Грановским, Ключареву и др.), имеющих в первую очередь биографическое значение, а также две вятские работы Герцена: интересная статейка Герцена о вятских крестьянах и записка его о собирании статистических сведений (о других материалах этого тома — далее). Ближайший друг Герцена — Н. П. Огарев для 30—40-х гг. прежде всего является поэтом, и мы отметим изданные теперь полностью его «Стихотворения и поэмы» (2 т., «Сов. писатель», М. 1937/38). «Архив Н. А. и Н. П. Огаревых» (М. 1930), подготовленный к печати в свое время М. О. Гершензоном (в качестве «Русских Пропилеев», т. V), содержит материалы преимущественно биографического характера для самого Огарева и герценовского круга. Государственный Литературный музей дал описание хранящихся в музее материалов людей герценовского круга: «Герцен, Огарев и их окружение. Рукописи, переписка и документы» (под ред. Б. П. Козьмина, М. 1940). Оно ценно в высшей степени, так как Литературный музей сумел получить из ряда заграничных хранилищ фотокопии имеющихся там герценовских и связанных с ними материалов, и теперь, благодаря описанию, они становятся известны нашим исследователям. Из других людей этого круга давно привлекал внимание Н. И. Сазонов, которого Маркс однажды назвал даже «известным русским писателем». Он печатал все свои вещи за границей, частью не по-русски, и это делало их мало и даже совсем недоступными. П. Е. Щеголев собрал его произведения, но так и не успел их издать. Два из них теперь изданы в «Литературном наследстве» (№№ 40—42) — памфлет против Николая I и характеристики Тургенева и Герцена. Наконец, к 40—50-м гг. относятся вновь изданные материалы о М. А. Бакунине. В 1921 г. большое впечатление произвело издание В. П. Полонским «Исповеди и письма Александру II» (М. 1921), ставших предметом оживленного обсуждения. Затем тот же В. П. Полонский приступил к изданию «Материалов для биографии

М. А. Бакунина», для которых обследовал не только русские архивы, но и архивы Праги, Вены и Дрездена. Основные темы первых двух томов (т. I, М. 1923; т. II, М. 1933) — Бакунин в революционном движении 1848 г.; участие в Дрезденском восстании и деятельность в Праге; заключение в крепости Кенигштейна и австрийское следствие; Петропавловская крепость; сибирская ссылка; наконец, польское восстание 1863 г. Общество политкаторжан приступило к изданию «Собрания сочинений и писем М. А. Бакунина» и успело издать их четыре тома (М. 1934—1935), в которых с исчерпывающей полнотою собрано все написанное Бакуниным за 1828—1861 гг.

Для истории петрашевцев никакого опубликованного документального материала до революции не существовало. Впервые получил доступ к архивным материалам по этому делу В. И. Семевский, начавший с 1913 г. печатать свое большое исследование о петрашевцах. Первым изданием документов петрашевцев было издание П. Е. Щеголева «Петрашевцы» (I—III, Л. 1926—1928), в котором первый том был отведен воспоминаниям; второй — самый важный — содержал ряд показаний и программных документов самого Петрашевского, а затем Данилевского, Ястржембского, Кашкина и др.; здесь же были перепечатаны статьи Петрашевского из «Карманного словаря иностранных слов»; третий том целиком был занят докладом генерал-аудиториата, который рассматривал дело петрашевцев. Институт истории АН СССР поставил себе задачей издать полностью дела важнейших деятелей кружка петрашевцев. В. Р. Лейкина, уже ранее много работавшая над петрашевцами, приступив по поручению Института к подготовке издания, положила в основу, конечно, дело аудиториатского департамента военного министерства (для дальнейших судеб петрашевцев важны, естественно, дела о них третьего отделения). В первый том «Дела петрашевцев» (Л. 1937) были включены дела основных деятелей кружка (Петрашевский, Момбелли, Львов, Черносвитов). Во второй (т. II, Л. 1941) вошли дела активных участников кружка (Баласогло, Толля, Ястржембского, Кузьмина, Данилевского, Беклемишева, Тимковского), причем здесь напечатаны такие важнейшие материалы, как показания Данилевского с изложением учения Фурье, изложение Ястржембским по требованию следственной комиссии систем социалистов и коммунистов и др. (впрочем, эти документы ранее вошли и в сборник П. Е. Щеголева, т. II). В отдельном сборнике были собраны Н. Ф. Бельчиковым документы об участии Достоевского в кружке петрашевцев («Достоевский в процессе петрашевцев», М. 1936).

Для истории народов СССР число изданий документов по позднейшим векам их истории гораздо скромнее, чем по ранним, и объясняется это главным образом тем, что крупные издания, как мы уже видели, предпринимаются в виде серий, охватывающих свой предмет хронологически, т. е. начинаются они с возможно более ранних времен. Из такого рода серий мы отметим совместное издание Института истории АН СССР и научно-исследовательского Института истории, языка и литературы Дагестанской АССР — «Материалы по истории Дагестана и Чечни», единственный вышедший том которых (т. III, ч. I, 1940, подгот. к печати Г. Е. Грюмберг и С. К. Бушуевым) охватывает 1801—1839 гг. (первый том, подготовленный уже Е. Н. Кушевой, содержит материалы XVII в.). Материалы этого тома, разысканные в архивах Ленинграда и Москвы, связаны с колониальной политикой царского правительства и с борьбою горцев за независимость, вплоть до начала деятельности Шамиля. Для позднейшего времени, когда во главе движения стал Шамиль, имеет существеннейшее значение «Хроника Мухам-

меда Тахира Ал-Карахан. О дагестанских войнах в период Шамиля» (перев. А. Барабанова, Институт востоковедения АН СССР, Л. 1941); автор ее, секретарь Шамиля, написал ее в основном в 1850—1851 гг. на основе рассказов самого Шамиля и ближайших его сотрудников. Из тех же кругов вышло сочинение Магомета Тагира «Три имама», вошедшее в состав последнего, сорок пятого тома известного «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» (Махач-Кала 1926). В этом же томе сборника помещены письма ген. А. П. Ермолова А. А. Закревскому, интерес которых выходит за пределы изучения одной колониальной политики. Ермолов просит своего адресата «истребить немедленно во избежание неприятностей» получаемые им письма, в которых, например, митрополит Феофилакт именуется «духовной канальей», имеются суждения о семеновской истории и др.

Азербайджан представлен в издании Института истории АН СССР «Колониальная политика российского правительства в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX в.» (сост. Н. Г. Богданова, ред. И. П. Петрушевского, I—II, Л. 1936/37). В хронологических рамках 1827—1865 гг., разделенных на два тома административной реформой 1841 г., здесь рассмотрены отношения правительства к азербайджанским феодалам и духовенству, а также система колониального управления в Азербайджане. Для истории Средней Азии один из лучших у нас ее знатоков, недавно умерший П. П. Иванов дал исключительное по своему научному значению издание. Именно в своем «Архиве хивинских ханов» (Л. 1940) Иванов дал подробное систематическое описание, сопровождаемое прекрасными комментариями, этого архива, обнаруженного в Гос. публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Документы ханского архива содержат материалы для истории землевладения и ирригации, налогов и сборов, военного строя Хивинского ханства за 1822—1862 гг. Для истории Сибири имеем лишь небольшую книжку «Ваули Пиеттомин. Из истории социальных движений хантэ и ненцев в XIX в.» (Архив отд. УНКВД по Омской обл., Омск 1940) с документами о движении 1839—1841 гг., о походе на Обдорск и борьбе против местного князя.

V

Правительственная политика времени буржуазных реформ 60—70-х гг. и следовавшей за ними реакции не нашла себе отражения ни в одном особом сборнике документов. Отчасти это объясняется, несомненно, тем, что ее изучение с конца 50-х гг. облегчено наличием повременной печати, приобревшей в годы революционного подъема 50—60-х гг. права некоторой гласности и оставившей нам обильный материал для суждений о правительственной политике. С другой стороны, само правительство было вынуждено теперь предавать гласности многое из того, что ранее было предметом государственной тайны. Достаточно указать на появившуюся некоторую гласность в области, например, государственного хозяйства, на печатание, особенно в 60-х и 70-х гг., многотомных иногда материалов, связанных с подготовкой, проведением и выполнением тех или иных реформ. Все это создало еще до сих пор не освоенный фонд источников для изучения правительственной политики этого времени. В 1920 г. в Томске было издано начало дневника Д. Милютина, а отрывочек его за 1881 г. был издан Всесоюзной библиотекой им. В. И. Ленина, в рукописном отделе которой дневник этот хранится («Записки» отдела рукописей Всес. библ. им. В. И. Ленина, вып. II, М. 1939). Милютин, занимая пост военного министра, был одною из руководящих личностей правительства Александ-

ра II, а в области внешней политики в последние годы министерства Горчакова совсем вытеснил какое бы то ни было значение одряхлевшего министра. Милютин вел свой дневник тщательно, без сомнения рассматривая его как исторический документ для будущих поколений; дневник этот, изданный полностью, явится одним из основных источников для истории этого времени. Для внешней политики 80-х — начала 90-х гг., до сих пор почти не освещенной в изданных документах Министерства иностранных дел (единственный сборник документов «Авантюры русского царизма в Болгарии», составленный П. Павловичем, М. 1935, весьма неудовлетворителен по подбору материалов), имеет первостепенное значение аккуратнейший «Дневник» В. Н. Ламсдорфа, правой руки тогдашнего министра иностранных дел Гирса (издан Центрархивом за 1886—1890 гг., М. 1926, и за 1891—1892 гг., М. 1934). Для внутренней политики материал, естественно, должен быть обильнее. Мы теперь обладаем «Дневником» П. А. Валуева (П. 1919), отдельные части которого давно встречались в журналах; он издан П. Е. Щеголевым в пределах 1877—1884 гг. Валуев, министр внутренних дел, затем председатель Комитета министров, наконец в отставке и даже в опале, в то же время великосветский романист и любитель-богослов, в охватываемые изданною теперь частью дневника годы не находился в самом центре дел и о многом, особенно в самые тревожные для правительства 1880—1881 гг., узнавал стороною; тем не менее его острый и злой ум внимательно следил за совершающимися крупными событиями, равно как и за бюрократическими мелочами жизни. Другой «Дневник», изданный Центрархивом, принадлежит Е. А. Перетцу, в 1880—1881 гг., в качестве государственного секретаря и вместе с тем ближайшего сотрудника в. кн. Константина Николаевича, знавшему из первоисточника о происходившем в правительственной среде и участвовавшему самолично во многом (например, лучшая запись о происходившем в известном заседании 8 марта 1881 г. принадлежит Перетцу). Дневник Перетца, охватывающий 1880—1883 гг., интересен также для характеристики тогдашней бюрократии и ее «либерального» крыла. Ряд других дневников этого министерского типа еще ждет своего издания: таков, например, частью только опубликованный дневник А. А. Половцева, преемника Перетца по должности государственного секретаря; дневник морского министра Шестакова (его собирается издавать морская военно-историческая комиссия); дневник начальника Главного управления по делам печати Феоктистова и др. Более интимный характер придворного летописания носит тонкий и независимо писанный дневник А. Ф. Тютчевой, дочери поэта и свояченицы И. С. Аксакова, фрейлины и личного друга императрицы Александры Федоровны и ее мужа — Александра II («При дворе двух императоров», I—II, М. 1928—1929). Совсем иной характер имеет отражающий нравы и интересы околоправительственной, паразитической по преимуществу среды дневник генеральши А. В. Богданович, жены известного своей авантюристической и «патриотической» деятельностью генерала Е. Богдановича. В ее гостиной бывали весьма многие, начиная от министров и до таких же носительниц придворно-бюрократической сплетни, какой была сама генеральша, и все, что там говорилось, попадало на страницы ее гостеприимного дневника (он издан под заголовком «Три последних самодержца», Пг. 1924). Бюрократия тех времен имела свой неофициальный орган «Новое время», издатель которого А. С. Суворин, ранее либерал, теперь стоявший по отношению к начальству в позе «чего изволите», оставил свой «Дневник» (Пг. 1923). Суворин все же сохранял известную независимость в своих личных

записях и, при своей осведомленности, знанию среды и отношений, весьма ценен своими сообщениями. «Дневник» Суворина охватывает три десятилетия, начиная с 80-х гг. XIX в.

В сравнении с дневниками переписка наших предков имеет то неоспоримое преимущество, что за весьма немногими исключениями она считается не с оценками потомков, а всегда почти обращена на настоящее, желая воздействовать на ход текущих событий, одним из звеньев развертывания которых она сама становится. Для 70-х и последующих годов мы обладаем теперь совершенно исключительным по своему значению и интересу памятником литературы писем — перепиской К. П. Победоносцева. Центрархив издал «Письма Победоносцева к Александру III» (I—II, М. 1925/26; в приложении — письма к Николаю II), охватывающие и годы, когда Александр был еще наследником, и годы его царствования. Только теперь мы в состоянии точно установить, каково было то действительное воздействие, которое Победоносцев старался оказывать на Александра, наследника и царя, и насколько в действительности он был всесильным руководителем русской политики 80-х гг.: письма Победоносцева, которые почти всегда были писаны им по собственному побуждению, дают отчетливое представление о кривой подъема и упадка политической роли их автора. Победоносцев постарался оставить для потомства материал о своей деятельности, подобрав его, впрочем, довольно бессистемно и беспорядочно, по отдельным годам. Он озаглавил томы, относящиеся к царствованию Александра III, «Novum regnum» — «Новое царствование». Не меняя порядка и состава подобранного Победоносцевым материала, к изданию его приступила Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина (тогда еще Гос. Румянцевский музей) в сборнике «К. П. Победоносцев и его корреспонденты» (т. I, 2 полутома, М. 1923). Здесь собраны записки Александра III, письма министров, черновики записок Победоносцева, а также масса всякого рода бумаг, поступавших на имя Победоносцева от лиц самого разнообразного общественного положения.

Рабочее движение 60—80-х гг. остается до сих пор не изученным для первого из указанных десятилетий — 60-х годов. Правда, материал о нем в архивах разбросан, и его не легко собрать, но о настоятельной необходимости этой работы не может быть двух мнений. Гораздо лучше обстоит дело с материалами 70—80-х гг., которые сосредоточивались главным образом сперва в Департаменте полиции исполнительной Министерства внутренних дел и в III отделении, а после упразднения последнего — в сменившем его Департаменте полиции (Департамент полиции исполнительной был в начале 80-х гг. упразднен). Именно эти материалы легли в основу двух сборников, в состав которых вошел весь основной материал упомянутых фондов. Первый из этих сборников «Рабочее движение 70-х гг.» составлен Э. А. Корольчук (М. 1934). Второй сборник, составленный Ф. Г. Матасовой, — «Стачки 1881—1895 гг.» (Центрархив, М. 1929) является непосредственным продолжением предыдущего и оканчивается материалами о стачках, в которых непосредственное агитационное и организационное участие принимал В. И. Ленин. Самый крупный эпизод рабочего движения того времени — морозовская стачка освещалась не только в разбросанных по изданиям отдельных материалах, но и в сборниках, один из которых, «Морозовская стачка 1885 г.» (Центрархив, М. 1925), включает материалы главным образом судебного дела, извлеченные из архивов Московской судебной палаты, Владимирского окружного суда и др. Среди

этих материалов оказались тексты требований рабочих, показания главных деятелей стачки Моисеенко и Волкова, а также и разнообразный материал, характеризующий поведение властей и владельцев фабрики. Другой сборник — «Морозовская стачка. 1885—1935» (Институт истории партии при МК ВКП(б), с предисл. А. М. Панкратовой, М. 1935) содержит некоторые дополнительные материалы из архива канцелярии владимирского губернатора.

Политическая борьба рабочих того времени нашла себе выражение в организации революционных кружков и союзов. До сих пор эти материалы не изданы полностью. Так, не изданы материалы о рабочих кружках в Петербурге половины 70-х гг., не собраны также воедино все материалы о таком примечательном явлении, как созданный Ст. Халтуриным Северный союз русских рабочих. Э. А. Корольчук составила особый сборник материалов об известной «Первой рабочей демонстрации в России на Казанской площади в Петербурге» (Л. 1927), к ее пятидесятилетию. Кроме официальных материалов по этому делу, главным образом судебно-следственного происхождения (показания, обвинительный акт, приговор), здесь напечатана обратившая на себя внимание рукопись не установленного до сих пор деятеля тех годов, существенная для намечающегося кризиса народничества и дальнейшей работы революционеров среди рабочих. На юге России, в Одессе в 1875 г. и в Киеве в 1880 г., были созданы рабочие союзы: первый, руководимый Е. Заславским, второй — Е. Ковальской и Н. Щедриным. Материалы этих союзов, программы, прокламации, переписка, а также судебно-следственные материалы о них собраны в сборнике «Южнорусские рабочие союзы» (Центрархив, М. 1924).

Ни один из томов материалов по истории крестьянского движения, подготовленных Институтом истории АН СССР, как упоминалось выше, не увидел еще света, и мы, в ожидании появления этого основополагающего издания, включающего также материалы к истории проведения реформы и о последующем времени, можем отметить лишь издания на монографические темы. Таков обширный сборник того же Института истории «Аграрный вопрос и крестьянское движение в Татарии» (Л. 1936), который составлен на основании главным образом дел III отделения и Министерства внутренних дел и в котором дан материал для характеристики положения крестьянства, его борьбы против связанных с крестьянской реформой отрезок земли, размежевания и др., а также против национальной политики правительства; особый раздел отведен в сборнике движению во время Крымской войны. Составление одного из других сборников, несомненно, навеяно литературной традицией, знавшей из всех эпизодов крестьянского движения 70-х гг. едва ли не один — так называемое Чигиринское дело. «Материалы к истории крестьянского революционного движения в Чигиринском уезде в 70-х гг. XIX ст.» (Центр. арх. упр. УССР, 1934) интересны тем, что содержат обстоятельные сведения для изучения экономического положения крестьян Чигиринщины, для истории крестьянских волнений до начала деятельности Як. Стефановича среди крестьян, а затем для самого Чигиринского дела и его последствий. Третий сборничек, небольшой по объему, о «Волнениях уржумских марийцев в 1889 г.» (Нижегор. краев. арх. бюро, 1931) содержит любопытный материал для положения б. государственных крестьян, переведенных Н. Бунге на выкуп и доведенных приемами И. Вышнеградского по выколачиванию недоимок до открытого возмущения.

Идейным вождем революционеров-шестидесятников был, несомненно, Н. Г. Чернышевский. Не даром так жестоко расправилось с ним

царское правительство, не остановившееся перед прямым подлогом документов для целей его осуждения (подлог теперь бесспорно установлен советским экспертом-графологом, «Красный архив», 1927, т. 25). Н. А. Алексеев тщательно подобрал все документы по делу Чернышевского (значительная их часть уже ранее была известна по работе М. К. Лемке) и издал их в виде тома «Процесс Н. Г. Чернышевского» (Саратов 1939). До первой русской революции имя Чернышевского было запретным, и только она дала возможность сыну Н. Г. — М. Н. Чернышевскому издать десятитомное «Полное собрание сочинений» (СПб. 1905—1906) своего отца. Нечего говорить о том, что при тогдашних условиях оно не могло быть ни «полным», ни исправным. Многое не могло войти туда по цензурным условиям, другое не вошло вследствие невыясненности рукописного наследия Чернышевского. Октябрьская революция уничтожила всякие препятствия для издания произведений Чернышевского и в то же время создала прочную основу для изучения и научного издания всего рукописного его наследия учреждением «Дома-музея им. Н. Г. Чернышевского» в Саратове, где были сосредоточены рукописи Чернышевского. Описание этих рукописей, первый и необходимый шаг к их надлежащему изучению, сделанное С. И. Быстровым, уже напечатано (в сб. «Н. Г. Чернышевский. 1828—1928», Саратов 1928). Хорошему примеру «Дома-музея» последовал Пушкинский дом, напечатав также описание своих достояний: «Рукописи Н. Г. Чернышевского в собрании Института литературы (Пушкинского дома) АН СССР» (сост. К. Григорьян, Ленинград 1939). Публикация первых же сборников новых материалов показала, что среди рукописей Чернышевского нет новых, больших, неизданных произведений публицистического или научного содержания. В первом из изданных сборников («Н. Г. Чернышевский. Сборник. Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания». Изд. Нижневолжского обл. научн. о-ва краеведения. Саратов 1926) были помещены написанные в крепости «Мелкие рассказы», цикл жизненных анекдотов, связанных в одно целостное повествование. Окончание этого цикла было помещено во втором саратовском сборнике — «Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1928. Неизданные тексты, материалы и статьи» (Саратов 1928); помещенные здесь же другие произведения Чернышевского — все небольшие отрывки, самый интересный из которых — не напечатанная в свое время в «Современнике» статья об «Апологии сумасшедшего» Чаадаева, в которой Чернышевский противопоставляет Чаадаеву свое понимание хода исторического развития России, в особенности роли в нем петровской реформы. Юбилейный 1928 год послужил к началу еще двух других важных изданий. Первое из них — трехтомное «Литературное наследие» Н. Г. Чернышевского (М. 1928—1930), куда вошли его дневники за 1848—1853 гг., чрезвычайно важные для истории сложения мировоззрения Чернышевского, и отрывок его автобиографии (т. I), письма 1838—1889 гг. (тт. II—III) и воспоминания о Некрасове и др. (т. III). Вторым юбилейным мероприятием было издание «Избранных сочинений» в пяти томах [вышло до сих пор (М. 1928—1937) четыре тома], включающих в свой состав все важнейшее, к тому же проверенное по рукописям, с восстановлением искаженного цензурой. В последующие годы был напечатан полностью «Рассказ о Крымской войне по Кинглеку» (М. 1935) и изданы литературные произведения Чернышевского, написанные в Петропавловской крепости: «Повести в повести» (М. 1930) и, полностью, «Алферьев» (М. 1933). В томе «Из литературного наследства Н. Г. Чернышевского» (Саратов 1937) напечатаны статьи 1858 г. о выкупе, а также, без цензурных про-

пусков, статьи «Национальная бестактность» о Добролюбове и статьи из «Свистка» в полном виде. Наконец, в сборник, подготовленный к печати Н. А. Алексеевым, неутомимым работником над рукописями Чернышевского («Неопубликованные произведения», Саратов 1939), вошли части «Алферьева» и работы Чернышевского о Руссо. Несомненно, что настало время для издания нового «Полного собрания сочинений» Чернышевского, к которому и было приступлено в 1939 г. Оно намечено в 15 томах, из которых до войны вышло два тома. Из связанного с именем Добролюбова можно отметить полное издание его «Дневника» (М. 1931, 1932). «Литературное наследство» отвело Чернышевскому и его кругу один из своих томов (1936, № 25—26), а Институт литературы издал том материалов «Шестидесятые годы» (Л. 1940), но ни то, ни другое издания не дают ничего существенного.

Для герценовского круга самое ценное дано в упоминавшихся уже томах «Литературного наследства», где в большой публикации «Герцен, Огарев и молодая эмиграция» дан значительный материал для изучения русской эмиграции 60-х гг. и ее сношений с Герценом (публикации Б. П. Козьмина и др.), а также для истории русских революционных кружков. Другая публикация связана с Огаревым. Как публицист, Огарев развернулся после своей эмиграции (1856), и ему принадлежит целый ряд статей в «Колоколе», а также других произведений. В 1861 г. Огарев издал сборник своих работ «За пять лет», но все его литературное наследие не собрано и не выяснено еще до конца. П. Е. Щеголев собирался издать публицистические сочинения Огарева, но так и не сделал этого. Теперь в «Литературном наследстве» (т. 39—40) напечатано несколько огаревских неопубликованных статей и набросков разного времени. В третьем томе помещена «Исповедь» В. И. Кельсиева (опубликования которой уже давно ждали), теперь прекрасно комментированная М. М. Клевенским. Хотя написанная уже ренегатом, записка Кельсиева содержит ряд важных сведений о сношениях его с Герценом и Огаревым, о поездке с революционными целями в Россию в 1862 г., о его деятельности в Константинополе и Румынии.

Революционные кружки начала 60-х гг. нашли свое отражение в «Политических процессах шестидесятых годов» (т. I, Центрархив, М. 1923), материалы которых были подобраны В. П. Алексеевым. В этом издании напечатаны документы о двух хорошо известных и ранее делах — о московском деле Зайчневского и Аргиропуло и о деле поэта М. И. Михайлова, осужденного за приписанную ему шелгуновскую прокламацию «К молодому поколению». Два других напечатанных здесь дела характеризуют среду, московскую и провинциальную, которая воспитывала революционеров. В этом же издании были впервые напечатаны некоторые прокламации, затем вместе с другими, известными и новыми, вошедшие в небольшой сборничек «Прокламации шестидесятых годов» (М. 1926). Неизвестная литература самой значительной революционной организации того времени — «Земли и воли», собранная теперь Е. Н. Кушевой, напечатана в упоминавшейся уже книге «Литературного наследства» (т. 41—42). Отражением спада революционной волны явился московский кружок ишутинцев, из среды которого вышел Дм. Каракозов. Под названием «Покушение Каракозова» (2 тт., 1928—1930) Центрархив издал стенографический отчет по этому делу, с некоторыми документальными приложениями. Новый подъем революционного движения в конце 60-х гг. нашел интересное отражение в составленном Б. П. Козьминым сборнике «Нечаев и нечаевцы» (Центрархив, М. 1931). Среди материалов этого тома, где на-

печатаны доклад министра юстиции царю о нечаевцах, показания и письма, донесения тайных агентов о процессе, мы находим данные для характеристики борьбы идейных течений этого момента, когда на одной стороне оказались сторонники Нечаева, на другой — его противники, среди них некоторые будущие видные деятели народнического движения. Переизданными из литературы этого момента оказались не только нечаевские прокламации (Е. Н. Кушевой в «Литературном наследстве», т. 41—42), но и издававшийся «под редакцией агентов русского дела» нечаевский «Колокол» (М. 1933). А. А. Шилов напечатал расшифрованный им «Катехизис революционера Нечаева» («Борьба классов», 1924, № 1—2). Документы, связанные с отношениями Нечаева и Бакунина, а также многие материалы, характеризующие отношения Бакунина и Первого интернационала, составили третий том изданных В. П. Полонским «Материалов для биографии М. А. Бакунина» (М. 1928).

Народничество 70-х гг. и его заключительный эпизод — партия «Народной воли» были предметом усиленных разысканий преимущественно в 20-х гг. На страницах «Красного архива» и «Каторги и ссылки» появился ряд существеннейших документов, особенно программных заявлений и показаний народовольцев. В то же время сборников документов, в которых были бы систематически подобраны народнические документы, появилось мало, сравнительно с проявленным к изучению народничества интересом. Из идейных вождей народничества особенно посчастливилось Ткачеву: все его важнейшие произведения, не только политические времени эмиграции, но и ранние, а также его научные и литературно-критические статьи составляют семитомные «Избранные сочинения», шесть томов которых, тщательно подготовленные лучшим знатоком Ткачева — Б. П. Козьминым, уже вышло (М. 1932—1937). Новое издание сочинений Бакунина оборвалось, как мы видели, на 1861 г., а вышедшие в первые годы революции «Избранные сочинения» (5 тт., 1919—1922), куда вошли важнейшие работы Бакунина, ни на какое научное значение не претендовали. Лаврова начинали издавать два раза. Первое «Собрание сочинений» было широко, но беспорядочно задумано и быстро было прервано (изд. «Колос», 1917—1920), а второе, издававшееся Обществом политкаторжан, остановилось на 1876 г. (тт. I—IV, 1934—1935). Из литературы 70-х гг. был переиздан только выходивший в Женеве «Работник», отражавший тенденции некоторых бакунистских эмигрантских кругов. Землевольческая литература осталась несобранной, помимо старых сборников В. Я. Богучарского, весьма устаревших в связи с массой новых находок. Из возникших на развалинах «Земли и воли» организаций народнический «Черный передел» издавал, как известно, журнал под этим же названием. Он теперь переиздан ленинградским Истпартом под редакцией одного из своих старых редакторов О. В. Аптекмана («Черный передел», Пг. 1923); к сожалению, в этот том не вошли чернопередельческие листовки. «Литература партии Народной воли» была впервые издана в Париже в 1905 г. В. Я. Богучарским, и он включил в нее все то, что нашел тогда, — не только периодические издания, но и листовки. Розыски этой литературы в пореволюционные годы в наших архивах обнаружили многое новое, тем не менее переизданная Обществом политкаторжан под тем же названием «Литература партии Народной воли» (М. 1930) опустила даже известные Богучарскому листовки; к тому же издание это страдает досадными опечатками. В небольшом сборнике «1 марта 1881 года» (Пг. 1920) Н. С. Тютчев собрал листовки, изданные разными революционными организациями в связи с этим событием.

Для «Земли и воли» и для «Народной воли» в нашем распоряжении оказалось исключительное собрание — подлинный архив этих организаций, документы которых (главным образом «Земли и воли») передавались Н. А. Морозовым для хранения журналисту и писателю В. Р. Зотову; после его смерти, по воле судьбы, они перешли к такому виднейшему почитателю правительственного произвола, как издатель «Нового времени» А. С. Суворин, пока не попали, после Октябрьской революции, в Музей революции в Ленинграде. Многого из переданного Н. А. Морозовым Зотову теперь нехватало, но и среди оставшихся материалов были материалы к программно-уставным документам «Земли и воли», протокольные заметки Н. А. Морозова на Воронежском съезде «Земли и воли», записки Клеточникова со сведениями III отделения и ряд других важных с исторической точки зрения документов. Музей революции издал весь сохранившийся материал под названием «Архив Земли и воли» и «Народной воли» (под ред. С. Н. Валка, М. 1932). Для изучения истории обеих только что упомянутых организаций необходимым источником должна оказаться изданная А. П. Прибылевой-Корба и В. Н. Фигнер книга «Народоволец А. Д. Михайлов» (Л. 1925). Показания А. Д. Михайлова, в ней собранные, представляют собою подробное изложение ступеней развития революционного движения в 70-х гг. с точки зрения одного из самых выдающихся его деятелей и, несмотря на условия и рамки, которых Михайлов должен был держаться, по яркости, точности и содержательности изложения являются одним из основных идеологических документов этой эпохи. «Письма народовольца А. Д. Михайлова» (М. 1932), собранные П. Е. Щеголевым, дают не только биографический материал для детских и юношеских годов жизни Михайлова, но и для его революционной деятельности и особенно для характеристики морального образа революционера тех времен. Изданная В. Н. Фигнер книга «Народоволец А. И. Баранников в его письмах» (М. 1935) имеет по преимуществу биографический и психологический интерес. Последний крупный эпизод истории «Народной воли» связан, как известно, с именем старшего брата В. И. Ленина — А. И. Ульянова; это так называемое «второе первое марта» — дело 1 марта 1887 г. Ему посвящены два сборника. Один из них составлен А. И. Ульяновой-Елизаровой («А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г.», М. 1927), другой — А. А. Шиловым («1 марта 1887 г.», М. 1927, изд. Центрархива). В составленный А. И. Елизаровой сборник вошли, помимо воспоминаний, документы по преимуществу судебно-следственного производства и департамента полиции. Самым замечательным из напечатанных здесь документов является проект программы, составленный А. И. Ульяновым, где кризис народничества и намечающаяся победа марксизма нашли отчетливейшее свое отображение. У А. А. Шилова основная часть книги является перепечаткой стенографического отчета по делу, сохранившемуся едва ли не в одном экземпляре; в приложении А. А. Шилов напечатал и проект А. И. Ульянова и некоторые другие документы. Для истории народовольческой эмиграции и разложения «Народной воли» существенен подготовленный В. Алексеевым и Ш. Левиным дневник Л. Тихомирова, охватывающий также годы его перехода в правительственный лагерь («Воспоминания Л. Тихомирова», Центрархив, М. 1927). Для народовольчества первой половины 90-х гг. характерна петербургская «группа народовольцев», в состав которой входили М. С. Ольминский, П. Н. Лепешинский и др. В типографии, ей принадлежащей, была напечатана брошюра Ленина «Объяснение закона о штрафах» и должно было печататься «Рабочее дело», со статьями Ленина. П. Ф. Куделли

перепечатала вышедшие четыре «Летучих листка» этой группы и другие их издания («Народовольцы на перепутье», Ленингр. истпарт, Л. 1926).

Для начального периода развития русской социал-демократии оказались в изобилии изданными материалы, связанные с деятельностью находившейся за границею группы «Освобождение труда», и гораздо хуже продолжает обстоять дело с изданием материалов, характеризующих начальные шаги русских социал-демократических организаций. Заграничные архивы членов группы «Освобождение труда» Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрода и Л. Г. Дейча смогли сохранить почти все документы того времени, особенно обильнейшую переписку их не только между собою, но и с другими лицами, как то: с Марксом, Энгельсом, русскими революционными организациями и др. Весь этот обширный материал, иногда более интересный для биографии, чем для истории, составил предмет издания сборников «Группа Освобождение труда» (тт. I—VI, М. 1924—1928, под ред. Л. Г. Дейча и др.).

Сохранившийся архив Г. В. Плеханова, образовавший вместе с библиотекой Плеханова «Дом Плеханова», являющийся отделением Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, доставил материал для вышедших до начала войны восьми томов «Литературного наследия Г. В. Плеханова» (1934—1940). Разнообразные материалы этого издания содержат переписку Плеханова с русскими деятелями, а также с иностранными социал-демократами по основным вопросам, занимавшим международную социал-демократию в 90-х по преимуществу годах, записные книжки Плеханова с 1880 г., материалы для его работ и ранние редакции некоторых работ, как, например, известнейшей его работы «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (т. VIII, ч. I — материалы 1883—1884 гг.; тт. I и IV — против народничества; т. V — против ревизионизма и махизма; т. II — первомайский). «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода» (2 тт., М. 1925), охватывающая 1885—1909 гг., содержит материалы и для истории группы «Освобождение труда» и для тех позднейших годов, когда оба корреспондента придерживались уже меньшевистских взглядов.

Для ранней истории действовавшей в пределах России социал-демократии, оставляя опять-таки в стороне журнальные материалы, несомненно ценным является переиздание Н. Л. Сергиевским издававшегося благоевским кружком так называемой партии русских социал-демократов журнала «Рабочий», которого вышло в 1885 г. всего два номера («Рабочий», Пг. 1902).

Для истории другого кружка, того казанского кружка, во главе которого стоял один из самых выдающихся ранних марксистов Н. Е. Федосеев и с которым имел сношение В. И. Ленин, мы обладаем сборником Истпарта «Н. Е. Федосеев» (М. 1923), который открывается письмом В. И. Ленина о Федосееве. В сборнике этом напечатаны письма Федосеева к Сергиевскому и Андреевскому, дающие представление о теоретических взглядах Федосеева, в частности о содержании его последней работы, посвященной падению крепостного права в России. Несколькими годами позднее в архиве Н. К. Михайловского были найдены письма Федосеева к Михайловскому, являющиеся одним из ярких проявлений той борьбы, которую вел марксизм с народничеством («Литерат. наследство», № 7—8; «Пролет. револ.», 1939, № 1).

VI

Середина 90-х гг. ознаменована была подъемом хозяйственной жизни страны, подъемом рабочего и революционного движения, первыми выступлениями Ленина и Сталина, полным кризисом правительственной политики, еще недавно столь уверенно шествовавшей по пути реакции.

Приезд В. И. Ленина в Петербург в конце 1893 г. явился поворотным моментом в истории марксизма в России. Заняв тотчас руководящее положение в среде тогдашних марксистских кружков, Ленин выступил с рядом работ, имевших задачей утверждение революционного марксизма. Только недавно стала известна первая из этих работ — направленный против взглядов одного из участников кружка — Б. Б. Красина доклад «По поводу так называемого вопроса о рынках». За нею последовали другие, означавшие идейный разгром народничества и разоблачение либерально-буржуазной сущности взглядов так называемых «легальных марксистов». Работы эти не могли появиться в тогдашней легальной печати. Единственная тогда попытка провести работу Ленина через цензуру кончилась сожжением сборника, где эта статья была напечатана. Поэтому работы Ленина печатались то в подпольной типографии («Объяснение закона о штрафах»), то в заграничном издании (некролог Ф. Энгельса в «Работнике»), или же примитивным образом гектографировались («Что такое друзья народа» и др.) и мимеографировались («Царскому правительству»). Некоторые работы так и остались в рукописях (о рынках и др.). В настоящее время все литературные работы этого времени вошли в состав «Сочинений» В. И. Ленина.

Созданный Лениным в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», которым Ленин руководил даже из дома предварительного заключения (Ленин был выслан в январе 1897 г.), до сих пор не дождался издания всех относящихся к его истории материалов. Изданы «Листовки Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса» (сост. С. Н. Валк, ИМЭЛ, М. 1934), кончая январем 1897 г.; изданы некоторые материалы следственного производства («Красный архив», 1934, кн. 62); издано заключение по делу с.-д. кружков 1894—1895 гг. (издавалось два раза — второй в приложении к «Собранию сочинений» Ленина, 1-е изд., т. I, Л. 1925). Но все эти материалы, кроме листовок, не выходят за пределы 1895 г. Особенно чувствительно, что до сих пор не изданы довольно многочисленные и весьма разнообразные материалы, относящиеся к истории знаменитой, говоря словами Ленина, «промышленной войны» — летней петербургской стачки текстильщиков в 1896 г.; среди этих материалов имеются описания, исходящие из среды самих бастующих и их руководителей, — случай не частый для тех годов.

Уже в трудах Ленина 1894—1895 гг. нашла себе отражение усиленная его работа в области изучения пореформенного хозяйственного развития России. Месяцы тюремного заключения были преимущественно заняты этою же работою. В годы ссылки Ленину удалось ее закончить и напечатать свое классическое произведение — «Развитие капитализма в России» (СПб. 1899). В настоящее время изданы сохранившиеся подготовительные материалы к этому труду, которые дают нам возможность хотя бы отчасти заглянуть в ход и характер исследовательской работы Ленина («Лен. сб.» XXXIII, М. 1939). Несмотря на свою невольную оторванность в далекой сибирской ссылке, Ленин продолжал свое руководящее участие в революционной работе. Общеизвестен составленный Лениным протест 17 ссыльных против экономи-

стского «Кредо», а в настоящее время изданы статьи Ленина, приготовленные для невышедшего третьего номера тогдашней нелегальной «Рабочей газеты», предназначенной после первого съезда РСДРП к роли ЦО партии («Лен. сб.» III).

Отъезд Ленина за границу и выход в декабре 1900 г. первого номера «Искры» был началом идейного и организационного сплочения партии. К счастью, в женевском архиве партии сохранился архив самой «Искры» и архив организации «Искры», заключающий в своем составе всю ту громадную переписку В. И. Ленина и «Искры» с местными организациями, которую Н. К. Крупская аккуратнейшим образом переписывала в тетрадки, сохранив поэтому и посылавшиеся в Россию письма, и получаемые «Искрой» оттуда. В настоящее время целиком переизданы в «Сочинениях» все работы В. И. Ленина, а «Что делать» многократно выходило в отдельных изданиях; также переиздана «Искра» за 1900—1903 гг., №№ 1—51 (7 вып., М. 1925—1929), т. е. за то время, когда ею руководил Ленин. Однако нельзя не отметить как досадное упущение издательской работы, что до сих пор остаются непереизданными листовки организации «Искры» и позднейшего периода; это отсутствие издания листовок центральных учреждений партии тем чувствительнее, что местные листовки явились предметом весьма многих изданий. Из громадного же архива переписки «Искры» издано еще сравнительно мало. Издана переписка Ленина с агентами «Искры», членами русской организации «Искры» и членами Организационного комитета, переписка редакции «Искры» и «Зари» с группой «Борьба» и др. («Лен. сб.» I, III, IV, XIII), а также переписка «Искры» с Организационным комитетом, Самарской организацией и «Южным рабочим» («Пролет. револ.», 1928, № 6—8). Некоторые из сохранившихся в перлюстрации и другие материалы об «Искре» изданы «Красным архивом» (1934, т. 62; 1940, т. 103).

Идейная и организационная работа «Искры» была завершена на втором съезде партии. В настоящее время ИМЭЛ переиздал протоколы съезда («Второй съезд РСДРП», М. 1932), а также издал сборник «Второй съезд РСДРП. Материалы и документы» (М. 1938), в трех первых разделах которого характеризуется историческая обстановка и работа Ленина и Сталина, подготовившая съезд, а в двух последних — самый съезд и послесъездовские события в партии. Ценнейшими документами к истории второго съезда являются заметки Ленина на съезде, в частности относящиеся к основному вопросу разногласий на съезде — организационному («Лен. сб.» VI). Среди оставшихся в свое время неопубликованными материалов оказались изданные теперь отчетные материалы ко второму съезду. Н. К. Крупская подготовила отчет организации «Искры» съезду («Пролет. револ.», 1928, № 1), а ряд местных искровских комитетов прислал к съезду доклады о своей работе («Доклады социал-демократических комитетов II съезду РСДРП», ИМЭЛ, 1930). Среди этих местных докладов особенно ярок большой доклад Петербургского комитета, которому пришлось вынести наиболее сильную борьбу с местными экономистами за победу искровской организации.

После происшедшего раскола и выхода Ленина из состава редакции «Искры» Ленин оставался в течение всего 1904 г. без периодического органа. Средством литературной борьбы того времени для ленинской группы стала брошюрная литература, самым выдающимся событием которой был выход ленинской брошюры «Шаг вперед, два шага назад» (Женева 1904). В настоящее время, кроме переиздания этого, заложившего организационные основы большевистской партии труда в

«Сочинениях» (т. VI) и в ряде отдельных изданий, изданы также рукописные материалы, к ней относящиеся («Лен. сб.» XV). Брошюрная литература того времени была собрана Истпартом в сборнике «Как рождалась партия большевиков» (М. 1925). Для характеристики общеполитического положения и положения дел внутри партии служит также доклад, представленный большевиками собравшемуся в 1904 г. международному социалистическому конгрессу в Амстердаме (М. Лядов, «Большевизм на международной арене», М. 1932).

Партийный архив сохранил богатейшую переписку Ленина после второго съезда, а также другие документы по истории происшедшего тогда раскола партии. Эти документы изданы в четырех «Ленинских сборниках» (VII, X, XI, XV).

Переходя теперь к изданиям по истории местных организаций РСДРП, отметим, что уже 90-е гг. явились временем зарождения многих местных с.-д. организаций, а на первые годы XX в. падает массовое их распространение по всей территории Российской империи. Местные истпарты старались осветить историю этих начальных шагов движения, хотя главное их внимание было поглощено 1905 и 1917—1921 годами. Однако очень немногие из местных истпартов отчетливо ставили себе задачу систематического издания документов для истории соответствующей организации. Ленинградский и, в некоторой степени, Московский истпарты занимались изданием документов как одной из самостоятельных задач своей работы. Естественно, что для истории местных партийных организаций основное значение должно тоже принадлежать документам, исходившим из самих этих партийных организаций. Но в условиях подпольного существования местных российских комитетов, над которыми постоянно висела угроза обыска и полицейского разгрома, не могло быть и речи о том, чтобы они хранили у себя какие-либо следы своей деятельности, в виде ли протоколов заседаний, копий отправляемой и подлинников получаемой переписки и других документов, обычно составляющих в своей совокупности архив организаций. Подтверждением этому, как всегда, служит исключительный случай с архивом Петербургского комитета за 1906—1907 гг. (годы, когда Ленин принимал непосредственное участие в руководстве его работой), который сохранился в рукописном отделении библиотеки тогдашней императорской Академии Наук, что было возможно лишь благодаря особому положению последней и особому отношению к этому тогдашнего заведующего рукописным отделением В. И. Срезневского (о материалах архива см. далее). При таких условиях основным материалом для изданий истпартов на местах должна была быть литература, издававшаяся и распространявшаяся в сотнях и тысячах экземпляров, единичные из которых дошли до нашего времени, будучи пересланы тогда центральным партийным учреждениям за границу или же будучи захвачены тогда же в розыскных целях правительственными учреждениями (Департаментом полиции и его местными органами); столь же ценной с точки зрения изучения жизни партийных организаций является их переписка, опять-таки сохранившаяся в архиве заграничных центров, если она велась с ними, или же в архивах полицейских учреждений, захватывавших ее не только при обысках, но и путем тщательно поставленной перлюстрации.

Надо признать, что местные истпарты, а затем и местные учреждения ИМЭЛ обратили должное внимание на издание дошедших до нас памятников партийной литературы того времени. Большею частью эта литература переиздавалась ими не в виде отдельных, специальных сборников (во многих случаях ее и нехватило бы на самостоятельную

книгу), а включалась в состав тех общих сборников, где она занимала свое место на ряду со статьями, воспоминаниями и другими материалами по истории партийной организации. Мы не имеем здесь возможности дать даже простое перечисление тех десятков книг, в которых разбросаны эти местные материалы, и остановимся в настоящем разделе на специальных сборниках листовок ранних лет. В качестве лучшего по тщательности и по культуре работы нельзя не признать составленного Ленинградским институтом истории партии двухтомного сборника «Листовки петербургских большевиков» (т. I, 1902—1907, Л. 1939; т. II, 1907—1917, Л. 1940). Небольшой сборничек Киевского истпарта «Первое мая в Киеве» (К. 1923) является единственным, который воспроизводил фотомеханически первомайские листовки, начиная с изданной в 1897 г. листовки Киевского союза борьбы за освобождение рабочего класса и до 1923 г. 1901 годом начинается сборник Истпартотдела Обкома ВКП(б) ЦЧО «Подпольная печать групп и комитетов РСДРП ЦЧО» (Воронеж 1931), который включает листовки 20 организаций б. Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губ. за 1901—1916 гг. Надо пожалеть, что в провинции иногда мало считаются с достигнутым не без труда уровнем научных изданий; примером такого пренебрежения может служить как раз последний по времени сборник «Листовки казанских большевиков 1903—1907 гг.» (сост. И. Айнетдинов, Казань 1941).

По истории рабочего и революционного движения мы не имеем для 90—900-х гг. такого систематического издания документов, каким мы обладаем для 70-х и 80-х гг. В значительной мере это даже не отдельные сборники, а беглые, иногда журнальные публикации. Весь период от 1890 и до 1916 г. охватывает сборник Центрархива революции «Первое мая в царской России» (М. 1939), основу которого составляют первомайские прокламации, а добавлением к ним являются довольно случайные отрывки из других документов. Стачки и союзы борьбы второй половины 90-х гг. являются предметом беглой публикации «Красного архива» (1939, т. 93), который в том же номере поместил материалы по первомайской стачке в Харькове в 1900 г. и в другом (94) — о стачке железнодорожных рабочих в Тифлисе.

Тбилисский филиал ИМЭЛ дал в сборнике «Первомайская демонстрация в Тбилиси в 1901 г.» (Тбилиси 1939) документы о революционной деятельности товарища Сталина и о революционном движении в Тбилиси в 1900—1901 гг., а также все, что было в партийной литературе относящегося непосредственно к этой демонстрации (листовки, корреспонденции). Ленинградский истпарт переиздал в сборнике П. Куделли «Обуховская оборона в 1901 г.» (Л. 1926) известные уже документы, не произведя, к сожалению, дополнительных архивных разысканий. Тбилисский филиал ИМЭЛ в «Батумской демонстрации» (Тбилиси 1937) дал для этого выдающегося события 9 марта 1902 г., руководителем которого явился товарищ Сталин, материалы партийной литературы (листовки, искровские корреспонденции, статьи), а также официальные о ней документы. Наконец крупнейшему из событий этого предреволюционного времени посвящено издание Центрархива революции — «Всеобщая стачка на юге России в 1903 г.» (М. 1938). Перед читателем проходят забастовки в Баку, Закавказье, Одессе, Николаеве, Киеве, Екатеринославе. Подобрав довольно тщательно листовки, относящиеся к этой забастовке, составители, хотя они имели в своем распоряжении и приводят частично материалы Департамента полиции, Министерства юстиции и фабричной инспекции, сделали все же из всего этого беглое собрание хрестоматийных отрывков, а не научное

издание, достойное этой стачки и пригодное для серьезного ее изучения. Вот и все. Итак, мы правы были, когда утверждали, что по имеющимся изданиям документов нельзя изучить важнейшее явление этого времени, именно то, как «рабочий класс России поднимался на революционную борьбу с царскою властью» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 28).

Под влиянием ярких проявлений рабочего движения начались волнения среди крестьян. До сих пор мы опять-таки не имеем даже краткого перечня фактов крестьянского движения, основанного на обильных для этой цели данных Департамента полиции и Министерства внутренних дел. Единственный сборничек Центрархива «Крестьянское движение 1902 г.» (М. 1923) весьма мало отвечает задаче освещения даже хотя бы столь известных волнений в Харьковской и Полтавской губерниях. Он составлен исключительно по материалам Сенатского архива и содержит только судебно-следственные материалы, оставляя в стороне гораздо более разнообразный и богатый материал только что упомянутых двух архивов.

Другим отзвуком подъема рабочего движения было студенческое движение, оставившее для своего изучения громадный материал собственных студенческих изданий и документов Департамента полиции. Некоторая группа их напечатана в «Красном архиве» (1938, т. 90) для 1900—1901 гг.

Весь ход событий уже вел Россию к революции. По словам «Краткого курса истории ВКП(б)», ускорила революцию русско-японская война. Ее подготовка ведет нас к материалам 90-х гг., даже 80-х гг. Протоколы особых совещаний (1888—1903) по вопросам дальневосточной политики и другие документы ведут нас к начальным моментам этой политики («КА», 1932, т. 52), русско-японская дипломатическая переписка 1900—1902 гг. («КА», 1934, т. 63) — к прямому преддверию войны. Борьба вокруг дальневосточной политики в правящих кругах России отразилась в писаниях тогдашнего военного министра А. Н. Куропаткина. «Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича» (Центрархив, М. 1925) на самом деле содержит не военный дневник Куропаткина, а его позднейшую записку «Пролог манчжурской трагедии», в которой Куропаткин стремится изобразить свою борьбу против авантюристической безобразовской клики. Дневник Куропаткина издан самим Центрархивом за 1902—1905 гг. («КА», 1922, т. 2; 1924, тт. 5 и 7). Дневник Линевича интересен не только военными записями, но и сведениями о революционном движении на Дальнем Востоке. «КА» напечатал также документы, связанные с заключительным моментом войны — Портсмутским миром («КА», 1924, тт. 6, 7).

VII

Издание документов по истории первой русской революции было поставлено в особо благоприятные условия благодаря тому вниманию, которое советское правительство уделило двадцатилетнему ее юбилею, учредив специальную юбилейную «Комиссию ЦИК СССР по организации празднования двадцатилетия революции 1905 г.», и благодаря широкому участию в ознаменовании юбилея со стороны партийных и общественных организаций. Успеху этого дела содействовала также сохранность архивных материалов самого 1905 года.

4 апреля 1905 г. вышел первый номер большевистского органа «Вперед», впоследствии, после третьего партийного съезда, заменен-

ного «Пролетарием». Сохранились до наших дней не только архивы этих газет, но и ленинский архив и заграничный партийный архив за 1905 г. В ноябре 1905 г. Ленин вернулся в Россию для руководства партией на месте самих событий. Мы уже говорили выше о невозможности хранения партийных документов в условиях полицейского террора при царском режиме. Действительно, для 1906—1907 гг. мы не обладаем ни архивом Ленина, ни архивами партийных центров и партийных органов печати.

Издание ленинских материалов 1905 г., помимо «Сочинений», заняло три «Ленинских сборника» (V, XVI и XXVI). Это по преимуществу подготовительные материалы для ленинских статей и речей, выписки, планы, наброски; заметки на третьем съезде партии; письма. Почти все материалы партийных съездов и конференций сохранились. Протоколы третьего партийного съезда были переизданы ИМЭЛ («Протоколы третьего съезда РСДРП», М. 1937). От таммерфорсской декабрьской 1905 г. конференции не сохранилось протоколов. «Четвертый (объединительный) съезд РСДРП» (М. 1934) и «Пятый съезд РСДРП» (М. 1935) — два издания ИМЭЛ, где переизданы их протоколы. Точно так же ИМЭЛ издал «Первую конференцию военных и боевых организаций РСДРП» (М. 1932), происходившую в ноябре 1906 г.

Деятельность партийного центра должен был выяснить сборник документов «Партия в революции 1905 г.» (ИМЭЛ, М. 1934). Действительно, мы здесь находим весьма существенные материалы, но все же не освещающие тему так широко, как она поставлена заглавием. В шести разделах сборника даны: ряд материалов, связанных с третьим съездом (среди них доклады с мест, причем особенно подробен и интересен доклад Петербургской организации); ряд материалов для характеристики деятельности БКБ ЦК и ЦО, агентов ЦК и разъездных работников ЦК; материалы о подготовке вооруженного восстания, такой весьма редкий материал, как протоколы собраний сотрудников ЦО. Для этой же темы важнейшим материалом должна явиться переписка В. И. Ленина и Н. К. Крупской с местными организациями, к сожалению изданная не полностью, а лишь с Петербургской («Пролет. револ.», 1925, № 3), Екатеринославской и Луганской (1926, № 4), Кавказской (1925, № 5), Одесской организациями (1925, №№ 6, 7, 11, 12). Изданы также материалы, связанные с борьбою за созыв третьего съезда («КА», 1935, т. 68), а также относящиеся к созыву четвертого съезда («КА», 1941, т. 106).

Из партийной периодической печати времени первой революции целиком переизданы «Вперед» и «Пролетарий» (I—VI, М. 1924—1925), первая легальная большевистская газета «Новая жизнь» (I—IV, М. 1925—1926), «Борьба пролетариата», № 2 («Пролет. револ.», 1939, № 4) со статьями И. В. Сталина, орган военной организации РСДРП — «Казарма», выходивший в 1906—1907 гг. (Л. 1931), орган МК РСДРП — «Вперед», издававшийся всего со 2 по 6 декабря 1905 г. (М. 1926). В отношении листовок надо повторить то же, что уже было сказано ранее, — нет до сих пор издания листовок, выпущенных ЦК, при обилии в то же время переиздания литературы местных организаций. Здесь на первом месте следует поставить изданные Тбилисским филиалом ИМЭЛ «Прокламации большевистских организаций Закавказья. 1904—1906» (Тбилиси, 1940). Из 56 прокламаций этого сборника больше половины (29) написаны И. В. Сталиным; заканчивается сборник прокламацией о годовщине 19 февраля, написанной также И. В. Сталиным. Петербургские прокламации из-

даны в упоминавшемся выше сборнике «Листовки петербургских большевиков» (ранее был издан сборник Ленинградского истпарта «Петербург в 1905 г.», вып. 1, Л. 1925); московские — в томе «Большевистские прокламации и листовки по Москве и Московской губернии» в юбилейной серии «1905. Документы и материалы» (М. 1926). Провинциальные листовки в обилии представлены на страницах многочисленных провинциальных истпартовских изданий, которых здесь нет возможности даже перечислить (см. их перечень в изданной Коммунистической академией библиографии «Первая русская революция», М. 1930).

«Предгрозовою молнией накануне великой революционной бури», говоря словами «Краткого курса ВКП(б)», явилась бакинская стачка в декабре 1904 г., прошедшая под непосредственным руководством И. В. Сталина. Материалы к ней в сборнике «Бакинская стачка 1904 г.» дал Центрархив революции (подгот. к печати О. Н. Чаадаева, М. 1940), напечатав партийные документы (прокламации и корреспонденции) во «Вперед» в первой части его и официальные — во второй.

Основными сборниками документов по истории 1905 года, естественно, оказались те, которые подготовлены были юбилейной комиссией и составили серию томов под редакцией М. Н. Покровского, — «1905. Материалы и документы». Один из томов этой серии, подготовленный к печати А. М. Панкратовой, — «Стачечное движение» (М. 1925) охватывает все основные проявления рабочего движения, имеющие общеимперское значение, начиная с бакинской стачки, 9 января и т. д. Другой том серии — «Аграрное движение» (М. 1925) охватил только часть России, ее северный, приуральский, центрально-промышленный, центрально-черноземный, средне- и нижневолжский районы. В основу обоих этих томов легли материалы Департамента полиции. Непосредственно с томом о стачечном движении связано «Профессиональное движение» (М. 1926). Надо пожалеть, что том о движении в армии — «Армия в первой революции» (М. 1927), составленный сотрудниками военно-исторического отдела штаба РККА, вместо документов, как обязывала бы его принадлежность к серии, дает только сводные очерки. Том «Еврейское рабочее движение» (М. 1928) тоже нельзя признать соответствующим задачам серии: он состоит из выдержек из нелегальной печати, литературно связанных между собою. Наконец, особый том серии отведен «Советской печати и литературе о советах» (М. 1925), в котором весьма полно собраны издания образовавшихся в 1905 г. в столицах и провинции Советов рабочих депутатов, а также приведены обстоятельные извлечения из современной печати к истории Советов. Напомним еще указанный выше том московских листовок. Нельзя не признать широкого замысла этой серии, которая при надлежащем его выполнении могла бы дать систематическое и ценнейшее собрание документов по истории революции 1905 г. Но ряд тем совсем ускользнул из виду при выработке плана серии, как, например, правительство в 1905 г.; другие темы были взяты частью — например, армия дана, но флот опущен, или даны почему-то московские листовки, но не даны центральные; третьи темы разнородно и разновременно разработаны — то по архивным материалам, то по прессе; то в виде издания документов, то в виде очерков; то только в пределах 1905 г., то 1905—1907 гг. и т. д.

Ряд других изданий может служить прямым дополнением к этой все же основной серии. Для аграрного движения в общеимперском же масштабе составлен Н. Карповым сборник «Крестьянское движение в революции 1905 г.» (Л. 1925), в котором даны донесения губер-

наторов по тридцати с лишним губерниям, а для Саратовской, Пензенской, Тамбовской и Воронежской губ. также доклады командированных туда флигель-адъютантов; кроме того, здесь же даны материалы о Крестьянском союзе. Издание Истпрофа «1905—1907 гг. в профессиональном движении» (М. 1925) дает материалы о первой и второй конференциях профессиональных союзов. Чувашский научно-исследовательский институт издал составленный И. Кузнецовым сборник «Национальное движение в период первой революции в России» (Чебоксары, 1935); документы Департамента полиции здесь приведены для освещения движения ойрот, бурят, якутов, калмыков, башкир, татар, чувашей, мари, удмуртов и для «мусульманского» движения.

Для правительственной политики годов первой революции нет ни одного сборника, который содержал бы основательный подбор документов. Сборник «Царизм в борьбе с революцией» (М. 1936), составленный Ленинградским отделением Центрального Исторического архива, весьма широк по замыслу; в первых разделах он дает документы о роли войск, полиции и суда в борьбе с революцией, в дальнейших — документы должны дать материал для истории подавления рабочего движения, крестьянского движения, движения в национальных районах и колониях, армии и флоте, для борьбы правительства против большевиков; последний раздел — о черной сотне. При небольшом объеме сборника его многотемность, конечно, не дала возможности достаточно полно осветить каждый вопрос, но все же архивный материал сборника свеж и обдуманно подобран знатоком этого материала М. И. Ахуном и др. Другой сборник «Революция 1905 г. и самодержавие» (Центрархив, М. 1928) составлен, наоборот, из совсем случайного, но интересного в то же время материала. В его состав вошли обнаруженные в одном из царскосельских дворцов Николая II разнообразные доклады, телеграммы и т. п., получавшиеся на его имя, некоторые с резолюциями Николая II. Переписка Николая II с его матерью, Мариею Федоровною, содержит очень характерные суждения Николая о происходящих событиях («КА», 1934, т. 50). Политика правительства по рабочему вопросу нашла себе отражение в изданных Центрархивом документах относительно наименее известного и заметного эпизода 1905 г. — комиссии Коковцева («Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцева», подгот. Б. А. Романов, М. 1926). «Аграрный вопрос в Совете министров» (Центрархив, М. 1924) содержит весьма интересный подбор материалов времени министерства Витте, который отражает правительственные колебания того времени, когда даже о принудительном отчуждении возможно было заговорить, будучи министром. Центрархивский же сборник «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.» (подгот. Б. А. Романов, М. 1926), в основе которого лежат материалы архива Витте, важен для уяснения международного положения правительства в годы революции. Отдельный сборник посвящен Центрархивом «Карательным экспедициям в Сибири в 1905—1906 гг.» (подгот. В. В. Максаков, М. 1932). Борьбе Витте с революцией посвящена также группа материалов «Красного архива» (1928, т. 31).

Таков итог тех изданий, которые имели своею специальной задачей дать документы к общей истории 1905 г. Для истории же отдельных эпизодов первой революции или отдельных местностей тогдашней империи существует громадная литература. В каждой губернии и даже во многих уездных центрах местные истпарты и местные юбилейные комиссии издавали свои сборники. Общим типом этих сборников было

сочетание статей, воспоминаний и документов, и здесь нет возможности дать какой-либо подробной характеристики всего многообразного их содержания. Приходится еще раз отослать читателя к упомянутому выше указателю «Первая русская революция» (М. 1930).

VIII

Время между революциями было для Ленина заполнено не только руководящей партийной деятельностью, но и усиленной работой над новыми теоретическими произведениями в области философии, учения о государстве и экономики. Памятником философских занятий Ленина осталась его знаменитая книга «Материализм и эмпириокритицизм» (СПб. 1909), а также громадный черновой труд по подготовке материалов для последующих философских работ, которых Ленин не успел уже написать. Эти подготовительные материалы драгоценны благодаря ленинскому приему работы — не только делать выписки, но сразу же своими замечаниями по поводу них устанавливать свое отношение к чужим мнениям. Поэтому мы имеем целый ряд философских суждений Ленина, в своей совокупности составляющих гениальную ленинскую систему марксистской диалектической философии. Материалы эти были изданы в «Ленинских сборниках» (IX—XII), а затем отдельно как «Философские тетради» Ленина (М. 1934). Такие же тетради подготовительных материалов сохранились и для работ Ленина: «Империализм, как высшая стадия капитализма» («Лен. сб.» XXII, XXVII, XXVIII, XXIX и «Пролет. револ.», 1928, № 9; переизданы в одном томе «Тетради по империализму», М. 1939); «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» («Лен. сб.» XXXI); «Государство и революция» («Лен. сб.» XIV и XXI; отдельно — «Марксизм о государстве», изд. 3-е, 1934); сохранилась также тетрадь с выписками Ленина по национальному вопросу («Лен. сб.» XXX).

Кроме этих работ сохранилась значительная переписка Ленина, вошедшая сперва в «Ленинские сборники» (I—III, XI, XIII, XIV, XVII, XVIII), а затем почти полностью в «Сочинения».

«КА» напечатал донесения заведующего заграничной агентурой Департамента полиции о революционной деятельности В. И. Ленина в годы мировой войны (1939, т. 92), а также документы о революционной деятельности И. В. Сталина в 1908—1913 гг. (1941, т. 105). Напечатанные там же (1938, т. 86) материалы о деятельности Г. К. Орджоникидзе главным образом связаны с Российской организационной комиссиею.

Крупнейшими событиями в партийной жизни после пятого съезда партии были Совещание расширенной редакции «Пролетария» и Пражская конференция. ИМЭЛ издал «Протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария»» (М. 1934), происходившего в июне 1909 г. и имевшего решающее значение в борьбе Ленина с отзовистами. От Пражской конференции, оформившей самостоятельное существование большевистской партии, осталось очень мало материалов. Эти материалы изданы вместе с другими материалами Ленина и Сталина, характеризующими подготовку конференции и ее значение («Пражская конференция РСДРП 1912 г.», М. 1937; центрархивские материалы см. «КА», 1939, т. 97).

Партийная печать этого времени переиздана далеко не полностью. Центральный орган партии, «Социал-демократ», начат был переизданием, но не закончен (I—IV, М. 1933—1934). Легальная еженедельная «Звезда», выходившая в тяжелые годы реакции (1910—1912), теперь

переиздана полностью (I—VIII, М. 1932—1934). Рожденная новым подъемом революционного движения ежедневная «Правда» начала выходить отдельными выпусками за 1912 и 1913 гг., но оба издания ИМЭЛ остались незаконченными (для 1912 г. изданы 4 выпуска, для 1913 г. — 8 выпусков). Для положения легальной большевистской печати любопытный материал дает издание Ленинградского института партии «Большевистская печать в тисках царской цензуры. 1910—1914». Газеты «Звезда» и «Правда» (сост. М. Лурье и Л. Полянская, Л. 1939). Хотя весь материал этого сборника довольно однообразен — это документы Петербургского комитета по делам цензуры и Главного управления по делам печати, в большинстве о наложении ареста на номера газет и о привлечении к суду редакторов, однако в совокупности они дают яркую картину тягчайшего положения большевистской печати в условиях административного и судебного произвола царского режима.

Из действовавших в пределах империи с.-д. организаций особое место занимала с.-д. думская фракция, единственная легальная с.-д. организация. В сборнике «Большевистская фракция IV Государственной думы» (сост. М. Л. Лурье, Ленингр. инст. истории партии и УЦГАЛ, Л. 1938) дан богатый материал для истории раскола с.-д. фракции и образования большевистской думской фракции, для изучения ее думской и внедумской деятельности, борьбы ее против войны, обстоятельств ареста и суда. Вскоре после образования Истпарта вышел единственный выпуск предполагавшегося тогда многотомного издания «Памятников агитационной литературы РСДРП», т. VI (1914—1917 гг.), вып. 1 (сост. А. А. Шилов, Л. 1923), содержащий прокламации, изданные центральными и местными организациями в 1914 г. Сборник «Большевики в годы империалистической войны» (сост. В. Кобяко, Центрархив революции, М. 1939), несмотря на свое широкое заглавие, содержит материал только для истории местных организаций, в основном это те же прокламации, а также некоторое количество резолюций, отчетов, корреспонденций из легальной и нелегальной печати; в приложении находим скупой подбор документов полицейского происхождения. Два сборника документов относятся к двум столицам. Московский сборник содержит «Листовки московской организации большевиков 1914—1920 гг.» (сост. Г. Костомаров, М. 1940). Ленинградский сборник «Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны. 1914—1917» (сост. А. Беркевич и К. Шариков. Ленингр. инст. истории партии, Л. 1939) шире по своим задачам. Листовки, корреспонденции, документы Департамента полиции и Министерства внутренних дел освещают здесь борьбу петроградских большевиков против войны, деятельность с.-д. думской фракции, отношение к военно-промышленным комитетам, стачечное движение, вплоть до Февральской буржуазно-демократической революции.

Рабочее движение этих годов освещено в изданиях документов чрезвычайно слабо. Для всего довоенного времени, кроме, опять-таки, отдельных журнальных сообщений, только ленский расстрел послужил поводом к особым сборникам. Центрархивский сборник «Ленские события 1912 г.» (сост. В. Владимирова, М. 1925) дает, помимо документов по истории стачки и расстрела, также значительный материал для характеристики экономического положения рабочих Ленских приисков накануне забастовки. В сборнике использованы как документы Департамента полиции, Горного департамента и т. п., так и документы Чрезвычайной следственной комиссии сенатора Манухина, которая дает самый ценный для истории ленских событий материал. Сборник, издан-

ный «Историей фабрик и заводов» под заглавием «Ленские прииски» (М. 1937), ставил себе более широкую задачу, и материал его относится не только к событиям 1912 г., но начинается со второй половины XIX в. и затем последовательно проходит по всем этапам трех революций и гражданской войны, вплоть до победы над Колчаком. «Рабочее движение в годы войны», изданное Центрархивом (сост. М. Г. Флеер, М. 1926), в основной своей части дает помесячные сводки о ходе рабочего движения, составлявшиеся в Министерстве торговли и промышленности, страдающие всеми особенностями канцелярских сводок; в приложении к сборнику дан некоторый подбор документов из архива Департамента полиции.

При всем внимании, которое уделялось советской историографией столыпинской реформе, нет ни одного сборника, который показал бы отношение к ней крестьянства. Из массовых движений годов войны большое внимание было уделено нашей историографией восстанию 1916 г. в Средней Азии. Основные материалы для истории этого восстания находятся в местных архивах, и нельзя не приветствовать поэтому появления местных по этой теме сборников. Сборник САНИИР и Центрархива УзССР «Восстание 1916 г. в Средней Азии» (Ташкент 1932) распадается на два раздела. Первый, основной, скуден и содержит всего 8 докладов местных властей, в которых в виде итогов вкратце сообщается о ходе восстания; второй раздел — прения о восстании в Государственной думе; в виде приложения он содержит важнейший для ориентировки в имеющемся архивном материале обзор архивных материалов, хранящихся в одном из среднеазиатских архивов — Центрархиве УзССР. Сборник Института истории Туркменской ССР «Восстание 1916 г. в Туркмении» (Ашхабад 1938) выгодно отличается от предшествующего количеством и характером документов, а также тщательностью составления справочного аппарата.

Изданный Центрархивом сборник «Буржуазия накануне Февральской революции» (М. 1922) в значительной своей части содержит документы о деятельности Земского и Городского союзов, извлеченные из архивов Департамента полиции.

История внутренней политики в довоенные годы не нашла себе отражения в сборниках документов, и даже на страницах «Красного архива» ей не отведено значительного места. Лишь для последних лет существования царского строя издано не мало материалов. В 1917 г. Временным правительством, с целью оправдать перед помещичье-буржуазными кругами свое революционное происхождение, была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия, задачею которой было установить, что деятели царского режима, министры в первую очередь, нарушили тогдашние основные и другие законы и тем самым заслужили свое устранение от государственной власти и замену их другим, буржуазным правительством. Чрезвычайная следственная комиссия оставила большой архив с показаниями министров, высших чинов Департамента полиции и др., а также ряда думских и внедумских политических деятелей. Но все эти показания вращаются в заколдованном кругу юридической казуистики, нигде, конечно, не ставя вопроса о политической преступности, в которой допрашивающие были столь же повинны, сколь и допрашиваемые. Важнейшие из этих показаний П. Е. Щеголев издал в семитомном «Падении царского режима» (Л. 1924—1927).

Другие издания об этих годах связаны происхождением своих документов с царской семьей. Самое важное здесь, конечно, изданная Центрархивом «Переписка Николая и Александры Романовых» (III—

V, М. 1923—1927), которая дает своего рода политическую хронику распада правительственной среды перед революцией, с ее распутинщиною, министерской чехардою и т. п. Сюда примыкает целый ряд книг, изданных В. П. Семенниковым, использовавшим материалы дворцовых архивов, в первые моменты после революции оказавшиеся в беспризорном состоянии. В книгах В. П. Семенникова существенные документы перепутаны с массой малосодержательных, ибо печаталось в них все, что попадалось под руку их собирателю. «Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю» (Л. 1925) содержит некоторые небезинтересные письма для характеристики недовольства Николаем II в среде великих князей; «Монархия перед крушением. Бумаги Николая II и другие документы» (Л. 1927) включает, например, доклад Алексеева в связи с требованием итальянцев об ускорении наступления (будущее брусиловское наступление), доклады Сазонова, Штюрмера и др. «За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева» (Л. 1925) помимо распутинщины и тибетской медицины интересна материалами по дальневосточной политике; «Дневник б. в. кн. Андрея Владимировича» (Л. 1925) характерен предчувствиями революции в 1915 г. Наконец, «Политика Романовых накануне революции» (Л. 1926) [«Романовы и германские влияния во время мировой войны» (Л. 1929) является извлечением из нее] скуднее документами и переводит нас в область внешней политики.

IX

Февральская буржуазно-демократическая революция не представлена ни одним крупным изданием документов. Для восстановления фактического хода событий, непосредственно предшествовавших самому перевороту, представляют интерес агентурные сведения, доставлявшиеся А. Д. Протопопову о положении в Петрограде («Былое», 1918, № 13), а для дней переворота — документы, напечатанные в «КА» (1930, т. 40—41).

Наибольшее значение для восстановления внешнего хода февральско-мартовских событий, закончившихся отречением царя и переходом власти к Временному правительству, имеют документы Ставки верховного главнокомандующего, где находился в то время Николай II и которая поэтому являлась центром, куда стекались телеграммы, и другие документы этих дней («КА», 1927, т. 21—22). Небезинтересен и дневник самого Николая II за 1917 г., изданный «КА» (1927, тт. 20—22).

16/3 апреля ночью вернулся из своей второй эмиграции в революционный Петроград В. И. Ленин и в своих апрельских тезисах, говоря словами «Краткого курса истории ВКП(б)», «дал гениальный план борьбы партии за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической». Среди немногих дошедших до нас рукописей В. И. Ленина за время с апреля по октябрь имеются также драгоценнейшие для изучения апрельских тезисов черновые к ним материалы, изданные в «Ленинском сборнике» (VII). Ленинские работы за это время собраны, как всегда, в «Сочинениях» и «Ленинских сборниках» (II, IV, VII, XIII). ИМЭЛ издал также отдельно трехтомные «Сочинения 1917 года» (М. 1938), которые важны тем, что в них впервые объединены материалы «Сочинений» и «Ленинских сборников».

За 1917 год мы обладаем также собранием работ И. В. Сталина. В сборнике «На путях к Октябрю» (М. 1925) собраны статьи и речи И. В. Сталина за месяцы от буржуазно-демократической к социали-

стической революции, являющиеся, на ряду с ленинскими работами, основным материалом для изучения истории партии этого времени.

Переходя к документам единственно тогда состоявшегося шестого съезда партии и документам конференций, надо указать, что здесь все важнейшее уже издано. Две апрельские конференции составили сборник «Седьмая («апрельская») Всероссийская и Петроградская общегородская конференции РСДРП» (ИМЭЛ, М. 1934); «Шестой съезд РСДРП(б)» (М. 1927) переиздан Истпартом; «Вторая и третья общегородские конференции большевиков в июле и в сентябре 1917 г.» (М. 1927) переизданы ленинградским Истпартом. Деятельность Центрального Комитета партии освещается «Протоколами Центрального Комитета РСДРП» (М. 1929); для Петроградского Комитета мы обладаем изданием ленинградского Истпарта «Первый легальный ПК большевиков в 1917 г.» (Л. 1922), в котором даны протоколы и другие материалы деятельности ПК. Наконец, ИМЭЛ приступил к переизданию «Правды» за 1917 год.

В сборнике Центрархива «Рабочее движение в 1917 г.» мы имеем разнообразно подобранный материал, сведенный по темам почти в хрестоматию. Значительная часть его относится к стачкам рабочих. Другой сборник — «Октябрьская революция и фабзавкомы» (тт. I—II, М. 1927, изд. ВЦСПС) дает важнейший материал для уяснения той роли, которую в революции 1917 г. играли фабзавкомы. Мы имеем здесь протоколы двух конференций фабзавкомов (в мае и августе 1917 г.); низовые материалы самих фабзавкомов, преимущественно петроградского; материалы о конфликтах на предприятиях по архиву Центрального Совета фабрично-заводских комитетов.

По своим материалам сборник Центрархива «Крестьянское движение в 1917 г.» носит весьма однородный характер. Это систематизированный географически и хронологически материал сводок, составлявшихся в Главном управлении по делам милиции Временного правительства на основании местных донесений. Однако, к сожалению, значение этого материала весьма условно, так как при составлении сводок данные донесения местных властей регулировались чиновниками, и в результате, например, донесение об одном случае волнений в уезде в сводке превращалось в «волнения» в этом уезде и т. п. Делать какие-либо заключения по этому материалу можно только с чрезвычайной осторожностью.

История завоевания армии большевиками представлена в трех разнообразных сборниках.

Менее всего пригоден для этой цели центрархивский сборник «Разложение армии в 1917 г.», составленный на основании правительственных материалов (штаба верховного главнокомандующего, кабинета военного министра и донесений б. депутатов Государственной думы), тенденции которых отразились даже на самом названии сборника. Иной характер имеет сборник Ленингр. отд. Центр. истор. архива «Большевизация петроградского гарнизона в 1917 г.» (сост. М. И. Ахун, Б. М. Кочаков, М. Л. Лурье, Л. 1933), в основу которого были положены низовые материалы самих солдатских организаций, полковых и ротных комитетов и т. п. Здесь мы получаем надежный источник для тщательного изучения того, как и каким образом солдатская масса отказалась от своих первоначальных заблуждений и становилась сторонницею большевиков. Более примитивно этот же процесс происходил в глубоких солдатских массах, и любопытнейший материал для понимания хода и путей их большевизации дают сами рядовые солдаты в изданных Истпартом «Солдатских письмах 1917 г.» (сост.

О. Н. Чаадаева, М. 1927). Аналогичные материалы напечатаны также в «КА» (1937, т. 84).

Не много у нас материалов и для истории Красной Гвардии. Сборник Института истории Украинской АН «Червона Гвардія на Україні. 1917—1918» (К. 1939) в первой части дает документы для истории роли Красной Гвардии в борьбе за победу пролетарской революции, а во второй — на тему «От Красной Гвардии к РККА». Отметим аналогичный небольшой сборничек для Одессы — «Збірка документів з історії Одеської Червоної Гвардії» (сост. Л. Кангуп, Истпартотдел Одесского обкома, Х. 1932), а также для Москвы — «Из истории Московской рабочей Красной Гвардии» (сост. Г. Костомаров и В. Малаховский, Истпарт МК ВКП(б), М. 1930).

История Советов в 1917 г. представлена довольно обстоятельно. «Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов» (Центрархив, М. 1927); «Первый всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов» (2 т., Центрархив, М. 1930); «Организация и строительство Советов рабочих депутатов в 1917 г.» (Инст. сов. строит. Комм. акад., М. 1928); «Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации» (то же изд., т. I, ч. I, М. 1929) — таков ряд общих сборников, из которых первые два являются стенограммами, а два вторых содержат выборки из громадного имеющегося на эти темы материала.

Помимо этих материалов общего государственного значения мы имеем значительное количество материалов местного значения, подобно тому, как это имело место и в отношении 1905 г. Но, как и там, они в большинстве своем распылены по разным сборникам и отчасти по периодическим изданиям. Поэтому мы не имеем возможности дать здесь их перечня; мы не можем в то же время рекомендовать никакого библиографического пособия для работы над ними, так как до сих пор его и нет.

Из отдельных революционных событий этих месяцев отметим для апрельской демонстрации изданные «КА» материалы судебного следствия (1929, т. 33). При яркой контрреволюционной тенденциозности этих материалов необходимо, конечно, издание и материалов, отражающих действительно тогда происходившее, но такого издания у нас еще нет. Июльские дни представлены журнальными изданиями такого же рода следственных документов («КА», 1927, т. 23—24; 1931, т. 46; «Пролет. револ.», 1923, № 5).

Для истории правительственной политики и контрреволюции мы обладаем немногими изданиями. Центрархив издал «Государственное совещание» (М. 1930), где даны его стенограммы. Ленингр. отд. Центр. истор. архива собрало в издании «Буржуазия и помещики в 1917 г.» (сост. М. И. Ахун и др., Л. 1932) стенограммы так называемых «частных заседаний членов Государственной думы», при помощи которых сметенная революцией и несуществующая третьеиюньская столыпинская Государственная дума пыталась воздействовать на Временное правительство. В «Былом» (1918, № 12) изданы протоколы секретных заседаний по вопросу о мире так называемого предпарламента — Временного совета Республики.

Для истории самой Октябрьской социалистической революции и ее первых шагов издано далеко еще не достаточное количество материалов. «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов» (Центрархив, М. 1928) представляет собою весьма неудовлетворительное издание. Как известно, нет стенограмм этого важнейшего съезда, а существуют только газетные отчеты о заседаниях, в «Прав-

де» и в эсеровско-меньшевистской печати. В центрархивском издании помещен отчет «Правды», а затем в виде сводного текста подана смесь из склеенных составителями абзацов, фраз, полуфраз и слов самых разнообразных газет. Анкеты делегатов-большевиков съезда представляют особый интерес благодаря тому, что содержали ряд общих вопросов о положении Советов на местах («КА», 1937, т. 84). Протоколы заседаний и другие документы Петроградского военно-революционного комитета составили сборник «Документы Великой социалистической революции» (т. I, Секретариат «Истории гражд. войны», М. 1938). «Документы Московского военно-революционного комитета» изданы «КА» (1927, т. 23; 1932, т. 54—55; 1934, т. 65—66; 1935, т. 71).

Для истории контрреволюции в послеоктябрьское время мы обладаем теперь протоколами нелегальных заседаний и Временного правительства («КА», 1924, т. 6) и ВЦИК I созыва («КА», 1925, т. 10).

Первые акты деятельности Совета Народных Комиссаров даны в «Декретах Октябрьской революции» (т. I, сост. С. Н. Валк, ИМЭЛ, М. 1933), куда включены все опубликованные в то время акты СНК, кончая январским декретом о роспуске Учредительного собрания. Документы, относящиеся к деятельности Советов, собраны в сборнике Института советского строительства «Советы в Октябре» (М. 1928). Наконец, в центрархивском «Учредительном собрании» (М. 1927) дана стенограмма его единственного заседания.

Для годов гражданской войны существует значительная литература, однако грандиозные масштабы этой борьбы, продолжавшейся годы, на многих фронтах, со многими внутренними и внешними врагами, требуют еще многих и многих томов документов. Ленинские документы этого времени помещены, как всегда, в «Сочинениях» и в «Ленинских сборниках».

Еще в большей мере относится сказанное только что к документам, связанным с деятельностью ближайшего соратника В. И. Ленина — И. В. Сталина. Мы имеем три сборника работ И. В. Сталина, куда вошли некоторые его статьи и речи: «Об Октябрьской революции» (М. 1932), «Статьи и речи об Украине» (М. 1936) и «Марксизм и национально-колониальный вопрос» (М. 1939). Материалы о деятельности И. В. Сталина на фронтах гражданской войны разбросаны по отдельным сборникам, касающимся отдельных фронтов и эпизодов войны, и до сих пор не собраны в одно целое.

Истпарт и ИМЭЛ издали серию «Протоколов съездов и конференций ВКП(б)»; среди них за 1918—1921 гг.: «Седьмой съезд» (Истпарт, М. 1928), «Восьмой съезд РКП(б)» (ИМЭЛ, М. 1934), «Девятый съезд РКП(б)» (ИМЭЛ, М. 1934), «Десятый съезд РКП(б)» (ИМЭЛ, М. 1933), «Восьмая конференция РКП(б)» (ИМЭЛ, М. 1934) и «Протоколы десятой Всероссийской конференции РКП(б)» (ИМЭЛ, М. 1933). Издан также «Первый съезд РКСМ» (ИМЭЛ, М. 1934).

Секретариат редакции «Истории гражданской войны» произвел обширные розыски материалов для истории этих лет, о размерах которых можно судить по изданному специально для Секретариата Центрархивом и Военно-историческим отделом штаба РККА обзору «Архив Красной Армии» (М. 1933), содержащему подробный перечень материалов этого самого основного для истории гражданской войны архива. Эти розыски не ограничились одними столичными архивами и в своей совокупности создали исключительно прочную основу для работ над историей гражданской войны. В трехтомном сборнике «Документы по истории гражданской войны» Секретариат решил дать основные доку-

менты по истории эпохи гражданской войны за все ее время. Первый том охватывает время от Октября и до шестого съезда Советов. Он открывается разделом о триумфальном шествии советской власти, затем следует раздел о Брестском мире, образовании Красной Армии, социалистическом строительстве и о последовательных этапах борьбы с германскими оккупантами, иностранной интервенцией и российской контрреволюцией.

История строительства Советского государства в годы гражданской войны изучена еще очень мало. История Советской Конституции была предметом трех сборников документов, содержание которых явствует из их заглавий: «Конституции и конституционные акты РСФСР (1918—1937)» (Институт права АН СССР, М. 1940), «История Советской Конституции в декретах и постановлениях советского правительства. 1917—1936» (сост. С. Студеникин, Инст. сов. строит. и права, М. 1936) и «Первая Советская Конституция (Конституция РСФСР, 1918)» (под ред. А. Вышинского, Институт права АН СССР, М. 1938). Сборники являются перепечатками опубликованного законодательного материала, причем во втором собраны также соответственные высказывания Ленина и Сталина. Надо пожалеть, что интереснейший архивный материал по выработке первой Советской Конституции не нашел себе места во втором из этих сборников. Для истории советского строительства Институтом советского строительства и права Коммунистической академии был издан двухтомный сборник «Советы в эпоху военного коммунизма» (М. 1928/29), а также огромный том «Саратовский совет р. и с. д.» (М. 1931). Институт права АН СССР собрал постановления II—XVII съездов Советов в сборнике «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях» (под ред. А. Вышинского, М. 1939). Для Украины мы тоже имеем «Резолюції Всеукраинськіх зъіздів рад» (Центр. арх. упр. УССР, Х. 1932).

Для истории строительства Красной Армии мы обладаем еще недостаточным материалом. Помимо сборников о Красной Гвардии, указанных выше, которые содержат материалы о переходе от Красной Гвардии к Красной Армии, лишь один сборник, давно изданный, посвящен почти всецело организации Красной Армии. Разумеем богатый сравнительно подбор материалов в первом томе «Гражданской. войны» (изд. Комиссии по использованию мировой и гражданской войн, М. 1923). Центрархив профдвижения и организации труда в сборнике «Профсоюзы СССР в создании Красной Армии 1918—1920 гг.» (сост. Е. Михайлова, отд. 2, М. 1940) дал собрание документов, характеризующих теснейшую связь рабочего класса с формированием Красной Армии с момента ее образования и на всех последующих этапах гражданской войны.

Советское строительство в области создания социалистических форм промышленности еще не получило должного документального освещения. Мы имеем лишь журнальные издания групп документов для истории рабочего контроля («Красный архив», 1934, т. 63; 1940, т. 103), для борьбы за повышение производительности труда (там же, 1939, т. 96), а также для истории работ по электрификации страны, главным образом по материалам ГОЭЛРО (там же, 1939, тт. 95—96).

Перестройка общественных отношений в деревне и борьба с кулачеством получили значительно лучшую документальную основу. Изданы материалы о проведении в жизнь декрета о земле (там же, 1938, т. 90). Борьба с кулачеством и особенно вызванные ею к жизни декретом 11 июля 1918 г. комитеты бедноты послужили предметом нескольких сборников. Основные сборники по истории комитетов бедноты изданы

Институтом советского строительства и права Коммунистической академии, под ред. А. В. Шестакова. Первый из них — «Комитеты бедноты» (сост. В. Аверьев, тт. I—II, М. 1933), второй — «Комбеды РСФСР» (сост. С. Л. Ронин, М. 1933). Материалов о комбедах, по словам составителей, не оказалось ни в одном из фондов центральных учреждений (может быть, осторожнее было бы сказать, что их не нашли составители), и поэтому их пришлось искать главным образом на местах. Это обусловило содержание издаваемых сборников, каждый из которых связан с определенною территориею: первый охватывает Тамбовскую, Пензенскую и Иваново-Вознесенскую области, второй—Центрально-черноземную, Северную, Центрально-промышленную области, отчасти Поволжье. Третий сборник имеет темой «Комбеды Воронежской и Курской областей» (Воронеж 1935). Институт истории партии при МК издал «Комитеты деревенской бедноты Московской области» (под ред. А. В. Шестакова, М. 1938). Все четыре сборника, отличаясь в некоторых отношениях по составу, тем не менее стремятся охватить всю историю комбедов в данной местности от их возникновения до их ликвидации и стараются как можно шире осветить их деятельность, касаясь, например, даже вопросов культурного строительства. Некоторым добавлением ко всем этим материалам служат документы о деятельности продотрядов в «Красном архиве» (1938, т. 90 и 1940, т. 101).

Советское строительство в Латвии мы теперь можем изучать по декретам (главным образом в области экономического строительства и земельного вопроса) и по некоторым низовым документам в «КА» (1940, т. 103). Документы Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы (декреты, протоколы и пр.) остались памятниками его шагов к социалистическому переустройству ее («КА», 1940, т. 102). Для Эстонии «КА» недавно изданы протоколы заседаний Военно-революционного комитета Эстонского края за ноябрь 1917 — январь 1918 г., отражающие ту борьбу за власть и за советское строительство, которая шла тогда в крае (1940, т. 101).

Первые же работы по созданию нового социалистического государства были нарушены 18 февраля 1918 г. нападением германских империалистов, разорвавших заключенное в декабре перемирие и двинувшихся вперед по линии всего тогдашнего фронта, на захват Петрограда, на Белоруссию и Украину. Сборник Ленинградского института истории партии «Крах германской оккупации на Псковщине» (сост. А. Л. Фрайман, Л. 1940) дает прекрасный материал для изучения того громадного революционного подъема, который вызвал лозунг «Социалистическое отечество в опасности» среди петроградского пролетариата. История его мобилизации, организация обороны и отпор немецким войскам; гнет немецких оккупантов, временно захвативших Псковщину; наконец, освобождение Псковщины от иноземной оккупации — основные темы этого сборника. Дополнением к нему служит прекрасный небольшой сборник «Против германских интервентов. Февраль — март 1918 г. в Петрограде» (Л. 1941), изданный тем же Ленинградским институтом в дни нашей великой отечественной войны, когда весь Ленинград опять героически встал на защиту родной земли от фашистских полчищ. Небольшой, но яркий подбор документов «Красного архива» (1938, т. 91) характеризует тот отпор, который немцы получили в Белоруссии, в Полесье.

Двумя отдельными сборниками в 1936 г. вышли «Статьи и речи об Украине» В. И. Ленина и «Статьи и речи об Украине» И. В. Сталина. Мы имеем, конечно, больше всего материалов относительно герман-

ского хозяйничанья на Украине, с которою немецкие империалисты связывали столько надежд, быстро разрушенных борьбой украинского народа. Особенно ярки вынужденные признания самих немцев относительно того сопротивления, которое было им оказано трудящимися Украины. Сборник «Крах германской оккупации на Украине», изданный Секретариатом «Истории гражданской войны» (сост. Е. Городецкий, М. 1936), содержит переписку германского посла в Киеве бар. Мумма и австро-венгерского — гр. Форгача со своими министрами иностранных дел. Оба они заполняют страницы своих донесений, с одной стороны, описанием режима террора и расправ с неповинующимися украинскими крестьянами, описанием экономической эксплоатации Украины, прежде всего в деле беспощадного выколачивания хлеба, а с другой — описанием сопротивления и восстаний крестьян. Материалы для истории этой героической эпопеи дал и «Красный архив» (1939, т. 95) в ряде документов, характеризующих революционную мобилизацию масс для борьбы с интервентами, восстания в Киевской и Черниговской губерниях, роль Николая Щорса в этой борьбе и крушение, наконец, немецкой оккупации. Там же (1939, т. 67) напечатаны материалы, показывающие истинную связь германских империалистов с донской контрреволюцией, в то время (1918 г.) возглавляемой ген. Красновым; здесь лишняя иллюстрация для характеристики «бесцеремонной реквизиции», о которой осмеливается говорить даже донская контрреволюция, и стремления к территориальным захватам. Хозяйничанье немцев в Крыму изображено в весьма смягченных, конечно, формах одним из крымских «министров» Налбандовым («КА», 1927, т. 22). Германские планы на Кавказе и их связь с контрреволюцией освещаются документами «КА» о «горской контрреволюции и интервентах» (1935, т. 68). Более мелкие изданные документы см. в указателе литературы «Борьба советского народа против немецких оккупантов в 1917—1918 гг.» (Всесоюзная книжная палата, М. 1941).

Для истории интервенции Антанты в Советскую Россию материалов у нас сохранилось много, и многое уже издано. В марте 1918 г. англичане заняли Мурманск, а также и Архангельск, где образовалось контрреволюционное северное правительство. Основные материалы для этой страницы истории гражданской войны содержит сборник Центрархива «Интервенция на Севере» (с предисл. И. Минца, М. 1933), дополнением к которому являются две группы документов «КА», из которых мы узнаем о том, какой катастрофой для северной контрреволюции было крушение интервенции и уход английских войск (1932, т. 50—51; 1940, т. 98).

Немногим позднее, в апреле 1918 г., началась японская интервенция. Сборник Центрархива «Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах» (подгот. к печати И. Минц, М. 1934) состоит из двух разделов, в соответствии с двумя ее этапами, — 1918 и 1920—1922 гг. Приемы японской военщины здесь весьма напоминают приемы немецких империалистов в деле захвата и реквизиций всех ценностей на Дальнем Востоке, зверств (убийство С. Лазо и др.), а также связи со всеми крупными, как Колчак, и мелкими, как какой-нибудь Калмыков, Дитерихс и др., белогвардейцами. Документы эти ярко характеризуют отпор, который получили интервенты со стороны трудящихся, партизан и народно-революционной армии под руководством коммунистической партии. Ряд важных документов для изложения этой героической страницы истории борьбы с интервентами (приказы, оперативные сводки и др.) содержится в сборнике «Сергей Лазо» (изд. «Истории гражданской войны», М. 1938). В сборнике Истпарта Далькрайкома

«4—5 апреля 1920 г.» (Хабаровск 1937) помещен, между прочим, доклад комиссии приморского временного правительства, вскрывающий подготовку этого провокационного выступления японской военщины. Ряд материалов к истории интервенции напечатан также в «Дальистпарте» (I—II, Владивосток, 1923).

Для истории французской интервенции на юге России наши материалы не велики. Для подготовки интервенции весьма характерны донесения французских агентов из Сибири за декабрь 1917 — февраль 1918 г. о происходивших там событиях («КА», 1929, т. 34). Интервенция французов в Одессе нашла свое отражение в записке белогвардейского полковника, помещенной там же (1931, т. 45), а интервенция в Крыму — в сборнике «Освобождение Крыма от англо-французских интервентов. 1918—1919» (Симферополь, 1940), где имеется материал, характеризующий и хозяйничанье интервентов и борьбу с ними, а также восстание французских моряков; записка одного из крымских «министров» — М. Винавера («КА», 1927, т. 22) включает, в частности, и материал к французской интервенции.

Секретариат редакции «Истории гражданской войны» в сборнике «Белоруссия в борьбе против польских захватчиков» дал в последнем разделе подбор документов для грабительского хозяйничанья белополяков и для борьбы большевиков и белорусского народа против них. Данные о сношениях Польши и Врангеля находим в «КА» (1931, т. 47).

Для мелкого империалистического хищника — Румынии объектом грабежа оказалась оккупированная ею Бессарабия, что теперь документировано благодаря «КА» (1940, т. 101).

Финляндия, как известно, тоже пыталась в 1918—1919 гг. использовать затруднительное положение Советской республики, оглядываясь то на антантовских интервентов, то на Юденича. Осведомительные сводки нашей седьмой армии и переписка самих белогвардейцев в некоторой мере вскрывают ход и неудачу финской авантюры («КА», 1940, т. 98). Финляндия не оставила своих попыток агрессии позднее, когда карельский народ уже образовал свою «Карельскую трудовую коммуну». Некоторый материал, в частности дипломатический и военный, для изображения полученного финнами отпора находим в «КА» (1940, т. 102).

История военных действий в годы гражданской войны была предметом исследований, в основе которых лежал архивный материал. Достаточно указать на книгу К. Е. Ворошилова «Сталин и Красная Армия», в которой так ярко изложена роль товарища Сталина в создании Красной Армии и в наших победах на фронтах гражданской войны.

Однако военные документы гражданской войны систематически еще не издавались. Так, для обороны Царицына, которая совсем недавно явилась предметом двух, основанных на большом архивном материале работ (В. А. Меликов, Героическая оборона Царицына, М. 1938, и Э. Б. Генкина, Борьба за Царицын, М. 1940), мы не обладаем ни одним капитальным изданием документов. На месте, в Сталинграде, были изданы два небольших сборничка документов: «Сталин в Царицыне» (Сталинград 1940) и «Ворошилов на Царицынском фронте» (Сталинград 1940). Но материалов этих совсем не достаточно для того, чтобы можно было по сборнику документов изучить, как по источнику, всю героическую эпопею Царицына и роль в ней товарища Сталина. Деятельность С. М. Кирова на южном фронте и на Кавказе освещается прежде всего его собственными выступлениями, собранными в «Статьях и речах» (т. I, изд. 2-е, М. 1936) и «Избранных статьях

и речах» (М. 1939), а также в сталинградском сборнике «Астраханский фронт гражданской войны и С. М. Киров» (изд. 2-е, 1937). Деятельность Г. К. Орджоникидзе отражена в его «Избранных статьях и речах» (М. 1939). «Статьи и речи» С. Шаумяна (Баку 1929), а также его переписка с Лениным и Сталиным («КА», 1938, т. 90) служат основным источником для истории Бакинской коммуны. Дополнением к ним является «Бакинская коммуна» (Баку 1927) С. Шаумяна, в которой приведен целый ряд документов в тексте и приложениях.

Лучше всего в документах представлены фронты, где действовал М. В. Фрунзе, благодаря обширному сборнику «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны» (Центрархив Красной Армии, М. 1941), в котором собраны материалы, относящиеся к основным событиям Восточного фронта — разгрому Колчака, Туркестанского — ликвидации закаспийской контрреволюции и усмирению басмачества и, наконец, ликвидации врангелевского фронта. Дополняются эти основные материалы документами о Чапаеве, приказы и донесения которого в качестве командующего 25-й дивизией напечатаны в «КА» (1939, т. 97; 1940, т. 98). Для Южного фронта надо отметить обзор фондов Центрархива РККА «Южный фронт против Деникина» (М. 1939), являющийся ценным пособием для розыска архивных материалов исследователями.

Обильнее всего представлена документами история гражданской войны в Сибири. Значительный печатный, но малодоступный материал, а также архивные документы для общей истории сибирских событий находим в приложении к составленной А. Н. Туруновым и В. В. Максаковым «Хронике гражданской войны в Сибири» (Центрархив, М. 1929). Первым шагом сибирской контрреволюции было образование «Правительства автономной Сибири», подготовившего колчаковскую диктатуру. Переписка этого правительства («КА», 1928, т. 29; 1929, тт. 35—36) по вопросам внешнеполитическим вскрывает связь контрреволюции с интервенцией союзных держав, а внутриполитические документы — со всей остальной контрреволюцией («КА», 1933, т. 61 — переговоры с Уфимским совещанием). Для диктатуры Колчака в показаниях самого Колчака («Допрос Колчака», Центрархив, М. 1925) мы имеем единственный этого рода исторический источник. Сопровождавшие в Омске колчаковский переворот расстрелы послужили предметом колчаковского расследования, документы которого см. в «КА» (1924—1925, тт. 7—8).

В отношениях Колчака к Финляндии очень характерно столкнулись интересы контрреволюции, рассчитывавшей на помощь со стороны Финляндии (в первую очередь помощь Юденичу), и националистической контрреволюционной идеологии, не желающей признать независимости Финляндии. Обширная для этой темы дипломатическая переписка Колчака имеется в «КА» (1929, т. 33). Конец колчаковского режима, разложение белой армии, сдача Омска, отношение в это время союзников к Колчаку и заключительные эпизоды колчаковщины даны в центрархивском сборнике «Последние дни колчаковщины» (М. 1926). Распад в среде самой колчаковской правящей среды можно проследить по дневнику одного из колчаковских министров — Пепеляева («КА», 1928, т. 31). Борьба трудящихся против колчаковщины нашла себе яркое выражение в партизанском движении, которое в годы гражданской войны в Сибири получило большее развитие, чем в другом каком-либо месте страны. Документами и колчаковскими, и (что особенно, конечно, ценно) партизанского «Шиткинского военно-революционного штаба» освещается в «Партизанском движении в Сибири» (сост. А. Н. Турунов, Центрархив, М. 1925) целый ряд крестьянских восстаний в Минусинском крае, в Красноярском и Канском уездах, в

Ачинском уезде и в Енисейске, в Приангарье и в Нижнеудинском крае и борьба с ними колчаковцев. Особый интерес в сборнике представляют редкие протоколы первого крестьянского съезда повстанцев, а также раздел в конце о попытках объединения партизанского движения. Сборник «Партизанское движение в Западной Сибири. Партизанская армия Мамонтова и Громова. 1918—1919» (Истпартотдел Запсибрайкома ВКП(б) и Западносибирский краев. комитет по истории гражд. войны, Новосибирск, 1936) замечателен составом своих документов: это документы самих партизанских отрядов, вплоть до главного штаба партизанской армии. По содержанию, помимо фактов непосредственной борьбы, здесь интересны данные о советском строительстве в районах восстания. Отдельный подбор документов был издан для истории «Партизанщины в Тобольской губ.» («Пролет. revol.», 1923, № 8). О партизанском движении в Бурятии находим особый раздел в сборнике «Бурят-Монголия в борьбе за Советы» (Истпарт Бурят-Монгольского обкома РКП (б), Иркутск, 1933), а на Дальнем Востоке — в «Дальистпарте» (I—II). Военный разгром Колчака разъяснен документами действовавшей против него 27-й стрелковой дивизии («КА», 1931, т. 49). Для истории одного из мелких атаманов Сибири — Семенова мы имеем показания его сподвижника ген. Шильникова («КА», 1934, т. 67).

Выше уже отмечались документы о борьбе Петрограда с немецкими интервентами. «Документы о героической обороне Петрограда в 1919 г.» (Н. Корнатовский, Ленингр. инст. истории партии, 1941) в первом разделе содержат материалы к характеристике роли товарища Сталина в деле обороны Петрограда, а во втором — о разгроме Юденича. Дополнением к этому сборнику служит небольшой подбор документов «КА» (1939, т. 94).

Для истории врангелевщины «КА» напечатал материалы, относящиеся к самому ее началу (журнал первого заседания Совета — «КА», 1927, т. 21), экономическим переговорам с Францией (1929, т. 32) и аграрной политике (1928, т. 26), дипломатической переписке в поисках укрепления связей на парижской арене (1930, тт. 39—40). Меньшевистское правительство Грузии представлено своими переговорами с англичанами, в которых достаточно ярко отражена его подчиненность англичанам и отношения с остальной контрреволюцией («КА», 1927, т. 21). Наконец, последняя вспышка контрреволюции и отпор, который ей был дан революционным Петроградом, нашли в сборнике «Кронштадтский мятеж» (под ред. Н. Корнатовского, Ленингр. инст. истории партии, Л. 1931) отражение в документах, показывающих Петроград до и во время мятежа, события самого мятежа и его ликвидацию.

X

Совершенно особое внимание было уделено партией и правительством задаче такой политической и научной важности для трудящихся всего мира, как издание трудов В. И. Ленина. В 1923 г., как уже упоминалось выше, был учрежден специальный Институт Ленина, сперва при МК ВКП(б), а потом при ЦК ВКП(б). На Институт было возложено дело собирания и хранения ленинских рукописей и издания ленинских работ. По «Отчетам» Института партийным съездам — XIV (М. 1925), XV (М. 1927), XVI (М. 1930) и XVII (М. 1934) можно без труда установить, какая громадная работа была выполнена Институтом для розыска ленинских рукописей, какое значительное количество рукописей было найдено и передано в архив Института, а также как шла ответственная и важнейшая работа по изданию трудов Ленина.

Первое издание «Собрания сочинений» В. И. Ленина начато было по постановлению IX партийного съезда в 1920 г., заняло 20 томов (в 26 книгах) и было закончено в 1926 г. Если только вспомнить, что в условиях нелегальной или легальной подцензурной печати весьма и весьма многие произведения Ленина появлялись то анонимно, то под псевдонимами, то станет ясно, какой громадный предварительный труд должен был бы лечь в основу одного лишь установленного списка ленинских работ. Если далее вспомнить, что те же условия подцензурной печати не давали возможности точного воспроизведения ленинского текста и что даже в нелегальной печати партийные сотоварищи Ленина (как Плеханов и др. в 1902 г. например) урезывали иногда первоначальный текст его произведений, то опять-таки станет ясно, что и цензурный и бесцензурный тексты напечатанных ленинских произведений нуждаются в их сопоставлении с сохранившимися рукописями для установления подлинного ленинского текста. Однако в руках издателей «Собрания сочинений» не было ни действительного списка ленинских работ, ни ленинских рукописей. Неизбежно было то, что издание это оказалось с весьма большими недочетами и с точки зрения своего состава, и с точки зрения качества своего текста. Достаточно для примера указать, что при перепечатке ленинских текстов из «Вперед» и «Пролетария» Ленину было ошибочно приписано авторство некоторых статей, на самом деле принадлежавших перу А. В. Луначарского и В. В. Воровского; в то же время в «Собрание сочинений» не вошли некоторые действительно ленинские статьи, так как их приписывали другим лицам. Для примера того, как ленинские тексты попадали в это издание иногда в искаженном виде, можно указать на статью о Марксе, которая была перепечатана из Энциклопедического словаря Граната, где она появилась с неизбежными в то время цензурными пропусками и изменениями. Все эти недостатки вскоре стали столь очевидны, что издание это вполне заслуженно совсем исчезло из обращения после выхода следующего издания.

Второй съезд Советов СССР, дни заседаний которого совпали со смертью В. И. Ленина, вынес постановление о новом издании трудов Ленина, которое было возложено уже на Институт Ленина. В 1925 г. вышел первый том «Сочинений» Ленина, которые стали выходить одновременно в двух изданиях — во втором и в третьем, совершенно тождественных по тексту, вплоть до того, что они имеют до буквы совпадающую пагинацию; они отличались единственно своею материальной внешностью, форматом, качеством бумаги, переплета, иллюстрациями и т. д. Это тридцатитомное собрание трудов Ленина явилось значительным шагом вперед. Кропотливая работа, проделанная для установления авторства ленинских статей, обогатила издание целым рядом вновь открытых произведений Ленина. Тщательная работа по установлению текста ленинских работ явилась также несомненным достижением нового издания. Но и это издание имело существеннейшие недостатки, на которые в 1938 г. было обращено внимание в постановлении ЦК ВКП(б), где указывалось, что в нем были допущены грубейшие политические ошибки вредительского характера в приложениях, примечаниях и комментариях к некоторым томам сочинений Ленина.

В 1941 г. зимою начало выходить новое, четвертое издание «Сочинений» Ленина. Оно поставило себе задачей «устранить недостатки предыдущих изданий и дать наиболее полное собрание ленинского литературного наследства». Фашистское нападение на Советский Союз остановило это издание на втором томе.

Когда Институт Ленина приступил к изучению поступившего к нему

личного архива Ленина, а также архивов изданий и учреждений, которыми Ленин руководил (как, например, СНК), то в их составе на ряду с такими законченными работами, которые подлежали помещению в «Сочинениях», оказалась и масса подготовительных работ, в виде выписок и заметок, планов и конспектов, первоначальных редакций и других предварительных стадий ленинской литературной работы; оказалось много и не-ленинских рукописей и документов, которые были правлены Лениным, как, например, проекты постановлений, резолюций, декретов. Весь этот материал, а равно и некоторая часть переписки, не включенная в «Сочинения», представляла собою материал чрезвычайной важности, как мы это видели уже не раз выше, когда нам приходилось указывать на значение, например, «Философских тетрадей» Ленина, ленинских документов в области строительства Советского государства и др. Институт Ленина предпринял поэтому вскоре после своего основания, уже в 1924 г., издание особых «Ленинских сборников», в состав которых входили бы все эти материалы. До сих пор вышло тридцать три тома «Ленинских сборников» (существует изданный ИМЭЛ «Указатель к Ленинским сборникам I—XX», М. 1933), являющихся необходимым дополнением к «Сочинениям».

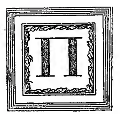
Огромное значение для развития исторической науки имело издание работ товарища Сталина. ИМЭЛ приступил и к переизданию некоторых работ И. В. Сталина. В 1932 г. ИМЭЛ издал подготовленный к печати И. П. Товстухой сборник статей И. В. Сталина «Об Октябрьской революции». Затем в 1935 г. Л. Берия в своей известной работе «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» (изд. 6-е, М. 1941) перепечатал целый ряд сталинских документов. В указанных выше сборниках Центрархива и Тбилисского филиала ИМЭЛ, в «Большевике» и в «Пролетарской революции» появились еще другие, новые издания статей и листовок, принадлежащих перу И. В. Сталина. Вышли также: 11-м изданием классический труд И. В. Сталина «Вопросы ленинизма», его работа «О диалектическом и историческом материализме», являющаяся последним словом марксистско-ленинского учения о развитии общества, и миллионными тиражами его исторические выступления о великой отечественной войне.

Чл.-корр. АН СССР И. И. МИНЦ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

убликацией статей Ленина и Сталина, написанных в 1917 г., было положено начало изучению Великой пролетарской революции. Работы организаторов Октябрьской победы показали, в каком направлении должно итти собирание и исследование богатейшего конкретного материала по истории Великой революции и гражданской войны. Самое собирание конкретного материала началось по инициативе А. М. Горького.

«В Союзе Советов, — писал великий пролетарский писатель, — начата и с каждым годом все более мощно и успешно растет работа по строительству социализма. В железном шуме этой великой работы, в непрерывном героическом напряжении трудовой энергии время течет быстро, и мы легко забываем о том, чем жили вчера. Забываются бойцы гражданской войны и битвы, которые привели рабочий класс Союза Социалистических Советов к победе над бесчеловечной, безответственной властью царя, помещиков, фабрикантов.

Наша рабоче-крестьянская молодежь должна хорошо знать труды и подвиги своих отцов, должна детально изучать роль рабочего класса и его коммунистической партии в организации великой победы передового отряда пролетариев всех стран».

В 1931 г. Центральный Комитет ВКП(б) одобрил инициативу Горького и создал Главную редакцию «Истории гражданской войны», поручив ей издание 10—15 томов.

Для подготовки издания был организован Секретариат Главной редакции.

Выполнение решения Центрального Комитета ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны» потребовало изучения огромного материала, хранящегося во многих архивах Советского Союза, и всего литературного наследства этой великой эпохи — книг, газет, листовок и т. п.

Надо было опросить тысячи активных участников гражданской войны. Те, кто делал историю, должны были принять участие в ее написании.

Секретариат Главной редакции столкнулся прежде всего с необходимостью подготовить соответствующие кадры научных работников. С этой целью в ряде вузов были созданы семинары по истории революции и гражданской войны. Из этих семинаров вышли первые группы научных работников. К делу собирания материалов были привлечены

сотрудники архивов, музеев, кафедр учебных заведений. Были опрошены участники гражданской войны. За три-четыре года в Секретариате Главной редакции скопилось огромное количество материалов — документы, воспоминания, библиография литературы. Одних мемуаров накопилось свыше 5000. Среди них были воспоминания, написанные коллективами в составе нескольких десятков участников революции и войны.

По мере появления первых научных кадров, специалистов по истории революции, и предварительного накопления материалов можно было приступить к самому изданию. Решено было издавать три серии: а) основные томы, излагающие последовательно историю революции и гражданской войны; б) сборники документов; в) сборники мемуаров и отдельных монографий, посвященных тому или иному вопросу из эпохи 1917—1922 гг.

В 1936 г. вышел первый том «Истории гражданской войны», в редактировании которого принимали участие члены Главной редакции, и прежде всего Сталин и Горький. Первый том посвящен подготовке Великой пролетарской революции (1914—1917 гг.).

К двадцатипятилетию советской власти вышел второй том — «Великая пролетарская революция» (сентябрь—ноябрь 1917 г.). Подготовлен третий том, посвященный 1918 г. Готовы также части других томов.

Вышедшие томы впервые в исторической советской науке полно и на огромном материале показывают, как происходила борьба народов России за утверждение нового, социалистического строя. Исчерпывающе прослежена руководящая роль большевистской партии в этой грандиозной борьбе. В битвах за победу пролетарской революции и в гражданской войне принимали участие все народы, населяющие советскую страну, все трудовое население. Большевики готовили революцию во всех национальных областях и республиках — на Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, на Кавказе, в Средней Азии. Это обеспечило быстрый и почти бескровный успех революции.

Судьба народов, населявших Россию, была коренным образом связана с победой пролетарской революции. Только победа пролетарской революции создала возможность подлинного самоопределения наций, настоящего равноправия всех ранее угнетенных народов. Отсюда и понятна заинтересованность народных масс в дальнейшей борьбе с интервентами и белогвардейщиной.

Томы, посвященные истории гражданской войны, и материалы, подготовленные к печати, выявляют подлинную роль интервентов, и прежде всего германских захватчиков, первыми начавших поход против Страны советов.

В свете той грандиозной борьбы, которую ведут сейчас народы Советского Союза, особенно важны главы второго тома «Истории гражданской войны», которые иллюстрируют мысль Ленина, высказанную великим вождем накануне Октябрьской революции:

«...чтобы сделать Россию обороноспособной, чтобы добиться и в ней «чудес» массового героизма, надо с «якобинской» беспощадностью смести все старое и обновить, переродить Россию хозяйственно».

Томы «Истории гражданской войны» показывают, что Великая пролетарская революция создала действительные и прочные основы обороны страны. Революция положила начало ликвидации вековой отсталости России, открыла невиданные возможности для роста социалистической промышленности и переустройства селького хозяй-

ства. Победивший народ взял в свои руки судьбы родины и оборону отечества.

Как для вышедших и подготовленных к печати томов, так и для издания всех материалов потребовалась колоссальная работа в советских, центральных и местных архивах. Можно с уверенностью сказать, что коллектив научных сотрудников Секретариата «Истории гражданской войны» широко использовал и в центральных и в местных архивах документы эпохи и всячески содействовал поднятию интереса к изучению эпохи, появлению и на местах литературы, посвященной Октябрьской социалистической революции и гражданской войне.

Помимо основных томов «Истории гражданской войны» Секретариат Главной редакции издал ряд ценных документальных сборников. В 1936 г. вышел сборник документов «Крах германской оккупации на Украине» (подгот. к печати Е. Городецкий). В сборнике даны документы самих оккупантов об их хозяйничанье на Украине. Эти документы ярко отражают империалистические планы германской военщины, стремившейся уже в 1918 г. превратить Украину в германское генерал-губернаторство. «Новый порядок», который немцы вводят во всех оккупированных районах, — режим расстрелов, карательных экспедиций, уничтожение населения, грабеж, превращение захваченных ими территорий в колонии, — был установлен оккупантами на Украине в 1918 г. Из документов этого же сборника можно было установить настоящее лицо буржуазных националистов Украины, марионеток германского правительства. Эта книга, вышедшая свыше шести лет назад и перепечатанная на многих европейских языках, сыграла огромную роль в разоблачении настоящей сущности германской военщины и ее наследников — современных германских фашистов.

Прямым продолжением этой публикации является сборник, изданный Секретариатом в 1942 г., — «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г.». Публикуемые в сборнике новые материалы показывают грабительскую колониальную политику германских оккупантов на Украине и подлинную роль их лакеев — буржуазных и мелкобуржуазных украинских партий. Из документов видно, как украинский народ поднялся на борьбу с иноземными захватчиками и под руководством партии Ленина—Сталина, при братской помощи Советской России, вышвырнул оккупантов из Украины. Документы, публикуемые в сборнике, рассказывают об отечественной войне украинского народа, об огромном размахе партизанского движения на Украине против немецких оккупантов в 1918 г., о легендарных героях этой борьбы — Щорсе, Боженко, Киквидзе и др.

Большую ценность представляет сборник документов, подготовленный коллективом научных сотрудников и вышедший под редакцией тт. Минца и Городецкого, — «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. I. Книга охватывает период от Великой Октябрьской социалистической революции до VI Съезда советов (1917—1918 гг.). Первый том документов рассказывает о триумфальном шествии советской власти, о создании Красной Армии и борьбе с немецкими оккупантами, о первом этапе социалистического строительства, о роли интервентов в организации сил белогвардейщины, о начале гражданской войны, о героической обороне Царицына, о борьбе с контрреволюцией и интервенцией в Закавказье и Средней Азии, на Волге, Урале, в Сибири, об отечественной войне украинского и белорусского народов с интервентами, о втором триумфальном шествии советской власти. Ни один историк эпохи гражданской войны не сможет пройти мимо этой книги.

Ценной публикацией являются «Документы Великой пролетарской революции». Составители Е. Городецкий и И. Разгон подготовили к печати и впервые опубликовали основную часть протоколов Военно-революционного комитета Петроградского совета в 1917 г., отражающих героическую борьбу рабочих и солдат под руководством партии Ленина—Сталина за победу Октябрьской социалистической революции.

Продолжением этой работы является подготовленный Г. Костомаровым к печати второй том «Документов Великой пролетарской революции» — из материалов Московского военно-революционного комитета в 1917 г. Ведется также подготовка к печати третьего тома «Документов Великой пролетарской революции» — о деятельности военно-революционных комитетов на местах.

Большое значение имеет сборник документов о героях обороны Ленинграда в 1919 г., подготовленный совместно с Ленинградским филиалом ИМЭЛ (подгот. к печати Н. Трусова, Н. Корнатовский и А. Залесская). Эта книга вышла осенью 1941 г., когда полчища германских оккупантов рвались к героическому городу Ленина. Ленинграду, как и 22 года назад, вновь приходится переживать тяжелые дни осады. Вновь, как в 1919 г., защитники Ленинграда с оружием в руках отстаивают свой город. В замечательной борьбе города Ленина против немецких оккупантов в 1941—1942 гг. не малую роль играют боевые революционные традиции трудящихся Петрограда, сумевших отстоять свой город в 1919 г. от интервентов и белогвардейцев.

В дни героической защиты Сталинграда от гитлеровцев вышел и другой сборник, подготовленный Секретариатом «Истории гражданской войны» и ИМЭЛ, — «Документы о героической обороне Царицына в 1918 г.» (подгот. к печати проф. Э. Генкина и ст. научн. сотр. Н. Трусова). Этот сборник рассказывает о суровых днях 1918 г., когда в течение полугода защитники Царицына под непосредственным руководством товарища Сталина отражали натиск белогвардейцев, брошенных на Царицын приказом германских оккупантов. Немцы снабжали своего ставленника, генерала Краснова, всем необходимым для борьбы против советского Царицына. Пользуясь отвлечением основных сил Красной Армии юго-востока к Царицыну, немецкие империалисты пытались сами проникнуть на Северный Кавказ.

Многочисленные сталинские документы, приказы, указания, сталинский опыт военного руководства в героической обороне Царицына в 1918 г. приобретают сейчас особое значение.

Боевым традициям гражданской войны посвящен сборник «Листовки гражданской войны», составленный ст. научн. сотр. Р. Голубевой и работником Архивного управления т. Ивановым.

Подготовлен к печати сборник «Организация Красной Армии».

Несколько книг вышло и в серии мемуарной. Первой книжкой, открывшей серию воспоминаний активных участников гражданской войны, был сборник «На Врангеля!». Он составлен из рассказов и писем красноармейцев 268-го полка 30-й дивизии о борьбе с Врангелем на южном фронте, написанных через две недели после знаменитой битвы у Перекопа. Выдержки из писем даны в хронологическом порядке и составляют последовательный рассказ о драматических событиях великого сражения.

Огромный интерес советского народа к своим героям вызвал появление такой книги, как «Сергей Лазо», где даны воспоминания и документы о легендарном герое, руководителе дальневосточных партизан, погибшем от рук японских интервентов в 1918 г. Книга составлена научными сотрудниками Г. Рейхбергом, А Романовой и Р. Кроль.

В книге опубликованы письма, приказы, выдержки из записных книжек и дневников Лазо, воспоминания его соратников. На ряду с изданными автором этой заметки документами о японской интервенции на Дальнем Востоке, книга впервые подробно рассказывает о героической борьбе партизан Дальнего Востока и Красной Армии против японских интервентов.

Белоруссии в борьбе против захватчиков в 1919—1920 гг. посвящена работа, подготовленная к печати научными сотрудниками О. Шекун, Р. Кроль и Н. Трусовой и вышедшая в 1940 г. Эта книга также составлена из воспоминаний рабочих, колхозников и красных партизан, работников большевистского подполья Белоруссии. В книге имеются и архивные документы.

В 1941 г. вышел сборник «Перекоп», подготовленный к печати научными сотрудниками О. Шекун и Р. Голубевой. В книге собраны воспоминания командиров, комиссаров и бойцов Красной Армии, участников борьбы против Врангеля. Ряд очерков составлен на основе архивных материалов. Книга очень ярко рисует героизм десятков тысяч красноармейцев, командиров и комиссаров, порожденный любовью к социалистической родине. Особо следует отметить воспоминания о борьбе красных партизан Крыма — среди них ныне дважды герой Советского Союза И. Д. Папанин. Крымские партизаны, ведущие сейчас героическую борьбу против немецких захватчиков, продолжают славные традиции партизан Крыма периода борьбы с Врангелем.

Сборник «В дни Великой пролетарской революции» составлен из воспоминаний участников Великой пролетарской революции в Петрограде в 1917 г. В сборнике освещены отдельные эпизоды борьбы за социалистическую революцию, приезд Ленина и его выступление на заводах, VI Съезд партии, Ленин и Сталин в руководстве революцией. Эти живые рассказы как бы иллюстрируют сборник «Документов Великой пролетарской революции».

К 20-летию комсомола был издан сборник «Героическая юность», рассказывающий о героизме советской молодежи на фронтах гражданской войны и в белогвардейском подполье.

Советская молодежь, идущая сейчас в первых рядах борцов с немецкими оккупантами и давшая стране таких замечательных борцов, как Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина и другие десятки тысяч комсомольцев, сражающихся в партизанских отрядах, продолжают революционные традиции и проявляют ту подлинную любовь к советской родине, которую проявили в свое время девять одесских комсомольцев, замученных белогвардейской охранкой, или погибшие смертью храбрых на полях сражений молодые командиры Николай Руднев и Асланбек Шерипов. Не случайно Зоя Космодемьянская избрала себе партизанское имя — Таня. Это имя одной из героических женщин, погибших в застенке белогвардейцев на Кубани, молодой учительницы Татьяны Соломахи. Зоя Космодемьянская узнала о Татьяне Соломахе и ее замечательной жизни и борьбе из книги, которая была издана Секретариатом, — «Женщины в гражданской войне». В этой книге собраны воспоминания активных участниц гражданской войны и дан ряд очерков о погибших женщинах советской страны, боровшихся с оружием в руках против интервентов и белогвардейцев в 1918—1922 гг. Книга заслуженно пользуется любовью читателей Советской страны, в особенности молодежи. Она вышла в нескольких изданиях.

Секретариат также издал книгу, посвященную роли отдельных руководителей партии в годы гражданской войны. Так, двумя изданиями вышла книга З. Орджоникидзе «Путь большевика» с воспоминаниями

о Серго Орджоникидзе. Ему же посвящены историческая повесть писателей Саблина и Фазина «Чрезвычайный комиссар» — о деятельности Серго Орджоникидзе в 1918—1919 гг. на Северном Кавказе. Книга эта вышла двумя изданиями. Ее переиздал, так же как и «Путь большевика», ряд местных издательств. Обе книги переведены и изданы на многих языках национальностей Советской страны.

Секретариат Главной редакции приступил к изданию и монографических работ, посвященных истории Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Книга проф. Э. Генкиной «Борьба за Царицын в 1918 г.» посвящена героической обороне Царицына под руководством товарища Сталина. На огромном материале книга показывает обстановку в стране в начале лета 1918 г., приезд Сталина в Царицын, роль Сталина в борьбе за хлеб, в создании вооруженных сил царицынского фронта и разгроме первого и второго окружений.

Книга проф. И. Разгона «Орджоникидзе и Киров в борьбе за власть советов на Северном Кавказе» рассказывает об огромной роли, которую играли на Северном Кавказе крупнейшие деятели большевистской партии Орджоникидзе и Киров в годы Октябрьской революции и гражданской войны. В результате исследования не только центральных, но и местных архивов Северного Кавказа автор показал борьбу за установление власти Советов на Северном Кавказе в очень сложных условиях многонационального района, гражданской войны на Северном Кавказе в 1918—1920 гг. Несколько глав посвящено партизанскому движению против интервентов и белогвардейцев в 1919—1920 гг.

Ряд книг научными сотрудниками Секретариата были изданы в Соцэкгизе, Госполитиздате, Молодой гвардии, Воениздате и др. Вышла монография канд. истор. наук Г. Рейхберга «Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке». Канд. истор. наук Э. Бурджалов опубликовал книгу о 26 бакинских комиссарах, являющуюся по сути первым научным исследованием о замечательных борцах Бакинской коммуны. Научн. сотр. Мельчин написал биографию Г. К. Орджоникидзе, И. Разгон — биографию С. М. Кирова. И. И. Минц написал брошюру, впервые изданную в 1936 г., а затем много раз переизданную, о Великой социалистической революции в СССР.

Великая отечественная война не прекратила научно-издательской деятельности по изучению Великой пролетарской революции и гражданской войны. Напротив, отечественная война предъявила большой спрос на книги о героической борьбе народов Советского Союза против германских оккупантов и всяких других интервентов, пытавшихся вернуть страну к временам царизма, когда она являлась полуколонией иностранного империализма. Разумеется, гражданская война в том виде, который знаком Красной Армии, не похожа на современную войну. Теперь совсем иная техника, иные скорости. Изменились и сами люди. Было бы неверным возводить гражданскую войну в культ, преклоняться перед всеми приемами гражданской войны. Но гражданская война была великой освободительной войной, отечественной войной советского народа. В ней зародились и выросли Красная Армия и Военно-Морской Флот. В гражданской войне созданы могучие традиции верности и преданности родине, традиции героизма и мужества, которые Советская страна изучала, прививала и прививает Красной Армии.

Кроме указанных выше сборников об обороне Петрограда, Царицына и разгроме немцев в 1918 г., научные сотрудники Секретариата Главной редакции написали и издали ряд работ.

Несколько брошюр написано И. И. Минцем о Красной Армии в

борьбе с германскими захватчиками в 1918 г., о партизанской борьбе в великой отечественной войне 1941—1942 гг. Е. Городецкий написал брошюру «Отечественная война против германских оккупантов в 1918 г.», О. Шекун — «Отечественная война против немецких захватчиков в 1918 г. в Белоруссии», И. Разгон — книги, посвященные борьбе за власть Советов в Чечено-Ингушетии и в Северной Осетии, книгу об искусстве политической агитации в речах и статьях народных трибунов партии Ленина—Сталина; Гофман — «Партизанское движение в тылу у Колчака». В начале войны был также издан небольшой сборник документов «Отечественная война против германских оккупантов в 1918 г.», подготовленный Ф. Еловцан и Е. Городецким.

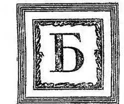
Сейчас готовится к печати ряд новых сборников, документов и монографий, посвященных отдельным вопросам Октябрьской социалистической революции и гражданской войны.

Чл.-корр. АН СССР В. И. ПИЧЕТА

ИСТОРИЯ УКРАИНЫ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

уржуазная историография по истории Украины оставила после себя довольно значительное наследство. Украинские и русские исследователи опубликовали громадное количество документов, которые характеризуют жизнь украинского народа в те периоды, когда он находился под властью Литвы и Польши. Другие документы ярко характеризуют взаимоотношения Украины и Москвы во второй половине XVII в. Сравнительно мало было опубликовано материалов по истории Украины XVIII в. и почти не опубликовывались документы, относящиеся к истории XIX в.

Университетские центры — Киев, Харьков и Одесса были теми тремя научными центрами, в которых сосредоточивалось изучение истории Украины. Киевские ученые занимались главным образом изучением истории Левобережной и Правобережной Украины. Харьковские исследователи уделяли главное внимание изучению истории Слободской Украины, а одесские — Степной Украины (Новороссии).

Исследователи интересовались политическими и религиозными отношениями, бытом и культурой украинского народа. Меньше всего буржуазная историография занималась изучением народных движений XVIII—XIX вв.: такое крупное национально-освободительное движение украинского народа, как «колиивщина», было встречено крайне враждебно буржуазной историографией.

Уже во второй половине XVIII в., после того как Украина была лишена своей автономии и политически объединена с Российской империей, неизвестным автором была предпринята попытка написать синтетическую историю Украины, известную под именем «Истории руссов». Автор выступает как сторонник политической самостоятельности Украины, относясь отрицательно к акту присоединения Украины к Москве 8 января 1654 г.

Попытки дворянских историков Бантыш-Каменского и Маркевича дать историю Украины были неудачны. В 1911 г. М. С. Грушевский предпринял новую попытку составить полную политическую историю Украины с древнейших времен до начала XX в. Она охватывала историю всего украинского народа, находившегося под властью как царской России, так и Австро-Венгерской монархии.

Характерной особенностью труда Грушевского является отрицание им исторической преемственной связи Киевского государства и Северо-восточной Руси. По мнению Грушевского, Киевская Русь — это начальный период истории только украинского народа. Она не имеет никако-

го отношения к истории русского народа, — последняя развивалась параллельно истории украинского народа. Тогда же Грушевским было предпринято монументальное издание «Истории Украины-Руси», которую он ко времени Октябрьской революции успел довести до начала национально-освободительной борьбы украинского народа против шляхетской Польши.

Попытку дать синтетическую историю украинского народа предприняла также А. Я. Ефименко. Но и она ограничилась лишь внешнеполитическими факторами, сравнительно мало обращая внимание на развитие производительных сил и классовой борьбы на Украине.

После Февральской буржуазно-демократической революции Украинская рада основала Всеукраинскую Академию Наук, которая, по мысли ее основателей, должна была стать основным научным центром по изучению истории Украины.

Украинская Академия Наук продолжала действовать и после Великой Октябрьской революции. Учрежденная националистической, контрреволюционной Радой, Украинская Академия Наук имела в своем составе академиков национал-демократического направления, враждебного социалистической революции.

После победы Октябрьской революции на Украине известная часть академиков, во главе с Грушевским, бежала вместе с Петлюрой. Большинство осталось в Киеве и продолжало работать, но выходившие из недр Академии работы были проникнуты национал-демократическим духом. Украинская Академия тщательно уклонялась от запросов и требований социалистического строительства. Это националистическое направление особенно усилилось с того момента, когда Грушевский получил разрешение вернуться в Советский Союз и дал обещание «честно» работать. Национал-демократическое направление Украинской Академии Наук вызвало необходимость ее реорганизации, а также организации по-новому и всей научно-исследовательской работы в области истории Украины.

Украинское советское правительство реорганизовало Академию, получившую теперь наименование Академии Наук УССР. При Академии Наук был создан Институт истории Украины, ставший центром объединения советских историков Украины. История Украины разрабатывалась также и в тех областных центрах, где существовали высшие учебные заведения — университеты и педагогические институты с историческими факультетами.

Своей основной задачей Институт истории Украины ставил создание подлинной научно-объективной истории украинского народа, с тем, чтобы сделать ее доступной для широких народных масс. Стремясь удовлетворить эти законные пожелания украинского народа, акад. Д. И. Багалей задумал написать в нескольких выпусках «Историю Украины», которая могла бы заменить монументальный, тяжелый труд Грушевского. Впрочем, Багалею удалось опубликовать только первый том своей «Истории» до XIII в. включительно, но его опыт надо признать неудачным в методологическом отношении. Вместо истории Украины, на основе марксистско-ленинской методологии, Багалей опубликовал труд, в котором исторические события рассматривались сквозь призму механистического материализма. В этом отношении он шел вслед за Н. А. Рожковым и М. Н. Покровским. Труд Багалея был встречен историками-марксистами отрицательно, вследствие чего он воздержался от опубликования дальнейших выпусков своей Истории Украины.[1]

[1] Багалій Д. І. Нариси з історії України, т. І. К. 1928.

Вновь учрежденный Институт истории Украины при Академии Наук УССР прежде всего приступил к составлению и публикации «Очерков истории Украины». Составители очерков внимательно просмотрели изданные источники, использовали частично и архивные материалы, а также и соответствующую литературу вопроса и опубликовали несколько выпусков «Очерков по истории Украины», написанных на основе марксистско-ленинской методологии, ясным и доступным языком.

Составители «Очерков» остановили свое внимание на основных моментах истории украинского народа, отбрасывая, и притом совершенно правильно, все второстепенное и не погружаясь в отдельные исторические подробности. Так, кандидат исторических наук К. Г. Гуслистый уже опубликовал три выпуска «Очерков по истории Украины». Первый выпуск посвящен «Киевскому государству и периоду феодальной раздробленности», второй выпуск касается «Истории Украины под властью Литвы и Польши», а третий — «Истории борьбы украинского народа против шляхетской Польши в первой половине XVII века» и в значительной степени составляет оригинальное исследование.[1] Доктор исторических наук проф. М. Н. Петровский посвятил свой «Очерк освободительной войне украинского народа против гнета шляхетской Польши и присоединению Украины к России.[2] Наконец, Ф. Я. Ястребов опубликовал «Очерки истории Украины первой половины XIX века».[3] Следует отметить, что до этой работы не было ни одного исследования, которое давало бы общее представление об истории Украины в первой половине XIX в. Составители очерков дают подробный анализ развития производительных сил, классовых отношений и классовой борьбы, политического устройства и управления Украины, внешнеполитических ее отношений. Очень ценно, что во всех очерках не забыты культура и просвещение украинского народа за тот или другой период.

В противоположность Грушевскому, Гуслистый полагает, что Киевская Русь — это общеначальный период для истории белорусского, украинского и русского народов. Это объективно-научно совершенно верная точка зрения, бьющая по националистической концепции Грушевского и его школы. Впервые она была аргументирована акад. Б. Д. Грековым в его известном исследовании «Киевская Русь». Она же недавно была предметом специального исследования Петровского.[4] Ценным является труд Петровского об освободительной войне украинского народа против шляхетской Польши и присоединении Украины к России в 1654 г. Исследование Петровского также бьет по националистической концепции Грушевского. Акт 8 января 1654 г. Петровский рассматривает как «меньшее зло». Исследователь положительно оценивает политику Богдана Хмельницкого в отношении к Москве, так как она отражала настроения широких народных масс. Одновременно Институт истории Украины опубликовал краткий курс «Истории Украины» от первобытно-общинного строя на территории Украины и кончая Сталинскими пятилетками и воссоединением Западной Украины с УССР. Краткий научно-популярный курс истории Украины предназначен для учащихся в средних школах и для широких кругов читателей. Думает-

[1] Нариси з історії України, вип. I—III. К. 1939—1941.

[2] Петровский М. Н. Визвольна війна українського народа проти шляхетської Польщі і приєднання України до Росії (1648—1654). Нариси з історії України, вип. IV. К. 1939.

[3] Ястребов Ф. Я. Україна в перший половині XIX століття, Нариси з історії України, вип. VIII. К. 1939.

[4] Петровский М. Н. Київська Русь — спільний початковий період російського, українського і білоруського народів. Праці січневої сесії Академії Наук УРСР. Уфа 1942.

ся, что для учащихся средней школы он будет несколько тяжеловат по обилию фактов и имен. [1]

В настоящее время, когда Академия Наук УССР находится в Уфе, исследователи истории Украины объединены в отдел «Истории и археологии». Его сотрудники заняты составлением нового краткого очерка истории Украины, в котором будет обращено особенное внимание на борьбу украинского народа с чужеземными захватчиками. [2]

Институтом Истории Украины было задумано и другое интересное издание — представить историю Украины в документах и материалах. Уже был опубликован первый том этого издания, подготовленный к печати Петровским. Он посвящен «Киевской Руси» и феодальным княжествам XII—XIII столетий. [3] Почти накануне нападения Гитлера на СССР вышел новый том «Истории Украины в материалах и документах».

В связи с воссоединением Западной Украины с УССР Институт истории Украины опубликовал ценный сборник статей «Западная Украина», в котором коллектив сотрудников Института истории Украины, под общей редакцией директора института С. Н. Белоусова, знакомит читателя с основными моментами истории Западной Украины с древнейших времен и кончая величайшими историческими событиями — осени 1939 и весны 1940 г. [4]

В качестве пособия для изучающих историю Украины Институт истории Украины опубликовал два выпуска хронологии истории Украины. Первый выпуск составлен Петровским и охватывает докапиталистический период. Второй выпуск доведен до наших дней. Составители хронологии истории Украины правильно поступили, приведя в своем труде также основные даты, касающиеся истории СССР и всемирной истории. [5]

Академия Наук УССР, продолжая лучшие традиции буржуазной историографии, опубликовала несколько томов новых материалов. Следует отметить, что из опубликованных уже изданий трудно выяснить ту задачу, которую себе ставили украинские археографы, так как в их изданиях нет никакой ярко выраженной системы. Так, проф. Розов опубликовал «Украинские грамоты XIV и первой половины XV в.». Эта публикация имела в виду потребности украинской филологии. Но ими может и должен воспользоваться в своих работах и исследователь истории Украины.[6]

Археографическая комиссия опубликовала четыре тома «Украинского археографического сборника», в котором публикация документов соединяется с отдельными исследованиями тех или других архивных фондов. С этой точки зрения метод составителей надо признать неудачным, так как документы должны публиковаться полностью. [7] Археографическая комиссия приступила к изданию «Украинского архива». В первом томе его было напечатано «Генеральное следствие о маетностях Стародубского полка». Это первостепенной важности источник для изучения феодального землевладения на Украине в XVII и XVIII вв.[8] После реорганизации Академии Наук ею было выпущено

[1] Історія України. Короткий курс. К. 1940.
[2] Вісті Академії Наук УРСР, вип. I—II. Уфа 1942.
[3] Київська Русь і феодальні князівства XI—XII століть. К. 1939.
[4] Західна Україна. К. 1940.
[5] Хронологія Історії України, вип. I. Докапиталістичний період. К. 1938, вип. II (1861—1917). К. 1940.
[6] Проф. Розов Вал. Українські грамоти, т. I, 1928.
[7] Український археографічний збірник, т I—IV. К. 1926—1930.
[8] Український архів, т. I, К. 1929.

ценное издание — описание Новгород-Северского наместничества (1779—1781), которое было составлено после образования наместничеств на Украине.[1]

Историко-археографическая еврейская комиссия, со своей стороны, опубликовала ряд материалов, которые касаются истории евреев на Украине в XVIII и XIX вв.[2] Наконец, В. А. Кордт опубликовал интересное издание «Иностранные путешествия по восточной Европе до 1700 г.»,[3] в котором автор хронологически с X в. перечисляет записки путешественников, сообщая о них краткие биографические сведения и время выхода в свет их трудов.

Изучение территории Украины с точки зрения археологии в дореволюционный период было широко распространено на Украине. Украинские археологи, возглавляемые проф. В. Б. Антоновичем, много сделали для познания археологического прошлого Украины. Ими собран громадный вещественный материал, начиная со скифского периода и кончая славянскими городищами нашей эры. Антонович попытался даже, на основании собранных материалов, восстановить картину культуры и быта славян на территории Украины. И после Октябрьской революции археология привлекала к себе внимание украинских специалистов, особенно с тех пор, когда при Академии Наук УССР была организована Археологическая комиссия, возглавляемая чл.-корр. Академии Наук УССР Л. М. Славиным. Украинские советские археологи особенно интересовались изучением трипольской культуры. Археологические раскопки значительно расширили наше представление о районах распространения этой культуры на территорию Украины. Помимо этого, украинские археологи произвели археологические исследования местного характера. В отдельных украинских изданиях напечатано много статей, посвященных культуре и быту палеолита и неолита на территории Украины. В настоящее время Славин подготовляет к печати синтетический труд по археологии Украины, в котором будут подведены итоги всему тому археологическому материалу, который находится в настоящее время в распоряжении археологов.

В дореволюционное время украинские историки сравнительно мало интересовались вопросами источниковедения и историографии. В советский период акад. Багалей приступил к составлению «Очерка украинской историографии», но ему удалось издать только два выпуска, кончая характеристикой козацких летописей.[4] Тогда же Т. Сушицкий занялся изучением состава так называемых «Западнорусских летописей» как памятников литературы.[5] «Западнорусские летописи» являются важнейшим историческим источником для изучения истории Великого княжества Литовского XIV—XV вв. Сушицкий, путем тщательного анализа, показал сложный состав этого первостепенной важности источника. Багалей опубликовал интересные «Материалы» для биографии В. Б. Антоновича.[6] Им также опубликована автобиография, ценная для изучения и понимания его научной деятельности.[7] Кроме того, в изданиях Академии Наук УССР помещались некрологи умерших исследователей, в которых обычно давалась и подробная характеристика их научной деятельности. Наконец, Багалей в своей «Истории Украины»

[1] Опис Новгородсіверського намісництва (1779—1781). К. 1931.
[2] Збірник праць жидівської історично-археографичної комісії, кн. І. К. 1928.
[3] Кордт В. Чужоземні подорожні по Східній Европі до 1700 р. К. 1924.
[4] Багалій Д. Нарис української історіографії, вип. І, 1923; вип. ІІ, 1925.
[5] Т. Сушицький. Західньо-руські літописи як памятки літератури, ч. 1—2. К. 1921 и 1929.
[6] Багалій Д. Матеріяли для біографії В. Б. Антоновича. К. 1929.
[7] Багалій Д. Автобіографія. 1927.

предпринял первую попытку составить очерк развития украинской исторической науки вплоть до Великой Октябрьской революции. Как собрание материалов, этот историографический очерк представляет собою большую ценность для будущего исследователя развития украинской исторической науки. Багалей, характеризуя научную деятельность тех или других исследователей, отрывает их от той социальной среды, к которой они принадлежали, и той общественно-политической обстановки, которая их окружала.

Киевская историческая школа, возглавляемая Антоновичем, очень много занималась изучением истории Киевской Руси. Его ученики — Д. И. Багалей, М. С. Грушевский, В. Ляскоронский, В. Данилевич, П. В. Голубовский и др. опубликовали ряд исследований, посвященных истории отдельных земель, входивших в состав Киевского государства и политически обособившихся в период феодальной раздробленности.

Эта традиция изучения Киевской Руси продолжена и в советский период. Институт истории Украины опубликовал ценный труд С. В. Юшкова, который впоследствии был переиздан и на русском языке. Юшков касается сложного и интересного вопроса о феодализме в Киевской Руси. Не со всеми выводами и наблюдениями автора можно согласиться, но исследования Юшкова представляют большую ценность, и без него не может обойтись ни один из исследователей истории Киевской Руси.

К изучению феодальных отношений в Киевском государстве обращались также и другие украинские исследователи. Н. Л. Рубинштейн интересовался историей социальных отношений Киевской Руси XI—XII вв., а Н. А. Максимейко пересматривал вопрос о закупах[1] и о смердах.[2] Наконец В. Новицкий вновь поднял вопрос о съездах Русской земли X—XII вв. Совершенно правильно Новицкий в съездах X—XII вв. видит показатель политического усиления бояр и местных старшин,[3] т. е. феодализирующейся знати, хотя автор не упоминает о становлении феодальных отношений в русской земле, на изучение которых были обращены исследования Грекова и Юшкова.

Украинские исследователи не прошли мимо важнейшего памятника феодального права Киевского государства — «Русской Правды». Максимейко — виднейший и старейший исследователь «Русской Правды» — опубликовал две ценные работы об этом юридическом памятнике феодального права. К ним относится разбор и анализ московской редакции «Русской Правды», найденной в «Кормчих книгах» XVII в.,[4] о которой исследователи до сих пор почти не упоминали, а также исследование о системе «Русской Правды» в ее расширенной редакции.[5]

Киевские историки, изучая исторические судьбы отдельных феодальных княжеств, попутно касались и вопроса о колонизации их. Этот вопрос вновь был поднят и разработан А. Андрияшевым. Им опубликованы новые очерки истории колонизации Киевской (до начала XII в.) и Переяславской (до начала XVI в.) земель.[6]

В XIV в. правовое положение украинских княжеств резко изменилось. Левобережная и Правобережная Украина подпали под власть Литвы, а Галицкая Русь была завоевана Польшей.

[1] Наукові записки науково-дослідчої катедри історії української культуры, № 6. Хар. 1926.

[2] Праці Комісії для виучування історії західньо-руського та вкраїнського права, вип. III. К. 1927.

[3] Там же, стр. 1—59.

[4] Проблемы источниковедения, вып. III. М. 1940.

[5] Праці комісії, вип. II, стр. 50—63.

[6] Київ та його околіця. К. 1926 (Акад. Наук УРСР, Истор. секция).

После Люблинской унии 1569 г. Великое княжество Литовское объединилось с Польшей в одно федеративное государство, а вместе с тем все украинские земли подпали под власть Польши. XVI век в истории Украины — время становления феодально-крепостнических отношений и развития барщинного крепостного помещичьего хозяйства, и на ряду с этим это период политического и культурного возрождения украинского народа и начала длительной его борьбы за свое национально-культурное возрождение и социально-экономическое освобождение.

Литовско-польский период истории украинского народа представлен большим количеством статей исследовательского характера, напечатанных в изданиях Академии Наук, в журнале «Украина», а также и в других повременных изданиях. Наиболее значительным и крупным из них является исследование М. М. Ткаченко «Очерки по истории крестьян Левобережной Украины в XVII—XVIII вв.»[1] Впрочем, автор не довел еще своего исследования до конца. Хронологически история крестьян доведена им до присоединения Левобережья к Русскому государству.

Исследование Ткаченко основано на изучении громадного фактического материала. Оно дает яркую картину социально-экономического положения левобережного крестьянства накануне освободительной борьбы украинского народа против шляхетской Польши. Большую ценность представляет собою раздел о крестьянах Левобережья в период освободительной борьбы украинского народа.

С ростом феодально-крепостнических отношений и организацией крестьянского землепользования на индивидуальных началах, сельская община была уничтожена. Исчезло крестьянское самоуправление, замененное властью помещиков. Однако остатки прежнего крестьянского самоуправления сохранились в виде так называемых копных судов, которые в условиях господства феодально-крепостнических отношений были приспособлены к интересам феодального класса.

К вопросу о копных судах на Украине не раз возвращались исследователи, используя для этого публикуемые материалы. Н. А. Иванишев и А. Я. Ефименко с особенным вниманием изучали организацию копных судов. После их работ были опубликованы новые материалы, а также открыты новые документы в архивах. Они были использованы И. Черкасским в его большой 2-томной работе, посвященной копным судам на Украине в XVI—XVIII вв.[2] Феодальное помещичье хозяйство в Правобережной Украине в период польско-шляхетского господства ярко очерчено в исследовании А. И. Ярошевича о капиталистической аренде на Украине XVI—XVIII вв.[3] Помимо этих исследований, был опубликован и ряд отдельных небольших монографий, посвященных изучению организации помещичьего хозяйства и положения крестьянства в отдельных имениях Правобережья. Такое монографическое изучение хозяйства одного имения представляет большую ценность, так как дает возможность познакомиться во всем разнообразии с феодально-крепостническим гнетом в шляхетской Польше XVII—XVIII вв.

Развитие городской ремесленной промышленности на Украине, организованной в цехи, сравнительно мало обратило на себя внимание исследователей, если не считать работы П. Клименко о цехах на Ук-

---

[1] Записки іст.-фил. відділу, кн. XXVI, стр. 31—179.

[2] Черкаський И. Громадський (копний) суд на Україні-Русі XVI—XVIII вв., т. I—II. К. 1928.

[3] Ярошевіч А. І. Нариси економічного життя України. 1927.

раине. Автор главным образом интересуется «общественно-правовыми элементами цеховой организации». Она оторвана от экономической среды, продуктом которой являются цехи, и поэтому догматическое изучение цеховых уставов только частично дает представление о сущности цеховой организации. Внимание автора сосредоточено на цехах Правобережья XVIII в., но в книге приведены и данные о цехах на Украине в XIX в.[1]

XVI—XVII века в истории украинского народа — это период формирования украинского языка и развития украинской феодальной культуры. Этот интересный момент в истории украинского народа нашел свое отражение в исследованиях Грушевского, посвященных изучению украинского Возрождения конца XVI и начала XVII вв., которое, по терминологии автора, является первым украинским Возрождением.[2]

Культурные движения на Украине и в Белоруссии XVI—XVIII вв. были предметом специального исследования проф. А. А. Савича. Автор удачно обобщает сохранившийся документальный материал. Очень ценны его новые наблюдения над школьным делом на Украине и в Белоруссии в XVII—XVIII вв., основанные на изучении нового, им открытого материала.[3]

Освободительная война украинского народа против шляхетской Польши отражена в большом исследовании Петровского, о котором говорилось выше. Харьковский ученый И. Д. Бойко также занимался этой проблемой. Итоги его работы нашли отражение в статье «Присоединение Украины к России». Несмотря на свой небольшой размер и сжатость изложения, она представляет большую ценность. Автор рассматривает поднятый вопрос в плоскости украинско-русских отношений в период освободительной борьбы и показывает, что политика Хмельницкого в отношении к Русскому государству далеко не всегда была прямолинейной. Очень интересны соображения Бойко о том, какое значение имел Переяславский акт 8 января 1654 г. как для украинского народа, так и для Русского государства и его культурного развития.[4]

А. Яковлев также исследовал вопрос о присоединении Украины к Москве. Автор больше всего интересовался изучением юридической природы Казацкого государства, созданного после акта 8 января 1654 г. В русской буржуазной историческо-юридической литературе по этому вопросу существует полная разноголосица. На основе анализа так называемых «Статей» Богдана Хмельницкого, автор полагает, что отношения Украины к Москве можно определить как отношения вассального характера. На наш взгляд, это единственно правильная точка зрения.[5]

Петровский — большой знаток истории Украины во второй половине XVII в. В своих исследованиях он неоднократно возвращался к ней. Не перечисляя всех ценных работ Петровского, отметим его аналитические работы, посвященные изучению спорного вопроса об авторе казацкой «Летописи Самовидца». Уже в первой своей работе, посвященной выяснению этого вопроса, Петровский пришел к выводу, что

[1] Клименко. Цехі на Україні, т. I, вип. I. Суспільно-правни елементи цеховії организації. К. 1929.
[2] Грушевський М. Історія української літератури, т. V, вип. I—II. К. 1926—1927.
[3] Савич А. Нариси з історії культурних рухів на Україні та Білорусі XVI—XVIII ст. К. 1929.
[4] Труди історичного факультету, № 1. Хар. 1939.
[5] Ювілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського, т. I. К. 1928.

автором «Летописи Самовидца» был Роман Ракушка-Романовский, выходец из среды знатнейшего казачества Нежинского полка.[1] Эта точка зрения вызвала критические замечания со стороны отдельных исследователей. Еще с большей обстоятельностью Петровский обосновал свою точку зрения в большом критическом исследовании о «Летописи Самовидца». После работы Петровского можно считать вполне установленным авторство «Летописи Самовидца». В той же работе Петровским выяснено и значение «Летописи Самовидца» как исторического источника.

Образование казацкого вассального государства поставило перед исследователями новую проблему — изучение организации в нем управления. Л. Окиншевич посвятил свои исследования изучению организации и деятельности центральных учреждений. В первой своей монографии он касается вопроса о Генеральной раде на Украине, а во второй работе — о Раде старшины.[2] Ему же принадлежит и третья монография — о Генеральной старшине на Левобережной Украине XVII—XVIII вв. В ней он подробно рассматривает формирование, политическую роль и деятельность Генеральной старшины.[3] Тот же автор впервые дал подробное описание Приказа Малыя России в Московском государстве XVII в., через который велись сношения с гетманским правительством. Дополнением к работе Окиншевича является исследование С. Пятницкого, который занялся изучением деятельности «Приказа Великия России», ведавшего казачеством Слободской Украины.[4]

Заселение Слободской Украины было связано с казацко-крестьянской борьбой на Украине в первой половине XVII в. против шляхетской Польши. Багалей впервые в своем большом исследовании еще в 90-х годах коснулся этого вопроса, рассмотрев также и колонизацию с Правобережья во второй половине XVII в. В. Юркевич вновь вернулся к этому вопросу, сосредоточив свое внимание на изучении движения украинского народа на восток и заселении Слободской Украины при Богдане Хмельницком в середине XVII в.[5] Можно сказать, что исследования Багалея и Юркевича исчерпывающим образом осветили все вопросы, связанные с колонизацией Слободской Украины и образованием слободских казацких полков.

Багалей по справедливости считается историком Слободской Украины, изучению которой он посвятил все свои большие исследования и множество отдельных статей и публикаций. Разбросанные по отдельным журналам и изданиям исследования Багалея были недоступны широким читательским кругам. Он правильно поступил, опубликовав ценную обобщающую работу — «История Слободской Украины» с момента ее колонизации. Основное внимание автора было сосредоточено на изучении социально-экономического развития и политического положения Слободской Украины, ее культуры и быта в XVII—XVIII вв. и частично в XIX в.[6] Им же опубликована интересная и ценная монография об украинском ученом и философе Г. С. Сковороде.[7]

[1] Записки Ніжинського Інст. народн. освіти, кн. VI, 1926.
[2] Окиншевич Л. Центральни установи України Гетьманщини XVII—XVIII ст., ч. I и II. К. 1929—1930.
[3] Праці Комісії, вип. I.
[4] Там же, вип. II, стр. 229—251.
[5] Юркевич В. Еміграція на схід і залюднення слобожанщини за Богдана Хмельницького. К. 1932.
[6] Багалій Д. І. Історія Слободської України. Хар. 1918.
[7] Багалій Д. І. Мандравоний філософ Г. Сковорода. К. 1921.

Время Петра I в истории украинского народа связано с попыткой гетмана Мазепы оторвать от России Левобережную Украину и вновь отдать ее под власть Польши. Его политическая деятельность различно оценивалась исследователями. В то время как Н. И. Костомаров, А. Лазаревский и другие представители буржуазной историографии относились отрицательно к политическим планам гетмана, дворянский историк, крупный черниговский землевладелец Ф. Уманец во второй половине 90-х годов опубликовал труд о гетмане Мазепе, в котором горячо отстаивал политическую линию Мазепы. В оценке дворянского историка Мазепа выступает как большой украинский патриот, деятельность которого имела положительное значение для Украины. Уманец считает Мазепу сторонником восстановления украинской политической самостоятельности, впрочем умалчивая о сношениях Мазепы с Польшей и о стремлениях его воссоединиться с Польшей на определенных договорных условиях. Основоположник новой украинской буржуазной историографии Антонович также признавал Мазепу горячим украинским патриотом, но считал его политику ошибочной. По мнению исследователя, ошибка гетмана Мазепы заключалась в том, что он игнорировал народные интересы и мечтал об установлении на Украине аристократического государственного строя. Грушевский и его школа полностью стояли на позициях Ф. Уманца. Львовские украинские историки всегда выступали как сторонники политической деятельности Мазепы. В «Записках Научного общества им. Шевченко» было опубликовано много исследований и заметок о Мазепе как борце за восстановление политической независимости Украины. Разумеется, что классовые позиции украинского гетмана тщательно затушевывались. На защиту гетмана Мазепы и его политики выступил также «Украинский научный институт» в Варшаве, опубликовавший двухтомный труд о Мазепе с прославлением его культурной и политической деятельности.

В связи с 230-летием Полтавской битвы в июле 1939 г. в Полтаве состоялась научная сессия Института истории Академии Наук УССР. В ее работах приняли участие украинские, русские и белорусские исследователи, гражданские и военные. Прочитанные на сессии доклады были опубликованы Институтом истории Украины под редакцией его директора С. Н. Белоусова отдельной книгой под заглавием «Полтавская битва».

Полтавская битва была разносторонне освещена исследователями на сессии Института истории. Ими отмечено, что политические планы Мазепы состояли в том, чтобы вернуть Украину под власть Польши, и что переговоры об этом велись гетманом и польским королем еще задолго до оккупации Украины шведами. Вступление шведов на территорию Украины объяснялось стратегическими соображениями. Украина была нужна шведам как плацдарм для наступления на Россию и захвата ее южных областей. Полтавская битва разрушила иллюзии Карла XII и самого гетмана. В то время как казацкая Старшина была солидарна с политическими планами Мазепы и оказывала полное содействие шведским оккупантам, украинский народ — рядовое казачество и крестьянство — посполитые люди встретили оккупантов партизанской борьбой, значительно измотавшей силы шведов еще до Полтавской битвы.

Буржуазные исследователи мало уделили внимания партизанской борьбе украинского народа и ограничивались лишь сообщением отдельных фактов. Опубликованные Генеральным штабом материалы, а также шведские источники и воспоминания участников похода

Карла XII на Украину позволяют теперь исследователям всесторонне рассмотреть борьбу украинского крестьянства, рядового казачества и мещанства против шведских оккупантов. Все новые материалы были использованы Б. Тельпуховским, который впервые, правда в сжатом виде, осветил роль украинского народа в борьбе против шведских оккупантов. Эта большая тема нуждается в отдельной монографической разработке.

Партизанская война украинского народа против шведских оккупантов свидетельствовала об отрицательном отношении широких народных масс к планам казацкого гетмана и к его попытке оторвать украинский народ от русского. В целом сборник статей «Полтавская битва» по праву должен занять видное место в советской историографии о Петре I. Без него не может обойтись ни один из исследователей петровского времени.

Видное место в истории украинского народа занимает Запорожская сечь. Естественно, что историки не раз обращали свое внимание на изучение исторических судеб Запорожской сечи. Старейший историк Запорожской сечи Д. И. Эварницкий опубликовал ценные архивные материалы, которые касаются истории и быта Запорожья. Они сохраняют свое научное значение и в настоящее время. Однако историческая концепция Эварницкого должна быть полностью отвергнута. Автор в романтических чертах изображает жизнь запорожских казаков и совершенно игнорирует классовое расслоение среди них и начавшееся становление феодальных отношений в Запорожье. К сожалению, до сих пор советская историография не располагает научно-объективной историей Запорожской сечи. Все же история Запорожья не выпала из поля зрения украинских советских историков. Так, Т. Гуслистый в своей небольшой, но ценной работе коснулся интересного вопроса о борьбе запорожских казаков за свои земли против стремления правительства заселить их сербскими и другими колонистами.[1] К истории Запорожской сечи вернулся М. Слабченко в своих двух работах. В исследовании «Паланковая организация запорожских казаков» Слабченко собрал интересный материал. Критикуя Н. А. Рожкова, отрицавшего наличие классового расслоения в Запорожье, Слабченко склоняется к мысли, что классовые противоречия уже имели место на Запорожье.[2] В другой работе — «Социально-правовая организация Запорожской сечи» тот же автор разрушает романтические иллюзии Эварницкого о политическом равноправии всех запорожских казаков. Исследователь на конкретном материале показал, что в действительности уже этого не было.[3] Ценно исследование Н. Д. Полонской-Василенковой о земельной собственности запорожских казаков.[4]

История заселения Степной Украины также привлекала к себе внимание ряда исследователей. Скальковский и Багалей много поработали над этими вопросами. Багалей свою работу о колонизации Новороссии, ранее опубликованную на русском языке, издал с дополнениями на украинском языке. В ней сжато изложены исторические судьбы степной Украины, ее культура и быт в конце XVIII и первой половины XIX в. Большим вкладом в изучение истории Степной Украины является ряд работ Полонской-Василенковой, а также подго-

[1] Гуслистий К. З історії класової боротьби в Степовій України в 60—70 pp. XVIII ст. Хар. 1933.

[2] Праці Комісії, вип. VI. К. 1929.

[3] Там же, вып. III. 1927.

[4] Полоньска-Васіленкова Н. Майни запорізької старшини. К. 1933.

товленная к печати монография (ее докторская диссертация) на тему «Заселение Степной Украины», основанная на богатейшем архивном материале.

Развитие феодально-крепостнических отношений в Левобережной Украине вызвало массовое бегство крестьян в Степную Украину, где ощущался недостаток в рабочих руках. Этот интересный вопрос был предметом специальной статьи В. Дубровского. Использовав богатый архивный материал, автор показал, какое громадное количество крестьянства убегало в Степную Украину и как бессильны были все попытки помещиков принудить царское правительство принять принудительные меры к возвращению беглецов на старые места. Помещики неоднократно подавали жалобы о том, что отлив рабочих рук вредно отражается на помещичьем хозяйстве.[1]

Изучение истории Украины в перид разложения феодально-крепостнических отношений и развития капитализма в первой половине XIX в. еще только начато советскими историками. До сих пор на Украине нет специальной работы о разложении феодально-крепостнических отношений во второй четверти XIX в., за исключением лишь соответствующей главы в работе Ф. Ястребова «Очерки по истории Украины с первой половины XIX века». Конечно, разработка этой важной научной проблемы должна стать очередной задачей украинских исследователей. Частично эта работа была начата. С. Сташевский опубликовал монографию о сельскохозяйственном рынке Правобережной Украины в дореформенную эпоху,[2] а другой исследователь — С. Підгаець — о хлебном вывозе из черноморско-азовских портов до 60-х годов XIX в.[3] Помимо этого отдельные статьи монографического характера знакомят читателя с помещичьим хозяйством и положением крестьян в период распада и загнивания феодально-крепостнических отношений.

Равным образом до сих пор нет еще исследований о крестьянской реформе 1861 г. и ее проведении на Украине. Этот первостепенной важности вопрос должен обратить на себя внимание украинских историков.

Буржуазные и национал-демократические историки на Украине не затрагивали вопроса о крестьянских движениях, тщательно замалчивая классовую борьбу между помещиками и крестьянами. Поэтому долгое время в украинской историографии отсутствовала эта важная тематика. Только после реформы Академии Наук УССР и организации Института истории Украины и исторических факультетов в Киевском, Одесском и Харьковском университетах эта тематика заняла видное место в исследовательской работе молодых украинских историков.

Известным исключением из этого течения была школа Багалея, под руководством которого был написан ряд интересных работ по истории крестьянских движений в Левобережной Украине. Эти работы были опубликованы в специальном сборнике статей, посвященном крестьянскому движению в Левобережной Украине.[4] Авторы статей просмотрели ряд крестьянских движений, о которых до сих пор не было специальных работ. Интересна статья М. Свидзинского «К истории казатчины в 1812 г.». В сборнике дана Г. Дьяковым яркая

[1] Чернігів і північне Лівобережжя. К. 1928, стр. 368—402.

[2] Праці Комісії для виучування народнього господарства України, вип. II, стр. 1—172.

[3] Праці семинару для виучування народнього господарства України, вип. III, стр. 127—240.

[4] Науковий збірник Харк. науково-дослідчої катедри історії української культури, № 5, 1927.

характеристика эксплоатации крепостного крестьянства в период загнивания феодально-крепостнических отношений. Р. Назарец знакомит читателей с историей форм борьбы крестьянства за свое освобождение. О. Д. Багалей-Татаринова затронула интересный вопрос о военных поселениях на Украине, а М. Тихонов рассмотрел вопрос о крестьянском движении на Слободской Украине в связи с реформой 1861 г. Революционное движение на Полтавщине в 1905—1907 гг. привлекло к себе внимание А. Казаченко.

Молодые историки, окончившие исторические факультеты украинских университетов, обратились к изучению крестьянских движений на Правобережной Украине. Так, П. Лавровым была подготовлена к печати большая работа — его диссертация на степень кандидата исторических наук — о крестьянских движениях на Подолии в половине XIX в., в которой особенное внимание обращено на деятельность Кармелюка. Часть этого большого и ценного исследования была напечатана в Записках Киевского университета.

Одновременно молодая исследовательская мысль обратилась к изучению инвентарной реформы 40-х годов, о которой до сих пор не было ни одной специальной работы. Из стен Киевского и Одесского университетов вышли исследования об инвентарной реформе на Правобережье, вызвавшей повсеместное аграрное движение, благодаря которому на Украине накануне крестьянской реформы 1861 г. создалась революционная ситуация.

Борьба украинского крестьянства с помещиками в связи с реформой 1861 г. еще больше обострилась в 1863 г. во время восстания польской шляхты на Правобережной Украине. Бойко приготовил к печати монографию о польском восстании на Правобережье в 1863 г., часть которой уже напечатана. В опубликованной главе Бойко рассматривает отношения крестьянства к шляхетскому польскому восстанию 1863 г. В ответ на призывы польской шляхты объединиться для совместной борьбы против царизма, крестьянство ответило подъемом борьбы против помещиков, отнявших у них земли после реформы 1861 г.[1]

Загнивание феодально-крепостнических отношений и рост буржуазных отношений на Украине, содействуя формированию молодой украинской буржуазии и образованию украинской нации, вызвали на Украине известный подъем общественно-политической мысли, выразившийся в организации Кирилло-Мефодиевского общества, в котором впоследствии образовались два крыла — правое и левое. Последнее течение было ярко представлено Т. Г. Шевченко, поэтом и революционером-демократом. Националистическая историография, изучая Кирилло-Мефодиевское общество, главным образом интересовалась его правым, умеренно-либеральным течением и замалчивала левое, революционное направление.

Великая Октябрьская социалистическая революция послужила толчком к всестороннему изучению поэтического творчества и революционной деятельности Шевченко.

В то время как украинские национал-демократы видели в творчестве Шевченко борца за самостоятельность Украины, но тщательно затушевывали его революционную деятельность, советские историки и специалисты по истории литературы обратились к всестороннему изучению творческой деятельности поэта-революционера и борца за освобождение украинского народа от социального, политического и национального гнета. Вместе с тем они опровергли легенду, создан-

[1] Наукові записки Хар. держ. пяд. інституту, т. V. Хар. 1940.

ную социал-демократами, о враждебном отношении Шевченко к русскому народу.

Шевченко ненавидел царизм, который угнетал украинский народ; как республиканец и революционер, он мечтал о братстве всех славянских народов и поддерживал дружеские связи с виднейшими русскими писателями. В этом отношении велики заслуги советских украинских специалистов, которые научно и объективно осветили творчество и революционную деятельность великого украинского поэта и революционера-демократа.

В 1939 г., по случаю 125-летия со дня рождения Шевченко, Академия Наук УССР выпустила в свет интересный сборник статей «Памяти Т. Г. Шевченко». В этом сборнике И. И. Стебун напечатал библиографический очерк Шевченко. Ястребов познакомил читателя с участием Шевченко в революционном движении 30—40-х годов XIX в., Петровский показал, как отразилось в творчестве Шевченко восстание украинского народа против шляхетской Польши в 1630 г., а Гуслистый занялся изучением отражения «колиивщины» в творчестве Шевченко. И. О. Иванцов посвятил свою статью отношению Шевченко к археологии. Интересны две статьи Т. Билика и П. А. Лаврова о «Чествовании украинским народом памяти Т. Г. Шевченко при царизме и о юбилее Т. Г. Шевченко в Киеве в 1914 г.». Остальные статьи в сборнике затрагивают вопросы литературного характера. Они характеризуют Шевченко как родоначальника новой украинской литературы и всесторонне освещают язык и стиль поэзии Шевченко, отношение его к всемирной и русской литературе и к русскому и украинскому фольклору.

Одновременно и Киевский университет опубликовал сборник статей, посвященный памяти украинского поэта. По своему содержанию сборник этот посвящен вопросам литературоведческого характера с вводной статьей П. Лаврова «Великий поэт, революционер-демократ».[1] Революционно-демократическая деятельность Шевченко нашла отражение в статье А. Бортникова «Шевченко и организация Кирилло-Мефодиевского общества», представляющей собой часть большого исследования о последнем. В наши дни великой отечественной войны, когда украинская земля захвачена наглыми фашистами, когда она истерзана и окровавлена, Академия Наук УССР организовала специальную сессию, посвященную памяти Шевченко. Часть прочитанных на сессии докладов в настоящее время уже опубликована. Президент Академии Наук УССР А. А. Богомолец в своей вступительной статье дает общую оценку «великого поэта украинского народа». Акад. П. Тычина посвятил свой доклад гневу Т. Г. Шевченко. В других докладах Шевченко рассматривается как художник, изучается также отношение его к украинской музыкальной культуре. На той же сессии украинский поэт М. Т. Рыльский в своем докладе затронул очень интересную тему сравнительного историко-литературного характера — «Родина и творчество Пушкина, Мицкевича и Шевченко».[2]

Буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. на Украине еще ждет своего исследователя. Пока же история располагает только рядом отдельных статей. Наиболее ценной является монография Дубровского о крестьянском движении 1905 г. в Черниговской губернии.

Нет еще серьезных и обобщающих научных работ об Октябрьской

[1] Збірник памяти Т. Г. Шевченко. До 125-річчя з дня нарождення, 1814—1939. К.—Хар. 1939.

[2] Праці січневої сесії АН УРСР, стр. 23—39.

революции на Украине, о борьбе украинского народа за советскую власть, за свободу и независимость в годы гражданской войны, о борьбе его за социализм после победы в гражданской войне.

Великая отечественная война, захват Украины гитлеровцами и героическая борьба украинских партизан против фашистских банд побудили украинских исследователей обратиться к изучению истории борьбы украинского народа с чужеземными захватчиками. Так, Гуслистый пересмотрел вопрос о борьбе украинского народа против немецких оккупантов в XIII—XV вв. Ф. И. Лось коснулся интересного и мало исследованного вопроса об участии украинцев в борьбе России против Пруссии в Семилетней войне. Петр Панч посвятил свои исследования украинским партизанам в отечественных войнах. В своей статье он рассказывает как о борьбе их с немецкими и австрийскими оккупантами в 1918 г., так и о борьбе с фашистскими захватчиками. М. Сапруненко опубликовал две интересные исследовательские статьи: «Украина накануне и в отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков» и «Крах немецкой оккупации на Украине в 1918 г.». Наконец З. Шульга в статье «Борьба украинского крестьянства против немецко-фашистских захватчиков» сообщил ряд новых фактов, свидетельствующих о чудовищных зверствах фашистов и о жестокой ненависти украинского народа к захватчикам.

Наш историографический обзор не претендует на полноту. Наша задача только отметить те основные научные проблемы, которые были предметом исследовательского внимания советских историков в УССР. Дать полный обзор всего того, что было напечатано исследователями, — дело будущей историографии. Но даже этот краткий обзор историографии Украины в советский период позволяет притти к некоторым общим выводам.

После преодоления национал-демократического направления, во главе со школой Грушевского, прочные позиции заняли молодые советские ученые, превосходно вооруженные марксистско-ленинской методологией. Они отбросили старую тематику или радикально изменили старый подход к ней. Они приступили к изучению больших проблем, рисующих подлинную жизнь украинского народа, его упорную классовую борьбу за свое социальное, политическое и национальное освобождение.

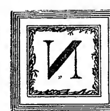
Ныне украинский народ находится в смертельной схватке с фашистскими захватчиками. Академия УССР и украинские исследователи, объединившиеся вокруг нее, ныне находятся в Уфе, вдали от своей прекрасной родины, захваченной фашистами. Но они продолжают вести большую исследовательскую работу, тематика которой созвучна отечественной войне. Они изучают героическое прошлое своего народа, его вождей, отдававших свою жизнь и свои дарования за благо и счастье народа. Вместе со всем украинским народом украинские историки ведут жестокую борьбу против фашизма — за скорейший разгром немецко-фашистских оккупантов, за освобождение своей родной украинской земли, за возвращение к мирному творческому труду.

Чл.-корр. АН СССР В. И. ПИЧЕТА

ИСТОРИЯ БЕЛОРУССИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

сторическая наука в БССР — детище Великой Октябрьской социалистической революции. До Октябрьской революции истории Белоруссии как самостоятельной научной дисциплины не существовало. Для царской России Белоруссия — это только Северо-западный край, в экономическом, национальном, культурном и политическом отношениях связанный с Российской империей. Буржуазные историки России поэтому касались истории Белоруссии лишь постольку, поскольку она была связана с историей развития Русского государства.

Только Октябрьская революция создала белорусскому народу новые условия его национального, культурного и политического самоопределения. В соответствии с этим изменились и условия для изучения истории Белоруссии. В БССР были созданы научные учреждения, объединившие историков Белоруссии.

В 1921 г. был основан Государственный университет в Минске, в 1923 г. — Институт белорусской культуры, в 1928 г. — Академия Наук БССР. Все они стали центрами научно-исследовательской работы по изучению истории Белоруссии.

Буржуазные русские и польские историки отрицали возможность научного изучения истории Белоруссии. Они утверждали, что белорусский народ не может стать объектом научного изучения, так как он не был субъектом исторического процесса. В течение многих веков белорусский народ не имел своей государственности. Исторические судьбы его были связаны то с Киевским государством, то с Великим княжеством Литовским, то с Российской империей. Все эти мнимо научные рассуждения лишь прикрывали националистические взгляды историков польской и русской национальностей.

Конечно, советские историки Белоруссии отвергли эту антинаучную точку зрения. Они показали, что история белорусского народа не зависит от его государственно-политической принадлежности в тот или другой период его исторической жизни. Буржуазные историки как польского, так и русского лагеря просто неправильно трактовали развитие государственной жизни белорусского народа.

Восточные славянорусские предки белорусского народа уже на заре своей истории выступают на историческую сцену, имея самостоятельное Полоцкое княжение. Оно долго и упорно боролось за свою политическую самостоятельность, сначала с Новгородским, а затем с Киевским княжеством, которое постепенно объединило под своей

властью все восточные славянские племена. Войдя в состав Великого княжества Литовского, белорусские земли также сохранили свою внутреннюю автономию, поскольку Великое княжество Литовское представляло собою феодальное государство, построенное на федеративных основах. Эта борьба за свою государственность завершилась лишь с победой Октябрьской социалистической революции, которая восстановила суверенность и государство белорусского народа.

Все славянские народы на известных этапах своего экономического и политического развития теряли свою государственную суверенность. Это нисколько не мешало им оставаться субъектом истории, хотя временно их историческая жизнь развивалась в рамках чужеземной государственности. Заслуга исследователей истории белорусского народа заключается именно в том, что они постепенно восстанавливали историческое его прошлое на разных этапах. Советские историки Белоруссии от старой буржуазной историографии получили значительное историографическое наследство. Оно касалось главным образом периода Киевского государства и Великого княжества Литовского. Материалы по истории Великого княжества Литовского в значительной своей части касались в сущности истории Белоруссии. Все опубликованные материалы и работы охватывали отрезок времени до 1569 г., когда Великое княжество Литовское объединилось с Польским государством на началах федерации.

Все же история Белоруссии после 1569 г. и вплоть до Октябрьской революции оставалась совершенно не изученной. Начиналось только известное собирание материалов, но и то весьма тенденциозное.

На советских историков в Белоруссии прежде всего легла обязанность восстановить полную картину истории белорусского народа. Советско-белорусская общественность имела полное основание предъявить к историкам требование, чтобы была опубликована история Белоруссии, которая познакомила бы советского читателя с основными этапами жизни белорусского народа на протяжении веков, вплоть до Октябрьской революции. Белорусский народ, естественно, также хотел знать свое богатое и героическое прошлое, свою историю длительной борьбы за национальное и политическое освобождение.

Выполнение этого социального заказа встретило на своем пути немало затруднений. Отдельные этапы в истории белорусского народа, в особенности после 1569 г., были совсем не разработаны или только начаты разработкой исследователями. Построение синтетической истории Белоруссии на основе марксистско-ленинской методологии можно было выполнить только на базе отдельных монографических исследований. Такие монографические исследования должны были дать тот конкретный материал, который позволил бы восстановить историю Белоруссии. Вполне понятно, что монографические исследования требовали много времени, а количество исследователей было не настолько значительным, чтобы сразу охватить все стороны жизни белорусского народа в прошлом. Поэтому, естественно, составление научно-объективной истории Белоруссии неизбежно откладывалось. Правда, в 1924 г. В. И. Пичета попытался дать первый очерк истории Белоруссии, доведя свой рассказ до 1569 г. включительно, но этот опыт надо признать неудачным, так как автор в своих теоретических воззрениях находился под сильным влиянием экономического материализма в том виде, как его понимали Н. А. Рожков и М. Н. Покровский. В этой работе отсутствует классовая борьба, а самый исторический процесс рассматривается сквозь призму механистического материализма.[1]

[1] Пічэта У. Гісторыя Беларусі, ч. I. М.—Л. 1924.

Только после подробного разбора и критики антимарксистской концепции М. Н. Покровского, произведенной Институтом истории АН СССР, в которой принимал участие и автор первой истории Белоруссии, стало возможным научно-объективное построение истории Белоруссии, тем более что появившиеся многочисленные исследования и статьи по истории Белоруссии обогатили советских историков новыми ценными материалами.

К составлению марксистско-ленинской истории Белоруссии приступил созданный Академией Наук БССР Институт истории. Он и составил первую историю Белоруссии, начиная от первобытно-общинного строя и до упадка Польско-Литовского государства.[1] К сожалению, во время варварского фашистского погрома Минска все отпечатанные экземпляры погибли, и сохранилось лишь несколько экземпляров этой ценной книги. Тогда же Институт истории АН БССР подготовил первую часть учебника по истории Белоруссии для высших учебных заведений. Он должен был охватывать историю Белоруссии, начиная с первобытно-общинного строя до аграрно-крестьянской реформы 1861 г. Этот труд был составлен сотрудниками Института истории (А. П. Пьянковым, И. Ф. Лочмилем и В. И. Пичета). В настоящее время подготовляются к печати вторая часть учебника — с 1861 по 1914 г. и третья часть — от начала мировой войны до наших дней. Таким образом, после выполнения этой большой работы белорусский народ будет иметь возможность познакомиться со своим историческим прошлым с древнейших времен и до наших дней.

Советские исследователи истории Белоруссии обратили серьезное внимание на систематическое производство археологических раскопок. Нельзя сказать, чтобы в царское время территория Белоруссии не изучалась в археологическом отношении. Но археологические раскопки производились не систематически, часто случайно и притом лицами, не всегда подготовленными. К тому же буржуазные археологи не шли дальше собирания и классификации вещественных памятников. Так, дореволюционные археологи категорически отрицали наличие на территории Белоруссии палеолита и этим отодвигали появление человека на ее территории к значительно более позднему времени. Однако эта легенда была разрушена советским белорусским археологом К. Н. Поликарповичем, которому удалось открыть дверь палеолитической стоянки по реке Сожу.

Археологические раскопки БССР производились систематически под руководством Президиума АН БССР. Итоги этих раскопок были весьма значительными. Собран громадный вещественный материал, который позволяет восстановить на территории Белоруссии картину первобытного общинного строя. Вещественный материал более позднего времени, IX—X вв., характеризует высокий уровень хозяйственного быта восточнославянских племен — кривичей, дреговичей, радимичей, на этнической основе которых формировалась белорусская народность. Ряд опубликованных изданий АН БССР свидетельствует о большой научной работе белорусских археологов. Институт белорусской культуры и Институт истории АН БССР начали издание исторических документов, хранившихся как в центральных архивах, так и в архивах Белоруссии. Опубликованные документы представляли собой большой ценности материал для изучения хозяйственных и социально-политических отношений времени господства феодально-крепостнических отно-

[1] Нарысы па гісторыі Беларусі, ч. I. М. 1941.

шений XVI—XVII вв.[1]. Особую ценность представляет собою двухтомное собрание материалов по истории развития промышленности в Белоруссии в первой половине XIX в., в период распада и загнивания феодально-крепостнического строя. Эти документы имеют первостепенной важности значение, так как они открывают новую страницу в истории хозяйственного развития Белоруссии. Обычно все исследователи рассматривали Белоруссию как страну аграрную и не обращали внимания на развитие промышленности в Белоруссии. Правда, ее удельный вес в общеимперской промышленности был незначителен. Тем не менее развившаяся промышленность в Белоруссии, гибель дворянской и победа купеческой мануфактуры на вольнонаемном труде свидетельствовали о разложении феодально-крепостнического строя в Белоруссии.[2]

И в дореволюционное время было издано Виленской археографической комиссией и другими научными учреждениями значительное количество документов, которые касались истории Великого княжества Литовского и Белоруссии. Однако изданные документы были подобраны очень односторонне. Издатели обращали внимание главным образом на обострение религиозных отношений в Белоруссии. Но вместе с тем часть опубликованных материалов представляла собою большую ценность для изучения внутренней жизни белорусского народа и белорусских городов. Кроме того, Институт истории опубликовал двухтомное собрание материалов по истории Белоруссии. Его составители поставили своей задачей дать историю Белоруссии на основе систематического подбора документов, предполагая, что опубликованные документы станут основным фундаментом для составления синтетической истории Белоруссии.[3]

Ранняя история Белоруссии, начиная с периода господства на территории Белоруссии первобытно-общинного строя, формирование классового общества и первых политических объединений — княжений, впоследствии вошедших в состав Киевского государства, а также положение белорусских земель в период феодальной раздробленности были подробно исследованы в двух монографиях В. И. Пичета: «История Белоруссии в период раннего феодализма до XIII в. включительно» и «История народного хозяйства в Белоруссии в период раннего феодализма». Обе монографии подготовлены к печати, и Институт истории АН СССР предполагал, что вслед за этими монографиями последуют также и другие монографические исследования, охватывающие иные периоды в истории Белоруссии, и, таким образом, будет подготовлена к печати многотомная история Белоруссии. Виднейший историк Великого княжества Литовского М. К. Любавский собрал в своих работах громадный материал для внутренней истории белорусских земель, вошедших в состав Великого княжества. Равным образом и другой крупный историк М. В. Довнар-Запольский также собрал большой материал, касающийся хозяйства и финансовой политики великокняжеского литовского правительства до 1569 г. Оба автора накопили громадный материал, который нуждается в соответствующей обработке. Любавским был подчеркнут федеративный ха-

[1] Працы першага зьезду дасьледчыкаў беларускае археолёгіі і археографіі. М. 1926. Працы катэдры археолёгіі, т. I. М. 1928. Працы Археолёгічнай комісіі, т. II. М. 1930. Працы сэкціі археолёгіі, т. III, М. 1932.

[2] Матэрыялы да гісторыі мануфактуры Беларусі ў часы распада феодаліэма, ч. I (1796—1840). М. 1934. Там же, т. 2 (1793—1861). М. 1935.

[3] Гісторыя Беларусі ў дакумэнтах і матэрыялах, т. I, М. 1936; Дакумэнты і матэрыялы па гісторыі Беларусі, т. II, М. 1940 (1772—1903).

рактер Великого княжества Литовского, в котором белорусские и украинские земли занимали особое государственно-правовое положение, располагая широкой внутренней автономией, закрепленной так называемыми областными привилегиями. Впрочем, не совсем было ясно, что собою представляли белорусские земли как автономные единицы, так как не было соответствующих монографий по истории отдельных земель. Начало этому изучению было положено работой Пичета «Полоцкая земля в начале XVI в».[1] Главное внимание советских историков в Белоруссии было обращено на изучение периода, когда сложились феодально-крепостнические отношения и начало формироваться барщинно-крепостное хозяйство. Вся исследовательская работа Пичета была сосредоточена на изучении этого важного периода в истории Белоруссии. В своем труде, посвященном землеустроительной политике Великого княжества Литовского при Сигизмунде II Августе, он обратил внимание на изучение аграрных отношений и положения крестьянства в западной и восточной Белоруссии.[2]

Исследователь рассматривает великокняжескую землеустроительную политику как попытку на базе проверки прав шляхты на владение землей и организации барщинно-крепостного хозяйства (путем введения индивидуального землепользования и индивидуальной ответственности за своевременное отправление феодально-крепостнических повинностей) укрепить великокняжескую власть и освободить ее от влияния крупных феодалов. В другой работе тот же автор изучал землеустроительную политику в восточной Белоруссии; эту политику великокняжеское правительство начало осуществлять с конца XVI в.[3] Автором было подчеркнуто, что аграрная политика этого правительства обостряла классовые отношения в феодальной деревне и толкала крестьян на путь активных выступлений с целью задержать проведение землеустроительной политики, уничтожавшей крестьянскую общину, сокращавшей крестьянское землепользование и лишавшей крестьян лугов и лесов. Кроме того, Пичета опубликовал ряд работ, касающихся отдельных проблем в связи с аграрной реформой великокняжеского правительства.[4] Аграрным отношениям в Белоруссии с древнейших времен до конца XVI в. посвящена работа того же автора, в которой он изучает историю сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии за этот период.[5] Землеустроительная политика великокняжеского правительства повлекла за собою окончательную ликвидацию рабства (челяди невольной), что было оформлено в Литовском статуте 1588 г. Этот сложный и интересный вопрос был предметом специальной монографии Пичета, подготовленной к печати и находящейся в настоящее время в архиве Института истории АН СССР. Тот же автор подошел к изучению положения отдельных разрядов сельского населения уже после проведения землеустроительной политики, что должно было составить третью часть его монографии.[6]

[1] Пічэта Ў. Палоцкая зямля ў начатку XV сталецця (400-лецце беларусскага друку). Зборнік. М. 1926.

[2] Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве, ч. I. М. 1917—1918.

[3] Pičeta V. Die Agrarreformen in den östlichen Bezirken des Litvanisch-Weissr. Staates in der zweiten Hälfte des 16. zu Beginn des 17. Jahrhunderts. Berlin 1928.

[4] Проверка прав на землю в имениях королевы Боны (Сборник статей в честь С. Ф. Платонова, Птгр. 1923). Волочная Устава королевы Боны и Устава о волоках (Працы Бсл. Дзяр. Ун. № 1); Наказ старостам и державцам и Волочная Устава (Працы БДУ, № 2—3).

[5] История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии, ч. I. 1928.

[6] Господарскія (вялікакняскія) двары ў заходніх воласцях Беларусі пасьля рэформы Жыгімонта-Аўгуста (Гісторычна-археолёгічны зборнік, № 1, М. 1927); Состав населения

Землеустроительная политика великокняжеского правительства привлекла к себе внимание исследователей Гембицкого и Карнажицкого главным образом относительно восточной Белоруссии в Бобруйском старостате. Таким образом, советские историки Белоруссии в основном положили начало изучению организации и развития барщинно-крепостного хозяйства западной и восточной Белоруссии.

XVI век — это период окончательного оформления феодального шляхетского сословия и его юридического положения. А. М. Ясинский на примере одного крупного землевладельца показал, как расширялось крупное феодальное землевладение и к каким методам прибегали литовско-белорусские феодалы для укрепления своего экономического положения и расширения своего земельного фонда.[1]

Литовские статуты трех редакций — 1529, 1566 и 1588 гг. являются историко-юридическими документами первостепенной исторической важности. В них отражено феодально-шляхетское право и юридически оформлено бесправное положение закрепощаемого и крепостного крестьянства. Естественно, что эти столь важные юридические памятники обратили на себя внимание советских историков. Так, Пичета изучал состояние разработки феодального права буржуазии исследователями, а также историю отдельных институтов юридического положения сельского населения ко времени издания Литовского статута 1529 г. и земельного шляхетского права, поскольку оно нашло отражение в статутах 1529 и 1566 г.[2] Начатое изучение Литовского статута было продолжено Ф. И. Забелой и А. Н. Бурдзейкой, которые специально занялись изучением юридических отношений земледельцев к землевладельцу на основе законодательства статутов 1566 и 1588 гг.[3] К. Н. Товстолес, продолжая работу над изучением статутов, заинтересовался наследственным и семейным правом тех же законодательных памятников, о чем и написал специальную работу.[4]

XVI век в истории Белоруссии — это время развития феодально-крепостнических отношений и городского строя, установление широких экономических связей с Западной Европой и Русским государством, а также период окончательного формирования белорусской народности и складывания белорусского языка с его морфологическими и фонетическими особенностями.

XVI век был также веком значительного развития белорусской феодальной культуры. Уже раньше этих вопросов частично касались П. В. Владимиров и М. В. Довнар-Запольский.

В связи с тем, что в 1925 г. исполнилось четыреста лет со дня выхода первой печатной книги в Белоруссии, белорусское культурное движение XVI в. подверглось всестороннему пересмотру и изучению. Белорусское возрождение XVI в. вышло из недр экономически раз-

---

господарских дворов и волостей Западной Белоруссии в пореформенную эпоху (Працы БДУ, № 4—5). Крестьяне тяглые во второй половине XVI в. в Великом княжестве Литовском (Сборник статей в честь С. М. Грушевского, Киев 1925).

[1] Ясінскі А. Пісар вяликага князя Казіміра Васіль Паўлавіч Любіч, як прадстаунік буйнага зямляўладаньня XV ст. (Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы клясы гісторыі, т. III, М. 1929).

[2] Пічэта У. Распрацоў ка гісторыі літоўска-беларускага XV—XVI ст. у гістарыяграфіі (Полымя, 1926, № 8). До історії опікуньского права в Літовському статуту, 1529 (Юбил. збірник на пошану акад. Д. І. Багалія, Київ 1927). Земельныя права в статутах 1529 и 1566 г. (Працы БДУ, № 11).

[3] Забела Т. І. Зямляўласьнік і зямляраб па Статуту Літоўскаму 1588 г. (Працы БДУ, № 20); Бурдзейка А. Зямляуласьнік і зямляраб па Літоўскаму статуту 1566 г. (Працы БДУ, № 14—15, 20).

[4] Таусталес. Права сямейнае паводле Литоўских статутов (Працы клясы гісторыі, вип. III).

вивавшегося города. По своей сущности оно представляло собою разновидность общеевропейского культурного городского движения, известного под именем Возрождения. Общекультурный подъем Белоруссии прежде всего отразился на широком развитии печатного дела в XVI и начале XVII в. Как известно, первая типография была основана в Вильне мещанином г. Полоцка Франциском Скориной — видным представителем белорусского Возрождения. Личность и деятельность Скорины была вновь пересмотрена белорусскими исследователями. Скорина, еще будучи в Праге, занимался переводом и изданием библейских книг на белорусский язык, сопровождая их предисловиями. Они заслуживают большого внимания, так как в них отражается вся сущность историко-философских взглядов первого белорусского возрожденца.[1] Скорина был сторонником свободной критики библейских книг и широкого их распространения среди народных масс. Вопросы белорусского возрождения заинтересовали проф. Н. А. Янчука[2] и акад. Е. Ф. Карского,[3] которые пытались в своих работах дать широкую картину литературного подъема, происходившего в Белоруссии в XVI в.

Проблема белорусского города обратила на себя внимание советских историков в Белоруссии; в особенности они заинтересовались изучением организации городского хозяйства и управления городом. Как известно, белорусские города пользовались значительным самоуправлением на основе так называемого магдебургского права. Еще в конце 60-х годов прошлого столетия проблема магдебургского права привлекла к себе внимание крупного буржуазного историка-юриста М. Ф. Владимирского-Буданова. Частично вопроса о городах в Белоруссии в своих работах касались и другие исследователи, как Любавский, Довнар-Запольский и Пичета.

Изучение белорусского города велось в трех направлениях. На примере города Могилева, сравнительно поздно выделившегося в отдельную административно-хозяйственную единицу, молодой исследователь Степанов показал, что́ представлял собой город в восточной Белоруссии до получения им магдебургского права.[4] Затем ряд исследователей занялся изучением истории отдельных белорусских городов в XV и XVI вв.,[5] и, наконец, были начаты работы по изучению административно-хозяйственного строя белорусских городов на основе магдебургского права.

Отметим, что исследователи использовали не только опубликованный, но в значительной степени и архивный материал.[6]

---

[1] П і ч э т а Ў. Беларускае адраджэнне ў XVI сталецці; Друк на Беларусі у XVI і XVII сталеццях, Scariniana. В о ў к-Л е в а н о в і ч. Мова выдання ў Скарыны. Д а ў н а р - З а п о л ь с к і М. Да юбілею беларускага кнігадруку (Гісторычна-архэолёгічны зборнік, № 1, М. 1927).

[2] Я н ч у к М. Нарысы па гісторыі Беларускае літературы. Старадаўны парыад. М. 1922.

[3] Акад. К а р с к и й Е. Белоруссы, т. III. Очерки словесности белорусского племени. Старозападно-русская письменность. Птр. 1921.

[4] С ь ц я п а н о ў Ц. Гісторыя места Магілева да поданьня яму Майдэборгскага права (1577). (Працы клясы гісторыі, т. II).

[5] Б у р д з е й к а А. Нарыс сацыяльна-экономічнага жыцьця места Наваградку у XУI ст. (Гіст.-археолёг. зб. № I); З а б е л а Т. Места Верасьцейскае у XVI ст. (Працы клясы гісторыі, т. III). Д р у ж ч ы ц В. Места Вільня у першье палаве XVI ст. (400-лецце беларускаго друку); Места Менск ў канцы XV і начатку XVI ст. (Працы БДУ, № 12).

[6] Д р у ж ч ы ц В. Беларускія месты ў гісторычнай літературы (Гіст.-археолёг. зб., № I). Магістрат ў Беларускіх местах з Майдэбарскім правам (Працы клясы гісторыі, т. III); Д а ў г я л а. Магілеўскі купецкі дом ў 1681—1685 гг. (Працы клясы гісторыі. т. III); Магілеўскае «брацтва прасалаў» (Гіст.-археолёг. зб., № 1).

XVI—XVII века — период установления и развития барщинно-крепостного хозяйства и крайнего обострения классовой борьбы в городах и деревне. Довнар-Запольский, Забела и Карнажицкий предприняли интересную попытку изучить социально-экономическую структуру Великого княжества Литовского в XVI и XVIII вв., установить основные моменты в экономическом развитии Белоруссии.[1] Классовая борьба в Белоруссии и борьба белорусского народа за социально-политическое освобождение были предметом специальных работ И. Ф. Лочмеля. Свое изучение автор доводит до образования Советской Белоруссии.[2]

Во второй половине XVIII в. изменилось государственно-правовое положение Белоруссии. В связи с упадком Польско-Литовского государства Белоруссия вошла в состав Российской империи и воссоединилась с братским русским народом; вместе с ним она штурмует феодально-крепостнический строй и дворянское царистское государство.

Этот новый период в истории белорусского народа почти еще не исследован. Правда, П. Н. Жукович опубликовал большую работу, посвященную социально-политическому положению западной России при Екатерине II и Павле I.[3] В известном отношении она представляет ценность, поскольку автором использован большой архивный материал Государственного совета. Но великодержавная шовинистическая точка зрения помешала автору правильно разобраться в сущности политики царизма по отношению к Белоруссии и белорусскому народу. Совершенно очевидно, что новый период в истории белорусского народа нуждался во всестороннем пересмотре. Этот пересмотр был выполнен Пичета в его подготовленной к печати монографии.[4]

Хозяйственное развитие Белоруссии и крестьянский вопрос во второй половине XVIII в. были предметом специального изучения со стороны Шнеерсона, написавшего прекрасную кандидатскую монографию, в которой нашел отражение изученный автором значительный архивный материал.[5]

Первая четверть XIX в. — периода начала разложения феодально-крепостнического хозяйства — является выдающейся в истории белорусского народа. С одной стороны, белорусский народ принимал деятельное участие в борьбе против великой армии Наполеона, организуя партизанское движение и помогая этим русскому народу в его борьбе с захватчиками. С другой стороны, польско-шляхетские национальные организации подготавливали почву для вооруженной борьбы против царского правительства. Эти интересные моменты в истории Белоруссии отражены в монографиях, подготовленных к печати В. И. Пичета и А. И. Корнейчуком.[6]

Польское восстание в Белоруссии в 1830 г. было предметом специального изучения со стороны Пичета. Им подготовлена монография, итоги которой изложены в главе «Польское восстание 1830 г.», напечатанной во II части «Истории СССР».

Советские историки Белоруссии обратили внимание на изучение периода разложения феодально-крепостнических отношений и обостре-

[1] Даунар-Запольскі М. Сацыяльна-экономічна структура Літоўска-Беларускае дзяржавы у XVI—XVIII ст. (Гіст.-археолёг. зб. № 1); Кернажицкі К. Гаспадарка старостаў на Белорусі (Працы клясы гісторыі, т. II); Забела Т. Панская гаспадарка на Беларусі (там же).

[2] Лочмель І. Барацьба беларускага народа супроць інтэрвентаў, М. 1940.

[3] Журнал Мин. нар. просв., 1915—1916.

[4] Белоруссия под властью царского правительства в конце XVIII в.

[5] Положение крестьянства в Белоруссии во второй половине XVIII ст. М. 1939.

[6] Пичета В. И. Белоруссия в первой четверти XIX в., тт. I, II. Корнейчук А. Белорусский народ в отечественную войну 1812 г.

ния классовой борьбы во второй четверти XIX в. Работы Мелешко и Шлюбского дают яркую картину положения барщинно-крепостного крестьянства. К. И. Кернажицкий внимательно изучает процесс разложения феодально-крепостнических отношений в первой половине XIX в., а Д. А. Жаринов обратился к изучению экономической дворянской литературы.[1] Такой важный факт в хозяйственном и социально-политическом развитии России и Белоруссии, как аграрно-крестьянская реформа 1861 г., не нашел до сих пор специального исследования, если не считать небольшой работы, напечатанной Лочмелем.[2] Но влияние крестьянской реформы на экономическое положение крестьян, на его дальнейшее обнищание, на обострение борьбы с помещиками отмечено в работах Пичета. Им же были исследованы отношения белорусского крестьянства к аграрно-крестьянской реформе в течение 1861—1863 гг.[3] К сожалению, такой важный период истории Белоруссии, как восстание 1863 г., еще не имеет специального марксистско-ленинского исследования. Период капитализма в сельском хозяйстве и промышленности привлек к себе внимание белорусских исследователей. Довнар-Запольский первый предпринял попытку дать историю народного хозяйства Белоруссии с 1861 по 1914 г.[4] Впрочем, эта попытка оказалась покушением с негодными средствами, и во всех отношениях ее надо признать неудовлетворительной. Естественно, что она встретила со стороны критиков отрицательное к себе отношение. Интересна работа Д. Дудкова, посвященная развитию капитализма в Белоруссии.[5] Она основана на громадном, по преимуществу архивном материале. Дудков приводит новые данные о развитии капиталистической промышленности в Белоруссии. Заслуга Дудкова в том, что он показал значительный удельный вес промышленности в Белоруссии, в то время как прежние историки говорили о ней очень мало. Работа Дудкова — ключ к пониманию революционных событий 1905—1907 гг.

Буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. еще не представлена полностью в исследовании. Она частично отражена в работах Пичета, изучавшего классовые противоречия в Белоруссии накануне буржуазно-демократической революции 1905 г., а также рабочее и крестьянское движения в 1905 г.[6] Крестьянскому движению в Белоруссии посвящена работа Мелешко.[7] Общий ход буржуазно-демократической революции 1905 г. представлен в работе Лочмеля, посвященной вообще освободительной борьбе белорусского народа.

Период реакции и подъема революционного движения в Белоруссии только частично отражен в работах белорусских исследователей. Дудков обратился к изучению столыпинской реформы бывшей Витебской губернии и привлек для этого громадный архивный материал.[8] Этим же вопросом занимался и Кернажицкий для Могилевской губернии.[9] Дудков ограничивается лишь изучением хода аграрной реформы

[1] Жарынаў З. Прыгонная гаспадарка Беларусі паводле даных расійскай гаспадарчай літературы і журналістыкі 30—40 гг. (Полымя, 1928, № 8—9).

[2] Молодой большевик, 1940.

[3] Пічэта Ў. Сялянскія рухі на Беларусі пасьля аграрнай рэформы 1861 г. (Полымя, 1929, кн. 8—9). Крестьянское и рабочее движение в Белоруссии в эпоху 1905 г. (Працы БДУ, № 11).

[4] Довнар-Запольский М. Народное хозяйство Белоруссии 1861—1914 гг. М. 1926.

[5] Дудкоў Д. Аб разьвіцьці капіталізму ў Беларусі у 2-й палове XIX і пачатку XX ст. М. 1932.

[6] Пічэта У. Крестьянское и рабочее движение на Белоруссии в эпоху 1905 г. (Працы БДУ, № 11, 12, 14—15).

[7] Мялешка М. Сялянскі рух на Віцебшчыне у 1905 г. (Полымя, 1925, №№ 7 и 8).

[8] Дудкоў Д. Сталыпінская рэформа у Віцебскай губэрніі. М. 1931.

[9] Кернажыцкі К. Аграрны рух на Могілеўшчыне. М. 1938.

Столыпина и ее результатов и не касается крестьянского движения, которым было охвачено разоренное реформой беднейшее и середняцкое крестьянство Витебщины, в то время как Кернажицкий показал, что вся Могилевская губерния была охвачена крестьянским движением, которое с каждым годом все более и более нарастало. Изучение аграрного движения автор доводит до 1914 г.

Великая Октябрьская социалистическая революция была представлена многочисленными статьями и отдельными работами, но большинство их принадлежит перу противосоветских авторов. Только Лочмель в своей работе впервые дал историю Великого Октября в Белоруссии на основе марксистско-ленинской методологии, на основе высказываний Ленина и Сталина. Институт истории АН БССР подготовлял к печати большой труд об Октябре в Белоруссии (под редакцией чл.-корр. АН СССР А. М. Панкратовой), к которому были привлечены все исследователи Белоруссии. К сожалению, в связи с войной эта работа временно была прервана.

Наш историографический обзор, разумеется, далек от полноты. Мы и не ставили себе задачей дать исчерпывающий обзор всего того, что было напечатано или подготовлено по истории Белоруссии в советский период. Много ценных статей по отдельным вопросам истории Белоруссии и ее культуры напечатано в белорусских газетах и журналах. Отдельные работы были посвящены изучению истории евреев в Белоруссии.[1] Особенное развитие в Белоруссии получило краеведение, обогатившее советскую науку опубликованием ценных материалов и статей.

Привести в систему все то, что было сделано в Белоруссии по вопросам ее истории, — это задача ближайшего будущего. Наша цель была более узкой. Мы стремились показать, что только после утверждения советского строя в Белоруссии создались благоприятные предпосылки для всестороннего изучения истории белорусского народа. Нашей задачей было показать, какие основные исторические проблемы были поставлены советскими историками в Белоруссии, для того чтобы будущие советские историки могли в дальнейшем продолжить и углубить историческое изучение Белоруссии.

Ныне фашизм топчет солдатским сапогом белорусскую землю. Он уничтожает белорусскую советскую культуру, ту огромную работу, которая была выполнена в советский период, чтобы вывести Белоруссию из того состояния нищеты и бескультурья, в котором она находилась при царском режиме.

Однако близок час, когда героическими усилиями доблестной Красной Армии и всего советского народа будет уничтожен коварный враг, обрекающий белорусский народ на гибель и уничтожение. Тогда вновь создадутся благоприятные условия, при которых изучение истории Белоруссии вступит в новую полосу своего развития и расцвета.

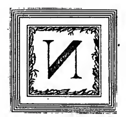
[1] Еврейский сектор АН БССР опубликовал на еврейском языке три выпуска по истории языка, культуры, истории и быта евреев.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Канд. истор. наук **М. А. КОРОСТОВЦЕВ**

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА ЗА 25 ЛЕТ

сторическая наука всегда уделяла большое внимание изучению истории древнего мира по вполне понятным причинам: во-первых, история древнего мира по своей продолжительности охватывает больше половины письменной истории человечества; во-вторых, древний мир является колыбелью и началом всей современной культуры.

Для нас история древнего мира представляет особый интерес, так как древнейшие периоды истории нашей родины самым тесным образом связаны с историей древнего мира. Халдское государство, сложившееся в первой половине 1 тысячелетия до н. э. в непосредственном соседстве с нашим Закавказьем, имело с последним теснейшие культурно-исторические связи, и на нашей территории были обнаружены надписи халдских царей. Таким образом, история Закавказья в древнейшие периоды входит в историю древнего Востока.

С другой стороны, часть территории СССР, а именно побережье Черного моря, примерно от Одессы до берегов древней Колхиды включительно, на протяжении нескольких столетий входила в состав античного греко-римского мира, а наша Средняя Азия была свидетельницей походов Александра Македонского, и на ее территориях складывались и существовали своеобразные эллинистические государства.

Отсюда ясно, что подлинно научное понимание древнейших периодов нашей родины немыслимо вне связи с историей древнего мира в целом. Но интерес изучения древней истории для советской науки не ограничивается этим.

В письме к К. Шмидту от 5/VIII 1890 г. Энгельс указывал, что «всю историю надо изучать сызнова... В этом отношении сделано до сих пор очень мало, потому что очень немного людей серьезно этим занималось». [1]

Это ценнейшее программное указание Энгельса особенно важно для советских историков: где, как не в Советском Союзе, должна и может быть создана подлинно марксистская история древнего мира?

Советская историческая наука не появилась внезапно на голом месте: ее возникновение и развитие связано теснейшим образом с лучшими достижениями мировой и, в частности, русской дореволюционной науки, которая заслуженно может гордиться именами таких первоклассных специалистов, как Лемм, Голенищев, Тураев, Куторга, Никитин,

---

[1] Маркс — Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 292, изд. 1933 г.

Васильевский, Фармаковский, Латышев и др., обогативших мировую науку ценными исследованиями, изданиями памятников и результатов раскопок.

Русские историки древнего Востока и античного мира достигли серьезнейших результатов в своей научной деятельности, несмотря на ряд неблагоприятных условий, в которых росла и развивалась историческая наука в царской России. Крупнейший ученый, автор блестящей «Истории древнего Востока», акад. Тураев в введении к первому изданию своего труда (1913 г.), подчеркнув связь истоков русской культуры с древним миром, писал:

«Самые центры ассиро-вавилонской культуры — Ниневия и даже Вавилон — находились в ничтожном расстоянии от нашей границы и тем самым напоминали нам, что интерес к изучению древнего Востока должен быть у нас более жив, чем в Западной Европе, а изучение великого прошлого наших окраин — наш долг и пред ними и пред наукой. Нами сделано в этом отношении слишком мало не только в смысле ученых и археологических изысканий, но даже в деле простого собирания памятников и спасения их от исчезновения, между тем как музеи Берлина и Лондона богаты не только предметами египетской и вавилонской культуры, но даже памятниками, вывезенными из Закавказья. Не относясь с должным рвением к тому, что находилось у нас дома, мы уже совершенно пренебрегали тем, что находится за пределами».

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила положение нашей отечественной науки и ее работников, создав для них исключительно благоприятные условия работы. Если в царской России наука могла прогрессировать лишь в результате инициативы частных лиц и научных обществ и лишь в самой минимальной дозе привлекала внимание правительства, то в СССР ее успехи обеспечены неизменной заботой о ней партии, правительства и лично И. В. Сталина.

Подводя итоги изучению истории древнего мира за двадцать пять лет, мы не в праве ни на одно мгновенье забывать это важнейшее обстоятельство.

Конечно, в истории науки, вообще говоря, это срок небольшой, но именно в Советском Союзе он больше, чем где бы то ни было.

К двадцать пятой годовщине Октября мы приходим с серьезными достижениями, несмотря на все ошибки наших историков, несмотря на все трудности, задерживавшие наше движение вперед. На развитие нашей науки о древности весьма вредное влияние оказала школа М. Н. Покровского со свойственным ей ненаучным подходом к разрешению важнейших исторических проблем. Имели место в нашей работе и недопустимое для историка игнорирование источников, и голое социологизирование без учета фактов, и априорные, не подтвержденные конкретно-историческим материалом построения.

Преодоление этих нездоровых явлений в нашей науке уже само по себе — значительное достижение; оно дало возможность направить научно-исследовательскую работу по надлежащему руслу и базировать ее на конкретном, фактическом материале.

Задачи, стоявшие перед нашими историками, были двоякого рода.

Во-первых, необходимо было серьезно работать над освоением огромного материала, накопленного мировой наукой. Это весьма важная, трудоемкая и кропотливая работа, особенно в отношении древневосточных обществ. Здесь необходима максимальная точность, без которой пользование источниками приводит к поверхностным и неверным выводам. Работая в этом направлении, наши историки добились значитель-

ных результатов, но надо признаться, что здесь имели также место ошибки и промахи, являвшиеся результатами пренебрежения к филологической точности и углубленности.

Во-вторых, необходимо было на основе марксистской методологии критически изучать и связывать между собой собранные факты и использовать их для построения принципиально новой, марксистской истории древнего мира.

В разрешении этих задач работа советских историков сводилась к следующему:

1) Выявление новых источников и их публикация.

2) Исследование как вновь найденных, так и уже известных источников для извлечения из них предварительных выводов.

3) Исследование отдельных проблем, взятых в целом или частично.

4) Работы обобщающего характера.

Собирание и изучение источников имеет для науки первостепенное значение, но, несмотря на всю свою важность, является лишь одним из этапов научной работы: целью науки является обобщение фактов в свете научной теории. В этом отношении исключительное значение для развития нашей исторической науки имел выход в свет «Краткого курса истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», одобренного ЦК ВКП(б), IV глава которого, написанная великим теоретиком Иосифом Виссарионовичем Сталиным, является последним словом марксистско-ленинского учения о развитии общества. Работа И. В. Сталина дала мощный толчок в развитии нашей исторической мысли и ориентировала ее на постановку новой исторической проблематики, активизировала научно-исследовательскую работу над рядом важнейших научных вопросов. Для примера укажем на кардинальный вопрос об общественно-экономической формации древнего Востока, вызвавший в нашей науке длительную и ожесточенную дискуссию.

Работы акад. В. В. Струве показали на конкретном историческом материале, что ни о каком феодализме на древнем Востоке не может быть и речи и что древневосточные общества надо отнести к рабовладельческой формации. Конечно, и сейчас среди наших ученых имеются серьезные разногласия о специфике древневосточного рабства, его качественных и количественных отличиях от античного рабства и т. д. Здесь сделаны лишь первые шаги, а поле деятельности необозримо. Но главное в том, что вопрос принципиально разрешен положительно. Это крупное достижение нашей науки, так как именно только ею он и был поставлен.[1] Огромное влияние на положительное марксистское разрешение этой проблемы оказала именно работа И. В. Сталина, с предельной ясностью и четкостью вскрывающая суть исторического процесса как смену пяти прогрессивных типов общественных отноше-

---

[1] Струве В. Очерки социально-экономической истории древнего Востока. Изв. ГАИМК, 1934, вып. 97. Его же. Рабовладельческая латифундия Сумира III дин. Ура в сборнике в честь акад. Ольденбурга, стр. 495—507. Его же. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока. Изв. ГАИМК, 1934, вып. 77. Акад. Никольский Н. Рабство в древнем Двуречье. ВДИ, 1941, № 1. Лурье И. Стоимость раба в древнем Египте. ВДИ, 1938, № 4. Его же. К проблеме домашнего рабства в древнем Египте. ВДИ, 1941, № 1. Авдиев. В. И. Рабовладение на древнем Востоке. История в средней школе, 1934, № 2. Его же. Статья в «Историке-марксисте», 1934, № 6 — «Сельская община и искусственное орошение на древнем Востоке». Редер. Рабы и подданные египетских храмов в XII в. до н. э. по статистическим данным папируса. Гаррис. Зап. ист. фак. Моск. обл. пед. инст., 1940, т. II. Неопубликованная диссертация Коростовцева — «Рабство в древнем Египте в эпоху XVIII династии».

ний и тем самым разрушающая циклическую концепцию развития общества, в схеме которой древневосточный «феодализм» находил удобное место.

Отметим, что участие в работе над этой проблемой помимо перечисленных авторов принимали все наши специалисты (Снегирев, Францов, Шолпо, Ранович, Перепелкин и др.), что и отражено в их работах, посвященных разным вопросам истории и культуры древнего Востока.

Само собой понятно, что критическая переработка древней истории на основе марксистской методологии выдвинула ряд новых тем, без которых невозможно построить марксистскую историю древнего мира. Помимо основного вопроса об общественно-экономической формации и способе производства, к таким темам относятся вопросы о роли расы в создании древнейших культур, о формах классовой борьбы в древности, о роли религии и ее социально-экономических корнях и т. д.

На ряду с этой новой тематикой наши ученые продолжали разрабатывать тематику, перешедшую к нам от дореволюционного времени, без которой также немыслимо движение науки вперед: хронологию, биографические данные, проблемы источниковедения, филологическую интерпретацию источников и т. д.

За последние предвоенные годы в основном сложились и организационно оформились центры научно-исследовательской работы в области древней истории, и это обстоятельство, конечно, имело весьма благотворное влияние на развитие нашей науки. Прежде всего надо упомянуть научно-исследовательские институты АН СССР — Институт истории, имеющий специальный сектор древней истории, Институт востоковедения, в составе которого имеется кабинет древнего Востока, Институт истории материальной культуры (б. ГАИМК), Институт языка и мышления, филиалы АН СССР и республиканские академии. Вопросы истории и культуры древнего мира занимают определенное место в производственных планах этих учреждений, и, таким образом, научно-исследовательская работа протекает планомерно и систематично. Большую научно-исследовательскую работу проводят и наши музеи, прежде всего Государственный Эрмитаж в Ленинграде и Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве, описывающие памятники своих коллекций и публикующие результаты своих исследований в Сборниках, Трудах и др. своих изданиях.[1] Наконец, исторические факультеты МГУ и ЛГУ являются центрами научно-исследовательской работы, проводимой профессорским и преподавательским составом. За последние годы ряд серьезных работ был опубликован этими факультетами.

Несомненно положительным фактом является связь научных центров Москвы и Ленинграда с областными научными центрами нашей страны и вовлечение последних во все возрастающем масштабе в общую научную работу. История древнего мира, как она того и заслуживает, перестает быть предметом занятий узкого, замкнутого круга лиц, она все больше и больше становится достоянием советской общественности.

Невозможно обойти молчанием еще одно весьма важное и положительное явление в нашей научной жизни. В дореволюционной России никогда не существовало специального периодического органа по исто-

[1] В Гос. Эрмитаже и Музее им. Пушкина имеются всемирно известные, исключительно ценные для науки памятники. Для примера назовем египетский папирус с текстом знаменитой сказки о потерпевшем кораблекрушение (в Гос. Эрмитаже) и не менее знаменитый египетский папирус с текстом «Путешествия Уну-Амона» (в Музее им. Пушкина).

рии древнего мира; в настоящее время мы имеем такой журнал — «Вестник древней истории» (сокращенно ВДИ), основанный в 1937 г.[1] На страницах этого журнала печатались работы как советских, так и иностранных ученых. Большое организационное и научное значение периодического органа печати не требует доказательств. Однако наши научные потребности настолько возросли, что уже до войны ощущалась необходимость в более детальной специализации и в создании специального журнала по проблемам истории древнего Востока.

Раскопки в разных частях СССР и серьезные успехи советской археологии с несомненностью показали, что в древнейшие времена наша родина не оставалась в стороне от столбовой дороги мирового исторического процесса, что на ее территории жили народы и складывались государства, судьбы которых были тесно связаны с уже более изученными странами древнего Востока. Раскопки Толстова в Средней Азии — в Хорезме обнаружили остатки культуры бронзового века, датируемый Толстовым II—I тысячелетиями до н. э.[2]

Раскопки лауреата Сталинской премии Куфтина в Грузии, в районе реки Цалки дали весьма ценные научные результаты: здесь были найдены остатки материальной культуры весьма древнего времени, восходящие, как полагают, ко II и даже III тысячелетию до н. э., во всяком случае к доурартийской эпохе.

Сейчас еще слишком рано говорить о каких-либо определенных выводах, — разработка этого нового материала только что началась.

Во всяком случае эти открытия подводят нас к выводу, что культурно-исторические связи народов, населявших нашу родину в древнейшие времена, со странами древнего Востока были гораздо шире и глубже, чем это можно было предполагать ранее.

В отношении нашего Закавказья это полностью доказано успехами нашего халдоведения, начало которому еще в дореволюционное время положили М. Никольский и Н. Марр. Последний вместе с акад. И. Орбели издал в 1922 г. результаты археологической экспедиции в Ван в 1916 г., где Орбели нашел надпись царя Сардура II.[3] За год до этого вышла другая работа Марра, посвященная надписям халдского царя Русы II.[4]

Работы Марра являются серьезнейшими исследованиями, в очень большой степени продвинувшими изучение халдского языка. В своих работах он на основании большого языкового материала указывает на близость халдского языка к языкам Кавказа.[5]

Ближайший ученик и продолжатель Марра, акад. Мещанинов обогатил халдоведение рядом ценнейших исследований, в которых вопросам филологии и лингвистики уделил исключительное внимание и которые далеко продвинули вперед изучение халдского языка и понимание халдских надписей.[6] Кроме того, ряд его работ посвящен вопросам археологии.

[1] До сих пор вышло 13 томов.

[2] ВДИ, 1939, № 3, стр. 174—176.

[3] См. Марр Н. и Орбели И. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван, 1922. Марр, Надпись Сардура II, Зап. Кавк. музея, 1919, сер. В, вып. 1.

[4] Марр Н. Надписи Русы II, из Маку. Зап. Вост. отд. Русск. арх. общ., 1921, XXV.

[5] Мещанинов Н. Марр как халдовед. Язык и мышление, XVIII. Перу Марра принадлежит еще ряд небольших исследований по халдской филологии и древности.

[6] Его же. Выдвигаемые яфетическим языкознанием вопросы в области изучения ванской клинописи. Сборник Яфетического института, V. Его же. Халдоведение, 1927. Его же. Язык ванских клинописных надписей, 1932. Его же.

Одновременно с этим происходили поиски новых памятников и их публикация. В 1927 г. на озере Севан у Нор-Баязета была найдена надпись царя Русы, сына Сардура, представляющая большой исторический интерес: Руса повествует здесь о постройке новой крепости и о смене местного царька.[1] Другая надпись была найдена близ селения Джанфид, около Армавирского холма.[2] Еще одна пока не изданная надпись, в которой упоминается Руса, сын Аршшти, была найдена близ Еревана, в крепости Чарбах на Занге. Надпись из сел. Талиш была впервые издана Мещаниновым.[3] Вместе с тем производились работы по уточнению уже известных или изданных текстов. Так, например, в 1926 г. Комитет по охране древностей Армении снял эстампаж Калагранской надписи, над которым в 1933—1934 гг. работал сотрудник Государственного Эрмитажа Б. Пиотровский. Упомянутый выше Армавирский холм привлекает внимание наших ученых, так как вблизи него было найдено семь халдских надписей. На состоявшемся в 1925 г. в Батуми краеведческом съезде была подана записка «О необходимости систематического исследования развалин Армавира», а в 1927 г. Кавказский историко-археологический институт и Комитет по охране древностей Армении совместно провели там археологическую разведку. Акад. В. В. Струве высказывает предположение, «что под Армавирским холмом покоится столица халдского наместника, управлявшего северными владениями Урартийского царства».[4]

Пиотровский является отличным знатоком халдского языка, письма и древностей. Его перу принадлежит ряд работ о древнем царстве Урарту.[5]

Особо следует отметить издание халдских памятников музея Грузии.[6] Этот прекрасный капитальный труд сделал достоянием научной общественности ряд важнейших памятников и является вместе с тем первоклассным исследованием, содержащим множество ценных филологических и лингвистических выводов.

Заслуживают внимания работы тбилисского ученого Ушакова, занимающегося халдским языком, эпиграфикой и его связями с другими языками Передней и Малой Азии. Наконец, следует упомянуть статью Худадова о судьбах урартийцев после падения Ванского царства.

Советское халдоведение является безусловно одной из самых передовых отраслей нашего востоковедения; по своей научной значимости и высокому уровню оно занимает в мировой науке одно из первых мест.

Die neuen Ergebnisse der Chaldischen Forschungen, Archiv für Orientforschung, 1931. VI. Его же. Язык ванской клинописи, 1935 (весьма важная работа). Его же. Восточное Закавказье времен халдских завоеваний. ВДИ, 1937, № 1.

[1] Издана в Изв. Инст. науки и искусств Армении, 1927, № 2 и 1930, № 4, а также в Дневн. Комит. по охр. древн. Армении, № 3 (оба издания на армянском яз.). На русском яз. издана Мещаниновым в Докладах АН СССР за 1928 г. и на немецком — в Archiv für Orientforschung, 1931, VI.

[2] Издана на армянском яз. в Новом пути, 1929, вып. 2—3, и на армянском, с русским переводом и немецким резюме,—в Дневн. Комит. по охр. древн. Армении, № 4.

[3] Мещанинов И. Новая халдская надпись из сел. Талиш. Изв. АН СССР, 1932, № 4.

[4] ВДИ, 1938, № 1, стр. 17.

[5] Пиотровский Б. Урарту, древнейшее государство Закавказья, изд. Гос. Эрмитажа, 1939 (Отзыв Крупнова, ВДИ, 1940, № 2). Он же является автором главы об Урарту для II тома «Всемирной истории», изд. АН СССР. Во всех его работах видно отличное знание языка и материала и привлечены новые интересные данные.

[6] Урартские памятники музея Грузии, изд. Инст. языка, истории и мат. культуры им. Марра. Груз. филиал АН СССР, Тбилиси 1939. См.обстоятельную рецензию Мещанинова, ВДИ, 1941, № 1.

Исторические судьбы Урарту были теснейшим образом связаны с древнейшими обществами Двуречья — Ассирией и Вавилонией, начало изучению которых в России было положено такими первоклассными специалистами, как М. Никольский, В. Шилейко, Н. Марр и Б. Тураев. Шилейко был глубоким знатоком сложной системы клинописного письма и ассиро-вавилонского и шумерского языков. После Октябрьской революции он много и плодотворно работал на ниве советской ассириологии и напечатал ряд ценных исследований и прекрасных, строго научных переводов шумерийских и ассиро-вавилонских текстов.[1]

В 1924 г. из печати вышел первый том посмертного труда акад. Тураева «Классический Восток», содержащего историю Вавилонии до XVI в. до н. э. и по полноте материала являющегося крайне важным пособием для всякого ассириолога.

Ученик Шилейко А. Рифтин издал и перевел юридические и административные клинописные вавилонские документы советских коллекций.[2]

Ученик Рифтина И. Дьяконов написал главы по истории Ассирии для II тома «Всемирной истории», читал курс ассирийского языка в ЛГУ и напечатал несколько небольших ассириологических работ.[3]

Наш выдающийся востоковед акад. В. Струве является также специалистом и в области ассириологии.

Для II тома «Всемирной истории» он написал историю древнейшего Двуречья, использовав много нового и ценного материала. Его же перу принадлежит ряд ассириологических работ, посвященных истории, религии и другим сторонам жизни Двуречья.[4]

Необходимо также упомянуть акад. Н. Никольского, сына основателя русской ассириологии М. Никольского. Его научные интересы сосредоточены преимущественно на социально-экономических проблемах истории древнего Двуречья.[5]

Эламу, помимо названной работы акад. Марра, посвящены две работы акад. И. Мещанинова.[6]

Хеттология у нас представлена в первую очередь Шилейко, издавшим ряд хеттских текстов. Вопросы о связях хеттского языка с другими языками разрабатывал Марр. Интереснейшему памятнику

---

[1] Шилейко В. Ассириологические заметки. ЗВО, 1921, XXV. Его же. Таблетка с молитвой ночным богам в собрании Лихачева. Изв. ГАИМК, 1924. Его же. Das Sechsseitige Tonprisma Lugalusumgals... в Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale, 1931, XXVIII. Его же. Omentext Sargons von Akkad und sein Nachklang bei römischen Dichtern. Archiv fur Orientforschung, 1928, и ряд др.

[2] Рифтин А. Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР, 1937. Рецензия И. Дьяконова во ВДИ, 1940, № 3—4. Его же, К происхождению вавилонского частноправового акта, сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», 1937.

[3] Дьяконов И. Письмо к шумерскому царю Шу-Сину. ВДИ, 1939, № 1.

[4] Струве В. К истории патесиати Гишху (Умма). Изв. РАИМК, 1922, вып. II. Его же. Иштарь-Исольда в древневосточной мифологии. Сб. «Тристан и Исольда». Труды Инст. языка и мышления, 1932, вып. II. Его же. Диалог господина и раба о смысле жизни, сб. «Религия и общество», 1926 (в результате анализа этого замечательного произведения Струве приходит к выводу, что оно является отражением острой классовой борьбы в вавилонском рабовладельческом обществе), а также ряд других работ.

[5] См. вышеупомянутые работы, а также статью «Община в древнем Двуречье», ВДИ, 1938, № 4. Его же. К вопросу о реите, налоге в древнем Двуречье, ВДИ, 1939, № 2. Им же написана глава о вавилонской религии и культуре для II тома «Всемирной истории» и статья «Вавилония» в БСЭ.

[6] Мещанинов И. Эламские древности, 1917. Его же. Орнамент сузских чаш первого стиля. Изв. ГАИМК, 1927, V.

хеттского общества — судебнику хеттов посвящено несколько работ наших ученых.[1] Специальное исследование о структуре хеттского общества написано Струве, которым, на основании большого фактического материала, показана преобладающая роль рабского труда в хеттском обществе.[2] В 1922—1924 гг. было выпущено несколько небольших работ о хеттах Смолина и Захарова.

Общий очерк истории хеттов для II тома «Всемирной истории» написан Коростовцевым.[3] Влияние хеттской религии на древнеармянскую изучает Капанцян.[4]

История древней Персии в эпоху Ахеменидов изучается нашими иранистами А. Фрейманом и М. Дьяконовым. Последний написал историю Ирана эпохи Ахеменидов для II тома «Всемирной истории», а Струве заканчивает свое исследование о социальном строе Ирана в эпоху Ахеменидов.

История Иудеи и Израиля и сложные вопросы библейской критики по вполне понятным причинам привлекают интересы наших ученых: библейская история всегда служила убежищем для идеалистического толкования многих вопросов истории древнего Востока, и в первую очередь, конечно, древней истории еврейского народа.

Акад. Н. Никольский является автором многих работ в области древней истории и религии еврейского народа,[5] в которых впервые вопросы библейской критики разрабатываются на основе марксистской методологии и религиозная проблематика изучается в неразрывной связи с социально-экономическими основами древнееврейского общества. А. Рановичу принадлежит сводная работа по древнееврейской религии[6] — первая попытка марксистского изложения истории еврейской религии. Автор использовал большую литературу, привлек множество источников и сумел показать, что религия древних евреев прошла те же этапы развития, что и религия других древневосточных народов. Интересные работы о библейской мифологии написаны одним из ближайших учеников Марра, Франк-Каменецким, который применил в них метод палеонтологического анализа. Специальное исследование об источниках Книги Бытия написано Бендером, а неоднократно поднимавшийся в научной литературе вопрос об отношениях между евреями и древним Египтом исследован Струве в специальной работе. Его же перу принадлежит весьма интересное исследование о причинах разрушения иудейского храма в Египте на о-ве Элефантине: здесь на основании тщательного и кропотливого исследования с несомненностью установлено, что в основе этого события вовсе не лежал антисемитизм, вообще не известный древнему миру, а что ненависть египтян обрушилась в данном случае на еврейскую колонию исключительно потому, что последняя пользова-

---

[1] Бороздина. Хеттские законы. Новый восток, 1923, IV. Акад. Никольский. Хеттские законы и их влияние на законодательство Пятикнижия. Еврейская старина, 1928; Акад. Струве. Параграфы 34—36 хеттского судебника. ВДИ, 1937, № 1.

[2] Струве В. Хеттское общество как тип военного рабовладельческого общества. Изв. ГАИМК, 1934, вып. 97.

[3] Им же написана глава о хеттах для университетского курса истории древнего Востока акад. Струве, изд. 1941 г., а также очерк религии хеттов для истории религий.

[4] Капанцян. Хеттские боги у армян в связи с хеттским влиянием на армян и генезисом армянского пантеона. Ереван 1940.

[5] Список его работ напечатан во ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 263.

[6] Ранович А. Очерк истории древнееврейской религии, 1937, рецензия Н. М. во ВДИ, 1938, № 1, стр. 125.

лась поддержкой и покровительством персидских властей, которых, как поработителей, египтяне ненавидели.[1]

В области семитологии, представленной в России таким первоклассным специалистом, как акад. Коковцев, работали его ученики А. Борисов и В. Шилейко, которые совместно с акад. Крачковским издали ряд арамейских, южноарабских и пунических надписей советских собраний.[2] Финикией занимается А. Ранович, написавший ее историю для II тома «Всемирной истории» Академии Наук.

Серьезные достижения мы имеем в египтологии, начало которой в России было положено трудами Лемма, Голенищева и Тураева. В год смерти последнего была издана его фундаментальная работа по египетской литературе,[3] являющаяся одним из лучших трудов в мировой научной литературе по этому вопросу: это исключительно полный обзор памятников египетской письменности, начиная с древнейших времен и кончая падением египетской культуры.

После смерти Тураева его место в нашей науке заслуженно занял его ученик В. В. Струве. Этот выдающийся ученый, имя которого хорошо известно за пределами Советского Союза, сочетает с широтой исторических взглядов глубокую эрудицию во всех отраслях древнего востоковедения. Он является не только отличным знатоком египетского языка, но владеет также рядом других древних языков, что дает ему возможность вполне самостоятельной научной интерпретации первоисточников. Многочисленные труды Струве касаются самых разнообразных проблем египтологии, и темы его исследований всегда интересны и оригинальны. Одна из лучших работ Струве посвящена египетскому историку Манефону, жившему в начале господства династии лагидов.[4] В этой работе Струве на основании огромного материала показал, что утвердившийся в науке взгляд, согласно которому данные египетского историка не заслуживают доверия, не верен. Напротив, Манефон хорошо знал прошлое своей страны, так как в своей работе опирался в общем на те же источники, которыми оперирует современная наука, и сохранившиеся остатки его труда подверглись искажениям уже после него. Необходимо здесь отметить, что в новой работе крупнейшего английского египтолога B. Gunn, в которой он разбирает некоторые места египетского папируса с «Поучениями Аменемхета I», указано, что Манефон в своем изложении истории XII династии, несомненно, исходил из этого документа.[5]

Струве издал, перевел и комментировал московский математический папирус,[6] являющийся крайне важным документом для изучения египетской науки и культуры. Это издание по своему научному уровню отвечает самым строгим требованиям современной науки. Из других работ Струве упомянем его исследования о специальном перевороте в Египте, о котором повествует знаменитый Лейденский папирус и который, как указывает Струве, мог произойти лишь в конце Среднего царства, до завоевания Египта гиксосами, а не в конце Древнего царства, как это считали некоторые ученые, так как социально-экономические предпосылки для такого переворота не

---

[1] Струве В. Подлинная причина разрушения иудейского храма на Элефантине в 410 г. до н. э. ВДИ, 1938, № 4.
[2] Изв. РАИМК, 1921, и Изв. АН СССР, 1932—1936.
[3] Тураев Б. Египетская литература, 1920.
[4] Струве. Манефон и его время. ЗКВ, 1928, т. III; 1930, т. IV.
[5] Gunn. Notes on Ammenemes I. Journal of Egyptian Archaeology, 1941, XXVII, стр. 5.
[6] Struve V. Der Moskauer Mathematische Papyrus, 1930.

могли созреть до конца Среднего царства.[1] Перу Струве принадлежит ряд интересных и ценных исследований в очень трудной области египтологии — в изучении птоломеевского Египта, где необходимо для научной работы привлекать на ряду с египетскими и греческие источники. В последние годы Струве стал успешно работать над труднейшими демотическими текстами советских собраний и сделал несколько весьма важных докладов о результатах своих работ.

Отметим, что демотические тексты, самые многочисленные и самые важные для изучения социально-экономических отношений позднего Египта, являются вместе с тем самыми трудными и мало доступными для изучения в силу особой сложности и малой изученности демотической системы письма, и специалистов в этой области во всем мире всего несколько человек, а у нас в СССР Струве — пока единственный.

Большой заслугой Струве является его умение выращивать научные кадры: фактически молодое поколение советских египтологов выросло под его непосредственным руководством.

Древняя египетская цивилизация всегда привлекала внимание советских ученых. Уже в 1922 г. в Москве состоялся первый всероссийский съезд египтологов, созванный в столетний юбилей бессмертного открытия Шампольоном ключа к чтению иероглифической письменности.

В области истории и хронологии древнего Египта, кроме Струве, работал его ученик Н. Шолпо, автор главы о Древнем царстве во II томе «Всемирной истории». Он разрабатывал главным образом сложные вопросы египетской хронологии, в частности Древнего царства. Им же написана специальная статья о «Времени «введения» календаря в древнем Египте»,[2] где на основании весьма убедительных данных и доводов отвергается старая точка зрения о «введении» календаря в Египте в древнейшие времена. В работе Коростовцева «Из истории V династии»[3] на основании новых материалов дается новая трактовка истории этого периода в Древнем царстве. В. Авдиев дал обзор военной политики Египта в эпоху архаики, а также Древнего и Среднего царств.[4] Во II томе «Всемирной истории» большинство глав по истории Египта написаны Ю. Я. Перепелкиным, в которых автор приводит много нового, неиспользованного материала и которые являются ценным вкладом в нашу науку.

Особо следует упомянуть ряд небольших работ, в которых описаны и исследованы египетские предметы, найденные на территории СССР и свидетельствующие о связях, если не прямых, то косвенных, между СССР и Египтом.[5]

---

[1] Струве В. Речения Инувера, 1935 (полный перевод и исследование Лейденского папируса).

[2] ВДИ, 1939, № 1.

[3] ВДИ, 1941, № 1.

[4] ВДИ, 1938, №1 и 1939, № 1.

[5] Они являются продолжением работ акад. Тураева, Скарабей с острова Березань. Изв. Археол. ком., 40. Его же. Статуэтка Имхотепа, найденная на Кубани. Там же. Его же. Objets égyptiens et égyptisants trouvés dans la Russie méridionale. Revue Archeologique, 1911. Его же. Скифия в иероглифической надписи, в сборнике Платонову, 1911. Работы советских историков: Пиотровский. Египетские предметы в Северокавказском крае. САИМК, 1931, № 6. Снегирев. Египет и Юг СССР. Сборник Ямфака ЛГУ, 1929. Захаров. Фрагмент египетского украшения с юга России. Труды Отд. археол. РАНИОН, 1926, I. Его же. Две египетские статуэтки, найденные в Зап. Сибири. Труды Секции арх. РАНИОН, 1928, IV. Шмидт. Древний Восток и русский Север. Новый Восток, 1926, XIII — XIV. Акад. Мещанинов. Египет и Кавказ. Изв. Общ. обсл. и изуч. Азербайджана, 1927, № 4. Avdiev. Egypt and Caucasus. Ancient Egypt, 1933.

Марксистской разработкой египетской религии занимались главным образом Ю. Францов и М. Матье. Первый является автором исследования мифа об умирающем и воскресающем боге, весьма распространенного во всех религиях древнего Востока и воплощенного в Египте в образе Осириса.[1] Им же написана глава о египетской религии и культуре для II тома «Всемирной истории». Матье, помимо небольших специальных работ, выпустила книгу «Мифы древнего Египта» (1940), в которой впервые на русском языке дается полный обзор всех египетских мифов с попыткой их марксистского исследования. Франк-Каменецкий написал исследование о религиозном синкретизме в Египте в эпоху Нового царства,[2] Авдиев — о религиозном оправдании войны,[3] Р. Рубинштейн — о 125-й главе Книги Мертвых.[4]

Египетская литература была предметом изучения также Матье, Францова, Мещерского и Лурье. Последние два опубликовали работы об известном папирусе, содержащем так называемую «беседу разочарованного со своим духом». Египетскому искусству в нашей египтологической литературе уделяется много внимания. В 1924 г. была издана работа Баллода по истории египетского искусства. Многочисленные исследования Н. Флиттнер о древневосточном и египетском искусстве в частности доказали значение последнего в развитии мирового искусства. Московский египтолог-искусствовед В. Павлов написал общий обзор истории египетского искусства и специальное большое монографическое исследование о развитии скульптурного портрета в Египте.[5] Авдиев исследовал орнамент архаической керамики.[6]

Специальное исследование об искусстве Египта в эпоху Среднего царства написано Матье.

Вопросы египетской техники и промышленности изучали Лурье и Шолпо.

На основе яфетической теории Марра к египетскому языку и письму были применены методы палеонтологического анализа: ряд египетских слов, терминов и знаков иероглифического письма исследован таким образом.[7] И. Лившиц подготовил к печати большой труд о детерминативах в египетском письме — первая крупная яфетидологическая монография по этому вопросу. Одновременно с этим проводилась работа источниковедческого характера: издания, переводы и т. д. египетских письменных и вещественных памятников.

Коростовцев опубликовал перевод важного исторического документа начала XIX династии[8] с филологическим и историческим комментарием и подготовил к печати перевод всех исторических текстов Древнего царства с обширным филологическим комментарием.

---

[1] Недельский-Францов Ю. Миф о страдающем боге. 1934. Ему же принадлежит статья в БСЭ о египетской религии и др. В монографии Францова о фетишизме видное место уделено египетской религии.

[2] ЗКВ, 1925, I; 1928, III.

[3] ВДИ, 1939, № 4.

[4] Зап. Инст. им. Герцена, 1938, XI.

[5] Павлов В. Скульптурный портрет в древнем Египте. 1937. Рецензия Матье во ВДИ, 1939, № 2.

[6] Avdiev V. I. Geometric Ornament on Archaic Pottery. London 1935.

[7] Струве В. Стадиальная семантика египетской глагольной формы Sdm. f. Сборник Марру. Францов Ю. К палеонтологическому анализу древнеегипетских земледельческих терминов: термин «мотыга». ДАН СССР, 1930. Пиотровский Б. Б. По поводу древнеегипетского «железо». Там же, 1929. Снегирев. Магический жест «ка» и название «души» и «быка» в древнеегипетском. Там же, 1930. Ольдерогге. О названии обелиска bnbn. Сб. египтол. кружка, № 2. Лившиц. Время и пространство в египетской иероглифике (Сборник Марру) и ряд других работ этих авторов.

[8] Коростовцев М. Декрет Сети I в Наури. Исторический архив, 1939, № 2.

Коцейовский выпустил первый том переводов важнейших для истории религии текстов пирамид,[1] а Франк-Каменецкий — переводы религиозных текстов эпохи Нового царства.[2] Академия истории материальной культуры издала большой хозяйственный папирус из собрания Прахова в Эрмитаже. Работу Тураева над магическим папирусом Salt 825 Британского музея продолжала В. Евгенова.

Совершенно особо надо отметить источниковедческую монографию о египетских памятниках амарнской эпохи Перепелкина, одного из лучших в мире знатоков египетского языка и письма. Его работа далеко превосходит все достижения мировой науки в этом вопросе. Выход в свет его труда будет крупным научным событием для египтологов всего мира.

Из общих работ о древнем Египте прежде всего надо назвать книгу Тураева «Древний Египет» (1922), в которой дан мастерской очерк развития египетской культуры с древнейших времен вплоть до гибели древней нильской цивилизации. В 1938 г. вышла научно-популярная книга Снегирева и Францова «Древний Египет»,[3] содержащая краткий очерк истории и культуры Египта с древнейших времен вплоть до персидского завоевания.

Не остался без своего исследователя в нашей науке и Коптский Египет. Наша наука может гордиться именем П. В. Ернштедта, одного из крупнейших коптологов современности, чье имя хорошо известно ученым всех стран.[4] Им подготовлено издание коптских документов советских собраний — документов хозяйственного и юридического содержания, вообще редких среди коптских текстов. Эти тексты исключительно ценны как источники для изучения зарождения и становления феодализма в Египте после крушения древней нильской цивилизации.

Надо отметить как весьма положительный факт, что на работах наших специалистов как по Египту, так и по другим востоковедным дисциплинам сказалось сильное и благотворное влияние нашего крупнейшего ученого, акад. Н. Я. Марра. Основанная и разработанная им яфетическая теория и метод комплексного изучения общества в применении к изучению древнего Востока дают весьма ценные результаты. Слова Марра о том, что «чистота племени и науки есть идеалистическая фикция, продукт тысячелетнего господства желавших быть изолированными классов — захватчиков власти», основаны им на комплексном исследовании огромного языкового, археологического и т. п. материала разных народов, и в первую очередь это указание Марра относится именно к фашистским захватчикам и разрушителям культуры с их пресловутой «расовой» теорией. Советские ученые в свете яфетической теории и на основе конкретного исторического материала разоблачают полную несостоятельность расовых бредней о роли так называемого «нордического» элемента в создании древневосточных культур. В создании их участвовали самые разнообразные этнические элементы, самые разнообразные племена и народы. Вместе с тем, разоблачив расовую теорию, наша наука начинает серьезно заниматься вопросами этногенеза на основе точных научных данных.

Благодаря яфетической теории и успехам археологии опрокинуто было традиционное представление о замкнутом процессе развития

[1] Коцейовский. Тексты пирамид, т. I. Зап. Новоросс. инст., 1918, т. XIV.
[2] Франк-Каменецкий. Памятники египетской религии в фиванский период, 1917—1918, I—II.
[3] Рецензия И. Лурье во ВДИ, 1938, № 3.
[4] Ряд его работ опубликован в ДАН СССР, в сборниках египтол. кружка, в иностранных специальных журналах и сборниках.

народов и стран так называемого «классического Востока». Все новые и новые данные свидетельствуют о наличии уже в глубокой древности культурно-исторических связей между странами и народами, связей, о которых раньше было очень мало известно.

Эти проблемы привлекают исследовательские интересы наших ученых, начинающих разрабатывать их на основе яфетической теории.

Раскопки Маршалла в Индии, в долине Пенджаба (Мохенджо-Даро) открыли ученому миру новую, до сих пор неведомую древнюю цивилизацию: здесь были обнаружены многочисленные археологические памятники и пока недоступные пониманию иероглифические тексты. Уже предварительные исследования найденного материала указывают на несомненную связь между долиной Инда и Двуречьем в глубочайшей древности: исходя из этого, советское древнее востоковедение включает историю древней Индии, а также Китая в круг изучаемых им стран.

Из работ обобщающего характера по истории древнего Востока необходимо прежде всего отметить капитальный 2-томный труд акад. Тураева — «История древнего Востока», первое издание которого вышло из печати в 1913 г. В 1935 г. под редакцией акад. В. Струве и И. Снегирева вышло новое, расширенное и дополненное издание. По обилию фактического материала и своему диапазону этот труд является одним из лучших в мировой литературе и служит совершенно необходимым компендиумом для всякого историка, работающего в любой отрасли истории древнего Востока. Выход в свет советского издания труда Тураева был событием большой значимости в нашей научной жизни. Но, как отмечают редакторы в предисловии, «Б. А. Тураев был весьма далек от марксизма». В нашей литературе не было ни одного марксистского общего труда по древнему Востоку, и задача советских историков заключается в создании такового. В настоящее время мы имеем изданный Высшей партийной школой при ЦК ВКП(б) в 1940 г. курс лекций по истории древнего Востока В. И. Авдиева, где Китаю и Индии уделено надлежащее место, и университетский курс истории древнего Востока акад. Струве, изданный в 1941 г. (переработанное и расширенное издание; первое издание — 1936 г.), где также Индии и Китаю уделены специальные главы. Эти курсы являются первыми обобщающими работами по древнему Востоку, написанными на марксистской основе.

В течение последних лет большой авторский коллектив работал над законченным перед самым началом войны II томом «Всемирной истории», подготовляемой Академией Наук СССР. Этот объемистый том (60 п. л.) посвящен исключительно древнему Востоку с включением Индии и Китая. Большинство его авторов перечислено на предыдущих страницах, редактировали том Струве, Ранович, Авдиев и Коростовцев. Работа над этим томом вызвала оживленный обмен мнениями в среде научной общественности.

Археологические раскопки для выявления античных памятников на территории СССР начались еще до Октябрьской революции, но надлежащий размах получили лишь после нее. Раскопки по побережью Черного моря производились начиная с места расположения древней милетской колонии Ольвии на берегу р. Буг. В Ольвии раскопки велись ГАИМК и Академией Наук УССР, продолжавшими и расширившими раскопки Б. Фармаковского с 1901 по 1914 г. Дорийскую колонию Херсонес (близ Севастополя) с 1926 г. ежегодно раскапывал Херсонесский музей (раньше здесь велись раскопки с 1886 г.) Раскопки производились также на месте древнеримского укрепления Ха-

ракса (в 10 км от Ялты); далее — в пределах Боспорского царства, как на Керченском полуострове (начиная с 1932 г. — ГАИМК'ом), так и на месте расположения Фанагории. Особенное внимание на Керченском полуострове было уделено раскопкам двух боспорских городов недалеко от Керчи — Мирмекия и Тиритаки. Фанагорию раскапывали Гос. Исторический музей и Музей изобразительных искусств им. Пушкина. Далее, на юг по побережью производились лишь небольшие раскопки, но подчас увенчивавшиеся интересными результатами. Например, в Западной Грузии, в низовьях р. Ингур, были найдены металлические предметы римского времени. В 1913 г. близ г. Зугдиди крестьянин Тлачи Джабун нашел клад древних монет. Все эти раскопки обогатили науку большим количеством археологического материала (частные жилища, зернохранилища, мастерские, рыбные промыслы, некрополи, монеты и т. д.; в Ольвии, например, было найдено около 20 000 предметов материальной культуры).

Необходимо было подытожить результаты работ и наметить дальнейшие задачи. С этой целью Институт археологии АН УССР созвал в апреле 1939 г. специальную конференцию археологов.[1]

На конференции ряд докладчиков касался скифо-сарматских проблем и проблем античных греко-римских поселений на нашей территории, их связей и взаимоотношений и т. д. Доложены были наиболее интересные результаты раскопок и изучения найденных памятников, в том числе и надписей. В одной из надписей, найденных в Ольвии (декрет III в. до н. э.), установлен факт настолько тесного общения греков-ольвиополитов с местным населением, что Ольвия с одним из окружающих племен имела даже общий совет. Результаты раскопок публиковались в специальных изданиях и исследованиях. В сборниках Херсонесского музея исследованы оборонительные стены Херсонеса, склепы римского времени и т. д. Результаты раскопок на территории Боспорского царства были исследованы разными авторами в специальных работах.

Книпович написал работу о керамике римского времени из Ольвии и о потийских вазах из Тамани.

Гайдуков посвятил исследование боспорским строительным материалам. Граков является автором монографии о клеймах на древнегреческой керамике с именами магистратов-астиномов.

Последняя работа относится уже к области эпиграфики и превосходит аналогичной тематики работу немецкого ученого Блекмана.

Крупнейшим знатоком и исследователем греческих и римских надписей, найденных на территории СССР, был акад. В. В. Латышев. Он является автором капитального труда — издания древнегреческих и латинских надписей северного побережья Черного моря.[2] После Октября Латышев продолжал работать в излюбленной им области вплоть до своей смерти (1921) и написал ряд весьма ценных работ, опубликовав и исследовав еще ряд надписей, не вошедших в его двухтомник. Изданиями, переводами, комментированием и изучением надписей занимались также весьма плодотворно Новосадский — один из крупнейших наших эпиграфистов, автор многочисленных и весьма ценных трудов, Малицкий, Марти, Амиранашвили, Эрлих, Шангин и др.

[1] Славин. Научная конференция археологов, изучающих историю Украины в скифо-сарматский период. ВДИ, 1940, № 1.

[2] Латышев. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae, I—II. Петербург 1885—1891.

Особо следует подчеркнуть большое научное значение работы А. Коцевалова, написанной на латинском языке,[1] — «Синтаксис греческих надписей северного побережья Черного моря». Это — первоклассный филологический труд, основанный на изучении громадного материала, собранного вплоть до 1935 г. Исследование Коцевалова весьма облегчает чтение и понимание греческих текстов Причерноморья и уже в силу одного этого обстоятельства является крайне необходимым пособием для историка.

Неоценимые услуги науке оказал наш крупнейший ученый, заслуженный деятель науки, акад. С. А. Жебелев. Этот глубоко эрудированный специалист обладал особой способностью улавливать в текстах то, что до него оставалось не замеченным. По словам Новосадского, «после его пересмотра давно уже изданная надпись часто является перед нами как бы впервые». Например, в статье «Херсонесская присяга» Жебелев, дав точный перевод памятника, доказывает, что это не обычная присяга граждан, достигших совершеннолетия, как это понимал Латышев, а особая, так сказать чрезвычайная присяга, вызванная к жизни тем, что незадолго произошла неудавшаяся попытка свергнуть демократический строй в Херсоне.[2] В блестящем исследовании «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» Жебелев вновь исследовал уже хорошо известный текст херсонесского постановления в честь Диофанта, полководца царя Митридата Евпатора (II в. до н. э.), и убедительно доказал, что в рассказе о Савмаке мы имеем повествование не о дворцовом перевороте, а о классовом восстании рабов против рабовладельцев.[3]

В изучении античного Причерноморья Жебелеву принадлежала ведущая роль.[4] Все вопросы истории Причерноморья привлекали его научные интересы, и тематика его работ в этой области весьма разнообразна.[5]

Ближайшие ученики Жебелева — Д. П. Калистов и А. И. Болтунова (Амиранашвили), так же как и их учитель, являются исследователями истории Причерноморья и Кавказа в античную эпоху. Первый разрабатывает историю Причерноморья римского времени,[6] проблемой которой занимаются также В. Н. Дьяков и его ученики.[7] Славин написал общую работу об Ольвии, основанную на большом материале, по

---

[1] Cocevalow A. Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum graecarum orae septentrionalis Ponti Euxini, 1935.

[2] Изв. АН СССР, 1935.

[3] Изв. ГАИМК, 1933, вып. 70; снова напечатано во ВДИ, 1938, № 3. Специальная статья об этом исследовании Жебелева написана Грековым (ВДИ, 1940, № 1), который говорит, что «в этой работе С. А. Жебелев сделал важное открытие».

[4] См. статью Калистова, Роль акад. С. А. Жебелева в исследовании северного Причерноморья античного времени. ВДИ, 1940, № 1.

[5] «Геродот и скифские божества». Изв. Тавр. общ., 1927, 1. «Милет и Ольвия». Изв. АН СССР, 1929, VII сер., № 6. «Возникновение Херсонеса Таврического». ДАН СССР, 1930, № 9. «Возникновение Боспорского государства». Там же, № 10. «Счастливые города». Изв. ГАИМК, 1933, вып. 101. «Основные линии экономического развития Боспорского государства». Изв. АН СССР, 1934, VII сер., № 8. «Боспорские этюды». Изв. ГАИМК, 1935, вып. 104. «Народы Северного Причерноморья в античную эпоху». ВДИ, 1938, № 1.

[6] Калистов. Этюды из истории Боспора римского времени. ВДИ, 1938, № 4. Его же. Политика Августа в Северном Причерноморье. ВДИ, 1940, № 2.

[7] Дьяков. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия. ВДИ, 1940, № 3—4. Его же. Оккупация Таврики Римом. ВДИ, 1941, № 1. Его же. Древняя Таврика до римской оккупации. ВДИ, 1939, № 3. В «Уч. зап. МГПИ им. Ленина» (1942, XXVIII) помещено его исследование «Древняя Таврика в эпоху римской оккупации (римский limes, культура и конец оккупации)», а также статья В. Сурова о винодельческом хозяйстве.

изложению вполне общедоступную и изданную на украинском языке.[1] Перу нашего видного нумизмата Зографа принадлежит специальное исследование о реформе денежного обращения в Боспорском царстве при Савромате. Истории Херсонеса посвящены этюды акад. Тюменева. Болтунова (Амиранашвили) специализировалась по истории Кавказа в античную эпоху и дала несколько небольших, но интересных работ в этой области. Походы Помпея в Закавказье исследовал акад. Манандян, являющийся также автором монографии о борьбе Тиграна II с Римом.[2] Ельницкому принадлежит экскурс в географию древней Колхиды и т. д. Ряд исследований по истории Причерноморья написан крупным украинским специалистом Семеновым-Зуссер.

Изучение всего этого археологического и эпиграфического материала уже в значительной степени выявило тот весьма важный факт, что античные греко-римские поселения на наших территориях, оказывая мощное влияние на местное туземное население, вместе с тем одновременно подвергались воздействию последнего, так что мы должны говорить вначале о «греко-скифской, а затем скифо-сармато-греческой культуре, которая создалась в Северном Причерноморье в результате общения пришлого и туземного населения» (Жебелев). Таким образом, констатирован весьма важный для науки факт: местный этнический элемент в истории и культуре античных обществ Причерноморья был активным участником в их создании и развитии.

Античное Причерноморье, игравшее весьма видную роль в истории древнего мира, не может быть изучаемо отдельно, вне связи с историей собственно Греции и Рима, изучение которой является одной из важнейших задач нашей науки. В наших советских собраниях имеются ценные памятники как археологические, так и эпиграфические, исследование и публикация которых начались лишь после Октября. Здесь в первую очередь надо упомянуть фундаментальное издание греческих и латинских папирусов советских музеев, выходящее последовательными томами в Тбилиси. Издание текста сопровождается введением и подробным комментарием. Эти папирусы отчасти литературного, отчасти документального характера относятся ко времени между II в. до н. э. и VIII в. н. э., и среди них имеются весьма важные и интересные тексты, например, отрывок биографии философа III в. Секунда, отрывок из комедии Менандра «Отравительница», частная переписка, хозяйственные документы и т. п. Издание в целом превосходно по качеству, и иностранная научная пресса в лице крупнейших папирологов современности дала о нем прекрасные отзывы.

В 1936 г. вышел составленный Шангиным XII том международного «Каталога астрономических рукописей»,[3] посвященный рукописям советских собраний в количестве пятидесяти. Крупнейшие ученые Cumont и Delatte дали прекрасные отзывы о томе Шангина, являющемся ценным вкладом в мировую науку. Вместе с тем наши ученые, и в первую очередь Жебелев, изучали и исследовали с большим успехом письменные памятники античности, обнаруженные и опубликованные за границей.

Акад. Жебелев исследовал эпиграфические памятники, найденные

[1] Отзыв Книповича во ВДИ, 1938, № 3.

[2] Манандян. Тигран II и Рим. Ереван 1940. Рецензия Кусиняна во ВДИ, 1940, № 3—4.

[3] Codices Rossicos, descripsit M. Sangin, 1936, VIII, 266 pp., в tabulae. Автореферат Шангина, см. ВДИ, 1939, № 1. Его же. Аттическая свинцовая таблетка. ВДИ, 1938, № 1, и др. работы.

при итальянских раскопках в Кирене, а также ряд других греческих текстов.

Прекрасным знатоком греческого письма и текстов является также С. Я. Лурье, перу которого принадлежит ряд ценных исследований в этой области,[1] и подготовленный к печати университетский курс по греческой эпиграфике. Н. Машкин перевел и комментировал эдикты Августа из Киренаики.

В области изучения античных обществ советские историки опирались на указания основоположников научного коммунизма Маркса и Энгельса, в работах которых, не говоря уже об исследовании Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», затронут ряд проблем древней истории.[2] Огромное принципиальное значение имеют также «Лекция о государстве» Ленина и указания Сталина на роль революции рабов (на съезде колхозников-ударников в 1939 г.) и на обстоятельства, которыми сопровождалось падение Римской империи (на XVII съезде партии). Исходя из них, советские историки на основе конкретного исторического материала разрабатывают проблемы экономики и общественной жизни древних народов. Если в буржуазной литературе рабские восстания в античном мире остались по существу обойденными, то, наоборот, в нашей науке вопросы классовой борьбы в античных рабовладельческих обществах подвергаются самому серьезному и кропотливому изучению. Ряд работ наших историков посвящен именно этой тематике.[3] Изучались, конечно, и другие социальные движения, имевшие место в разных государствах античности,[4] а также отдельные вопросы и периоды истории Греции и Рима.

Древнейшая Греция — Греция эпохи крито-микенской культуры нашла в нашей науке своего исследователя в лице Богаевского,[5] который в своих взглядах резко расходится с большинством ученых в определении типа крито-микенского общества. Последнее, по мнению Богаевского, — доклассовое, первобытное общество, находящееся лишь на пути к классообразованию. Эту точку зрения разделяют весьма немногие.[6]

Большинство наших ученых считает крито-микенское общество раннерабовладельческим обществом, близким по своей структуре к обществам древнего Востока.

Отдельные вопросы истории Греции и Рима рассмотрены в ряде статей наших специалистов, начиная с древнейших времен и кончая падением Римской империи. Сюда относятся работы

---

[1] Лурье С. Новые эпиграфические находки в Афинах. ВДИ, 1937, № 1. Его же. Новое папирусное свидетельство о борьбе за Сигей. ВДИ, 1938, № 3. Его же. Древнейшие аттические надписи в Сборнике вспомогательных дисциплин Института истории АН СССР, 1937, и др. работы.

[2] Очень ценным пособием для всякого историка древности является книга С. И. Ковалева «Маркс и Энгельс об античности», 1932, в которой собраны все их высказывания о древнем мире.

[3] Мишулин. Спартак. Монография, к которой приложены переводы извлечений из всех древних авторов, писавших о Спартаке. Дьяконов. О хронологии первого восстания рабов в Сицилии. ВДИ, 1940, № 3—4. Акад. Жебелев. Ковалев, Великие восстания рабов II—I вв. до н. э. в Риме («Из истории античных обществ»), 1935. Штепа. Восстание Стоцы. ВДИ, 1940, № 3—4. Дмитрев. Движение багаудов. ВДИ, 1940, № 3—4.

[4] Например, Бергер, Социальные движения в древней Спарте; Машкин, Агонистики или циркумцитоны в кодексе Феодосия. ВДИ, 1938, № 1, и др.

[5] Богаевский. Крит и Микены (1924) и ряд других работ по этому вопросу.

[6] В марте 1940 г. в АН СССР состоялась дискуссия, посвященная этому вопросу. Отчет Т. Шепуновой. ВДИ, 1940, № 2.

Шмидт, Кагарова, Лурье, Жебелева и др. Специальная работа об Александре Македонском написана С. Ковалевым. Об истории императорского Рима писали Сергеев, Мишина и др.

Особую группу работ составляет исследование по древней истории Испании. Статьи Петерса, написанные по поводу работ Шультена, посвящены сложным проблемам этногенеза населения Испании, в которых автор исходит из основных положений яфетической теории Марра.[1] Мишулин специализируется по истории древней Испании и работает над большой монографией об Испании во времена римского владычества. О военном деле у древних, о земледелии и других отраслях хозяйства писали Мишулин, Холмогоров, Крюгер, Колобова, Грацианский, Сергеев и др.

Одновременно с исследовательской работой издавались переводы греческих и римских авторов на русском языке; извлечения из древних авторов (Аппиан, Плутарх, Авиен) об Испании в переводах Кондратьева и Алексеева; материалы из греческих авторов по Индии (Арриан и Псевдоарриан) и военному делу (Аполлодор, Афиней, Аноним Византийский, Флавий Вегеций Ренат), в переводах Страхова и Кондратьева; материалы по истории славян — извлечения из Прокопия, Плиния и др.; Прокопий, Тайная история, в переводе Кондратьева. В 1938 г. вышел первый том сочинений Павсания — «Описание Эллады» в переводе Кондратьева; в 1935 г. Академия истории материальной культуры издала известное и ценное для историков сочинение Аппиана «Гражданские войны» под ред. Жебелева (вып. 129); Ксенофонт, Греческая история, в пер. Лурье; избранные биографии Плутарха, под редакцией Лурье, и др.

Много внимания в нашей науке уделяется изучению и разработке культурного наследия древнего мира.

В области философии мы имеем ряд отличных переводов произведений Платона, Аристотеля, Демокрита и других мыслителей древности, а также исследований по отдельным вопросам античной философии: монография Г. Александрова о великом философе древности Аристотеле[2] и ряд работ других авторов по разным проблемам античной философии. В частности, отметим построенные на большом, иногда совершенно новом материале работы Лурье.[3]

Общая работа по истории древней философии — первый опыт марксистского ее освещения — помещена в I томе «Истории философии» (1940), издаваемой Институтом философии АН СССР.[4]

Вопросами истории математики специально занимался Лурье, автор нескольких интересных работ в этой области.

Из работ по античной литературе отметим исследования акад. Покровского по гомеровскому эпосу и о римских подражателях Ме-

---

[1] Петерс. Финикийская и греческая колонизация Пиренейского полуострова. Уч. зап. МГПИ им. Ленина, 1942, XXVIII. В этой статье показана борьба иберов против карфагенских оккупантов. Перу Рогалина принадлежит еще не опубликованная работа «Первая кельт-иберийская война в Испании» (197—179 до н. э.) (кандид. диссертация).

[2] Александров Г. Аристотель. 1940. Другая крупная работа об Аристотеле С. Кечекяна — «Общественно-политические воззрения Аристотеля» — еще не напечатана; извлечение из нее помещено под тем же заглавием в журн. «Советское государство и право», 1940, № 10—11. В Уч. зап. МГПИ им. Ленина (1942, XXVIII), опубликовано исследование В. Оранского — «К учению о праве у древних греков (понятие о справедливости у греческих авторов V в.)».

[3] Лурье С. История античной общественной мысли, 1929, и его исследование об анархизме Антифона.

[4] Отзыв А. Рановича во ВДИ, 1941, стр. 102.

нандра, ряд статей И. И. Толстого о древнегреческом фольклоре. Общая работа по древнегреческой литературе написана Радцигом.[1]

Искусству античного мира в нашей научной литературе уделяется большое внимание. В 1918 г. вышла монография М. Максимовой о греческих фигурных вазах архаического периода, переведенная на французский язык, с предисловием общепризнанного авторитета Поттье. Вальдгаузер, один из крупнейших наших исследователей искусства, написал работу об истории античного портрета.[2] Историю греческой и римской архитектуры написал Брунов. Блаватский также написал две работы по истории античной архитектуры. Статьи Полякова посвящены известному римскому архитектору Витрувию. Исследование о греческой скульптуре дал Блаватский.

Общая история театра в древности написана Вернеке, а Новосадский является автором интересной статьи о роли искусства в древнегреческом воспитании. Кроме того этими и другими авторами написан ряд статей по отдельным вопросам античного искусства.

Следует сказать несколько слов о работах, касающихся возникновения и истории раннего христианства. По вполне понятным причинам эти проблемы особенно привлекали внимание советских ученых, и о происхождении и первоначальной истории христианства у нас написано довольно много работ, преимущественно научно-популярных. В последние годы историей христианства у нас занимается Ранович, автор ряда работ по истории раннего христианства, и Виппер, написавший небольшое исследование о происхождении христианства.

Из общих трудов по истории Греции и Рима надо назвать работы акад. Тюменева — первый опыт марксистского изложения истории Греции.[3] Ему же принадлежит рассчитанная на широкий круг читателей «История античных рабовладельческих обществ» (Греция, эллинистический Восток и Рим). В своих работах он выступает против тенденции модернизировать историю античности, подчеркивая специфический характер развития рабовладельческого общества, отличающий его от общества капиталистического.

Затем следует упомянуть написанную авторским коллективом (Ковалев, Богаевский и другие) историю Греции в «Истории древности», издававшейся Академией материальной культуры под редакцией С. Ковалева. Истории Греции посвящено два тома, и изложение ее доведено до эпохи эллинизма.

В 1940 г. вышел из печати первый том «Истории Греции» С. Лурье. Это серьезная работа, построенная на большом фактическом материале, в которой автор, опираясь на свои исследования и новые данные, освещает некоторые факты с новой точки зрения.

История Рима, написанная Сергеевым, является первым опытом марксистского изложения всей истории Рима, начиная с древнейших времен и кончая падением Римской империи.[4] Работа эта подробно излагает внешнюю и внутреннюю историю Рима и изобилует цитатами из древних авторов, хорошо подобранными и уместно расположенными. Значительное место уделено истории культуры — философии, литературе, искусству, науке.[5]

---

[1] Радциг. История древнегреческой литературы, 1940.

[2] Вальдгаузер. Этюды по истории античного протрета, 1938. Отзыв Блаватского. ВДИ, 1939, № 2.

[3] Тюменев. Очерки социально-экономической истории древней Греции, 1920—1923, I—III. Его же. Существовал ли капитализм в древней Греции, 1923.

[4] Сергеев В. Очерки по истории древнего Рима, чч. I и II, 1938.

[5] См. рецензию Рановича во ВДИ, 1938, № 4.

Нельзя обойти молчанием первый том «Истории дипломатии», в котором раздел древнего мира (древний Восток, Греция и Рим) написан тем же Сергеевым и который является обзором истории международных отношений и дипломатической деятельности ряда государств древности в течение многих веков. Как и все, что писал Сергеев, эта работа написана живо и увлекательно, рельефно изображая личную деятельность и влияние Ганнибала, Цезаря и других государственных деятелей древнего мира. За последние предвоенные годы большой авторский коллектив работал над историей античного мира для подготовляемой к печати Академией Наук «Всемирной истории», в которой отдельные томы отводятся истории Греции и Рима. Часть этой работы уже закончена и подготовлена к печати под редакцией Жебелева, Мишулина и Машкина.

Оглядываясь на пройденный путь, мы можем с удовлетворением констатировать ряд несомненных достижений нашей исторической науки в области изучения древней истории. Однако это ни в малейшей степени не дает нам права на самоуспокоенность и самодовольство.

Перед нами много трудных и сложных и вместе с тем крайне заманчивых научных проблем, требующих своего разрешения. Советские историки, энтузиасты науки, не покладая рук работают и в трудных условиях военного времени.

Над монографиями и докторскими диссертациями продолжает работать ряд наших историков: Пиотровский, Матье, Мишулин, Коростовцев и др. Наши ученые полностью разделяют чувства и взгляды английских историков, высказанные в ведущем английском журнале, о необходимости в тяжелых условиях военного времени усилить научную деятельность и остаться победителями на фронте науки и культуры.[1]

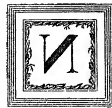
[1] Journal of Egyptian Archaeology, 1941, XXVII, p. 162.

Чл.-корр. АН СССР Е. А. КОСМИНСКИЙ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ ЗА 25 ЛЕТ

зучение истории средних веков в СССР опирается на долгую и славную традицию. Начиная с незабвенного Т. Н. Грановского, прочитавшего свой первый курс по истории средневековья в Московском университете более ста лет назад (1839/40 г.), русская медиевистика насчитывает ряд крупных имен. Н. Н. Кудрявцев, С. В. Ешевский, В. И. Герье, В. Г. Васильевский, П. Г. Виноградов, М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий — такие имена могли бы служить украшением списка деятелей любой научной дисциплины. Ряд крупных ученых, составивших себе имя еще в дореволюционной России, продолжал свою работу в советских вузах и институтах. Достаточно назвать имена Д. М. Петрушевского, Р. Ю. Виппера, А. Н. Савина в Москве, Н. И. Кареева, П. М. Гревса, О. А. Добиаш-Рождественскую, Ф. И. Успенского в Ленинграде, Е. Н. Щепкина в Одессе. Эти выдающиеся представители русской науки, тесно связанные с прогрессивной научной мыслью Европы, еще до революции создали широкий круг учеников.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новые перспективы перед исторической наукой и создала исключительно благоприятные условия для ее развития. Торжество марксистско-ленинской теории, проникнутой глубочайшей историчностью, придало особое значение изучению истории и поставило этому изучению высокие цели, связав его с величайшими задачами жизни. В теории Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина исторические исследования нашли прочную базу, позволившую строить историю как подлинную науку. Огромная творческая работа, проделанная основоположниками марксизма, их гениальные высказывания по всем отраслям человеческого знания и особенно по вопросам истории, широко вошли в научный оборот. В значительной части они стали известны теперь впервые благодаря опубликованию рукописей Маркса и Энгельса. Особенно важное значение для медиевистов имело опубликование «Немецкой идеологии», статей Энгельса по истории средних веков (помещенных в XVI томе Собрания сочинений Маркса и Энгельса), «Хронологических выписок» Маркса. Крупнейшее значение имела новая организация научно-исследовательской работы, заменившая прежние распыленные усилия отдельных ученых плановой работой больших коллективов. В развитии советской медиевистики большую роль сыграл Институт истории РАНИОН (Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук), основанный в

Москве в 1921 г. В этом институте объединилось большинство московских медиевистов под руководством Д. М. Петрушевского и А. Н. Савина. Научная работа московских медиевистов за этот период отразилась главным образом в «Ученых записках» Института, содержащих ряд ценных статей и авторефератов. В Ленинграде таким центром была Академия истории материальной культуры (ГАИМК), в составе которой был создан Институт истории феодального общества. Академия имела отделение и в Москве. В «Известиях Академии» было напечатано много статей по истории средних веков. Еще большее значение для организации работы советских историков имел основанный в 1936 г. Институт истории АН СССР.

Путь советской медиевистики не всегда был легок. Советским медиевистам приходилось преодолевать в своей среде унаследованные традиции буржуазного эклектизма, вырабатывать теоретические основы учения о феодализме как господствующем в средние века типе производственных отношений, опровергать антимарксистские идеи новейших направлений буржуазной науки Запада, бороться с извращениями марксизма, главным образом с разными видами богдановщины, насаждавшимися так называемой школой Покровского.

Достаточно известно отрицательное влияние антимарксистских установок Покровского и его школы на все отрасли исторической науки в СССР. Эти установки принесли не малый вред и советской медиевистике. История средних веков была сведена к минимуму в планах вузовского преподавания, почти совсем упразднена в средней школе. Вследствие этого надолго была задержана подготовка новых кадров научных работников в этой области, темпы научной работы были замедлены. Изучение конкретной истории средних веков подменялось голым социологизированием. В научный обиход был введен целый ряд неверных теоретических установок, как отделение «крепостнической формации» от «феодальной», как усиленно навязывавшаяся теория «торгового капитализма».

Решающим моментом в деле укрепления советской медиевистики и освобождения ее от враждебных марксизму-ленинизму влияний было опубликованное 16 мая 1934 г. постановление партии и правительства о преподавании гражданской истории в школах СССР. Это постановление положило конец беспредметному социологизированию. В ряде университетов и педагогических институтов были открыты исторические факультеты, история средних веков заняла видное место в учебных планах, стала создаваться аспирантура. Основанный в 1936 г. Институт истории АН СССР, в составе которого имеется сектор истории средних веков, развил большую плановую работу, к которой были привлечены почти все силы медиевистов Союза. В систему институтов АН СССР вошел и ГАИМК (ныне ИИМК—Институт истории материальной культуры). Все это стимулировало исследовательскую работу в области изучения средних веков, открыло широкую дорогу для подготовки новых кадров и поставило новые задачи перед преподаванием.

Научно-исследовательскую работу в области изучения истории средних веков вели рука об руку представители старшего поколения историков, составившие себе имя еще до революции, их непосредственные ученики, начавшие работу до революции, но развернувшие ее в полной мере уже после Октября, и, наконец, молодое поколение историков, воспитавшихся уже в советских вузах и институтах.

Тематика исследовательской работы советских медиевистов очень разнообразна. Здесь можно назвать лишь основные направления в их работе.

Среди тем теоретического характера особенное значение получила разработка вопроса о периодизации истории. Главные споры здесь возникали вокруг вопроса о том, когда следует заканчивать историю средневековья и начинать историю нового времени. Здесь позиции, на которых стояла наша наука, постепенно уточнялись и становились на более прочную теоретическую базу. Если долгое время господствовало традиционное деление, в силу которого средние века заканчивались на рубеже XV и XVI вв., то потом было признано целесообразным расширить понятие средневековья на весь период господства феодализма в Европе. Сначала его доводили до времени промышленного переворота в Англии и буржуазной революции XVIII в. В последнее время восторжествовал взгляд, по которому начало нового времени падает на эпоху Английской буржуазной революции.

Среди тем, бывших предметом исследовательской работы советских медиевистов, надо отметить проблемы «предистории» средневековья. К таким проблемам относится прежде всего проблема этногенеза тех народностей, которые выступают в начале истории европейского средневековья и своим варварством обновляют разлагающийся рабовладельческий мир. Работы советских ученых показали, что германцам вовсе не принадлежала в этом процессе решающая роль, что славянство сыграло в создании средневековой Европы во всяком случае не меньшую роль. Проблемы этногенеза германцев, совершенно извращавшиеся немецкими националистическими историками, пришлось пересмотреть заново и связать с проблемами этногенеза западного славянства. Разработка этих вопросов начата А. Д. Удальцовым. Проблемой этнической базы варварских государств занимался также О. Л. Вайнштейн. Проблемы общественного строя древних германцев до завоевания ими Римской империи занимали многих советских медиевистов. Здесь надо отметить работу А. И. Неусыхина «Общественный строй древних германцев» (1929). Вопросы о строе поздней Римской империи разрабатывались главным образом историками древности, и их труды рассмотрены в другом месте. Особый интерес представляет здесь исследование старейшего из наших историков Р. Ю. Виппера, работающего в последнее время над обширным комплексом тем, объединенных общим названием «Введение в историю средних веков». Сюда входят вопросы, связанные с разложением рабовладельческой Римской империи, с возникновением и развитием христианства, с переселением народов. Последняя тема ставится по-новому советскими медиевистами (Удальцов), относящими начало переселения народов не к IV—V вв., а к большим передвижениям, начавшимся в восточной и средней Европе еще во II веке.

Предметом живейших обсуждений были проблемы раннего средневековья, особенно в связи с теми враждебными марксизму установками, которые были даны в известной книге А. Допша «Хозяйственные и социальные основы культурного развития Европы» (1920—1923).

Ряд больших исследований был дан советскими медиевистами по вопросу об экономическом развитии средневековой Европы, особенно по истории аграрного строя. Здесь впереди стоят медиевисты Москвы, где особенно сильна традиция изучения социально-экономических проблем, где сохраняется влияние исторической мысли П. В. Виноградова и его учеников, где работал безвременно умерший А. Н. Савин, где поныне продолжает работу Д. М. Петрушевский, создатель наиболее многочисленной школы советских медиевистов. Его исследование «Восстание Уота Тайлера» давно стало в ряду классических произведений мировой исторической литературы. В наши дни оно вышло

3 и 4-м изданиями. Широким распространением пользуются его курсы — «Очерки из истории средневекового общества и государства» и «Очерки из истории Английского государства и общества в средние века», вышедшие в советское время новыми изданиями и сохраняющие свое значение основных пособий при преподавании и изучении средних веков. Не все взгляды акад. Петрушевского приемлемы для историков-марксистов. Это особенно относится к вышедшей в 1927 г. его книге «Очерки из экономической истории средневековой Европы» (1928), где сильно сказывается влияние концепций Допша. Это не мешает его трудам оставаться подлинной сокровищницей знаний для советской учащейся молодежи благодаря их богатству строго проверенным и самостоятельно разработанным историческим материалом.

А. Н. Савин, ученый необычайных знаний, исключительной научной добросовестности и широкого кругозора, умер в 1923 г. в Лондоне за работой над мало исследованными в исторической науке вопросами истории английской деревни в XVII в. Он оставил богатое рукописное наследство, частично уже опубликованное. Его «Лекции по истории английской революции» вышли в двух изданиях. Его «Век Людовика XIV» принадлежит к лучшим пособиям в нашей советской исторической литературе.

Экономической, преимущественно аграрной истории посвящены основные работы ряда учеников Петрушевского и Савина. Среди этих работ надо отметить исследование Удальцова «Из аграрной истории каролингской Фландрии» (1935), примыкающее к его более ранней работе «Свободная деревня в Западной Нейстрии эпохи меровингов и каролингов» (1912). В 1935 г. вышли работы Н. П. Грацианского «Бургундская деревня в X—XI столетиях», Е. А. Косминского «Английская деревня в XIII в.». Проблемам аграрной истории посвящены также работы М. М. Смирина по истории крестьянской войны в Германии, В. Ф. Семенова об огораживаниях и крестьянских движениях в Англии XVI в., В. А. Васютинского об аграрных отношениях в Шотландии XVII в. К этим исследованиям близко примыкает работа В. М. Лавровского о парламентских огораживаниях в Англии (относящаяся главным образом к концу XVIII и началу XIX в. и поэтому выходящая за пределы средневековья). В. В. Стоклицкая-Терешкович опубликовала в 1936 г. монографию «Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв.».

Проблемами социально-экономического развития средних веков занимались молодые советские ученые, не принадлежавшие непосредственно к ученикам Петрушевского и Савина. Б. Ф. Поршнев защитил докторскую диссертацию о народных восстаниях во Франции XVII в. Докторант Ф. Я. Полянский работал над аграрной историей Англии в средние века и над проблемами цехового строя. Из вопросов политической истории наибольшее внимание советских медиевистов привлекали вопросы социальной характеристики абсолютизма, особенно в его классической французской форме. Эти вопросы освещали в своих работах С. Д. Сказкин, В. В. Бирюкович, защитивший докторскую диссертацию на тему «Французский абсолютизм и финансисты в XVII в.», Г. Г. Жордания — «Экономическая политика Ришелье» и З. В. Мосина — «Абсолютизм Генриха IV». Проблема абсолютизма была предметом специальной дискуссии в Институте истории АН СССР.

Большим вниманием советских историков пользовалась история английской буржуазной революции, разрабатывавшаяся уже Савиным. Здесь на первом месте надо отметить монографию С. И. Архан-

гельского «Аграрное законодательство Великой Английской революции», тт. I и II (1935). Проблемам английской революции посвящены работы рано умершего талантливого историка И. Л. Попова-Ленского — «Лильберн и левеллеры», Стального — «Утопия Уинстанли», В. Ф. Семенова — «Памфлеты Лильберна», Н. П. Дмитревского — «Судебная реформа английской революции» и др. В связи с исполнившимся в ноябре 1940 г. трехсотлетием созыва Долгого парламента и началом английской буржуазной революции в Академии Наук СССР и в Московском государственном университете были проведены сессии. В Институте истории АН СССР была образована специальная группа для изучения вопросов английской буржуазной революции.

Ведущая роль в деле разработки истории средневековой культуры принадлежала Ленинграду, где крупнейшими представителями старого поколения медиевистов были И. М. Гревс и О. А. Добиаш-Рождественская. Главная работа Гревса была посвящена истории римского землевладения, но его преподавательская и исследовательская деятельность широко захватывала и историю средних веков, причем его особенно интересовала история итальянской культуры. Вопросы истории культуры представляли главный предмет занятий Добиаш-Рождественской, изучавшей исследовательскую технику и вспомогательные исторические дисциплины в Парижской школе хартий. В Ленинградской гос. публичной библиотеке, являющейся одним из замечательнейших в мире хранилищ западноевропейских рукописей, Добиаш-Рождественская и ее ученики провели ценнейшую работу по анализу, определению, описанию и использованию для целей культурной истории ряда уникальных средневековых рукописей. Исследования по проблемам палеографии на основании хранящихся в Ленинграде рукописей доставили Добиаш-Рождественской широкую известность среди европейских специалистов, особенно во Франции и Англии. Ею было составлено первое на русском языке пособие по латинской палеографии — «История письма в средние века» (1923 г., 2-е изд. 1936 г.).

Внимание ленинградской школы медиевистов к вопросам культурной истории средневековья отразилось в ряде публикаций, особенно в посвященном Гревсу сборнике «Средневековый быт». Ученицами Добиаш-Рождественской являются Е. Ч. Скржинская, опубликовавшая генуэзские надписи в Крыму, и А. Д. Люблинская, продолжающая работу своей наставницы над рукописными богатствами Ленинградской гос. публичной библиотеки.

Из других ленинградских медиевистов М. А. Гуковский дал ряд работ по итальянскому Возрождению, центром которых является его монография о механике Леонардо да-Винчи. О. Л. Вайнштейн недавно издал «Историографию средних веков» (1940), представляющую первую попытку разработки этой темы в связи с общей историей развития исторической мысли. Большой интерес представляют работы ленинградских историков: Арского — «История Каталонии» и Розенберга — «Мюнстерская коммуна».

Историографические и культурно-исторические темы привлекают особое внимание молодых советских ученых. Среди тем кандидатских диссертаций, защищавшихся в последнее время в Москве, мы находим такие, как «Григорий Турский» (Д. Лысс), «Филипп де-Коммин» (А. Е. Рогинская), «Себастиан Франк» (В. Г. Левен), «Жан Боден» (Ф. А. Коган-Бернштейн) и др.

Среди специалистов, работающих над историей науки, надо еще отметить Т. Н. Райнова, поставившего в Московском гос. университете специальный курс по истории науки в средние века.

Не в такой мере, как это было бы желательно, развернулись работы по истории Византии. А между тем история Византии представляет исключительную важность для изучения истории народов СССР. Не говоря уже о крупнейшем влиянии византийской культуры на культуру России, Грузии, Армении, Крыма, большие территории, входящие ныне в состав Советского Союза, принадлежали прежде Византийской империи. Но здесь предстояло преодолеть еще большие трудности, так как старые кадры византинистов были большей частью потеряны, а создание новых было делом не легким. Из старшего поколения византинистов после смерти Ф. И. Успенского (в 1928 г.) продолжали работать А. П. Дьяконов и умерший в 1942 г. акад. С. А. Жебелев, работа которого протекала главным образом в области древней истории, но который был также выдающимся византиноведом. Постепенно в работу по возрождению византиноведения в СССР включались и молодые кадры историков-марксистов.[1]

В объединенной работе советских медиевистов большое значение имеют большие коллективные труды, в которых принимает участие бо́льшая часть медиевистов Союза. В начатой Институтом истории АН СССР работе над многотомной «Всемирной историей» шесть томов отведены истории средних веков. Подготовка этих томов потребовала ряда предварительных исследований, обсуждения отдельных глав, коллективной редакторской работы. Эта работа сыграла важнейшую роль в организации научного коллектива советских медиевистов и в планировании их работы. В то же время, строго проводя принцип всемирной истории, изучая историю всех народов мира, отказываясь от узкого европоцентризма, она сблизила медиевистов-западников со специалистами по истории средневекового Востока, с историками народов СССР, со славяноведами и широко раздвинула область интересов медиевистики.

Другая большая коллективная работа — «История дипломатии», первый том которой вышел под редакцией народного комиссара просвещения РСФСР В. П. Потемкина, составлена при участии ряда московских медиевистов.

Развертывание преподавания истории средних веков в вузах и средней школе поставило на очередь создание учебников и учебных пособий. Сначала был выпущен ряд изданий, представлявших переводы источников для вузовских семинаров («Социальная история средневековья» под ред. Косминского и Удальцова, «Хрестоматия по социально-экономической истории» под ред. В. П. Волгина, сборники «Древние германцы», «Французская деревня в XII—XIV вв. и Жакерия», «Английская деревня в XIII и XIV вв.», «Немецкий город в XIV—XV вв.», «Памятники истории Англии XI—XIII вв.» и др.). Появился в печати ряд университетских курсов по истории средних веков, выпущенных на правах рукописей (Н. П. Грацианского, С. И. Архангельского, О. Л. Вайнштейна, Е. А. Косминского, П. П. Щеголева). В 1939 г. вышел учебник для вузов по истории средних веков (первый том под ред. Удальцова, Косминского и Вайнштейна, второй — под ред. Сказкина и Вайнштейна. Первый том вышел в переработанном издании в 1940 г.).

Большую помощь как для преподавателя, так и для исследователя дают публикации ряда комментированных источников по истории средних веков («Акты Кремоны», «Генрих Латыш», «Агрикультура средних веков», «Памфлеты Лильберна», «Письма темных людей», сочинения

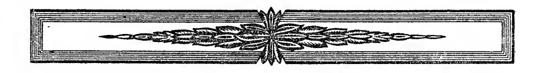
[1] Подробности см. в ст. Н. С. Лебедева.

Макиавелли, Гвичардини и др.). Можно лишь упомянуть о многочисленных популярно-исторических работах по истории средних веков (например, С. Г. Лозинский — «История папства», А. Е. Кудрявцев — «История Испании в средние века», ряд биографий, вышедших в серии «Жизнь замечательных людей», и пр.). Много популярных статей, в первую очередь в помощь педагогу, печаталось в исторических журналах — «Борьба классов», «Исторический журнал».

Предательское нападение гитлеровской Германии на Советский Союз нарушило мирную работу советских медиевистов и заставило ее перестроиться на военный лад, но не ослабило ее интенсивности, а усилило ее во много раз. Уже в 1939 г. Институт истории АН СССР ответил на наглую пропаганду фашистских «историков» сборником «Против фашистской фальсификации истории», в котором принял участие ряд историков-медиевистов. Новое издание этого сборника, дополненное рядом статей, подготовляется в настоящее время. Советские медиевисты подчинили основную тематику своей работы целям борьбы с гитлеризмом. Одной из важнейших задач является выкорчевывание идеологических корней фашизма, тех извращений истории, которые уже давно пропагандировались немецкими шовинистами и успели проползти в научный обиход и других стран. Грубому извращению подверглась история славянства, которое немцы всегда стремились изобразить как «низшую расу», не способную к самостоятельной жизни. Тематика, связанная с историей славянства, делается теперь достоянием не только тесного круга «славяноведов», но и тех медиевистов, которые раньше сосредоточивались на истории германо-романских народов. Германская агрессия на Восток (Грацианский), история Прибалтики (Я. Я. Зутис), борьба Польши с немцами, гуситские войны, проблемы этногенеза славян (Удальцов) все больше привлекали наших медиевистов в последние годы и стали центральными темами во время войны. В работе над этими проблемами выясняется, что построения ученых-немцев, державшиеся десятилетиями в науке, рассыпаются в прах перед лицом подлинного научного анализа.

Советская медиевистика поддерживает связь с демократическими странами, ведущими совместно с Советским Союзом борьбу с гитлеризмом. Русская медиевистика давно связана с Англией тесными узами научного содружества. Уже Янжул, Ковалевский разрабатывали ряд проблем истории средневековой Англии. П. Г. Виноградов считается в Англии крупнейшим авторитетом по социальной и юридической истории английского средневековья. Имена Савина и Петрушевского хорошо известны английским ученым. Их ученики Е. А. Косминский, В. М. Лавровский, И. С. Звавич продолжали их работу над историей английского средневековья, работали в английских архивах, состоят членами английских ученых обществ, печатали свои статьи в английских научных журналах. Английская тематика играет крупную роль в занятиях советских медиевистов. Аспирантура и студенческая молодежь охотно выбирают темами своих работ вопросы английской средневековой истории.

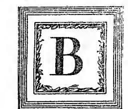

Н. С. ЛЕБЕДЕВ

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В СССР ЗА 25 ЛЕТ

I

есьма убедительным фактором состояния изучения Византии в советский период является количество византиноведческой периодической литературы.

Здесь первое место занимает орган Академии Наук СССР «Византийский временник», журнал большой научной ценности, основанный в 1894 г. известным русским византинистом, основоположником византиноведения в России, акад. В. Г. Васильевским.

После Октябрьской революции продолжал издаваться и «Христианский Восток», журнал Академии Наук СССР, занимавшийся изучением христианской культуры народов Азии и Африки. «Христианский Восток» начал выходить в 1912 г. по инициативе знаменитого основателя яфетической теории акад. Н. Я. Марра и известного египтолога акад. Б. А. Тураева. До Октябрьской революции вышло пять томов, после революции — VI том (в 3 выпусках).

Статьи по византиноведению, кроме этого, печатались в ряде советских исторических журналов: «Анналы», «Новый Восток», «Историк-марксист», «Исторический журнал», «Изв. ГАИМК», «Вестник древней истории».

В последнем журнале было напечатано довольно значительное количество весьма ценных и важных статей и исследований по вопросам Византии — укажем хотя бы на работы академиков С. А. Жебелева, Б. Д. Грекова, профессоров М. Д. Приселкова, А. В. Мишулина. Редакция журнала уделила место новым или заново отредактированным переводам на русский язык некоторых византийских памятников, как то: «Тайная история» и «О постройках» Прокопия Кесарийского, писателя эпохи Юстиниана Великого, в переводе С. П. Кондратьева, «Инструкции по полиоркетике» (искусство осады городов) Анонима Византийского (по предположению ученых, писателя X в.), в переводе М. Н. Страхова, и некоторых других.

В журнале помещены также ценные библиографические обзоры по отдельным зарубежным византологическим журналам, как, например, помещенный в № 4 за 1938 г. обзор (С. П. Кондратьева) журнала «Byzantion» за 1931—1937 гг.

В плане развития византийских занятий были приняты меры к изданию в Ленинграде постоянного органа по византиноведению. Таким

органом должен был стать «Византийский сборник», непериодическое издание Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

Номер первый «Византийского сборника» был сдан в печать, но война помешала его выходу в свет. В № 1 «Византийского сборника» входят статьи М. В. Левченко и Е. Э. Липшиц относительно византийского землевладения, А. П. Дьякова о византийских димах, М. А. Шангина об Арефе Кесарийском, В. Е. Вальденберг о Михаиле Пселле, а также библиографические обзоры.

В Ленинградском отделении Института истории была образована Византийская научная группа, на заседаниях которой в течение 1939—1942 гг. был прочитан ряд научных докладов и сообщений, например М. В. Левченко и Е. Э. Липшиц — по аграрному вопросу в Византии, М. А. Шангиным — по истории Византии X в., акад. Н. С. Державиным — о взаимоотношениях Византии и Болгарии, Н. С. Лебедевым — на темы «Известия Георгия Пахимера о монголах» и «Византологические работы С. П. Шестакова», т. Сюзюмовым (из г. Свердловска) — об иконоборческом движении в Византии и др.

Основатель русского византиноведения В. Г. Васильевский умер в 1899 г. Его ученик акад. Ф. И. Успенский много и плодотворно работал после Октября в любимой им области византиноведения.

Октябрьский переворот застал Успенского уже в возрасте свыше 70 лет. Но несмотря на преклонный возраст, он продолжал свои византиноведческие исследования и большую педагогическую работу в ЛГУ. В течение последних 11 лет своей жизни (1917—1928) он опубликовал 44 работы, из них 34 по византологии. Девятнадцать работ было им приготовлено к печати, однако напечатать их он не успел.

В лице акад. Успенского сочетался кабинетный ученый большого масштаба, выдающийся эрудит, с прекрасным организатором, сумевшим наладить и руководить рядом научных мероприятий.

По его инициативе был организован Русский археологический институт в Константинополе, были предприняты археологические раскопки близ деревни Абобы в Болгарии, на месте прежней столицы Болгарского царства Преславы, раскопки и обследование византийских памятников в Трапезунте в 1916—1917 гг. и ряд других мероприятий. После Октябрьской революции Успенский проявлял такую же кипучую научно-организационную деятельность.

Ряд работ Успенского, вышедших уже после революции, основан на материалах Трапезунтской экспедиции.[1] Таковы его «Отчет о занятиях в Трапезунте летом 1917 г.» (1918), «Трапезунтская рукопись в Публичной библиотеке», «Старинная крепость в устье Чороха», «Усыпальница царя Алексея IV в Трапезунте» (правителя Трапезунта, погибшего в 1446 г.), «Социальная эволюция и феодализация Византии», «Трапезунтская империя» (статьи в журн. «Анналы», 2 и 4-я книги), «Выделение Трапезунта из состава Византийской империи» (Seminarium Kondakovianum), «Монастырские акты Иоанна Предтечи. Вазелон. Греческая рукопись Публичной библиотеки в Петрограде, № 743» (Сборник отчетов о премиях и наградах Академии Наук за 1917 г.) и монографии: 1) «Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV вв.», Л. 1927; 2) «Очерки по истории Трапезунтской империи» (посмертное издание).

[1] Полное библиографическое описание напечатанных работ Ф. И. Успенского см. в книге «Памяти акад. Федора Ивановича Успенского», Л., изд. АН СССР, 1929, 78 стр.

Исследование Успенского «Социальная эволюция и феодализация Византии» затрагивает чрезвычайно важный вопрос о формах землевладения в Византии, о феодализме и его проявлениях на византийской почве. Статья «Трапезунтская империя», — если говорить словами самого Успенского, — имеет целью выяснить, «из каких элементов состояло население империи, кем управляли и чем поддерживали внешний блеск и неприкосновенность империи ее цари, великие Комнены, с кого брали дани и пошлины и где находили силы и средства для защиты от внешних врагов».

Перу Успенского принадлежит ряд «Записок» по био-библиографии (в «Изв. Академии Наук»): «Записка» о трудах Ш. Диля (Ch. Diehl), Г. Шлюмберже (G. Schlumberger), Г. Милле (G. Millet), А. Гейзенберга (A. Heisenberg), А. А. Васильева и др.

Кроме названных работ Успенскому принадлежат следующие труды: 1) «Константинопольская Серальская рукопись. Псалтыри с толкованиями» («Визант. временник», т. XXIII); 2) «Последние Комнены» («Визант. временник», т. XXV) — интересная характеристика состояния Византийской империи конца XII в.; 3) «Путевые заметки Вениамина из Туделы» («Анналы», № 3). Вениамин из Туделы — испанский еврей, путешественник, живший во второй половине XI в., оставивший описание этого города; 4) «История Византийской империи», т. II, часть 1,[1] — капитальный труд по истории и культуре Византии. Совершенно не разработанная проблема о взаимоотношениях Византии и монголов привлекала особое внимание Успенского, и в последние годы своей жизни он посвятил ей ряд исследований и докладов. Большое внимание он уделял также вопросу о роли славян в истории Византийского государства, истории византийской культуры и многим другим вопросам византиноведения.

По своей эрудиции, широкому кругозору, глубокому пониманию византийской истории и культуры Успенский является ученым мирового масштаба.

Переходя к обзору византиноведческих работ, принадлежащих перу других русских ученых, следует упомянуть работы проф. А. А. Васильева: 1) «Византия и крестоносцы» (П. 1923), 2) «Латинское владычество на Востоке» (П. 1923) и 3) «Падение Византии. Эпоха Палеологов» (Л. 1925).

Они являются продолжением изданных им в 1917 г. «Лекций по истории Византии, т. I. Время до эпохи крестовых походов (до 1081 г.)». П., 1917.

Названные работы Васильева вместе с его «Лекциями» являются полным изложением истории Византии от Константина Великого до падения Константинополя в 1453 г.

Не отличаясь особенно глубоким анализом и не будучи марксистскими, работы Васильева довольно подробно излагают внешнюю историю Византийского государства, отводя в то же время внутренней истории (за исключением церковной) чрезвычайно мало места. Большим достоинством их являются хорошие библиографические указания русской и иностранной литературы.

Несомненные заслуги перед византиноведением имеет недавно умерший — 28 декабря 1941 г. — акад. С. А. Жебелев. Специалист по истории античности, акад. Жебелев, ученый широкого кругозора, изучал и хорошо знал Византию и после смерти акад. Успенского

[1] В № 4(5) ВДИ за 1939 г. опубликована глава из 2-й части II тома «Истории Византийской империи» под заглавием «Значение походов Святослава в Болгарию».

возглавил в Академии Наук СССР византиноведческую специальность. Из его работ, написанных им после Октября 1917 г. по византиноведению, отметим две его статьи, помещенные в «Вестнике древней истории», обе историографического характера: 1) «Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке» и 2) «В. Г. Васильевский в изучении византийских древностей».

За год до смерти акад. Жебелева скончался другой известный русский ученый, также работавший в области византиноведения, — казанский профессор С. П. Шестаков. Как и акад. Жебелев, проф. Шестаков по специальности был классиком-филологом. Им издан ряд византийских текстов, например «Заметки к стихотворениям Codicis Marciani gr. 524» («Визант. временник», т. XXIV) — исследование в области византийской поэзии эпохи Комненов.

Из московских византинистов необходимо назвать рано умершего профессора Московского университета К. Н. Успенского. После революции в «Византийском временнике» (т. XXIII) была напечатана его статья «Эскуссия-иммунитет в Византийской империи». В этом исследовании им было установлено, что эта правовая норма аналогична западноевропейскому иммунитету.

Византийской философией, очень слабо изученной, в частности историей политической мысли, занимался проф. В. Е. Вальденберг.

В «Известиях Академии Наук» за 1926 г. напечатано обширное его исследование «Политическая философия Диона Хризостома». Дион Хризостом, живший, как известно, в самом начале нашей эры, по мнению В. Е. Вальденберга, оказал весьма заметное влияние на византийскую литературу и на византийскую политическую идеологию.

Интересна и другая работа Вальденберга — «Речь Юстина II к Тиберию» («Изв. Академии Наук», 1928, 110—140). Вывод Вальденберга сводится к тому, что речь Юстина вряд ли можно считать историческим документом. «Это скорее легенда, — пишет проф. Вальденберг на стр. 139, — которая, разумеется, имеет фактическое основание... На пространстве же от VI до XIV веков речь Юстина потерпела много перемен, много впитала в себя разнообразных политических идей и настроений». А это показывает, что «история политических идей в Византии не есть скучное повторение одного и того же. Там была жизнь и было развитие».

Небольшая работа Вальденберга «Наставление писателя VI века Агапита в русской письменности» («Визант. временник», т. XXIV) вскрывает, что «для русской политической мысли Агапит имеет значение не как проводник специально византийских идей, а почти исключительно как посредник в передаче идей античной философии».

Посмертная работа проф. Вальденберга (он умер в декабре 1940 г.) «Философские взгляды Михаила Пселла» напечатана в № 1 «Византийского сборника».

В том же № 1 «Византийского сборника» напечатана ценная и любопытная работа известного специалиста по сирологии, автора и до сих пор не потерявшего своего значения труда об Иоанне Эфесском, проф. А. П. Дьяконова, под названием «Византийские димы и факции в V—VII веках».[1]

Статья Дьяконова насыщена богатым и ценным материалом, почерпнутым непосредственно из источников. В статье автор очень подробно разбирает организацию димов и факций, их происхождение,

[1] Статья также является посмертной: А. П. Дьяконов умер перед самой войной, летом 1941 г., в Смоленске.

их функции, а также взаимоотношения между ними и роль их в Византийском государстве в различные эпохи существования империи от IV до VII в. Ряд работ советских византинистов посвящен вопросу о роли славян в истории Византии.[1]

Другой большой группой вопросов в области византиноведения, которая привлекала к себе внимание византинистов после революции, явились вопросы внутренней истории Византии, в частности вопросы социально-экономической истории Византийской империи, так мало еще изученные наукой и так остро стоявшие, как показывают источники, в Византии.

Среди этих работ мы на первое место поставим большую работу М. В. Левченко «Материалы для внутренней истории Восточно-Римской империи V—VI вв.» («Византийский сборник», № 1).

Работа Левченко состоит из трех частей. В первой части рассматриваются состояние и положение византийской деревни — Metrocomiae и Vici publici; во второй части анализируются императорское землевладение, императорские домены, и, наконец, третья часть рассматривает вопрос о крупном частном землевладении и его отношении к императорской власти. Автор привлек для своей работы большое количество источников, в частности папирусов, и обширную литературу.

Следующая статья по указанной выше группе вопросов принадлежит Е. Э. Липшиц. Она также входит в № 1 «Византийского сборника» и называется «Византийское крестьянство и славянская колонизация» (преимущественно по данным «Земледельческого закона»).

В этой статье Липшиц исследовала внешнюю историю «Земледельческого закона» (например, в главах «Рукописные версии «Земледельческого закона» и первоначальный состав его текста», «О дате «Земледельческого закона»» и пр.), а также его содержание, поставив появление этого закона в связь со славянской колонизацией провинций Византийской империи.

В результате своего исследования Липшиц приходит к следующему заключению: «Земледельческий закон» явился «своеобразной кодификацией славянского обычного права» в соединении с теми общинными отношениями, которые установились до появления еще славян «в аграрном строе раннефеодальной Византии».

Весьма обстоятельной и заслуживающей внимания является и другая статья Липшиц, помещенная в «Вестнике древней истории» № 1 за 1939 г., «Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв.».

Острые классовые противоречия в государстве, угнетение неимущего населения, жаждавшего путем смены власти добиться улучшения своего крайне незавидного положения, вызвали восстание под руководством Фомы Славянина. Однако это восстание потерпело поражение, так как под знаменами Славянина сосредоточились противоречивые элементы, классово чуждые друг другу, вследствие чего у армии не было ясной, твердой целеустремленности.

Следует еще остановиться на следующих работах. Во-первых — на помещенной в XXIV т. «Византийского временника» статье И. И. Соколова «Крупные и мелкие властители в Фессалии в эпоху Палеологов». В статье идет речь об окончательном процессе феодализации в Византии после ликвидации латинского владычества.

В XXV т. того же «Византийского временника» напечатана статья А. Вишняковой «Хозяйственная организация монастыря Лемвиотиссы».

---

[1] См. подробно статью Пичета и Шустера «Славяноведение в СССР за 25 лет».

Работа Б. Т. Горянова «Иконоборческое движение в Византии» («Исторический журнал», 1940, № 5) является единственной статьей по этому вопросу в советской литературе. Иконоборчество как социальное явление VIII—IX вв. в истории Византии принадлежало, несомненно, к крупнейшим и ярким фактам этой эпохи. Приходится только пожалеть, что русские ученые так мало обращали на него внимания все эти годы.

Несколько особо надо поставить работы М. А. Шангина. Византийская палеография, эпиграфика, издание текстов — вот та область, в которой работает Шангин. Все напечатанные им работы отличаются тщательным, безукоризненным выполнением в смысле издания помещенных в них византийских текстов, подчас весьма сложных и трудных. Эти тексты сопровождаются обычно интересными и содержательными комментариями и объяснениями. Из работ Шангина назовем следующие: «Византийские политические деятели первой половины X в.» («Визант. сборник» № 1). В этой работе Шангиным опубликовано сочинение Арефы Кесарийского (с переводом на русский язык) против магистра Льва Хиросфакта с обширными комментариями; «Некоторые надписи Херсонесского музея» («Вестник древней истории», 1938, № 3); «Новый географический текст» («Вестник древней истории», 1938, № 4; перевод, исследование).

Большим недостатком в византиноведческой литературе было отсутствие учебника по истории Византии. С особенным удовлетворением следует отметить выход в свет книги проф. Левченко «История Византии. Краткий очерк» (М. — Л. 1940). Ценность этого учебного пособия заключается еще в том, что оно является первой книгой по истории Византии, написанной с марксистских позиций (см. рецензии: Б. Горянова в «Вестнике древней истории», 1940, № 3 и 12, и М. Шангина в «Историке-марксисте», 1940, № 12).

К научной литературе по византиноведению можно отнести труды, которые, будучи написаны невизантинистами и не на специальные византологические темы, содержат, тем не менее, весьма ценный материал, имеющий ближайшее отношение к Византии.

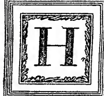
В числе таких работ необходимо упомянуть прежде всего исследования Н. В. Пигулевской (специалист-сиролог): «Арабы VI в. по сирийским источникам». Статья в сб. «Труды II сессии ассоциации арабистов», 13—23/X 1927 г. «Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник». М. — Л. 1940. В этой работе впервые напечатан перевод на русский язык «Хроники» Иешу Стилита, являющейся важнейшим источником о войне Персии и Византии в начале VI в. Близка к византийской тематике и третья работа Н. В. Пигулевской «Сирийские источники по истории народов СССР». М. — Л. 1941, 171 стр. Содержанием книги являются «Хроника» Захария Ритора и «История» Иоанна Эфесского. Источники эти приведены в русском переводе.

Чл.-корр. АН СССР В. И. ПИЧЕТА и канд. истор. наук У. А. ШУСТЕР

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В СССР ЗА 25 ЛЕТ

ачало русского славяноведения следует отнести к XVIII в., но его оживление начинается с начала XIX в. На развитие русской славяноведческой науки оказал влияние ряд факторов. Во-первых, внешняя политика царизма была направлена на Восток и на Балканы. Стремясь осуществить свои политические планы, царское правительство, естественно, было заинтересовано в том, чтобы привлечь на свою сторону южных славян. Во-вторых, в начале XIX в. сербский народ восстал против своих вековых угнетателей — турецкого султана и турецкой феодальной знати — и стремился вооруженной рукою сбросить с себя зависимость от султанской Турции. Царское правительство пыталось использовать это национально-освободительное движение сербского народа и других балканских народов в свою пользу и оказывало поддержку национально-освободительной борьбе сербов. Национально-политический и культурный подъем славянских народов в первой половине прошлого столетия оказал громадное влияние на развитие интереса со стороны русских исследователей к истории, литературе и культуре балканских славян.

Первое время русское славяноведение не выходило за пределы славяно-русской филологии и издания памятников славяно-русской письменности, но уже в начале XIX в. появились первые монографические исследования, касавшиеся истории южных славян.[1]

Развитие славяноведения в России в известной степени тормозилось отсутствием специальных кафедр в университетах, бывших центрами дворянской научной мысли. Только в 1835 г. Министерство народного просвещения подняло вопрос об открытии кафедр славяноведения в четырех университетах: Петербургском, Московском, Харьковском и Казанском. Сначала министр народного просвещения предполагал пригласить чешских ученых для занятия вновь открываемых кафедр, но эта попытка не увенчалась успехом. Известные ученые П. Шафарик, Ф. Л. Челяковский и В. В. Ганка, по разным соображениям, отклонили предложение министра.[2] Тогда министр предложил университетам наметить своих кандидатов для занятия кафедр славяноведения. Намеченные университетами кандидаты должны были

[1] Ягич И. В. Энциклопедия славянской филологии. СПб. 1910, стр. 166—170.

[2] Францев В. А. Очерки по истории чешского Возрождения. Варшава 1902, стр. 129—192.

отправиться за границу как для знакомства с славянскими странами вообще, так и для изучения «истории и литературы славянских наречий».

Вернувшись в Россию после двухлетнего скитания по славянским и другим странам, университетские кандидаты приступили к чтению лекций на факультетах и этим положили начало университетскому преподаванию «истории и литературы славянских наречий», с бо́льшим уклоном в сторону славянской филологии, чем в сторону истории славян. Впоследствии кафедры славяноведения были открыты во всех университетах царской России.

Представители университетской славяноведческой науки соединяли в одних руках преподавание как славянской филологии и истории славянских литератур, так и истории славянских народов. Это объединение в одних руках трех различных научных дисциплин влияло отрицательно на изучение истории славянских народов. Превосходные знатоки славянской филологии не всегда в должной мере владели научным методом исторического исследования. Впрочем, в Московском и других университетах в конце XIX в. читали курсы по истории западных славян специалисты-историки. Так до самой Октябрьской социалистической революции в русских университетах не было специальной кафедры истории славянских народов.

Изучение истории славянских народов дворянскими и буржуазными славистами было далеко не равномерным. Русские исследователи главным образом были заняты изучением древнейшей и средневековой истории болгар и сербов и отчасти истории полабско-прибалтийских славян. Менее привлекала к себе внимание исследователей история западных славян — чехов и поляков. Такое отношение к истории западных славян было не случайным. Оно было вызвано рядом политических и историко-культурных соображений.

Южные сла́вяне в культурном отношении были теснее связаны с русским народом, чем чехи и поляки. Естественно, что русские слависты с особенной тщательностью изучали культуру и просвещение феодальной Болгарии и Сербии, поскольку они оказали положительное влияние как на развитие культуры и просвещения Киевской Руси, так и Московского государства. Помимо этого политические стремления царского правительства на Восток объективно толкали русских славистов к изучению истории болгар и сербов.

Первые русские слависты по своим общественно-политическим взглядам примыкали либо к сторонникам официальной народности, либо к славянофильскому направлению. Выдвигая теорию своеобразия исторического процесса у славянских народов по сравнению с народами Западной Европы, русские слависты подчеркивали, что только русские, болгары и сербы сохранили древнейшие основы славянской государственности и общественности и православно-византийской культуры. Славянофилы-слависты выбрасывали из среды славянских народов поляков и чехов только на том основании, что они, приняв христианство по латино-католическому обряду, примкнули к западноевропейскому германо-романскому миру. Этим они якобы вычеркнули себя из семьи славянских народов. Правда, история чешского народа отчасти привлекала к себе внимание русских славистов. Это объяснялось тем, что русские слависты интересовались религиозно-общественно-политическим движением в Чехии, связанным с именем Яна Гуса, которое рассматривалось ими как движение исключительно религиозное и преследовавшее цель восстановления в Чехии православного церковного культа. Что же касается истории польского

народа, то последняя долгое время сознательно игнорировалась русскими славистами.

Славяноведение как наука «о славянской филологии» могло быть доступным и понятным только небольшому количеству избранников-специалистов. Оно не могло заинтересовать даже широкие дворянские общественные круги. Преобладание славянской филологии при кафедре славяноведения в университетах в значительной степени задерживало изучение истории славян и увеличение количества специалистов-славистов. Славянофильское и великодержавное направление университетских славистов не встречало никакого сочувствия и поддержки среди студенческой молодежи. Даже такой крупный представитель русского славяноведения во второй половине XIX в., как В. И. Ламанский (1833—1914 гг.), которого можно считать главою целой исторической школы славистов, имел весьма ограниченное количество учеников, так как выступал с ярко выраженной великодержавной шовинистической идеологией.

Ламанский выделял в истории новой Европы особую действующую группу народов — греко-славянскую, отличающуюся от другой европейской группы — романо-германской. Проводя во всех своих работах идею единства славян как этнографической группы, противоположной романо-германской, Ламанский считал толки об общеславянском языке «величайшей бессмыслицей», но в то же время полагал, что только русский язык может стать общелитературным языком славянства, впрочем допуская, что принятие русского языка должно быть актом вполне добровольным.

Как славянофил и панславист, Ламанский принимал участие в организации славянского съезда в Москве в 1867 г., на котором отсутствовали поляки. Ламанский не раз выступал с полонофобскими речами, полностью поддерживая руссификаторскую политику царизма в Польше. Научные и общественно-политические выступления Ламанского отталкивали от сближения с Россией славянских буржуазных ученых и политических деятелей. В этом отношении деятельность Ламанского содействовала не сближению славян с русским народом, а скорее их разъединению.

Вместе с тем следует отметить, что заслугой Ламанского было то, что он постоянно в своих работах и статьях обращал внимание на враждебное отношение немецко-буржуазной науки к славянству, что недостаточно оценивалось русскими либерально-буржуазными учеными.

Хотя Ламанский и все его ученики занимались славянской филологией, все же они становились больше историками, чем филологами, что оказало большое положительное влияние на изучение истории славян, главным образом южных — болгар и сербов. Целый ряд учеников Ламанского выпустил прекрасные исследования по средневековой истории южных славян. Несмотря на известную тенденциозность и преклонение перед византийским культурным миром, они сохраняют свое значение и в настоящее время как собрание ценных материалов.

Изучение истории Польши и Чехии пошло иной дорогой. Социально-экономическая история Чехии привлекла к себе внимание видного специалиста по всеобщей истории, члена чешской Академии наук и профессора бывшего Юрьевского университета, А. Н. Ясинского. Его исследования по социально-экономической истории Чехии в период раннего средневековья представляют собою выдающееся явление в историографии. Одновременно его ближайший ученик М. В. Бречкевич заинтересовался изучением истории полабско-прибалтийских сла-

вян, возобновив этим традицию их изучения, начатого А. Ф. Гильфердингом.

Подводя итоги истории славяноведения в России с начала XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции, необходимо отметить, что изучение истории славянских народов двигалось вперед крайне медленно, встречая на своем пути множество препятствий.

Конечно, слависты-филологи в своей специальной области — в изучении фонетики и морфологии славянских языков, публикации югославянских и русских памятников сделали очень много, а для изучения истории южного славянства и его культуры эти опубликованные памятники представляют величайший интерес.

Исследователи издавали главным образом югославянские литературные памятники, поскольку они были необходимы для понимания как древней русской письменности, так и для изучения культурных связей между балканскими славянами и Северо-Восточной Русью. Памятники западнославянской письменности не привлекали их.

Филологи-слависты, вслед за чешскими славистами, выступали сторонниками теории о праславянской семье и первоначальном единстве древнеславянского языка. Исходя из теории славянской прародины, они создали теорию расселения славян и образования, вследствие колонизации, трех ветвей славянства: южной, восточной и западной. Противополагая славянский мир западноевропейскому, филологи-слависты выступали сторонниками особого пути в историческом развитии славянских народов; они старались доказать необходимость самодержавия и православия в России как исконных начал славянства. Таким образом, дворянское и буржуазное славяноведение оставило после себя ряд работ по отдельным проблемам, связанным с историей славян, работ, ценных по своему конкретному материалу.

Досоветская славянская историография была относительно бедна общими работами по истории славянских народов. Читаемые в университетах курсы по истории славянских народов обычно издавались литографским способом и оставались недоступными для широких читательских кругов. Известны курсы В. И. Щепкина и Ю. В. Готье по истории южных славян, знакомившие по преимуществу с их политической историей. История западных славян была представлена лекциями П. А. Лаврова по истории Чехии и «Кратким очерком истории Польши» П. Н. Ястребова. Авторы этих трудов также главным образом интересовались внешнеполитической историей Чехии и Польши, хотя Лавров отводил не мало места и внутреннему социально-политическому развитию Чехии.

После Октябрьской революции был опубликован большой труд М. К. Любавского, одного из крупнейших буржуазных историков, посвященный истории западных славян.[1] Этот труд — обработанные лекции, читанные автором в Московском университете.

«История западных славян» Любавского — безусловно выдающийся труд. В нем дана подробная социально-политическая история прибалтийских славян, чехов и поляков. Любавский — большой знаток источников и литературы вопроса, внимательно следивший за выходившими в Чехии, Польше и в Германии работами по истории западного славянства.

В своей истории западных славян Любавский доводит историю Чехии и Польши до начала империалистической войны. Все внимание Любавского было сосредоточено на изучении социально-политического

[1] Любавский М. К. История западных славян. М. 1917.

развития западных славян. Ему не чужды понятие «класс» и представление о классовой борьбе, хотя он подменяет их термином «социальная борьба». В труде Любавского содержится много ценных и свежих данных по истории западных славян. Многим вопросам социально-политического характера автор дает правильную оценку. Благодаря превосходному знакомству с западноевропейской, чешской и польской историографией, а также исчерпывающему знанию источников Любавский полно и отчетливо восстановил картину прошлой жизни западного славянства. Необходимо отметить, что Любавский в своей истории западных славян признает наличие феодальных отношений в Польше подобно западноевропейским. Это наблюдение его становится ценным еще и потому, что польская историография долгое время отрицала наличие феодальных отношений в Польше, и только в последнее время в польской историографии проф. Гандельсманом и Гродецким поставлен вопрос о феодализме в Польше. Правда, Любавский в своем понимании феодализма стоит на историко-юридической точке зрения, но в то же самое время им подчеркивается усиление крупных феодалов-можновладцев в связи с развитием крупного землевладения и иммунитетов, что неизбежно влекло за собой закрепощение крестьянства.

В 1938 г. была опубликована двухтомная работа «История средних веков», в которой авторы останавливаются на основных моментах экономической и социально-политической истории западного и южного славянства. «История средних веков» представляет собою учебник, предназначенный для исторических факультетов университетов и педагогических институтов. Поэтому авторами затрагивались только основные вопросы истории славян: история полабских и прибалтийских славян, их напряженная борьба с германскими феодалами, образование дофеодального государства Само и феодализирующегося Моравского княжества, история Польши со времени образования Польского государства до первого раздела Речи Посполитой включительно и история Чехии с древнейших времен до 1526 г., когда чешская корона перешла к австрийским Габсбургам и вместе с тем началось наступление на политическую самостоятельность Чехии.[1] В главах, посвященных истории Польши и Чехии, дана яркая картина развития феодальных отношений. Следует отметить, что авторы статей по истории Польши преувеличивают значение германской колонизации для хозяйственного развития Польши. После ряда работ польских исследователей во главе с проф. Буяком уже не приходится говорить о появлении в Польше трехполья только в связи с немецкой колонизацией. Работы Малечиньского, Войцеховского и других также показали, что возникновение польского городского строя отнюдь не связано с германской колонизацией. Еще до монголо-татарского погрома в Польше было не мало городов, бывших видными торговыми центрами, но разрушенных монголо-татарами. Многие из немецких городов возникли на месте старых, находившихся в развалинах после монголо-татарского нашествия. Помимо этого, значительная часть городов Великой Польши и Мазовии, хотя имели городскую организацию на основе магдебургского права, в действительности по этнографическому составу своего населения были городами польскими.

История южных славян в «Истории средних веков» представлена с древнейших времен до потери ими национально-политической независимости. Она связана, и притом вполне правильно, с историей

[1] Статьи написаны А. Д. Удальцовым, Е. А. Косминским и В. В. Берешкович.

Византийской империи. Главы «Византия VI—IX веков и южные славяне» и «Византия, Болгария и Сербия в XI—XV веках» дают минимум сведений по истории южных славян.[1] Отметим, что в учебнике подробно изложено законодательство Стефана Душана, которое позволяет составить яркое представление о феодальном строе и феодальных отношениях в Сербии в XIV в.

Равным образом и в учебном пособии проф. Н. П. Грацианского «Средние века» (курс лекций, читанных в Московском государственном педагогическом институте, ч. I и II, М. 1939), изданном на правах рукописи, отведено значительное место истории южных и западных славян. Так, главы «Византия и славяне», начиная с VI в. и до взятия Константинополя турками, знакомят с историей южного славянства и византийско-славянскими отношениями.

История Польши в работе Грацианского представлена с древнейших времен до начала XVI в., т. е. до превращения Польши в шляхетскую республику, а история Чехии — также с образования Чешского государства до 1526 г., когда Габсбурги утвердились на чешском престоле.

В «Истории СССР», т. I (редакция проф. В. И. Лебедева, акад. Б. Д. Грекова, чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина) и т. II (редакция проф. М. В. Нечкиной), отдельные главы посвящены истории Польши, поскольку в XIX в. история польского народа была связана с историей царской России. Так, в т. I «Истории СССР» помещены главы о государственном упадке Речи Посполитой, а в т. II имеется глава о Царстве Польском 1815—1830 гг. и разделы о польских восстаниях 1830—1831 гг.[2] и 1863 г.[3] Кроме того, в Энциклопедическом словаре Гранат В. И. Пичета напечатал «Очерк истории Польши с начала XIX в. до начала империалистической войны». В этом же томе дан обзор состояния образовавшегося после окончания империалистической войны Польского государства. В Большой советской энциклопедии напечатана статья М. В. Джервиса и У. А. Шустера по истории Польши с древнейших времен до 1939 г.

Истории южных славян касается и М. В. Левченко в своем курсе «История Византии» (М. — Л. 1940), но сделано это автором с предельной краткостью, хотя история Византии не отделима от истории южных славян. Левченко в своей работе затронул очень важный и спорный вопрос о значении славянских завоеваний на Балканском полуострове для социально-экономического и политического развития Византийской империи, вопрос, который в дальнейшем будет всесторонне рассмотрен советскими славистами. Кроме того, Джервис подготовил к печати для Большой советской энциклопедии «Очерк истории Польши».

Чтобы познакомить широкие круги советских читателей с древнейшими римскими и византийскими памятниками, касающимися истории славян, проф. А. В. Мишулин опубликовал переводы отрывков из произведений римских и греческих писателей I—VII вв. под заглавием «Древние славяне в отрывках греко-римских писателей до VII века».[4] Здесь приведены высказывания Плиния, Прокопия, Иордана и др. Кроме того, акад. С. А. Жебелев дал перевод важного

---

[1] Авторы статей: А. Д. Удальцов и Е. А. Косминский.
[2] Автор статей о Польше до 1831 г. — В. И. Пичета.
[3] Автор — С. Н. Драницын.
[4] ВДИ, 1940, 1.

отрывка из сочинений Маврикия Стратега.[1] Известия о славянах византийских писателей имеют первостепенной важности значение для изучения древнейшей истории их. Несмотря на всю отрывочность сообщаемых ими сведений, а также и их односторонность, все же они являются основным источником для изучения экономики общественного строя и культуры славян времени распада родовых отношений.

Данные византийских писателей уже давно вошли в научный оборот. Ими широко пользовались П. Шафарик и Л. Нидерле для своих «Славянских древностей». Следовало бы продолжить начатую работу по публикации сведений византийских писателей по истории южных славян, а вместе с тем подготовить к печати и перевод отрывков из западных хронистов, начиная с Фредегара, Видукинда, Саксона Грамматика и др., известия которых являются основным первоисточником для изучения истории западных славян и германо-славянских отношений.

История южных славян была связана самым тесным образом с историей Византии. Крупные русские буржуазные византинисты, как Ф. И. Успенский (1845—1928), В. Г. Василевский (1838—1899), Н. П. Кондаков (1844—1920), неоднократно в своих работах касались истории славян, посвящая им и отдельные монографические исследования. М. Шангин тщательно собрал все то, что было высказано русскими византинистами по истории южных славян, и обобщил свои сведения в интересной статье «История славян в трудах русских византинистов».[2] Можно упрекнуть автора только в чрезмерной сжатости изложения.

В. И. Пичета напечатал небольшой очерк, посвященный истории славяноведения в дореволюционное время, в котором отметил общие идеологические и политические условия, задерживавшие развитие изучения истории славян в царской России; в частности, автором отмечено, что «славянофильское и панруссистское» направление тормозило развитие интереса к изучению истории славянства в широких общественных кругах, а вместе с тем и препятствовало культурному сближению славянских народов с русским народом, так как прогрессивных буржуазных славянских ученых отталкивала великодержавная точка зрения, господствовавшая в трудах наиболее выдающихся русских славистов.

Помимо этого советские историки посвятили отдельным умершим славистам небольшие очерки, освещавшие их научную деятельность на ниве славяноведения. Так, В. Н. Кораблев напечатал интересную статью «Памяти акад. И. В. Ягичжа» по случаю десятилетия годовщины со дня его смерти в 1923 г. Ягичж был профессором Одесского и Петербургского университетов, а также действительным членом Петербургской Академии Наук. Это безусловно один из наиболее выдающихся славистов-филологов, под влиянием которых воспитывалось целое поколение славянских исследователей. Однако, став действительным членом Венской Академии Наук, Ягичж изменил свое прежнее хорошее отношение к русским ученым и позволял себе свысока относиться к ряду выдающихся работ русских славистов. В угоду австрийскому правительству Ягичж изобрел боснийский язык, стремясь своими мнимо научными соображениями оторвать сербов-босняков от этнического единства сербов и хорватов. Естественно, что сербские ученые должны были отнестись крайне отрицательно ко всем его филологическим измышлениям относительно так называемого босний-

[1] Исторический архив, Л. 1938, II.
[2] Исторический журнал, 1941, № 12.

ского языка. Акад. Ф. Е. Корш в письме к акад. А. А. Шахматову правильно отметил, что Ягичж в глазах славян «сразу погубил себя тем, что выдумал боснийский язык». В глазах Корша Ягичж превратился в старого австрийского чиновника — тайного советника, который стал свысока смотреть на русскую науку и русских ученых, проявляя к ним недоброжелательство и величайшее самомнение в оценке тех или других виднейших русских славистов.[1] Тот же автор в интересной статье о Людевите Гае по случаю шестидесятилетия со дня его смерти охарактеризовал общественно-политическую деятельность Гая как «яркого представителя так называемого иллирийского движения». Кораблев в статье «Валтасар Богишич и акад. Ламанский», в которой им использованы ценные архивные материалы, сообщил много новых данных для характеристики ученой деятельности В. Богишича, быв. проф. Новороссийского университета и крупного специалиста по обычному праву южных славян.[2] Наконец, акад. З. Р. Нееддлы напечатал прекрасный очерк «К истории славяноведения до XVIII в.»,[3] в котором автор останавливается на западноевропейском славяноведении.

Внимание советских славистов было сосредоточено на изучении четырех основных проблем: 1) этногенеза славянства, 2) древнейшего социально-экономического быта славян, 3) отношений Византии и славян и 4) образования славянских государств.

Советская славистика, отправляясь от учения акад. Н. Я. Марра о языке, отрицает теорию славянской прародины, славянской прасемьи и расселения славян с Дуная или Карпат. Отрицая мнение, сложившееся в исторической науке и поддержанное такими крупными специалистами, как Шафарик и Нидерле, С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, советские ученые полагают, что не было никакой славянской миграции и что славяне являются исконными обитателями той территории, которую они занимали в историческое время. Разумеется, отрицание миграции по существу не исключает возможности отдельных передвижений славянских племен. Еще польский ученый в 90-х годах прошлого столетия Богуславский категорически высказывался за автохтонность западных славян, но его доводы и соображения были встречены отрицательно специалистами, которые не были удовлетворены его аргументацией. Если же не было славянской прародины и славянской прасемьи, то, естественно, возникает вопрос об этногенезе древних славян на базе слияния разных местных этнических элементов. Этому вопросу много уделил внимания акад. Н. С. Державин; в своих статьях и докладах он неоднократно возвращался к этому сложному, но весьма интересному вопросу. Так, в статье «Об этногенезе древних народов Днепровско-Дунайского бассейна»[4] Державин впервые попытался разрешить этот вопрос. Во всяком случае это очень крупная заслуга со стороны видного советского слависта-филолога. Разрешение вопроса об этногенезе славянства — очень сложная и запутанная задача, так как сведения римских и греческих писателей о племенах, населявших Придунайский бассейн, отличаются крайней противоречивостью и нуждаются в сопоставлении и критической проверке подчас фантастических сведений, которые сообщаются римскими и греческими писателями. Славянские народы, однако, не сразу выступают на историческую сцену как вполне сло-

[1] Труды Института славяноведения, Л. 1934, II, стр. 311—353.
[2] Там же, стр. 247—261.
[3] Исторический журнал, 1941, № 2.
[4] ВДИ, 1939, I.

жившийся этнический тип. Этому предшествует продолжительный период формирования славянских племен из отдельных праславянских этнических элементов.

В своей статье Державин отметил этническое единство Днепровско-Дунайского бассейна. Согласно его наблюдениям, уже в первой половине VI в. юго-западное Причерноморье, вплоть до Дуная, было занято восточными славянами, территориально и непосредственно связанными с соседним славянским населением Римской Дакии и Нижней Мизии. На этой территории выступает первая русская славянская держава — Киевское государство, этническую основу которого составляют местные племена, чьи поселения, по свидетельству Прокопия, простирались до Приазовья. Державин отправляется от правильного наблюдения, что сообщения греко-византийских писателей о том, что колонизация славянами Балканского полуострова происходила только во второй половине VI в., не выдерживают критики. Тот же вопрос был затронут и акад. Б. Д. Грековым в его исследовании «Киевская Русь». Греков и Державин вполне своевременно выдвинули вопрос об этническом единстве Днепровско-Дунайского бассейна, и их наблюдения уже прочно вошли в советскую историческую науку. Установив этническое единство Дунайско-Днепровского бассейна, исследователи, однако, прошли мимо интересного и важного вопроса — об этническом единстве западных славян с восточными и южными.

В то время как Ленинград подвергался жестоким атакам со стороны фашистских полчищ, Институтом материальной культуры имени Н. Я. Марра была выпущена коллективная работа, специально посвященная вопросу об этногенезе славян. К сожалению, этой работы не было в нашем распоряжении, и мы лишены возможности отметить взгляды ленинградских археологов и этнографов об этногенезе славян. Отмечу еще, что чл.-корр. АН СССР А. Д. Удальцов подготовляет специальную монографию об этногенезе.

Советские ученые также представили в ином освещении первоначальный общественно-экономический быт славян. Им приходилось преодолевать те неправильные мнения об общественном и экономическом быте славян, которые были высказаны буржуазными немецкими и русскими учеными. Уже во второй половине XVIII в. немецкий историк Август Шлецер создал легенду об экономической отсталости славян и о позднем развитии земледелия у славянских племен. Эта точка зрения поддерживалась дворянским историком Н. М. Карамзиным и такими выдающимися буржуазными историками, как С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и Н. Л. Рожков. В 1911 г. немецкий ученый Пейскер выпустил специальный труд, в котором пытался доказать не только экономическую отсталость славянских племен, но также и то, что развитие земледелия у славян происходило под непосредственным влиянием германцев. Эта точка зрения подверглась критике в работах М. С. Грушевского, М. К. Любавского и М. Н. Покровского. Последние исследователи широко использовали археологический и лингвистический материалы, что позволило восстановить подлинную картину древнейшего экономического быта славян.

Советские историки еще более углубили поднятый вопрос об экономическом и общественном быте славян. Большая и всесторонняя работа по этому вопросу была выполнена Б. Д. Грековым в его работе «Киевская Русь».[1] Основываясь на богатейшем археологиче-

[1] Изд. 3-е, переработанное и дополненное. М.—Л. 1939.

ском материале, а также тщательно анализируя древнейшие юридические памятники восточного славянства, Греков пришел к выводу, что уже к X—XI вв. подсечное земледелие уступило место плужному и топор в качестве главнейшего орудия подсечного земледелия сменяется сохой даже на севере. Русский былинный эпос и основы сельскохозяйственной религии славян также свидетельствуют о земледельческой культуре по преимуществу. Греков отмечает, что византийский писатель VI в. Маврикий Стратег и араб Ибн-Русте (первая половина X в.) сообщают положительные данные о широком развитии земледелия у славян. Ибн-Русте отметил, что земледельческие продукты были главной пищей славян. Наконец, договор византийского императора Иоанна Цимисхия с киевским князем Святославом 971 г. разрешал Руси привозить в Грецию хлеб на продажу.

В специальной монографии «Анты и Киевская Русь»,[1] основанной на тщательном изучении памятников антских городищ, Б. А. Рыбаков, который сам принимал участие в их раскопках, также отмечает высокую сельскохозяйственную культуру у антов, поселения которых находились в бассейне Днепра, Десны и Роси. Данные археологических раскопок позволяют установить раннее распространение у антов плужного земледелия. Таким образом, заслуга советских историков заключается в том, что они разрушили созданную немецкими и русскими буржуазными историками легенду о сравнительно позднем развитии земледелия у восточных славян. Любавский, изучив археологический, лингвистический и письменный материалы в отношении полабских, чешских и польских славян, также считает западнославянские племена исконными земледельцами. Недаром Адам Бременский, писатель XI в., хорошо знакомый с жизнью славянского Поморья, назвал его «страной, изобилующей продуктами». Это мнение подтверждается и наблюдениями немецких путешественников, бывших в XII в. в Поморье.

Немецкие буржуазные историки создали легенду об экономической отсталости поляков, основываясь главным образом на высказываниях немецких монахов в Польше, которые стремились показать, что хозяйственная жизнь польских славян развивалась под их влиянием, и этим подчеркнуть свое хозяйственное и культурное значение для Польши. Немецкий хронист, например, пишет, что «поляки были бедны и ленивы и едва-едва взрыхляли почву при помощи деревянного плуга. Не было ни одного города; лес и топь доходили до самых монастырских ворот. Не было у них ни соли, ни железа, ни монеты, ни порядочной одежды, не было даже обуви». Совершенно прав Н. П. Грацианский, считая подобную оценку хозяйственного быта поляков фантастической.[2]

Внимание советских историков привлек к себе и общественный строй древних славян. Любавский, изучая общественный быт западных славян, также отмечает первоначальное господство родовых отношений, которые в процессе своего разложения сменяются домашней общиной, на основе которой развилась сельская община с индивидуальной обработкой земли и с переходом пахотного участка в частную собственность, но с сохранением общих прав на луга и леса.

Аналогичные данные о древнейшем общественном быте восточных славян были отмечены и Грековым в его исследовании «Киевская Русь».

Советские историки поставили и в основном правильно разрешили такую важную проблему, как вопрос об отношениях Византии и славян в VI в. Известно, что им посвящена громадная литература на

[1] ВДИ, 1939, I.
[2] Против фашистской фальсификации истории. Сборник статей, М. 1939, стр. 141.

разных языках. В основном византинисты и слависты приходили к выводу, что столкновения славян с Византией следует отнести к VI в. Эта точка зрения была уже заподозрена Дриновым еще в прошлом столетии. Им было отмечено, что проникновение славян в пределы Византийской империи началось во II и III вв., но что только в VI в. начинаются массовое продвижение славян на Балканский полуостров и длительные вооруженные столкновения славян с Византийской империей. Н. С. Державин в исследовании «Византия и славяне VI в.» высказывается против такого позднего датирования проникновения славян на Балканский полуостров. По мнению исследователя, вся территория от берегов Эгейского и Адриатического морей «вплоть до Карпат и Среднего Днепра представляет собою известное единство в хозяйственном и культурном отношениях». Эта территория уже плотно была заселена славянами, а в VI в. начались только военные столкновения с Византийской империей. А. В. Мишулин и Б. Т. Горянов, касаясь той же проблемы, затронули очень важный вопрос о том, какое же значение имела для Восточно-Римской империи колонизация славянами Балканского полуострова и каковы были результаты ее и столкновения славян с Византийской империей. Мишулин в исследовании «Древнейшие славяне и судьбы Восточно-Римской империи», а также в другой работе «Древние славяне и крушение Восточно-Римской империи» [1] пришел к очень интересным и важным выводам и наблюдениям. Уже Карамзиным было сказано: «Римская империя узнала, что есть славяне, ибо они пришли и разбили ее легионы». На это замечательное высказывание дворянского историографа дворянские и буржуазные русские ученые не обратили внимания, а немецкие буржуазные ученые, как показал еще Ламанский, сознательно замалчивали историческую роль славян, рассматривая ее с прогерманской точки зрения. Только единичные немецкие ученые, как Фальмерайер, находили в себе мужество отметить историческую роль славян в деле образования Восточно-Римской империи, которую он, вслед за византийским императором Константином Багрянородным, считал «целиком ославянившейся». По мнению Мишулина, «политическое тело, известное под именем Византии, возникло из исторического синтеза варварского мира славян и Римской империи на Востоке. Культура Византии — это синтез античной цивилизации и славянской самобытной культуры». Славяне, находясь на той ступени социального развития, которая у Энгельса называется «военная демократия» и связана с распадением рода, нападая на Византию, омолодили Восточно-Римскую империю, подобно тому как германцы омолодили Западно-Римскую империю. «Славянская община,— пишет Мишулин, — создавала предпосылки для перехода Византии к феодальной системе хозяйства, и в этом исторически прогрессивное значение славянских вторжений. И сами славяне, минуя рабовладельческую ступень развития, переходя к феодализму, вступали в число сложившихся европейских народов». Той же проблемы касается и Горянов в статье «Славянские поселения VI в. и их общественный строй» [2] и «Славяне Византии в V и VI вв. нашей эры». [3] По мнению Горянова, «история походов славян на Византию в V и VI вв. есть начало большого и сложного процесса взаимовлияния славян и Византии. Славяне своим родовым строем, своим варварством омолодили империю, позволили ей просуществовать тысячу лет, явиться

[1] ВДИ, 1939, I; Исторический журнал, 1941, № 10—11.

[2] ВДИ, 1939, I.

[3] Исторический журнал, 1939, № 10.

посредником между миром античности и эпохой поздне-средневекового Возрождения, передать Европе могучее наследие античной культуры. Славяне, предки великого русского народа, передали нашей родине высокую культуру Византийской империи, ее письменность, религию, литературу, юридические нормы».

Немецко-буржуазные и фашистские историки не раз пытались доказывать, что Русское, Польское и Чешское государства возникли в результате влияния германцев, так как сами славяне не обладают способностью к активному государственному творчеству. Эта теория по отношению к Русскому государству пропагандировалась исторической школой так называемых норманистов, родоначальником которой были немецкие историки России Байер и Миллер. Вслед за ними пошли такие видные представители буржуазно-исторической науки, как С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и их последователи. Следует отметить, что среди буржуазных русских ученых было не мало представителей, отрицательно относившихся к школе норманистов, но обычно их антинорманистические взгляды игнорировались русскими специалистами или совершенно замалчивались ими. Решительную борьбу против норманизма повел акад. Греков. В своей работе «Киевская Русь» он дал иную концепцию возникновения первого государства восточных славян. Греков показал, что Киевское государство возникло не в результате внешнего давления, но вследствие образования классового общества. Помимо этого Институт истории АН СССР подготовил к печати специальный сборник работ, посвященный вопросу образования славянских государств. В сборник вошли исследования: акад. Б. Д. Грекова — «Образование государства восточных славян», акад. Н. С. Державина — «Образование Болгарского государства», акад. З. Р. Неедлы — «Образование Чешского государства», акад. Ю. В. Готье — «Образование Сербского государства» и акад. В. И. Пичета — «Образование Польского государства». Указанные авторы наглядно показывают, что все славянские государства — это результат внутреннего развития на базе возникновения классового общества. Конечно, следует отметить, что борьба с внешними врагами, которую приходилось вести всем славянским народам, ускоряла процесс формирования славянских государств и в то же время содействовала их политическому усилению.

Фашистская историография, идеологически подготовляя нападение на СССР и на другие славянские народы, пыталась оправдать это захватническое движение на Восток разными мнимо научными соображениями. Проф. Грацианский подверг сокрушительной критике «Немецкий Drang nach Osten в фашистской историографии».[1]

Борьба русского народа и других славянских народов против германской агрессии нашла яркое отражение в многочисленных статьях и брошюрах. 700-летие Ледового побоища 1242 г. при свете событий Великой Отечественной войны имеет особое значение как первый этап в борьбе славяно-русского народа с германскими захватчиками. Институт истории АН СССР подготовил к печати сборник статей, в который вошли прочитанные на юбилейном торжественном заседании в Ташкенте доклады, посвященные 700-летию Ледового побоища. В этот сборник вошли статьи акад. Б. Д. Грекова, чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина, полковника С. Разина и чл.-корр. АН СССР Е. А. Косминского. Новые работы об Александре Невском опубликовали В. И. Пичета[2] и В. Н. Бочкарев.[3] М. Н. Тихомиров в своей интересной книге «Исто-

[1] Сб. «Против фашистской фальсификации истории», М. 1939.
[2] Пичета В. И. Великие русские полководцы. Александр Невский. 1942.
[3] Бочкарев В. Н. Александр Невский. Исторический журнал, 1942, № 2.

рия борьбы за Прибалтику» всесторонне осветил борьбу русского народа с германскими агрессорами, сначала в лице ордена Меченосцев, а потом в лице Тевтонского ордена и его филиала — Ливонского ордена. Вторым этапом в борьбе славянских народов против германской агрессии была Грюнвальденская битва 15 июля 1410 г. Она имела громадное положительное значение для славянства, так как не только остановила натиск Тевтонского ордена на поляков, литовцев, русских, белоруссов и украинцев, но нанесла ему удар такой сокрушительной силы, от которого Тевтонский орден уже не мог оправиться и начал клониться к своему политическому закату. Этот важный и интересный момент в истории борьбы славянских народов за свою национально-политическую независимость отражен в статье Я. Я. Зутиса «Грюнвальд — конец могущества Тевтонского ордена».[1] Бахрушин в статье «Разгром немецкого ордена в Прибалтике Иваном IV» показал, как под ударами русского народа сошла с исторической сцены такая хищническая организация, какой был Ливонский орден.[2] На борьбе польского народа с германскими захватчиками специально остановился Пичета в своей статье «Вековая борьба польского народа с немецкими захватчиками».[3] Этой же борьбе посвящена и подготовленная им к печати книга. Акад. З. Р. Неедлы всесторонне освещает борьбу чешского народа с германскими захватчиками в подготовленной им к печати книге.

Институт истории АН СССР в настоящее время подготовил сборник статей, посвященных борьбе славянских народов с германскими захватчиками, начиная с древнейших времен и до наших дней, включая общеславянскую борьбу с германскими фашистами. В интересной работе «Сербия в войне 1914—1918 гг.» Н. Франич ярко рисует борьбу сербского народа с австро-венгерскими оккупантами.[4]

В дореволюционной русской историографии не раз подымался вопрос о культурных связях южных и восточных славян. Историки и историки литературы накопили громадный материал, который позволяет в настоящее время вновь пересмотреть этот вопрос и представить его в новом освещении. Эта задача была выполнена Тихомировым в его работах, посвященных историческим связям русского народа с южными славянами, начиная с древнейших времен и кончая XVI в.[5] Следовало бы продолжить начатые исследования и подробно рассмотреть культурные связи русского народа с южными славянами, начиная с XVII в. вплоть до нашего времени. Культурно-политическим связям между западными и восточными славянами посвящена статья Неедлы «Гуситы и русские». В своей работе Неедлы показал, с каким сочувствием русские из Великого княжества Литовского относились к той национально-освободительной борьбе, которую вел чешский народ против немецких насильников.[6] В истории славяно-русских отношений обращает на себя внимание личность и деятельность хорвата Юрия Крижанича, побывавшего в Москве во второй половине XVII в., в царствование Алексея Михайловича. Крижанич был тонким наблюдателем и другом русского народа. Им был написан целый трактат, известный под именем «Политичны думы», в котором он дает не только яркое описание внутренней организации и жизни Московского государства, но и высказывает свое мнение относительно необходимости ряда реформ, которые, по его мне-

[1] Исторический журнал, 1941, № 9.
[2] Там же, № 10—11.
[3] Там же, № 9.
[4] Там же, № 12.
[5] Там же, № 11—12.
[6] Там же, № 11.

нию, следует провести в Русском государстве, чтобы оно более окрепло и оказалось в силах помочь славянским народам освободиться от зависимости от чужеземцев.

Личность и деятельность Крижанича была предметом всестороннего изучения со стороны ряда историков дореволюционного времени. С. В. Бахрушин вновь вернулся к Крижаничу и в своей статье познакомил советского читателя с его основными политико-культурными взглядами.[1] Надо пожелать, чтобы советские историки вернулись к изучению сочинений Крижанича, взгляды которого по экономическим и социально-политическим вопросам заслуживают внимания и всесторонней разработки. Кроме того, чл.-корр. АН СССР К. В. Богоявленским подготовлено к печати большое исследование «Дипломатические сношения России с Сербией в XVIII в.», в основу которого положен разнообразный неизданный материал.

Все вышеназванные работы главным образом касаются вопроса об отношениях и связях русского народа с южными славянами. Вопрос о культурных связях русского народа с западными славянами еще ждет своего исследователя. Общности славянских народов в культурном отношении коснулся Пичета в работе «В чем заключается историческая общность славянских народов».[2] Эта тема, весьма большая по объему, нуждается в разработке со стороны многих исследователей.

В связи с происходящей борьбой славянских народов с германскими фашистами советские ученые опубликовали ряд брошюр, которые всесторонне освещают борьбу славянских народов против германских агрессоров за свое национально-политическое освобождение.

Отметим также интересные брошюры: Н. С. Державина — «Героическая борьба народов Чехословакии с немецкими варварами»; П. Франича — «Борьба сербского народа за свое освобождение»; Д. С. Густинчича — «Национальное движение словенцев накануне и в период войны 1914—1918 гг.» («Историк-марксист», № 5), о котором до сих пор ни в русской буржуазной, ни в советской историографии не было ни одной работы; З. Р. Неедлы — «Борьба буковинских украинцев за национальную независимость» («Советская наука», 1940). Он же подготовил к печати брошюру о национально-освободительной борьбе хорватского народа, также впервые затронутой в историографии. По истории Польши следует отметить работы Г. Г. Писаревского, И. Волковичера, С. Н. Драницына. Монография последнего «Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность» является серьезным исследованием этого важного события в истории революционного движения в Польше. Экономической истории Польши посвящены работы У. А. Шустера.

Подводя итоги изучению истории славянских народов в СССР за последние 25 лет, необходимо отметить, что советские слависты стремились на основе марксистско-ленинской методологии осветить по-новому ряд сложных вопросов, которые касаются истории славянских народов и культурных связей между ними.

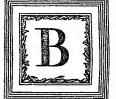
[1] Исторический журнал, 1942, № 1.
[2] Ответы на вопросы трудящихся, 1941, № 13.

Акад. Е. В. ТАРЛЕ

НОВАЯ ИСТОРИЯ В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

В этой краткой заметке мы коснемся главным образом работ, носящих в той или иной мере исследовательский характер, и оставим в стороне обширную популярную литературу по новой истории, сыгравшую свою очень нужную и важную роль в распространении исторических знаний среди широких кругов советской общественности. Эта популярная литература, рассчитанная на более высокую по своему уровню читательскую среду, пополнилась в последние годы учебниками по новой истории, созданными непосредственно для высшей школы, но немедленно раскупленными и разошедшимися по стране во многих десятках тысяч экземпляров. Жажда знания, характерная для советской общественности, особенно интенсивно сказалась в этом постоянно растущем интересе к истории нового и новейшего времени и в том огромном успехе, который имеет историческая литература, посвященная новому времени, в широчайших массах.

Что касается чисто исследовательской работы над западноевропейскими темами по новой истории, то она была, конечно, затруднена малой доступностью для наших историков нужных архивохранилищ и библиотек Западной Европы. В этом отношении в несравненно более выгодном положении находились историки, работавшие над историей народов СССР или, например, над историей средних веков и древности, потому что подавляющая масса источников в интересующих их областях науки издана.

Тем не менее работа исследовательского значения в области новой истории шла и продолжает итти. Привлекается и новый или мало изученный материал, выдвигается пересмотр старых точек зрения, предлагается более углубленный и более критический подход ко многим, давно установленным взглядам, пересматриваемым с точки зрения марксизма-ленинизма.

Отметим здесь (поневоле крайне бегло) некоторые из работ, которые даны советской наукой в отмеченной области.

Большим достижением советской исторической науки является коллективный труд «История дипломатии», первый том которой вышел в 1941 г.[1].

[1] «История дипломатии», т. I, под ред. В. П. Потемкина. М. 1941. Авторы I тома: проф. Бахрушин С. В., проф. Ефимов А. В., проф. Косминский Е. А., Нарочницкий А. Л., проф. Сергеев В. С., проф. Сказкин С. Д., акад. Тарле Е. В., проф. Хвостов В. М. Основные авторы II тома, подготовляемого к печати, — проф. Минц И. И., проф. Панкратова А. М., акад. Тарле Е. В., проф. Хвостов В. М.

Товарищ Сталин «неустанно учит рабочий класс уменью разбираться в сложнейших международных проблемах», говорится в предисловии к I тому «Истории дипломатии». Для осуществления этой задачи начато издание «Библиотеки внешней политики», состоящей из оригинальных и переводных работ по истории дипломатии и публикаций источников, преимущественно мемуаров крупнейших дипломатов. Одной из первых вышедших книг «Библиотеки внешней политики» и является первый том «Истории дипломатии», охватывающий период от древневосточной дипломатии до Франкфуртского мира 10 мая 1871 г. включительно.

Перед авторским коллективом во главе с доктором исторических наук проф. В. П. Потемкиным стояла трудно разрешимая задача: в двух томах небольшого объема на общем фоне исторического процесса и истории международных отношений надо было дать общий очерк развития дипломатии, ее методов и приемов, охарактеризовать важнейшие дипломатические ситуации и конфликты и виднейших дипломатов. Чтобы сохранить общую историческую перспективу, каждому большому разделу, например «Дипломатия в древние века», «Дипломатия в средние века», «Дипломатия в новое время» (XVI—XVIII вв.), предпосланы введения, характеризующие особенности дипломатии в данный период.

Одним из важнейших достоинств «Истории дипломатии» является показ замечательного мастерства русских дипломатов, начиная от дипломатии Киевской Руси и кончая такими замечательными дипломатами, как А. М. Горчаков и А. Ф. Орлов. «История дипломатии» должна быть отмечена как первая в мировой исторической литературе удачная попытка дать общий очерк истории дипломатии.

Как и в дореволюционной русской историографии, большое внимание уделялось истории Франции, в частности истории Великой буржуазной революции XVIII в. Перед самым началом Великой отечественной войны Институтом истории была завершена подготовка тома «Всемирной истории», посвященного периоду, предшествующему революции 1789—1794 гг. В этой книге дана обстоятельная характеристика промышленной революции в Англии, американской революции, подготовки французской буржуазной революции. Много внимания уделено формированию буржуазной идеологии — французскому и английскому «Просвещению» XVIII в. В составлении книги принимали участие Ф. В. Потемкин, В. Н. Перцев, В. И. Пичета, В. М. Лавровский, М. М. Малкин, В. П. Волгин (отв. редактор), С. Д. Сказкин, Т. И. Райнов и другие.

В 1941 г. Институт истории АН СССР выпустил капитальный труд «Французская буржуазная революция 1789—1794 гг.» под ред. академиков В. П. Волгина и Е. В. Тарле. Этот труд большого авторского коллектива дает всестороннюю разработку проблем французской буржуазной революции и достаточно детальное изложение фактического хода ее событий. Очень полно характеризована международная обстановка, на фоне которой развивалась революция во Франции на разных ее этапах. Несмотря на многочисленность авторов, удалось достигнуть единства изложения и понимания экономических, социальных и политических процессов во Франции эпохи революции, как и явлений в области культуры, которым уделена особая обширная глава. В книге также дан очерк историографии, знакомящий читателя с основными направлениями и трудами в области изучения французской революции XVIII в. В составлении книги участвовали: М. А. Буковецкая, К. П. Добролюбский, Т. В. Милицина, Ю. Я. Мошковская, Ф. В. Потемкин, А. И. Молок, О. А. Старосельская, Е. В. Тарле, Ф. А. Хейфец и другие.

В 1936 г. вышла книга акад. Е. В. Тарле «Наполеон», выходившая затем с дополнениями в новых изданиях. В 1939 г. выпущена его же книга «Талейран». В 1937 г. вышло исследование Е. В. Тарле «Жерминаль и Прериаль», освещающее социально-политическую обстановку во Франции, историю Конвента после 9 термидора и последние массовые выступления рабочих парижских предместий в этот период.

Тому же периоду посвящена работа молодого исследователя В. И. Антюхиной — «Англо-французская борьба за Индию в эпоху Наполеона I», основанная на французских публикациях и русских архивных материалах; она вышла в 1939 г. в «Ученых записках Ленинградского государственного университета».

Там же была опубликована в 1939 г. работа другого молодого исследователя, Г. М. Ратиани, — «Промышленность и внешняя торговля Франции в эпоху консульства и первых двух лет империи». Следует отметить серьезную работу П. Ф. Кумарского «Франко-русские отношения накануне Крымской войны» (1941). Автор подробно исследует историю спора о титуле Наполеона III. Этот спор сыграл роковую роль накануне Крымской войны, охладив отношения между Николаем I и Наполеоном III.

Эти исследования наших молодых ученых свидетельствуют о наличии у нас в области новой западной истории серьезной научной школы и о хорошей подготовке молодых кадров.

В области истории социалистической мысли во Франции давно работает акад. В. П. Волгин. Более ранние работы Волгина по истории социалистических учений были собраны в вышедшей в 1923 г. книге «Очерки по истории социализма». Мы находим здесь статьи о Мелье, о Морелли, об уравнительных теориях XVIII в. и об идейном наследии Бабефа. Очень удалась автору глава о Морелли, которому вообще в историографии социализма повезло гораздо меньше, чем другим ранним мыслителям.

В книге имеется ряд отдельных замечаний автора, которые заставляют желать, чтобы он вернулся к более обстоятельному монографическому изучению писателей, вошедших в его кругозор в этой работе.

Так, например, прекрасно (и психологически совершенно правильно) указание на причины непопулярности и малой влиятельности такого тонкого и блестящего человека, как Ленгэ. Этот «зашедший в безнадежный тупик пессимист» не мог стать основателем школы, теоретиком социальной реформы.

Многие замечания о Бабефе и бабувизме проливают на это движение больше света и являются гораздо более ценными и самостоятельными, чем шаблонные формулы и затверженные фразы, которые делают так часто совсем бесполезными мнимо научные компилятивные книжки о жизни и деятельности Бабефа. Интересно ставится у Волгина и очень, в сущности, запутанная проблема о так называемой теории естественного права (точнее было бы сказать во множественном числе: о теориях естественного права) в XVIII в., хотя ставится лишь бегло, мимоходом, в связи с анализом теории Мелье.

Две книги Волгина связаны родственностью сюжета и подходом автора к своей теме. В первой книге — «История социалистических идей» — очень удались главы о раннем христианстве, о таборитах, о первых утопистах. Эта книга располагает материал по отдельным вопросам, дает ряд небольших монографий. Во второй книге (четвертом, очень дополненном и углубленном издании старой работы 1923 г.) мы находим ряд новых очерков об отдельных представителях социалистической мысли, доклад, прочитанный Волгиным на международ-

ном историческом конгрессе в Варшаве, — «От Бабефа к Марксу» и некоторые другие отсутствовавшие в первых изданиях работы. Работу над историей социалистической и коммунистической мысли Волгин продолжает и во время войны. Им подготовлена к печати книга о развитии социалистических идей в связи со Сталинской конституцией и ряд глав о французских коммунистах и социалистах 1830—40-х годов.

В своей книге «Социальные и политические идеи во Франции 1748—1789 гг.» (М. 1940) Волгин останавливается на анализе теории физиократов, переходит затем к Руссо и руссоизму, к конституционализму Монтескье, останавливается на менее известных мыслителях, вроде Ретифа де-ла-Бретонн, анализирует Кондорсе и Сийеса. Выдерживая в общем последовательно хронологический принцип расположения материала, Волгин дает в своей не очень большой по размерам, но содержательной работе интересный и самостоятельный разбор некоторых наиболее характерных явлений политической литературы второй половины XVIII в. Метод работы у автора вполне рациональный для того, кто хочет дать исследование, а не обзор историографии: он отбрасывает литературу предмета и обращается непосредственно к тексту анализируемых мыслителей. Очень хороши страницы о Руссо и о Ретифе де-ла-Бретонн, но и вообще эта работа удалась автору.

Много и плодотворно поработала над Вольтером и безвременно скончавшаяся в Ленинграде в 1942 г. Н. С. Платонова, деятельная сотрудница большого и ценнейшего издания (в двух томах), выпущенного журналом «Литературное наследство» и посвященного французской истории и культуре. В этих томах вообще не мало совсем свежего материала и исследовательских работ по истории Франции в XVIII—XIX вв.

Исследование И. Л. Попова-Ленского «Антуан Барнав и материалистическое понимание истории» (М. 1924) приводит автора к заключению, что «сочинения Барнава представляют наиболее яркий синтез всего того, что дал рационалистический век для развития исторического материализма».

Сопоставляя «исторический материализм» Барнава с учением Маркса, автор усматривает, конечно, ряд принципиальных различий не только в том, что Маркс — «теоретик революционного пролетариата», а Барнав «консервативно стоит на страже интересов своей касты», но и в том, что Маркс установил закономерную связь между общественным производством, с одной стороны, и историческими проявлениями классовой борьбы — с другой. Барнав не знал ничего этого, как не знал и всей революционной диалектики Маркса. Исследование Попова-Ленского проливает много света на развитие миросозерцания Барнава и является вкладом в советскую историографию о французском XVIII веке.

Небольшая, но очень содержательная, основанная на современных революции брошюрах коллекции Воронцова, книжка О. Л. Вайнштейна «Очерки по истории французской эмиграции в эпоху великой революции» (Харьков 1924) вносит некоторые новые и живые черты в историю контрреволюционной борьбы первых лет после взрыва революции. Автор дает картину расслоения контрреволюционного дворянства, а также и буржуазии.

Вся безнадежная умственная тупость вождей эмиграции, их решительная неспособность даже отдаленно приблизиться к пониманию значения революции, их лютая ненависть к новой Франции, их детская неумелость и в дипломатической и в военной борьбе против революции, которую они предприняли, — все эти общественные факты очень живо,

ярко и на основании свежего материала освещаются в работе Вайнштейна.

Работа П. Щеголева «После термидора» имеет подзаголовок «Очерки по истории термидорианской реакции». Для сравнительно очень небольших размеров книжки тема оказалась слишком уж широкой. Автор без нужды осложнил свою задачу, присоединив сюда историю жерминальского и прериальского восстаний, которую он излагает очень бегло и поверхностно, исключительно по давно известным данным и совершенно не зная богатейших архивных сокровищ, прямо к этой теме относящихся. Первая часть работы, трактующая о времени между 9 термидора и 12 жерминаля, оставляет более удовлетворительное впечатление, чем вторая. Любопытно, что здесь и страницы о Бабефе научнее и во всех отношениях самостоятельнее, чем в позднейшей популярной книжке Щеголева о Бабефе.

Самостоятельно, хоть и слишком уж кратко, разработана глава «Конец максимума», но автор ошибается, думая, что максимум в том виде, как он существовал, мог бы продержаться сколько-нибудь реально после 9 термидора, и с некоторыми его замечаниями согласиться никак нельзя. Но во всяком случае тут привлечены и архивные документы — это во-первых (и это дает автору большой и свежий материал, который до него был использован только в моей книге «Рабочий класс во Франции в эпоху революции»), а во-вторых автор тут дал простор свободной работе своей анализирующей мысли.

Удалась автору и небольшая, но очень содержательная и продуманная глава «Социально-экономические вопросы в классовой борьбе». Если бы автор посвятил всю свою книгу (да еще, пожалуй, удвоив ее размеры) только этим двум темам — о конце максимума и о социально-экономических вопросах в осень и зиму 1794—1795 гг., читатель только выиграл бы.

Кроме указанных двух глав удовлетворительно разработана и изложена также история падения монтаньяров и якобинского клуба («Агония Горы»).

По истории армии французской революции следует отметить небольшую, талантливо написанную книжку А. К. Дживелегова «Армия Великой французской революции и ее вожди» (М. 1923) и подготовленную к печати диссертацию М. А. Буковецкой «Армия французской революции 1789—1793 гг.», часть которой напечатана в томе «Всемирной истории» (М. 1941), посвященном французской революции и изданном Академией Наук СССР.

Более позднему периоду истории Франции посвящена докторская диссертация Ф. В. Потемкина. Книга Потемкина «Лионские восстания 1831 и 1834 гг.» является интересно задуманным исследованием, не все части которого одинаково самостоятельны, но которое в общем следует признать добросовестно выполненной и полезной работой.

Книга Потемкина, в соответствии со своей темой, состоит из двух частей и трактует о двух восстаниях: 1831 и 1834 гг.

В моей книге, вышедшей в 1928 г., — «Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства» я, на основании почти исключительно неизданного и впервые мной найденного и использованного архивного материала, даю историю стачечной и в иных формах проявлявшейся борьбы рабочего класса в 1814—1831 гг., и Потемкин в первой части своего исследования тематически и хронологически примыкает к моему труду. Но для меня события 1831 г. — лишь заключительный момент исследования, а для него — это половина всей темы.

Написана его книга очень живо и обоснованно, хотя есть, конечно,

неизбежные неточности. Он, например, слишком доверяет показаниям префекта Бувье — Дюмолара.

Вторая часть книги (о Лионских событиях 1834 г.) тоже очень основательно и удачно выполненная работа. Но читателю хотелось бы, чтобы в этой именно части работы автор гораздо более щедро использовал бывший в его распоряжении архивный материал. Ведь лионский 1834 год изучен в общем гораздо хуже, чем 1831-й. Автор прав, указывая на огромное значение апрельских событий 1834 г. не только для внутренней, но и для внешней политики Луи-Филиппа. Нужно только не забывать, что на этот раз Лионское восстание поддерживалось парижским, чего не было в 1831 г., а между тем Потемкин в своих тезисах совсем мало упоминает о Париже (особенно в конце).

К числу достоинств этого труда относится слишком часто у нас отсутствующее в подобных специальных исследованиях подчеркивание значения внутриполитических событий для изменений в международной политике.

Книга П. М. Керженцева «История Парижской Коммуны» (М. 1940) — объемистое научно-популярное, на 550 стр., изложение истории Коммуны. Автор ведет рассказ в хронологической последовательности, ясно, толково, и хотя книга его не блещет ни новизной идей, ни свежестью материала, она является полезным и добросовестно выполненным пособием для ознакомления с этой громадной важности страницей всемирной истории. Керженцев правильно указывает, что «и в советское время работа над историей Парижской Коммуны была в известной степени затруднена вредителями, действовавшими на историческом фронте, и разными учениками Покровского» (стр. 542).

Живые популярные работы о Коммуне написаны Скворцовым-Степановым, Быстрянским (1921), Вайнштейном (1932). Уступая книге Керженцева по размерам, они не уступают ей по содержательности.

В книге Вайнштейна, некоторые установки которой подверглись большой и основательной критике, есть спорные места, иногда сбивчивые формулировки, но в общем эта литература сделала много для ознакомления широких кругов советской общественности с историей Парижской Коммуны. А такие работы, как С. Красильникова «Военные действия Парижской Коммуны» (Воениздат, М. 1935), имеют и самостоятельное научное значение.

Еще в большей мере такое значение работ исследовательского характера имеют некоторые из многочисленных книг проф. Молока, посвященных им истории Парижской Коммуны. Материал, положенный Молоком в основу его работ, гораздо обширнее и разнообразнее, чем тот, который был в распоряжении вышеуказанных авторов. Назовем хотя бы такие работы Молока, как «Очерки быта и культуры Парижской Коммуны 1871 г.» (Л. 1924); «Народное просвещение во время Парижской Коммуны 1871 г.» (Птб. 1922); «Парижская Коммуна и крестьянство» (Л. 1925); «Германская интервенция против Парижской Коммуны 1871 г.» (1938); «Парижская Коммуна 1871 г. в документах и материалах» (1925). К этим отдельным изданиям примыкают и журнальные статьи Молока о Коммуне, из которых очень интересна статья о «Военной организации Парижской Коммуны и делегате Росселе» («Историк-марксист», 1928, № 7).

Больше всех работ Молока о Коммуне научное значение по методу и по новизне материалов имеет книга о германской интервенции против Парижской Коммуны 1871 г. Нечего и говорить, что сейчас, когда германский фашизм угрожает буквально существованию и про-

грессу европейского человечества, разработанная Молоком страница истории приобретает особенный интерес. К книге приложен очень содержательный очерк В. С. Алексеева-Попова «Рабочий класс Германии в дни Парижской Коммуны».

История Англии также привлекала к себе внимание советских исследователей, в особенности вышедших из школы Московского университета.

Вышедшее в 1940 г. замечательное исследование В. М. Лавровского «Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII и начала XIX в.» (М. 1940) основано на большом, свежем, очень мало затронутом предшественниками автора материале. Проблема огораживания и связанного с этим явлением обезлюдения английской деревни обследуется Лавровским в связи с рядом капитально важных вопросов (вроде вопроса о социально-экономическом расслоении деревенского населения и т. п.).

К труду Лавровского приложены превосходные, разработанные автором карты парламентского огораживания общинных земель в Англии в интересующий автора период. В эти карты и в условные обозначения на них стоит вдуматься: перед нами вырастает поразительная (и совершенно непререкаемо точная) картина почти полного исчезновения крестьянства в одних приходах и крутого сокращения его численности в других.

Труд Лавровского — выдающееся по своему научному значению произведение советской историографии. Следует пожелать, чтобы книга поскорее вошла в международный научный оборот. В. М. Лавровский вслед за Д. М. Петрушевским может быть назван одним из тех ныне живущих советских историков, заслуги которых перед изучением английской социально-экономической истории совершенно неоспоримы. Следы влияния научных методов и приемов изучения английской истории, идущего в Московском университете от Петрушевского и Савина, сказываются и на работе Лавровского.

Перу Лавровского принадлежит также небольшой (80 стр.) сборник выдержек из источников, относящихся к «Промышленному перевороту в Англии» и приведенных в русском переводе (М. 1925). Другой составленный им же подобный сборник носит название «Английский капитализм во второй половине XIX в.». Оба сборника являются хорошими пособиями для занятий в семинариях университетов.

Следуя этой традиции, установленной, к большой чести русской науки, П. Г. Виноградовым и Д. М. Петрушевским и продолженной их учеником, покойным А. Н. Савиным, С. И. Архангельский дал самостоятельное исследование по социально-экономической истории Англии. Он выбрал период английской республики 1649—1660 гг. и в своей книге «Аграрное законодательство английской революции» (М. 1940), заканчивающей начатое им в 1935 г. исследование аграрного законодательства 1643—1648 гг., автор на основании доступных ему в СССР источников и литературы дает интересную картину некоторых сторон экономической жизни Англии в годы революции XVII в.

Можно пожалеть, правда, что автор пренебрег документацией по двум вопросам, — анализ которых дал бы не мало для его темы (во-первых — всем, что касается фискальной системы, и во-вторых — очень многим, что касается хлебных цен и цен на рабочие руки в сельском хозяйстве: он, например, совершенно игнорирует Сорольда Роджерса, не говоря уже о более новой литературе). Но и то, что дал С. И. Архангельский, очень богато по содержанию и почти во всех частях вполне самостоятельно по обработке. Прекрасно просле-

жена участь коронных земель в годы республики, очень хорош очерк экономического положения Ирландии в середине XVII в., причем автор использовал новейшие статистические данные (столь редкие для XVII в. в Ирландии, да, впрочем, и в самой Англии).

Нужно сказать, что вторая работа Архангельского значительно лучше первой; она обличает и бо́льшую зрелость мысли и меньшую робость перед совершенно ненаучными публицистическими экскурсами в область исторической «критики», бывшими некоторое время в ходу.

Вообще и в сфере изучения Англии XVII в. благотворное влияние выступлений товарищей Сталина, Кирова и Жданова сказалось самым живительным образом.

Исследование И. Л. Попова-Ленского «Лильберн и левеллеры» (М. 1928) дает основанную на источниках и на обширном знакомстве с литературой биографию одного из замечательнейших деятелей английской революции Джона Лильберна.

Автор слишком осложнил свою задачу, задумав дать кроме этой биографии еще и нечто вроде характеристики главных сдвигов в истории английского землевладения в эпоху революции XVII в. Но для этого у него не было ни достаточного количества материалов, ни сколько-нибудь полно разработанного плана, и эти страницы ему менее удались. Но основная его задача выполнена им очень хорошо, с большим проникновением в существо рассматриваемых вопросов. Борец за правду, как он ее понимал, готовый к мученичеству во имя торжества своих идей, Лильберн всегда верен себе, и его русский биограф превосходно очертил его отношения с Кромвелем — политиком, честолюбцем, государственным умом первой величины, но человеком, даже и отдаленно не приближавшимся к моральной высоте честного фанатика Лильберна.

Книга Ф. А. Ротштейна «Очерки по истории рабочего движения в Англии» (М. 1925) начинается с чартизма и доводит изложение до начала первой мировой войны. Это научно-популярная работа, имеющая местами исследовательский характер. Особенно ценна первая ее часть, кончающаяся 1854 г. Мы находим тут много интересных выдержек и ссылок на очень мало доступные органы английской прессы первой половины XIX в. Вторую часть этой книги занимает критический анализ теории и практики трэд-юнионов во второй половине XIX и начале XX вв. Книга Ротштейна дает большой и доброкачественный фактический материал.

Книга П. М. Керженцева «Ирландия в борьбе за независимость» (М. 1936, третье изд.) хотя и не является исследованием в точном смысле слова и на всем протяжении своих 244 страниц, но это трудолюбиво и довольно удачно выполненная популяризация, написанная на основании немалого количества английских работ, касающихся истории Ирландии в новое время. Керженцев не вносит ни новых точек зрения, ни нового материала, но он дает сжатый, толковый, марксистски продуманный очерк ирландской истории, который обличает большую начитанность автора.

Не оставлена без внимания советскими исследователями и история Соединенных Штатов Америки.

Очень серьезно задуманное и успешно выполненное исследование по истории «Гражданской войны в США и царской России» дал в 1939 г. молодой профессор М. М. Малкин. Автор привлек обширный печатный и архивный материал (из русских хранилищ) и дал впервые в научной литературе полную картину настроений русской дипломатии и общественного мнения во время великой американской междоусо-

бицы. Не довольствуясь удачным выполнением своей непосредственной задачи, Малкин набросал очень рельефно общий фон дипломатической борьбы, которая кипела в течение всей этой долгой войны в Европе. Эти страницы, касающиеся позиции Франции и Англии, может быть слишком уж беглы.

Труд Малкина заслуживал бы перевода на английский язык. Он даст американским историкам не мало новых и интересных фактов.

Диссертация чл.-корр. АН СССР А. В. Ефимова «К истории капитализма в США» (М. 1934) является самостоятельным исследованием в области социально-экономической истории Северной Америки от колониальных времен до XIX в. Автором привлечен обширный материал, и его выводы, подкрепленные сотнями очень убедительных ссылок на источники и литературу, подтверждают правильность давнишнего указания И. В. Сталина о необходимости избегать преувеличения значения специфических черт американского капитализма и о долге историка не забывать об основных чертах американского капитализма, присущих всему мировому капитализму («О правых фракционерах в американской компартии», стр. 4, М. 1930). Очень удались Ефимову страницы, посвященные анализу значения рабского труда, а также анализу классовой сущности политических партий в Америке в первой половине XIX в. Очень ценным приложением к работе является критический разбор основных течений в американской историографии по интересующему автора вопросу.

Книга Э. Гурвич «Послевоенная Америка» (М. 1937), основанная на обширном статистическом материале, является попыткой характеристики экономического положения разных классов и классовых прослоек США после окончания первой мировой войны. Не со всеми приговорами можно согласиться, но в общем книга является бесспорным вкладом в скудную у нас литературу вопроса.

Вторая часть книги не относится в точности к теме моего краткого очерка, так как трактует уже не об истории, но о текущем моменте. Эта часть, к слову будь сказано, полна очень большого интереса и основана на обширном сыром материале.

По новой и новейшей истории стран Средней Европы советская наука тоже не осталась бесплодной, и мы можем назвать работы, бесспорно самостоятельные по своему подходу к источникам и часто привлекающие новый материал.

В выпущенном Институтом истории сборнике, посвященном памяти безвременно скончавшегося А. Н. Савина (М. 1926), находим два очень интересных архивных исследования, найденных в бумагах Савина: «Сватовство цесаревича Александра Николаевича» и «Николай I и цесаревич Александр». Обе статьи дают много нового для характеристики Николая и его сына. Другие статьи этого интереснейшего сборника (Кончаловского, Косминского, Богословского, Сказкина, Бахрушина) относятся к области средневековой, древней и русской истории.

Много новых архивных материалов поднято в докторских диссертациях С. Б. Кана — «Два восстания силезских ткачей» и В. М. Хвостова — «Внешняя политика Бисмарка в 70—80-х гг. XIX в.» Обе эти работы еще не вышли в свет.

Р. Авербух написала исследование о «Царской интервенции в борьбе с венгерской революцией» (М. 1935), в котором на основании русских архивных документов дала некоторые новые дополнительные детали к характеристике русского похода в Венгрию в 1849 г. Исследовательница привлекла к работе и военный, и дипломатический материал. Не мало дали ей донесения барона Бруннова из Лондона.

Работа написана с должной обстоятельностью и вниманием ко всему, что относится к основной теме. Есть некоторые промахи в тех местах, где автор затрагивает лишь косвенно относящиеся к его теме сюжеты. Например, в настоящее время советскому историку незачем особенно сокрушаться по поводу неудач честолюбивых замыслов Пруссии в 1850 г.

Военные действия, история сдачи венгерской армии под Вилагошем описаны очень хорошо. Самостоятельно разработана и глава о «польско-венгерской эмиграции в Турции». Эта глава, основанная в значительной мере на архивном материале, дает несколько новых интересных деталей для характеристики всей много нашумевшей истории с требованием со стороны русского и австрийского правительств выдачи укрывшихся в Турции венгерских и польских революционеров.

Вопросы, связанные с возникновением и историей мировой войны, неоднократно рассматривались в нашей популярной литературе, но работ, претендующих на исследовательское значение, вышло сравнительно немного.

Книга Н. П. Полетики «Сараевское убийство» (1930) представляет попытку изобразить возникновение войны 1914 г. как почти исключительный результат интриг и «злодеяний» дипломатии России и Сербии. От своих ошибок Полетика отделывается постепенно. Так, в книге, вышедшей в 1935 г. и озаглавленной «Возникновение мировой войны», он уже несколько отходит от своей первоначальной наивной веры в австро-германские росказни о начале войны. Автор стремится стать на более научный, более правильный путь, он хотел бы совершить свой отход на заранее подготовленные позиции по возможности в стройном порядке и снабжая изложение смягчающими оговорками. В самой последней своей книге (диссертации на степень доктора, защищенной автором в Ленинградском университете в 1940 г.), к сожалению по условиям военного времени еще не напечатанной, Полетика стоит уже на несравненно более четкой, логичной и оправдываемой документами позиции в вопросе о «виновности» в войне 1914 г., чем в своей предшествующей работе.

Достоинством работ Полетики следует признать большую начитанность в документальном материале и в литературе предмета.

Обстоятельный и с большим знанием дела написанный покойным генералом А. Зайончковским двухтомный обзор событий «Мировой войны 1914—1918 гг.» (М. 1938), с приложением нескольких десятков прекрасно исполненных географических и топографических схем, очень богат фактическим содержанием и наводит на целый ряд в высшей степени важных для историка и политика соображений.

Книга Зайончковского вполне научно, спокойно, объективно показывает воочию, что за всю первую мировую войну ни единого раза (т. е. буквально никогда) не случалось так, чтобы западный фронт антигерманской коалиции активизировался с целью разгрузить, облегчить фронт восточный. Мало того: бывало так, что в Германии на точном основании официальных французских заявлений знали, что на такой-то ближайший период времени немецкой армии не грозит с французской стороны ни малейшей опасности. Так было, например, весной 1917 г. после откровенного заявления в таком духе военного министра Пенлеве. Напротив, русское командование шло на величайшие жертвы, предпринимало труднейшие операции, когда это требовалось, чтобы помочь союзникам. Книга Зайончковского — одно из серьезных приобретений советской исторической науки.

Меньшее научное значение имеет другая книга Зайончковского — «Подготовка России к мировой войне в международном отношении». У автора в распоряжении были только русские документы, и почти все, что делалось в Германии долгие годы перед взрывом мировой войны, ускользнуло от его внимания и анализа. Указания на ошибки и просчеты царской дипломатии, на очень многие не выгодные для России последствия ее политики в годы Антанты во многом справедливы. Но автор мало вдумывается в последовательно-провокаторскую политику германских империалистов именно в течение последнего десятилетия перед 1914 г.

Книга Е. Болтина и Ю. Вебера «Очерки мировой войны» (М. 1940) дает толковый, последовательный рассказ о военных действиях на всех фронтах войны 1914—1918 гг. Но те немногие вставки, касающиеся дипломатии, какие делают авторы (вроде, например, страниц о начале войны или о Версальском мире), не выдерживают научной критики и без малейшего ущерба для книги могли бы быть из нее изъяты. Работа Болтина и Вебера удачно справилась с трудной задачей ясного изложения сложнейшего, запутанного, дробного материала о военных действиях, происходивших так долго и на таких далеких один от другого театрах войны, что стройный и связный рассказ о них уже сам по себе является трудно разрешимой задачей. Авторы с этой задачей справились вполне.

Много очень важного материала, взятого из военных архивов, мы находим в книге Зайончковского «Подготовка России к империалистической войне» (М. 1926). Ни один историк войны 1914—1918 гг. не может обойтись без подробных данных о состоянии русских железных дорог и без анализа «политики военных транспортов», какие мы находим в этой работе.

В 1927 и 1928 гг. в Москве вышла в двух изданиях моя книга «Европа в эпоху империализма». В настоящее время готовится к печати третье, значительно дополненное издание этой книги.

Отметим две небольшие монографии — А. Л. Сидорова «Влияние империалистической войны на экономику России» и Л. Н. Рубинштейна «Внешняя политика керенщины», напечатанные в 1927 г. Сидоров много работал в Архиве Октябрьской революции и других архивах и привлек также большое количество периодической прессы. В частности, Сидоров интенсивно использовал архивные документы особой канцелярии по кредитной части бывшего министерства иностранных дел. Эта работа освещает ряд моментов, характеризующих состояние финансов и финансовых отношений России с ее союзниками в период первой мировой войны, и представляет большую научную ценность.

Рубинштейн в течение ряда лет изучал по архивным материалам внешнюю политику Временного правительства и дал кроме упомянутой работы еще и докторскую диссертацию, посвященную тому же кругу вопросов. Работы Рубинштейна являются серьезными исследованиями, и к тому же единственными, в которых исчерпывающим образом использован архивный материал.

Из работ, написанных советскими историками в последние годы и еще не опубликованных, отмечу докторскую диссертацию Ф. И. Нотовича «Очерки истории первой мировой войны». Очерки являются результатом многолетнего кропотливого изучения русских и иностранных источников, русской и иностранной прессы, мемуаров, парламентских отчетов и специальной литературы. Историографическая часть очерков была напечатана в сокращенном виде под названием «Фашистская историография о «виновниках» мировой войны» в сборнике

«Против фашистской фальсификации истории» и в виде отдельных статей в «Историке-марксисте» и других журналах.

Институт истории АН СССР перед самой войной закончил подготовку к печати большого коллективного труда «Первая мировая война 1914—1918 гг.», под редакцией проф. В. М. Хвостова, Ф. И. Нотовича и др. В этом труде, объемом в 100 печ. листов, освещен не только ход военных событий, но и даны очерки о дипломатической борьбе, о рабочем движении, об экономике, внутренней жизни и классовой борьбе в различных странах.

Проф. Сказкин дал еще в 1928 г. первый том задуманного им большого исследования на тему «Конец австро-русско-германского союза». До сих пор вышел только первый том, охватывающий годы 1879—1884.

Автор использовал немалый рукописный материал русских архивов. В предисловии он выражает сожаление, что не мог использовать архивы австрийские. Могу удостоверить, что он потерял гораздо меньше, чем думает. Насколько мне известно и по своей личной работе и по рассказам всю жизнь там работавшего покойного профессора Н. П. Митрофанова (автора двух диссертаций о «Реформах Иосифа II» и о «Политике Леопольда»), австрийские архивные фонды, по крайней мере те, которые доступны там ученым, очень скудны дискурсивным материалом именно по дипломатической истории.

Кроме русских рукописных источников Сказкин использовал много печатных фондов и большую мемуарную литературу.

Сказкин дал в высшей степени интересную работу и сообщил не мало свежего материала, которого до него никто не касался. Без его работы не может, в частности, обойтись ни один историк русско-болгарских отношений.

Ряд ценных документов по истории новейшей дипломатии был подготовлен к печати и затем опубликован скромными тружениками прекрасно оборудованных советских архивов. Укажем, например, на «Дипломатию Ватикана» (М. 1931), «Константинополь и проливы» (М. 1927) и др. К сожалению, некоторые из этих ценнейших изданий в годы влияния «школы» Покровского снабжались порой крайне неудовлетворительными в научном отношении введениями, предисловиями и примечаниями. Выступления товарищей Сталина, Кирова и Жданова также и в этой области оказали самое благодетельное влияние. Теперь уже давно советские исследователи избавлены от всех этих ненужных и со всех точек зрения сомнительных комментариев и могут без потери времени приступать к анализу предлагаемого им документального материала.

Самый материал, даваемый советскими архивными и академическими учреждениями, чрезвычайно богат и разнообразен. Наши документы публикуются теперь так, что можно без преувеличения поставить выходящие у нас издания в пример беспристрастного, истинно научного отношения к делу.

В 1939 г. Институт истории АН СССР издал сборник «Против фашистской фальсификации истории» (М. 1939). В сборнике помещены следующие материалы: Ф. И. Нотович, Фашизм и фальсификация исторической науки; Б. Л. Богаевский, Эгейская культура и фашистские фальсификаторы истории; Е. Г. Кагаров, Фальсификация истории раннегерманского общества фашистскими лжеучеными; Е. А. Косминский, Средние века в изображении германских расистов; Н. П. Грацианский, Немецкий Drang nach Osten в фашистской историографии; А. И. Неусыхин, Итальянская поли-

тика германской империи X—XIII вв. в современной фашистской историографии; С. Д. Сказкин, Фальсификация крестьянской войны 1525 г. в фашистской историографии; Н. М. Сегаль, Аграрная политика германского фашизма и крестьянство; Т. В. Милицина, Фальсификация истории третьей республики; Е. В. Тарле, Восточное пространство и фашистская геополитика; Ф. И. Нотович, Фашистская историография о виновниках мировой войны; У. А. Шустер и М. В. Джервис, Германофашистские тенденции в современной польской историографии.

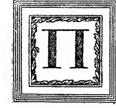
Этот сборник посвящен обстоятельному и уничтожающему разоблачению тех курьезных по своей фантастичности и вполне откровенных по наглой шовинистической тенденции домыслов и фантазий, которыми пробавляется сейчас гитлеровская псевдонаука, призванная заполнить в Германии пустое место, оставшееся после искоренения там настоящей исторической науки. В настоящее время сборник перерабатывается для нового издания.

Чл.-корр. АН СССР А. В. ЕФИМОВ

СОВЕТСКИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО НОВОЙ ИСТОРИИ

Публикация источников по новой истории лимитировалась тем, что большинство основных архивных фондов по истории зарубежных стран находится вне пределов СССР. Однако в СССР имеются свои большие и важнейшие фонды по новой истории. Первая группа архивных **фондов** — это фонды по истории международных отношений, которые оказались доступными для историков благодаря Октябрьской социалистической революции. Если эти фонды имелись в стране, но до революции в большей своей части были недоступны для исследователя, то другая группа фондов — лучшее в мире собрание рукописей основоположников и классиков марксизма-ленинизма — была создана в СССР советской властью и большевистской партией. Кроме того, много документов по истории зарубежных стран имеется в персональных и других фондах наших архивов и в рукописных отделах академических библиотек.

В первые же недели существования советской власти наметились две основные линии документальных публикаций по вопросам новой истории. Первая — издание произведений классиков марксизма-ленинизма. Сначала произведения Маркса и Энгельса публиковались во многих издательствах, часто в далеко не удовлетворительных переводах. Потребность в издании трудов классиков марксизма-ленинизма была огромна. Значение этих публикаций исключительно велико. Вот почему уже в 1922 г. был учрежден Институт Маркса — Энгельса, преобразованный затем в Институт Маркса — Энгельса — Ленина. Этот Институт собрал лучшие в мире рукописные фонды произведений классиков марксизма-ленинизма и значительную библиотеку по истории социализма и истории вообще. На Институт и была возложена задача публикации произведений классиков марксизма-ленинизма.

Другая основная линия публикаций по новой истории — это издание документов по международной политике. Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции наша страна четвертый год находилась в состоянии войны, главная тяжесть которой была вынесена русскими войсками и нашей страной. Потребность в том, чтобы осознать сущность, характер этой войны, установить ее причины, найти ее виновников, была острой. Сейчас же после установления советской власти по инициативе Ленина и Сталина Наркоминделом были опубликованы под ответственной редакцией матроса тов. Мар-

кина (погибшего затем на колчаковском фронте) тайные договоры и другие документы о происхождении первой мировой войны.[1] Это издание не претендовало на научность, но политическое его значение было огромно. Оно вызвало множество ответных публикаций в Европе и дало толчок к появлению ряда последующих научных советских публикаций по международным отношениям.

Обратимся теперь к публикациям материалов ИМЭЛ, относящихся к новой истории.

Издание Сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина имеет огромное значение, так как их появление в свет создает условия для углубленного изучения замечательных исторических источников и в то же время произведений, по которым можно изучить и проследить развитие, формирование научного социализма и ознакомиться с современной стадией развития марксистско-ленинской теории.

Сочинения Маркса и Энгельса составляют в общей сложности 29 томов.[2] Все они уже вышли в свет, за исключением томов XX и XXIX, впрочем уже подготовленных к печати. Это капитальнейшее издание огромной важности является первым в мире и единственным научным и наиболее полным собранием сочинений создателей материалистической диалектики, основоположников научного социализма. Предшествующие издания, выходившие после смерти Энгельса, а в их числе и издания германской социал-демократии под редакцией Эдуарда Бернштейна, воспроизводили сочинения Маркса и Энгельса в ряде случаев в искаженном, а иногда и прямо в фальсифицированном виде.

Издание ИМЭЛ воспроизводит полностью, без купюр и изменений, подлинные тексты гениальных трудов Маркса и Энгельса. Первые пять томов этих сочинений дают возможность ознакомиться с формированием теории научного коммунизма, созданной Марксом и Энгельсом. В нее включены такие работы, как «Немецкая идеология», которая при жизни Маркса не нашла издателя и впервые в полном и научном издании увидела свет лишь в СССР. Между тем это произведение имеет исключительно важное значение для изучения процесса выработки и сущности как философской системы, так и политической теории Маркса и Энгельса, их учения о диктатуре пролетариата.

В пятом томе Сочинений Маркса и Энгельса помещены «Принципы коммунизма» Энгельса и «Манифест Коммунистической партии». Последний издавался ИМЭЛ за период 1922—1940 гг. шесть раз. Особенно большое значение имеет издание 1940 г. Перевод для этого издания был полностью заново пересмотрен и отредактирован. Это замечательное произведение, как и многие другие издания ИМЭЛ, переведено на языки народов Советского Союза.

Томы VI—VIII Сочинений Маркса и Энгельса содержат произведения, написанные в период революции и контрреволюции 1848—1849 гг. в Европе. В этих томах помещены исторические работы К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и К. Маркса и Ф. Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии». Они не только являются ценнейшими историческими источниками, но и создали эпоху в развитии исторической науки, явившись первыми прозведениями, в которых целые периоды истории были

[1] Сборники секретных документов из архива б. Мин. иностр. дел. Изд. Наркоминдела. Декабрь 1917 г. — январь 1918 г. Сб. 1—6.

[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., тт. 1—19, 21—28. 1923—1940. Еще до окончания печатания 1-го издания была начата его допечатка, причем были исправлены некоторые неточности перевода, имевшиеся в первых томах.

освещены на основе открытого и разработанного Марксом и Энгельсом метода исторического материализма. Кроме того в этих же томах помещены: «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельса, «18 брюмера Луи Бонапарта» К. Маркса, а также впервые воспроизведена по рукописи статья Энгельса «Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1859 г.». Эта статья содержит анализ политического положения того времени и блестящий обзор наполеоновских войн; в ней же имеется ряд ценнейших указаний по вопросу о войнах вообще.

IX—XII томы Сочинений Маркса и Энгельса охватывают статьи и корреспонденции, написанные в период реакции, наступившей в Европе после поражения революции 1848—1849 гг., и в годы подъема национально-буржуазных и пролетарских движений — в конце 50-х и начале 60-х гг. В эти томы входят и некоторые экономические работы, как, например, создавшее эпоху в развитии экономической науки произведение «К критике политической экономии». Названные томы дают огромный и частью новый, впервые публикуемый материал. Здесь собраны статьи Маркса и Энгельса, которые появлялись в венской радикальной газете «Die Presse», «The New York Daily Tribune» и в других изданиях, часто без подписи их авторов. Собранные вместе эти статьи дают замечательный материал для понимания международных отношений того времени, политической истории Англии, сущности и хода гражданской войны в Америке, национально-освободительного движения в Италии, в германских государствах, национальной борьбы в Ирландии, событий в Китае и Индии, восточного вопроса и Крымской войны, истории испанских революций XIX в. и многих других проблем. Опубликование этих томов привело к тому, что в исследовательских трудах и учебниках советских историков теперь по-новому ставятся многие вопросы — например, об английских политических партиях XIX в., о сущности восточного вопроса, об американском рабстве и гражданской войне в Америке.

Две части обширного XIII тома Сочинений Маркса и Энгельса содержат ценнейший и в известной части впервые публикуемый материал по истории Международного товарищества рабочих. XIV—XVI томы посвящены философским работам «Анти-Дюринг», «Диалектика природы» (это произведение впервые было напечатано в СССР), «Людвиг Фейербах», статьям и корреспонденциям периода от поражения Парижской Коммуны до смерти Маркса, а затем и Энгельса. В этих же томах помещен замечательный программный партийный документ «Критика готской программы» К. Маркса. Гениальное произведение Маркса «Капитал» и другие экономические работы помещены в XVII—XX томах. Переписка между Марксом и Энгельсом и их переписка с третьими лицами (тт. XXI—XXIX) завершают издание. Письма Маркса и Энгельса к третьим лицам впервые были собраны и изданы в СССР.

Одним из видов научных публикаций ИМЭЛ является издание произведений Маркса и Энгельса на тех языках, на которых эти работы были написаны и впервые опубликованы. В этом издании вышло 7 томов работ, написанных до 1848 г., и 4 тома переписки. В нем публикуется по возможности все литературное наследство Маркса и Энгельса, включая и не появлявшиеся в печати рукописи, подготовительные работы, наброски, планы, варианты и т. д.

Много нового в изучение истории зарубежного рабочего движения внесла предпринятая ИМЭЛ публикация протоколов и других материалов конгрессов и конференций Международного товарищества

рабочих. Вышли в свет следующие издания этой серии: «Базельский конгресс Первого Интернационала 1869 г.» (М. 1934) и «Лондонская конференция 1871 г.» (М. 1936). В этих изданиях собраны и подвергнуты тщательной проверке оригиналы, фотокопии или современные конгрессам издания их протоколов, в виде отдельных бюллетеней или сборников, частью же материалы взяты из газетных отчетов. Большинство этих материалов опубликовано на русском языке впервые, часть их до того вообще не была опубликована.[1]

Бесспорно большой интерес представляет одна из новейших документальных публикаций ИМЭЛ — «I Интернационал в дни Парижской Коммуны».[2]

Здесь в большей части впервые опубликованы протоколы Генерального совета Международного товарищества рабочих с конца февраля по конец мая 1871 г., т. е. за период от кануна захвата власти ЦК Национальной гвардии и кончая трагическими событиями кровавой майской недели. Вторая часть книги состоит из писем членов Интернационала о Коммуне.

Все вошедшие в сборник документы, за немногими исключениями, опубликованы по подлинникам или по фотокопиям подлинников, хранящимся в архиве ИМЭЛ. Ценнейший материал, недавно увидевший свет благодаря этой публикации, ждет своего исследователя.

К числу публикаций, вводящих в лабораторию научного исследования самих классиков марксизма-ленинизма, относятся такие издания, как «Архив Маркса и Энгельса» и «Ленинские сборники». «Архив Маркса и Энгельса» имеет особое значение и занимает самостоятельное место на ряду с изданием Сочинений Маркса и Энгельса. Там помещены, например, различные варианты работы Маркса «Гражданская война во Франции», не вошедшие в собрание сочинений, далее там опубликован ряд предварительных набросков Маркса по экономическим проблемам — черновые наброски «Капитала» и неопубликованные первоначальные составные части этого произведения, статья Энгельса «Брентано contra Маркс» («Архив», т. II), выписки Маркса, сделанные из газет времен Парижской Коммуны, «Хронологические выписки» К. Маркса («Архив», тт. V—VII и др.).

Огромное значение для изучения новой истории имел выход впервые появившегося при советской власти, на основе решения партии, издания Сочинений В. И. Ленина, тиражи которых далеко не удовлетворяли огромного спроса на них. В настоящее время начато четвертое издание Сочинений В. И. Ленина, два тома которого уже вышли.[3]

Работы И. В. Сталина «Вопросы ленинизма» (изд. 11-е. М. 1939), «Марксизм и национально-колониальный вопрос» (М. 1934—1938), статьи, помещенные в сборниках «Ленин. Сталин. Избранные произведения 1917 года», «И. Сталин. О Великой отечественной войне Советского Союза» (М. 1942) и в других, имеют колоссальное значение для изучения новой истории.

---

[1] Так, например, в приложениях к протоколам Базельского конгресса I Интернационала помещены письма Маркса Де-Папу и письма участников Базельского конгресса Марксу. Среди них пять писем Лесснера, являющихся почти протокольной записью хода заседаний и подробной информацией о закулисной стороне конгресса.

Там же опубликованы (также впервые) письма Лафарга Марксу, которые содержат подробный отчет о заседании Генерального совета 24 сентября 1869 г. Протоколы Лондонской конференции характеризуют борьбу за партию, против сектантства, против вреднейшей дезорганизаторской деятельности бакунистов.

[2] Это издание входит в серию «I Интернационал в документах».

[3] Ленин В. И. Соч., изд. 2-е, тт. 1—30. М.—Л. 1926—1936. Там же, изд. 3-е, тт. 1—30, М. 1926—1937. Там же, изд. 4-е, тт. I, II. М. 1941.

Эти произведения, вооружая историков научной методологией, дают постановку и решение многих важнейших проблем новой истории. Работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина являются той основой, на которой происходило и происходит развитие исторической науки в СССР.

Много нового в науку внес журнал «Пролетарская революция» своими публикациями документов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Так, например, в № 3 «Пролетарской революции» за 1939 год опубликована не известная до того времени рукопись К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству», имеющая исключительно важное значение для исследования отправной проблемы новой истории — проблемы генезиса капитализма. В № 9 «Пролетарской революции» за 1938 г. впервые была опубликована брошюра К. Маркса «Мнимые расколы в Интернационале», написанная в ответ на тот поток лжи и клеветы против Интернационала и Маркса, который обрушился на них после поражения Парижской Коммуны. В той же книжке журнала была напечатана считавшаяся утерянной тетрадь выписок В. И. Ленина об империализме и другие, не публиковавшиеся ранее документы В. И. Ленина.

Огромный интерес представляют «Ленинские тетради по империализму». Эти выписки составили толстый том свыше семисот страниц. Они показывают, какая колоссальная работа была проделана Лениным за период с 1912 по 1914 гг., когда для данной работы В. И. Лениным были сделаны выписки из 148 книг и 232 статей. Ленинская работа «Империализм как высшая стадия капитализма», являющаяся продолжением «Капитала», заменила ряд устаревших положений марксизма новыми и установила новые закономерности в развитии капитализма. Разрабатывая проблемы империализма на основе большого количества источников и литературы, В. И. Ленин привлек материал о новых явлениях в экономическом, а отчасти и в политическом развитии капиталистических стран. Выписки, сделанные Лениным, сопровождаются рядом примечаний и пометок Ленина и составляют неоценимый клад для всякого, работающего в области марксистской теории и новой истории. Упомянем о том, что в одной из последних ленинских тетрадей по империализму помещена имеющая огромное научное значение синхронистическая таблица, составленная Лениным: «Опыт сводки главных данных всемирной истории после 1870 г.».

Трудно переоценить значение для развития всей исторической науки в целом, и в частности для новой истории, выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)», которая за 4 последних года разошлась в количестве 19 млн. экземпляров.

Партиздат издал многие исторические работы Маркса и Энгельса отдельными изданиями и ряд тематических сборников произведений классиков марксизма, рассчитанных для использования самой широкой аудиторией. Из сборников, относящихся непосредственно к новой истории, назовем, например, такой чрезвычайно полезный и пользующийся большой популярностью сборник, как «В. И. Ленин о Парижской Коммуне», выходивший во многих изданиях, сборник «К. Маркс и Ф. Энгельс «Парижская Коммуна» (М. 1938), или сборник «Маркс — Энгельс — марксизм», или же «К. Маркс, Документы I Интернационала», изданный в 1939 г. и содержащий важнейшие документы Международного товарищества рабочих и некоторые письма Маркса и Энгельса, освещающие историю и значение I Интернационала.

Ряд документов классиков марксизма-ленинизма был впервые опубликован в «Правде».

Все издания ИМЭЛ и Партиздата отличаются прекрасным оформлением, но и среди них особо следует отметить чрезвычайно удачное в художественном отношении издание «Коммунистического Манифеста». Хорошо оформлены мемуары о Марксе, изданные в 1940 г.

На ряду с публикациями произведений классиков марксизма-ленинизма было уделено внимание изданию источников по истории научного и утопического социализма.

В 1923 г. Государственное издательство выпустило в свет русский перевод одного из ценнейших источников по истории утопического социализма — книгу Ф. Буонаротти «Гракх Бабеф и заговор равных». Этот источник представляет особый интерес. Он написан ближайшим другом Бабефа и одним из руководителей «Общества равных». Кроме того, в этой книге дан общий очерк французской революции XVIII в. с точки зрения революционного утопического коммунизма. От этого источника ведет начало та традиция в историографии французской революции, которая в своем дальнейшем развитии и изменении приводит к научной социалистической концепции истории французской революции. Главное же — эта книга проливает свет на историю деятельности замечательного трибуна и революционного утопического коммуниста Бабефа и его соратников. К сожалению, перевод дан с сокращенного издания. Желательно новое издание этого источника с научным аппаратом и научным предисловием. Ряд произведений социалистов-утопистов был издан в русском переводе под редакцией и с предисловием В. П. Волгина. К числу таких изданий относятся переводы работ Т. Мора, Кампанеллы, Вераса, Морелли и Сен-Симона и его учеников. Некоторые из этих публикаций, особенно касающиеся Сен-Симона, целесообразно переиздать.

В 1937 г. Институт философии АН СССР опубликовал два важнейших произведения Шарля Фурье — «Теория четырех движений» и «Новый промышленный и общественный мир». [1]

Опубликование в научном издании этих двух основных произведений одного из величайших мыслителей представляет большое событие. Эти произведения Фурье раскрывают его метод, содержат наиболее яркие страницы, посвященные критике капиталистического строя, и дают изумительные по яркости и содержательности, иной раз фантастические картины будущего строя человечества. Сейчас, когда в нашей стране уже осуществились многие чаяния великих утопистов, наш советский читатель с огромным интересом будет изучать замечательные произведения Фурье.

Для истории социализма имеют большое значение научные публикации материалов по истории Парижской Коммуны. Должно быть отмечено русское издание «Протоколов Парижской Коммуны». Впервые этот том был издан во Франции (28 марта — 30 апреля 1871 г. М. 1933) Бурженом, при содействии Г. Анрио. Подлинники находятся в Исторической библиотеке города Парижа. Публикация эта дает ценнейший материал о деятельности Коммуны, о ее мероприятиях в области социального законодательства, о борьбе Коммуны с Версалем и по другим вопросам. [2]

[1] Фурье Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб. Проспект и анонс открытия. Избр. соч., т. I, под ред. А. Дворцова, М. 1938, т. II; Новый промышленный и общественный мир изобретения метода привлекательной и естественной индустрии, организованной по сериям. М. 1939.

[2] Особое место занимает небольшой сборник «Письма рабкоров Парижской Коммуны».

Обратимся теперь к публикациям в СССР по истории международных отношений. Эти публикации, как и публикации по истории социализма, являются ценным вкладом в мировую науку. Большое количество не опубликованных ранее архивных материалов стало общим достоянием благодаря журналу «Красный архив». Этот журнал издал свыше сотни томов архивных материалов, не малая часть которых относится непосредственно к сюжетам новой истории. «Красный архив» начал выходить в 1922 г., поставив своей основной задачей разоблачение тайн империалистической политики и дипломатии и опубликование ряда других документов, представляющих исторический или историко-литературный интерес. В дальнейшем задачи журнала стали более широкими, и основную массу публикаций этого журнала в области новой истории составляют документы по истории международных отношений за самые различные периоды и документы по вопросу политических и культурных связей нашей родины и зарубежных стран.

В первом же томе «Красного архива» помещен обширный материал о русско-германских отношениях, с 1873 по 1914 г. Опубликованные материалы представляют большой научный интерес. Они разоблачают агрессию германского империализма и опровергают те антинаучные комментарии, которыми их снабдил при издании М. Н. Покровский.

Последующие томы «Красного архива» ознакомили читающий мир с большим количеством ценнейших, до тех пор не опубликованных источников, как, например, доклады б. министра иностранных дел С. Д. Сазонова Николаю Романову, семейная переписка Романовых, переписка и дневники В. Н. Коковцева, А. А. Половцева, А. Н. Куропаткина, П. А. Столыпина. Были опубликованы материалы русского верховного командования, материалы о портсмутских мирных переговорах, об англо-русском соглашении 1907 г. и о русско-германском договоре 1905 г., о потсдамском соглашении 1911 г., о берлинском конгрессе 1878 г., материалы о революции 1830 г. в Бельгии, о польской войне 1794 г. в реляциях и рапортах А. В. Суворова, о румынском произволе в Бессарабии, о плане Наполеона I совершить десант на британские острова и т. п.

Особо следует отметить в «Красном архиве» такие крупные публикации, как «Дневник Министерства иностранных дел за 1915—1916 гг.» (тт. 31 и 32) и «Ставка — в Министерство иностранных дел» (тт. 26—30), а также публикации на разные темы, тщательно подготовленные Е. В. Тарле, А. Л. Поповым, А. С. Ерусалимским, Е. А. Адамовым, Д. О. Заславским, В. М. Хвостовым, Р. А. Авербух, В. В. Максаковым и многими другими историками. Многие публикации «Красного архива» были переведены на иностранные языки или же отмечались за границей в научно-исторических журналах.

Часть документов, опубликованных в «Красном архиве» в первые годы его существования, вошла в серию изданных по поручению

(М. 1933), содержащий впервые опубликованные 13 корреспонденций в редакции парижской революционной газеты «Père Duchêne», подлинники которого хранятся в архиве ИМЭЛ. Этот сборник характеризует инициативу парижских рабочих в дни Коммуны. Интересные и новые источники о Коммуне публиковались в «Литературном наследстве». К числу таких материалов относятся листовки, выходившие под заголовком «Виселица». Эти листовки о Парижской Коммуне издавались в дни Коммуны в апреле—мае 1871 г. в России. Автор их — революционный народник Н. П. Гончаров, подписывавший листовки «Коммунист», призывал к выступлению с оружием на помощь коммунарам (Литературное наследство, 1931, № 1).

НКИД сборников по вопросу о происхождении и событиях дипломатической истории первой мировой войны.[1]

Новый этап в публикации документов по международным отношениям открыло издание «Международные отношения в эпоху империализма».[2] Публикация эта была поручена Комиссии при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма. До настоящего времени вышло три тома второй серии этой публикации и 10 томов третьей серии. Вторая серия охватывает период с 1900 по 1913 г., т. е. период подготовки первой мировой войны; третья серия — с 1914 по 1917 г. По плану, намеченному изданием, серия первая должна охватить период с 1878 по 1899 г., в особенности Англии, Франции и ряда других государств (Иран, Швеция и др.).

Особенность этой публикации заключается в том, что это единственная из официальных публикаций европейских правительств, в которой систематически изданы документы периода первой мировой войны. Все европейские официальные публикации останавливаются на 1914 г., и исследователи периода первой мировой войны не только в России, но и во всех других странах могут пользоваться и пользуются только советской публикацией и отчасти публикацией, вышедшей в США, которые до 1917 г. не воевали. К тому же, хотя основной задачей данной публикации являлось «наиболее полное и всестороннее осве-

---

[1] «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.». Сборник секретных дипломатических документов б. Мин. иностр. дел». М. 1922. «Материалы из архивов Мин. иностр. дел, политических архивов министерства, переписки с послами и поверенными в делах в различных столицах и др.». Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны». М. 1927. «Раздел Азиатской Турции». М. 1924. «Константинополь и проливы». М. 1925, тт. 1 и 2. «Царская Россия в мировой войне». М. 1925. Наиболее ценными в этих сборниках являются помещенные в них документы.

[2] «Международные отношения в эпоху империализма». Документы из архивов царского и временного правительств. 1878—1917 гг. 1931. Вышли томы: XVIII—XX — 2-й серии и I — X—3-й серии.

Серия 2. 1900—1913. Том XVIII, ч. 1, 14 мая 1911 г. — 13 сентября 1911 г. Подгот. к печати А. С. Ерусалимский при участии А. И. Автократовой и О. И. Станиславской, 1938, XVII, 410 стр. Том XVIII, ч. II, 14 сентября 1911 г. — 13 ноября 1911 г. Подгот. к печати А. С. Ерусалимский при участии А. И. Автократовой и О. И. Станиславской, 1938, XVII, 382 стр. Том XIX, ч. I, 14 ноября 1911 г. — 13 января 1912 г. Подгот. к печати Л. А. Телешева при участии Э. С. Альтшуллер и Е. М. Глязер, 1938, XVI, стр. 352. Том XIX, ч. II, 14 января 1912 г. —13 мая 1912 г. Подгот. к печати Л. А. Телешева, при участии Э. С. Альтшуллер и Е. М. Глязер, 1939, XVIII, 551 стр. Том XX, ч. I, 14 мая — 13 августа 1912 г. Подгот. к печати Л. А. Телешева при участии Э. С. Альтшуллер, 1939, XVI, 481 стр. Том XX, ч. II, 14 августа — 17 октября 1912 г. Подгот. к печати Л. А. Телешева при участии Э. С. Альтшуллер и Е. М. Глязер, 1940, XX, 520 стр.

Серия 3. 1914—1917. Том I, 14 января — 13 марта 1914 г. Подгот. к печати А. Л. Попов, 1931, XLIII, 614 стр. Том II, 14 марта — 13 мая 1914 г. Подгот. к печати А. С. Ерусалимский при участии Б. Г. Вебера, 1933, XX, 559 стр. Том III, 14 мая — 27 июня 1914 г. Подгот. к печати А. С. Ерусалимский и Б. Г. Вебер, 1933, XVII, 467 стр. Том IV, 28 июня — 22 июля 1941 г., 1934, XVI, 423 стр. Том V, 23 июля — 4 августа 1914 г., 1914, XXVII, 492 стр. Том VI, ч. I, 23 июля— 5 августа 1914 г. — 1 ноября (19 окт.) 1914 г. Подгот. к печати А. Л. Попов при участии Б. Я. Галиной и В. В. Альтмана, 1935, XIX, 481 стр. Том VI, ч. II, 2 ноября (20 окт.) 1914 г. — 13 января (31 дек.) 1915 г. Подгот. к печати А. Л. Попов при участии Б. Я. Галиной и В. В. Альтмана, 1935, XVI, 388. Том VII, ч. I, 14(1) января— 23 (10) марта 1915 г., IX, 668 стр. Том VII, ч. II, 24(11) марта — 23(10) мая 1915 г. Подгот. к печати Ф. О. Нотович при участии Л. А. Телешевой и С. А. Левиной, 1935, XX, 535 стр.

Том VIII, ч. I, 24 (11) марта — 4 августа (22 июля) 1915 г., 1935, VIII, 528 стр., ч. II, 5 августа (23 июля) — 16(3) октября 1915 г. Подгот. к печати Е. А. Адамов при участии Б. Г. Вебера и С. Д. Диман. Том IX, 17(4) окт. 1915 г. — 13 янв. (31 дек). 1916 г. Подгот. к печати Ф. О. Нотович при участии Л. А. Телешевой и С. А. Левиной, 1936, XVIII, 882 стр. Том X, 14(1) января — 13 апреля (31 марта) 1916 г. Подгот. к печати Л. А. Телешева, Э. С. Альтшуллер и Е. М. Глязер, 1938, XX, 646 стр.

щение основных линий внешней политики царской России», но в известной мере в ней получала освещение и политика других государств. Начатая изданием под редакцией М. Н. Покровского, в последние годы эта серия публиковалась под руководством проф. А. С. Ерусалимского и акад. Ф. А. Ротштейна. Вторая особенность данной публикации та, что это единственная в мире официальная публикация, которая воспроизводит включенные в нее документы без всяких сокращений, с сохранением всей полноты текста. Материалы названной публикации расположены в строго хронологическом порядке. Все документы в публикации даются на языке их оригиналов и сопровождаются точными переводами. Издание снабжено тщательно составленными указателями — именным, указателем корреспондентов и указателем тем дипломатической переписки. Словом, публикация дает бесспорный, научно доброкачественный материал первостепенной важности.

Документы второй серии весьма подробно освещают дипломатическую обстановку Агадирского кризиса, Триполитанской войны и Балканских войн. Они раскрывают во многих новых деталях агрессивную политику германского империализма, стремившегося захватить Марокко и укрепить свое влияние в Средиземноморском бассейне. Они показывают провокационные методы, применявшиеся рядом германских дипломатов. Они раскрывают также агрессивные методы итальянского империализма, набросившегося на Турцию, чтобы захватить Триполитанию и Киренаику (Ливия). Наконец, они раскрывают методы, которые использовала австро-германская дипломатия, чтобы подготовить и подтолкнуть Болгарию к нападению на ее союзников в 1913 г.

Советская публикация разоблачает фальсификации, допущенные в Германии при издании русских документов. Так, в публикациях Штиве и Зиберта, изданных по заданию немецкого министерства иностранных дел и содержащих переписку и другие материалы русских послов — в Париже Извольского и в Лондоне Бенкендорфа, текст был фальсифицирован. Эта подделка уже установлена советскими историками, которые, публикуя подлинные тексты документов, указали, в каких местах и как был фальсифицирован текст в немецком официальном издании.

Изданные первые пять томов ее третьей серии с совершенной очевидностью показывают, что российское правительство хотя и ждало войны и готовилось к ней, но отнюдь не играло активной роли в развязывании первой мировой войны. Значение сараевского убийства в этом плане было даже совершенно не понято царской дипломатией. В ответственнейших дипломатических документах этого периода в центре внимания стояли мелкие вопросы, и далеко не сразу было осознано все значение грандиозной германской провокации. IV и V томы дают материалы непосредственно об июльском кризисе 28 июня (4 августа) 1914 г. Томы VI и следующие дают большую серию дипломатических документов, освещающих вопрос о переговорах и мероприятиях, направленных к консолидации политических взаимоотношений и военных усилий, имевших своей целью разгром Германской империи. Эти документы свидетельствуют с несомненностью о том, что по существу именно русский фронт решил исход второй мировой войны.

Эти же положения прочно обосновываются ценным документальным изданием «Наступление юго-западного фронта в мае — июне 1916 г.». [1] Документы, опубликованные в этом сборнике, освещают одну из славных страниц истории русского оружия.

[1] Сборник документов. Центр. гос. ист. архив. М., Военгиз, 1940.

В числе исторических источников важное место занимают мемуары, дневники и переписка. Наибольшее количество мемуаров было опубликовано в плане истории международных отношений. Большой интерес представляет научное издание мемуаров Бисмарка.[1] Это первое издание из намеченной серии «Библиотека внешней политики», которое должно включить в себя мемуары дипломатов и монографии по истории дипломатии и внешней политики, а также и по международному праву. Автор вступительной статьи проф. А. С. Ерусалимский останавливается на культе силы и насилия Бисмарка и показывает его расчетливую беспринципность и антидемократизм, но в то же время и дальновидность, проницательность Бисмарка, весьма умело действовавшего в интересах своего класса. Крупнейший дипломат юнкерско-буржуазной Германии, в отличие от Гитлера, прекрасно понимал, например, что война Германии против России приведет Германию к катастрофе. Особенно Бисмарк боялся войны на два фронта. «Наши границы на Востоке, — писал Бисмарк летом 1875 г., — имеют слишком большую протяженность, чтобы мы могли поставить себя в такое опасное положение, когда нам в случае войны с Францией придется половину нашей армии бросить на защиту восточной границы».[2]

Кроме того изданы и другие ценные сборники о военных операциях русских войск в первую мировую войну. В связи с этими публикациями надо назвать книгу А. А. Брусилова «Мои воспоминания», изданную в Москве в 1941 г.

В 1942 г. в Москве вышел сборник Управления государственными архивами НКВД СССР «Документы о немецких зверствах в 1914—1918 гг.». Этот сборник состоит из двух частей. В первой имеются данные о чудовищных зверствах немцев во время первой мировой войны 1914—1918 гг., другая содержит документы о злодеяниях немецких оккупантов на советской территории в 1918 г. Вместе с тем во второй части сборника помещены материалы о народной войне против немецких захватчиков.

Нельзя хладнокровно читать об уничтожении мирного и беззащитного города Калиша с его 80-тысячным населением, разграбленного и разрушенного немцами. Насилия над женщинами, убийства детей, грабежи, применение разрывных пуль и удушливых газов, бомбардировка госпиталей и санитарных поездов и другие нарушения международного права, а главное уничтожение всего русского и славянского — вот чем был отмечен путь немецких захватчиков в первую мировую войну.

Зверские расстрелы пленных красноармейцев в 1918 г., садистские расправы над мирным населением и другие факты, взятые из дневников пленных и убитых немецких солдат и офицеров, говорят о том, что современные фашистские звери в еще более чудовищных масштабах повторяют те злодеяния, которые уже совершались немецкой военщиной в 1914—1918 гг.

К этому же типу мемуаров относятся мемуары французского дипломата Талейрана князя Перигора, вышедшие в 1934 г.[3] Эти мемуары снабжены предисловием акад. Е. В. Тарле, представляющим самостоятельное исследование. Кроме того отметим издание мемуаров С. Ю. Витте,[4] дневников В. Н. Ламсдорфа,[5] Ю. Соловьева «25 лет

[1] Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Пер. с нем. под ред. проф. А. С. Ерусалимского.

[2] Предисловие к I т., стр. XIII.

[3] Талейран. Мемуары. Пер. С. Л. Фейгина. Ред. и статья Е. В. Тарле. М. 1934.

[4] Витте С. Ю. Воспоминания, тт. I—III. Л. 1924.

[5] Ламсдорф В. Н. Дневник 1891—1899 гг. под ред. и с предисл. Ф. А. Ротштейна. М. 1934.

моей дипломатической службы» и ген.-майора Игнатьева «50 лет в строю» (М. 1942). Был издан также ряд дневников политических деятелей Антанты, «Архив полковника Хауза»,[1] который перед самой войной 1914 г. совершил путешествие в Европу с целью создания блока из США, Англии, Японии и Германии, «Мемуары дипломата» Джорджа Бьюкенена,[2] «Военные мемуары» Ллойд-Джорджа,[3] мемуары Лиддель-Гарта,[4] Р. Пуанкаре,[5] Ж. Луи.[6]

На издании мемуаров, как и на других документальных публикациях, сказалось влияние М. Н. Покровского и его «школы» — например, в предисловиях к мемуарам Пурталеса и Тирпица, в духе Покровского, всемерно обеляется германский империализм. Однако само фактическое содержание мемуаров решительно противоречит версии «школы» Покровского и самым убедительным образом ее опровергает.[7]

Нельзя пройти мимо документальных публикаций «Литературного наследства». Хотя в большинстве своем эти материалы освещают вопросы истории мировой литературы, но в ряде случаев в журнале помещались и материалы, не имеющие отношения к литературе, но имеющие большое значение для общей истории. Особый интерес в плане новой истории представляют специальные русско-французские томы 29/30, 31 и 32. В этих томах «Литературного наследства» опубликованы тексты Даламбера, Гельвеция, не известные ранее материалы, относящиеся к творчеству Ж. Ж. Руссо, Шатобриана, Ламартина, госпожи де-Сталь, Бенжамена Констана, Сент-Бева, Жорж Занд, Беранже, Золя и других писателей и политических деятелей. Публикации этих томов «Литературного наследства» в основном касаются литературных взаимоотношений России и Франции в XVIII—XIX вв. и группируются вокруг трех основных тем: французской просветительной литературы, французской революции 1789 г. и наступившей вслед за ней общеевропейской реакции.

Во втором томе сборника «Русская культура и Франция», в приложении к статье В. Люблинского «Наследие Вольтера в СССР», публикуются рукописи Вольтера, приобретенные Екатериной II вместе с библиотекой Вольтера. В одной из публикаций содержится 178 писем Вольтера Д'Аржанталю, часть которых никогда раньше не была опубликована, а другая часть раньше была опубликована неточно. Письма Вольтера к Д'Аржанталю дают ряд новых моментов биографии Вольтера, картину быта и социально-политической обстановки его жизни в период 1734—1761 гг. Новые материалы сообщены в публикации «Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И. М. Смолина». В этом же томе помещены и рукописи Жозефа де-Местра — его дипломатическая переписка с русскими корреспондентами. Интересны приложения к исследованию Л. Гроссмана «Бальзак в России».[8] Особо следует отметить публикацию под ред. Е. В. Тарле—«Донесения Якова Толстого III отделению», освещающую

[1] Пер. с англ., тт. I—II. М. 1937; т. III. М. 1939.
[2] Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М. 1923.
[3] Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары, тт. I—II, IV. М. 1934.
[4] Лиддель-Гарт. Правда о войне 1914—1918 гг. М. 1935.
[5] Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания за десять лет. Пер. с франц. М. 1936.
[6] Луи Ж. Записки посла. М. 1934.
[7] Кроме мемуаров по международным отношениям издавались мемуары другого типа, например, мемуары участников Парижской Коммуны — Л. Мишель, Лефрансэ, Аллемана или же такие издания, как мемуары Гарибальди, Ф. Орсини, А. Рошфова и др.
[8] Литературное наследство, № 33—34. М. 1929.

ряд моментов истории французской печати с середины 30-х годов до начала Крымской войны 1854—1856 гг.[1]

«Историк-марксист» уделял документальным публикациям сравнительно немного места. Главным образом эти публикации касались вопросов истории научного социализма и распространения произведений Маркса и Энгельса в России и некоторых вопросов истории революционного движения, например французской революции XVIII в. и французского социализма.

Ряд документов, помещенных в «Историке-марксисте» и «Красном архиве», осветил мало известные страницы из истории русско-американских отношений. Эти материалы показывают, что дружественные отношения между двумя этими великими державами, объединенными в борьбе против гитлеризма, имеют исторические традиции. Наибольшее внимание исследователей привлекали материалы о русско-американских отношениях в период гражданской войны 1861—1863 гг. После публикаций Е. А. Адамова, А. А. Юрьева, М. Малкина и А. В. Ефимова вопрос о причине посылки русских эскадр в Северную Америку в 1863 г. можно считать исчерпывающим образом освещенным. Советскими историками разрабатывались и архивные материалы о русско-американских отношениях конца XVIII в. Публикация на эту тему, в центре которой стоят вопросы об истории вооруженного нейтралитета 1780 г., готовится к печати под руководством А. В. Ефимова.

Из многочисленных публикаций по французской революции конца XVIII в. отметим следующие: «Неизданные документы времен якобинской диктатуры», опубликованные с предисловием акад. Е. В. Тарле в № 3 журнала «Историк-марксист» за 1939 г. Эти материалы освещают деятельность Комитета общественного спасения и рейнской армии во втором году республики.

В Институте истории АН СССР работала комиссия по публикации документов о русско-французских отношениях в период революции XVIII в. во Франции в составе: акад. Е. В. Тарле, проф. А. В. Ефимова, Ф. И. Нотовича, В. М. Хвостова. Первый том документальной публикации, охватывающий период 1789—1790 гг., был уже отпечатан в Таллине, но в связи с начавшейся войной не вышел до сих пор в свет.

Характерные черты советских публикаций — научность, достоверность, объективность. Эти публикации вошли в основной фонд источников, на основе которого развивается изучение новой истории.

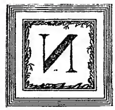
[1] «Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия». С предисл. Е. Адамова. Красный архив, 1930, т. 38. «Посылка двух русских эскадр в Северную Америку». С предисл. А. В. Ефимова. Историк-марксист, 1936, № 3. «К истории русско-американских отношений во время гражданской войны в США». Вводная статья М. М. Малкина. Докум. подгот. к печати А. А. Юрьевым.

Проф. Л. И. ЗУБОК

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ В СССР

стория новейшего времени за последние годы привлекала к себе большое внимание. На ряду с популярными книгами по новейшей истории появилось некоторое количество работ, защищен ряд диссертаций по вопросам внутренней и внешней политики отдельных стран Запада и Востока и по международным отношениям. Выпущен ряд сборников документов, и напечатано не малое количество статей в наших журналах. В высших учебных заведениях и в Высшей партийной школе читался систематический курс лекций по истории новейшего времени.

Исследовательская работа по новейшей истории была затруднена недоступностью для наших историков архивов западноевропейских стран и отсутствием полной документации по важнейшим событиям современной истории. Но, несмотря на эти затруднения, исследовательская работа в нашей области проводилась и проводится. Большую помощь советским историкам в смысле надлежащего ее направления оказали постановления партии и правительства по вопросам исторической науки, замечания Сталина, Кирова и Жданова на учебники по истории и указания вождя народов товарища Сталина.

Публикацией документов по новейшей истории занимался ряд учреждений Советского Союза: Институт Маркса — Энгельса — Ленина, Народный комиссариат иностранных дел, Коммунистическая академия и Академия Наук СССР и др.

В основном их можно разбить на две категории: публикации по рабочему, революционному и национально-освободительному движению и публикации по вопросам международных отношений. Отметим только некоторые из них, наиболее типичные и показызающие, по какому пути проходило издание документов.

Институтом Маркса — Энгельса — Ленина изданы протоколы Первого и Второго конгрессов Коммунистического Интернационала. Эти издания коренным образом отличаются от аналогичных изданий прежних лет. Тексты докладов и выступлений сверены и исправлены в соответствии с записью этих документов, хранящихся в архиве ИМЭЛ. Протоколы Первого конгресса Коминтерна, помимо резолюций и постановлений, содержат и письменные доклады, представленные делегатами различных стран.

Протоколы Второго конгресса Коминтерна содержат также проекты всех тезисов Исполкома, предложенных конгрессу; тезисы о женском

и юношеском движении, не рассмотренные конгрессом; письмо ИККИ к Центральному Комитету Коммунистической рабочей партии Германии и т. д. Помимо этого Партиздатом изданы стенографические отчеты важнейших пленумов Коммунистического Интернационала.

Весьма ценным является перевод издания стенографических отчетов 1-го и 2-го всегерманских съездов рабочих и солдатских депутатов (изданы в 1934 и 1935 гг.).

Значение этих протоколов чрезвычайно ярко охарактеризовано Вильгельмом Пиком. Он пишет:

«Протоколы состоявшихся в революционные месяцы 1918—1919 гг. двух германских съездов рабочих и солдатских депутатов являются документами большого исторического значения. В этих протоколах перед нашими глазами развертывается трагедия германского рабочего движения во время Ноябрьской революции. Это не только история, но одновременно и урок для нашего времени».[1]

Испанской революции и борьбе испанского народа за свою национальную независимость против фашистского мятежа и германо-итальянской интервенции посвящен ряд интересных сборников документаций. Из них отметим: «Проблемы испанской революции — пути ее развития и условия ее победы» (Партиздат, 1933), Хозе Диас — «Под знаменем народного фронта» (речи и статьи 1935—1937 гг., Партиздат, 1937) и Долорес Ибаррури — «Речи и статьи 1936—1938 гг.» (Политиздат, 1938).

Эти три сборника содержат важные документы по истории Испании за 1931—1938 гг. Сборник «Проблемы испанской революции», хотя и является сборником не документов, а статей, все же представляет большую ценность. Он помогает лучше понять классовую сущность тех чрезвычайно сложных и интересных событий, которые развертывались в Испании в первые годы революции. Подробно освещена расстановка классовых сил в испанской революции и роль партий, ход событий после декабря 1931 г. и их уроки, предательство анархистов и троцкистов, роль Коммунистической партии Испании, аграрно-крестьянский и национальные вопросы революции.

Книга Хозе Диаса «Под знаменем народного фронта» повествует о героической борьбе испанского народа и компартии Испании против фашистских интервентов и мятежников. Она показывает, как героическая компартия Испании стала подлинным вождем народных масс в борьбе против фашизма, как она сплотила народные массы для совместной борьбы против гитлеровских и итальянских захватчиков.

Верный сын своего класса, деятель, до конца преданный интересам народных масс своей страны, Хозе Диас напоминал антифашистам, что энтузиазм и воля к единству — это еще не все. «Все вы должны понять, — говорил Диас, — что этой воле масс надо дать организационную форму, направить ее на рельсы мощной организации, способной руководить борьбой и вести нас к победе над реакцией и фашизмом».[2]

Народные массы Испании были первыми в Европе, выступившими с оружием в руках против озверелых фашистов Германии и Италии. Они вели борьбу не только за свое национальное освобождение, но и за «...общее дело всего передового и прогрессивного человечества».[3]

Вот почему Хозе Диас, определяя характер борьбы испанского народа в тяжелые для него годы 1936—1939, говорил:

[1] Стеногр. отчет, стр. V.
[2] Диас Хозе. Под знаменем народного фронта, стр. 15.
[3] «Правда» от 16 октября 1936 г. (из телеграммы товарища Сталина).

«Для того, чтобы всем была ясна моя мысль, я напомню: через месяц после начала мятежа наша партия выдвинула лозунг расширения народного фронта, объединения всего испанского народа, ибо гражданская война, схватка между демократией и фашизмом, превратилась в войну за национальную независимость, в войну за национальное освобождение.

Наша борьба, глубоко национальная по своему содержанию, имеет также отчетливо выраженный международный характер».[1]

Речи и статьи Долорес Ибаррури являются дополнением к предыдущему сборнику и его продолжением. Изучение этих речей и статей помогает еще лучше понять одну из наиболее героических страниц в истории Европы — тяжелой и героической борьбы испанского народа против ненавистного всему человечеству фашизма. В своей речи на митинге на зимнем велодроме в Париже 3 декабря 1937 г. Долорес Ибаррури говорила:

«Именно потому, что мы глубоко любим мир, мы вынуждены были вступить в войну. И мы ведем войну, потому что реакционеры и фашисты навязали ее нам.

Не мы, а они подняли мятеж, помогая Германии и Италии в осуществлении их планов фашизации Европы.

Но фашизм, товарищи французы, — показатель слабости, а не силы. Если демократические народы хотя бы из чувства самосохранения выполнят свой долг, фашизм будет раздавлен, и от него останется лишь мучительное воспоминание, как о чудовищном преступлении.

Не только мы, коммунисты, утверждаем это. Вспомните слова американского демократа, президента Рузвельта: «Невинные нации и народы принесены в жертву жажде власти и превосходства, не признающей справедливости и гуманности. Свободе, миру и безопасности 90% населения мира угрожают остальные 10%, попирающие принципы международного права. 90% могут и должны найти средство утвердить свою волю».

Мы, испанские антифашисты, присоединяемся к словам Рузвельта и просим вас задуматься над ними».[2]

Эти слова, обращенные к французам, в полной мере отвечают и современному положению. Французскому народу следует задуматься над тем, как более эффективно организовать борьбу против петеновлавалей и гитлеровских оккупантов. Опыт борьбы испанских народных масс, с оружием в руках боровшихся против внутреннего и внешнего фашизма, несомненно может быть использован французскими массами в их современной борьбе за свою национальную независимость.

Событиям в Китае и борьбе китайского народа за свою национальную независимость также посвящено много документаций. «Кантонская Коммуна» — сборник статей и материалов, изданный в 1929 г. Научно-исследовательским институтом по Китаю, знакомит читателя с историей и опытом борьбы кантонского пролетариата в дни Кантонской Коммуны. Первая часть сборника посвящена описанию событий Кантонского восстания. Вторая часть сборника дает описание условий экономического развития и социально-политических отношений в Гуандуне и знакомит читателя с особенностями массового движения в провинции, исторически подготовившего восстание в Кантоне.

В 1934 г. Партийное издательство выпустило сборник материалов и документов — «Советы в Китае». Сборник относится к периоду совет-

[1] Диас Хозе. Под знаменем народного фронта, стр. 173.
[2] Ибаррури Долорес. Речи и статьи 1936—1938 гг., стр. 106.

ского движения в Китае. Документы и материалы, помещенные в сборнике, представляют собой доклады и статьи китайских коммунистов, партийных и советских работников. В основном они посвящены двум важнейшим вопросам — вооруженной борьбе китайских масс и аграрной революции в советских районах. Помимо этого документы, вышедшие из рук людей, непосредственно участвовавших в национально-освободительной борьбе китайского народа, дают представление об экономической политике советской власти, о советском строительстве и о быте в советских районах Китая.

Сборники «Программные документы китайских советов» и «Второй съезд китайских советов» (Партиздат, 1935) являются как бы продолжением предыдущего сборника. Они содержат основные документы 1 и 2-го съездов советов в Китае. Первый сборник дает основные законы, принятые на 1 и 2-м съездах советов. Здесь даны законы о земле, о труде, о советском строительстве, об экономической политике в советских районах и т. д. Последний раздел посвящен первым шагам, предпринятым центральным правительством Китайской советской республики для установления антияпонского национального фронта. [1]

Сборник «Второй съезд китайских советов» (Партиздат, 1935) дает богатый материал как по вопросу о подготовке съезда, так и о самом съезде. В сборнике дана также очень серьезная и интересная вступительная статья тов. Ван-Мина.

Большое место в нашей исторической литературе занимает издание документов, касающихся международных вопросов новейшего времени. Народным комиссариатом иностранных дел издано огромное количество сборников действующих договоров, соглашений и конвенций, сборники договоров, деклараций и дипломатической переписки и т. д. Сборники эти весьма полезны для научного работника и для всех тех, кто интересуется взаимоотношениями нашей великой родины с другими державами.

Следует также упомянуть и ряд сборников по международным вопросам, которые являются переводами из иностранных публикаций. Упомянем некоторые из них: «Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам, 1921—1922» (НКВД, 1924); «Германские репарации и доклад комитета экспертов» (издание ГИЗ, 1925), с вводными статьями Ф. А. Ротштейна и Е. Варги и с приложением статьи Дж. Кейнса; «План решения репарационного вопроса — доклады комиссии экспертов под председательством Дауэса и Мак-Кенна» (Издательство «Экономическая жизнь», Москва, 1925); «План Юнга — полный текст плана Юнга» — с предисловием Ф. А. Ротштейна (Гос. финансовое изд-во СССР, 1930); «План Юнга и Гаагская конференция 1929—1930 гг.» с вводной статьей Л. Иванова и А. Ерусалимского, предисловие Е. Варги (Соцэкгиз, 1931); «Репарационный вопрос и военные долги», сборник документов под редакцией А. Ерусалимского и Л. Иванова (изд. Комакадемии, 1933) и др.

Переходя к оригинальным работам советских историков, необходимо отметить интересную книгу чл.-корр. АН СССР Л. Н. Иванова «Морское соперничество империалистических держав» (Соцэкгиз, 1936), посвященную основным проблемам морских вооружений империалистических держав, а также вопросам, связанным с кризисом системы

[1] Программные документы китайских советов, стр. 94.

регулирования этих вооружений, установленной послевоенными морскими договорами».[1]

Автор подробно останавливается на разъяснении проблемы морских вооружений, ее политической сущности, освещает морскую политику Японии, США, Франции и Италии, посвящает отдельные главы англо-германскому морскому соглашению и обострению положения на Средиземном море в связи с итало-абиссинской войной. Последняя глава описывает Лондонскую морскую конференцию 1935/36 г. и ее результаты.

Вышедшая в 1941 г. другая книга того же автора — «Подготовка и первые итоги второй империалистической войны на море» является в некотором отношении как бы продолжением предыдущей работы и ряда статей Иванова, появившихся в нашей прессе.

Она представляет большой интерес как для широкой читающей советской публики, так и для специалиста. В относительно небольшом очерке автор освещает подготовку к войне на море демократических стран и их противников, фашистских агрессоров. Последние две главы работы посвящены ходу войны на море до конца 1940 г. Подробно показана борьба на море в первые восемь месяцев войны, норвежская операция и причины поражения союзников, Дюнкеркская операция и т. д. Подытоживая результаты Дюнкеркской операции, автор совершенно правильно указывает, что войска союзников, эвакуированные в Англию, «были спасены от верной гибели и капитуляции исключительно благодаря господству союзников на море».[2]

В борьбе между английским флотом и превосходящей германской авиацией победа оказалась на стороне Англии. Дюнкерк, по нашему мнению, надо рассматривать как одно из поражений фашистской Германии, результаты которого определятся в ближайшее время. Автор совершенно прав, когда он указывает, что «достигнутый при эвакуации результат нужно все же считать чрезвычайно значительным, учитывая исключительную сложность и трудность обстановки».[3]

Дюнкерк лишний раз доказал действительное значение английского превосходства на море.

Эту книгу было бы весьма желательно продолжить, захватив новые фазы войны на море — борьбу за Атлантику, за господство на Тихом океане и т. д.[4]

Истории послевоенной Германии посвящена работа А. Ерусалимского — «Германия и СССР» (изд. Комакадемии, 1928).

Автор освещает взаимоотношения между Германией и Советской республикой, с одной стороны, Германией и странами Антанты — с другой. Отдельные главы посвящены Брестскому миру, Парижской мирной конференции, борьбе двух ориентаций во внешней политике Германии — западной и восточной и т. д. Особенно интересна глава «Между Западом и Востоком». Она описывает сложные зигзаги внешней политики Германии. Подробно освещена позиция веймарской Германии накануне и во время Локарнской конференции, значение советско-германского торгового договора 1925 г. и берлинского договора о нейтралитете и ненападении.

[1] Иванов Л. Н. Морское соперничество империалистических держав, стр. 3.
[2] Иванов Л. Н. Подготовка и первые итоги второй империалистической войны на море, стр. 139.
[3] Иванов Л. Н. Подготовка и первые итоги второй империалистической войны на море, стр. 140.
[4] Л. Н. Иванову принадлежит еще ряд работ в области международных отношений.

Вопрос о разоружении разбирается в работе Ф. Нотовича — «Разоружение империалистов, Лига наций и СССР» («Московский рабочий», 1929).

Автор дает ценную справку по истории проблемы разоружения, начиная со времен Фридриха Великого и графа Кауница. Справка эта распадается на три части: 1) до Гаагской конференции, 2) от Гааги до империалистической войны, 3) разоружение на мирной конференции, включая разоружение побежденных стран, в особенности Германии.

Нотович приводит интересные данные о состоянии вооружения различных стран и подробно останавливается на последнем этапе разоружения. Основной частью работы автора следует считать ту, в которой он излагает историю борьбы советского правительства за мир и его участие в комиссиях Лиги наций по вопросам разоружения.

Книга З. Липпай «Борьба империалистов в Дунайском бассейне» (Соцэкгиз, 1939) дает серьезный анализ проблем Дунайского бассейна и борьбы империалистических держав на этом участке мировой политики. Автор показывает, что возникшие на развалинах Австро-Венгерской империи придунайские страны в первые годы своего существования очутились в тяжелом экономическом положении. Страны эти начали развивать свою собственную промышленность, но развитие это крайне затруднялось бедностью в капиталах. Они поэтому вынуждены были прибегать к помощи французского и английского капитала. Протекционизм аграрных придунайских стран вызвал ответные мероприятия других промышленных стран Дунайского бассейна и даже привел к ряду таможенных войн.

Автор показывает борьбу империалистических держав за влияние в придунайских странах. Хотя Франция, благодаря системе союзнических договоров, имела большое влияние в Дунайском бассейне, она никогда не играла решающей роли во внешней торговле этих стран. Ее политическое влияние опиралось главным образом на займы французских банков. Мировой экономический кризис привел к еще большему усилению борьбы империалистов за придунайские страны. Позиции Франции были ослаблены. Усиливалось влияние Германии, которая использовала для этой цели свое экономическое превосходство.

Большим достоинством работы является то, что автор подходит к разрешению вопросов дунайской проблемы исторически.

Несмотря на то, что автором слабо освещен национальный вопрос в странах Дунайского бассейна, книга предстазляет значительный интерес для советских читателей.

Итало-абиссинской войне посвящена книга П. Лисовского «Абиссинская авантюра итальянского фашизма» (Соцэкгиз, 1936). Не будучи исследованием, книга эта тем не менее весьма ценна для широкой читающей публики и для советских историков. Автор прослеживает борьбу империалистических держав за Средиземное море и за Абиссинию, освещает итальянские планы экспансии после Версаля, уделяя особое внимание планам Италии в Абиссинии. Во второй главе автор дает социально-экономический очерк Абиссинии, останавливается на внутренней истории страны и показывает Абиссинию как объект борьбы империалистических держав.

Последние три главы посвящены войне. В них излагается не только история войны, но и те международные противоречия, которые имелись накануне и во время войны между Италией и Англией, Италией и Францией. Одновременно автор показывает позицию Германии во время войны, влияние на ход войны, принятие и проведение в жизнь закона

о нейтралитете в США и борьбу СССР против империалистической агрессии.

В последней главе автор также останавливается на итальянской политике в Абиссинии и на внутреннем положении в Италии в связи с войной.

Из работ по истории Коммунистического Интернационала следует отметить статью С. Гопнер «Коммунистический Интернационал», помещенную в 33-м томе Большой советской энциклопедии (стр. 714—824).

Последняя глава посвящена описанию положения в международном рабочем движении в годы непосредственно после VII Конгресса Коминтерна. Оценивая создавшееся положение, автор совершенно правильно пишет: «Вся мировая обстановка после VII Конгресса подтвердила и его указания о том, что борьба против войны не отделима от борьбы против фашизма» (там же, стр. 815).

Хотя работа Гопнер написана в виде сжатого очерка, и автор не имел возможности как следует развернуть ряд важнейших вопросов, тем не менее она весьма обстоятельна и ценна и основана на серьезном изучении документов при большом знании дела.

Заслуживает внимания книга Г. Цонева и А. Владимирова «Сентябрьское восстание в Болгарии в 1923 г.» (Соцэкгиз, 1934). Книга эта основана на изучении документов Болгарской коммунистической партии и, несмотря на некоторые недостатки, является ценным пособием по истории болгарского восстания сентября 1923 г. Авторы кратко излагают историю тесняцкой партии и показывают, что она возникла и развилась «на переломе между так называемым «мирным» периодом развития капитализма и периодом империализма к концу 90-х и началу 900-х годов, т. е. в тот самый исторический момент, когда в России во всеоружии выступил ленинизм как идеология, тактика и организация партии нового типа, единственной последовательной до конца партии пролетариата». [1]

Далее авторы показывают развитие партии тесняков в начале XX в., превращение этой партии в Болгарскую коммунистическую партию.

Фашистскому перевороту в июне 1923 г. посвящена третья глава. Авторы подробно освещают причины, сделавшие возможным переворот Цанкова в Болгарии. Последующие главы подробнейшим образом анализируют Сентябрьское вооруженное восстание, причины его поражения и уроки восстания. При этом авторы попытались, и довольно успешно, воспроизвести возможно полнее картину вооруженного восстания, дать обстоятельный анализ его подготовки как с политической, так и с военной стороны, вскрыть его слабые и сильные стороны и показать причины, приведшие к поражению народных масс Болгарии.

Сентябрьское вооруженное восстание в Болгарии было народным, революционным движением, направленным против фашистской реакции. Оно представляет собой одну из первых попыток создания широкого народного фронта для вооруженной борьбы против фашистской реакции. В своей речи на лейпцигском суде тов. Димитров указал на одну из основных причин поражения Сентябрьского восстания 1923 г. «Я сожалею..., — говорил он, — что я и моя партия еще не являлись тогда **настоящими большевиками**. Поэтому мы не могли успешно организовать и провести это **историческое** народное восстание с пролетариатом во главе...» [2]

---

[1] **Цонев Г.** и **Владимиров А.** Сентябрьское восстание в Болгарии в 1923 г., стр. 3—4.

[2] **Димитров.** Перед фашистским судом. Партиздат, 1936, стр. 79.

История Японии также привлекала к себе внимание советских историков. Отметим работы К. Попова «Экономика Японии», Ш. Лифа «Война и экономика Японии» (Политиздат, 1940) и Е. Жукова «История Японии». Краткий очерк (Соцэкгиз, 1939).

В последней работе новейшей истории посвящены последние две главы — девятая и десятая. Девятая глава охватывает период с 1918 г. по 1929 г., т. е. до мирового экономического кризиса. Автор уделяет внимание следующим вопросам: рисовым бунтам 1918 г., интервенции на Дальнем Востоке, организации Коммунистической партии Японии и ее деятельности, Вашингтонской конференции и т. д. Кроме того, автор останавливается на меморандуме Танака и на планах японской военщины.

Десятая глава посвящена новому этапу японской агрессии. Здесь подробно освещены такие важные события, как захват Манчжурии, борьба за Шанхай (1932), планы японских империалистов в пяти северных провинциях Китая, новый этап войны Японии против китайского народа, начавшийся в 1937 г.

Подробно освещена внутренняя и внешняя политика японских кабинетов за этот период и политика по отношению к Советскому Союзу. Книга Жукова является ценным пособием.

Книга К. Попова «Экономика Японии» (Соцэкгиз, 1936) состоит из введения и пяти частей. Введение посвящено основным этапам капиталистического развития Японии. Автор коротко останавливается на первом этапе капиталистического развития (1868—1893 гг.), на периоде вступления Японии в борьбу империалистов на Дальнем Востоке, индустриализации Японии, на периоде первой мировой войны и на послевоенной экономике Японии до 1936 г. В первой части работы автор подробнейшим образом характеризует естественные ресурсы Японии. Вторая часть посвящена экономической структуре Японии. Здесь автор подробно описывает отдельные отрасли промышленности, пути сообщения и транспорт, аграрные отношения и уделяет внимание процессам концентрации, а также возникновению и развитию монополии в Японии. Третья часть работы описывает экономические районы Китая. Пятая часть показывает место Японии в мировом хозяйстве. Помимо этого автор уделяет не малое внимание анализу социально-экономических условий как в самой Японии, так и в ее колониях и империалистической экспансии Японии.

Работа Ш. Лифа «Война и экономика Японии» отвечает на ряд интересных вопросов. Прежде всего автор разъясняет причины высоких темпов роста промышленности Японии. Он показывает, что основным источником накопления капитала в Японии является высокая норма прибавочной стоимости. Она является результатом высокого уровня эксплоатации трудящихся масс, нищеты рабочих и трудящихся крестьян, эксплоатации женщин и детей. Следует отметить и другие источники быстрого накопления капиталов. К ним относятся эксплоатация колоний, войны и контрибуции, протекционизм и др. Книга дает анализ военной экономики Японии, характеризует сельское хозяйство, внешнюю торговлю и финансовое положение Японии в условиях войны. Большой интерес представляют главы, описывающие государственный капитализм, регулирование промышленности, положение рабочего класса и отношение народных масс к войне. Отдельная глава посвящена роли Манчжурии в системе империализма. Автор дает ценные данные об инвестициях в Манчжурии, о роли Южно-Манчжурской железной дороги и т. д. Книга Лифа, несмотря на некоторые дефекты (неточности, местами отсутствие обобщений), заслуживает положительной оценки.

Следует упомянуть и книгу Г. Рейхберга «Японская интервенция на Дальнем Востоке». Краткий очерк (Соцэкгиз, 1935).

Японская интервенция была самой продолжительной. Япония послала в Советскую республику больше солдат, чем другие страны, участвовавшие в интервенции. Она захватила огромные территории и была последней страной, очистившей советскую землю. Автор подробно описывает методы и цели японской интервенции. Он показывает, что Япония начала осуществлять свои интервенционистские планы еще до Октябрьской революции. Преследуя свои самостоятельные цели в интервенции, Япония часто действовала вразрез с политикой других держав. Свою захватническую политику она продолжала и после падения Колчака и эвакуации союзников. И только в 1922 г., в результате победоносной борьбы Красной Армии и партизан и острого внутриполитического положения в самой стране, японское правительство вынуждено было эвакуировать Дальний Восток.

Книга Рейхберга содержит очень ценный материал, основана на изучении источников, написана легким, доступным языком и несомненно полезна и для специалиста, и для массового читателя.

Нельзя не отметить ряда кандидатских и докторских диссертаций, защищенных за последнее время в высших учебных заведениях, в Институте истории АН СССР и в Институте мирового хозяйства и мировой политики и являющихся результатом длительной и серьезной научно-исследовательской работы в области новейшей истории.

Докторская диссертация Е. М. Жукова «История японской военщины», основанная на изучении разнообразных и многочисленных источников на японском языке, анализирует историю возникновения японской военщины и ее роль в системе японского империализма, а также содержит, что очень ценно, подробные характеристики видных деятелей японской военщины: Ямагата, Кацура, Ямамото, Того и др. и подробно освещает путь молодого офицерства.

Заслуживает внимания также докторская диссертация Лемина «Внешняя политика Англии от Версаля до Локарно». Работа эта основана на изучении документов, прессы и других источников по внешней политике Англии и других стран. Она является первой большой работой, в которой дан марксистско-ленинский анализ большого конкретного материала по истории внешней политики Англии от Парижской до Локарнской конференции.

Парижской мирной конференции посвящена кандидатская диссертация А. В. Гиршфельда «Версаль». Она вскрывает цели, которые преследовали участники конференции, и дает характеристику основных действующих лиц и стиль их дипломатической работы.

Автор использовал американские, английские, немецкие, итальянские источники (документы, монографии, мемуары и т. п.). Кроме того, в виде приложения даны в работе не опубликованные на русском языке документы.

Национальному освободительному движению чехов и словаков в годы первой мировой войны посвящена кандидатская диссертация В. В. Когаута, исследующая целый комплекс вопросов из новейшей истории чехов и словаков (влияние Октябрьской революции на национально-освободительное движение в Австро-Венгрии, роль Массарика и Бенеша и т. д.).

Кандидатская диссертация С. Ленчнер является исследованием основных вопросов Ноябрьской революции в Германии. Ленчнер впервые уделяет внимание до сих пор недостаточно изученной проблеме — роли крестьянства в революции и крестьянским советам.

Работа основана на изучении документальных материалов, прессы и архивных материалов, хранящихся з Музее революции.

В заключение автор останавливается на вопросе о характере и движущих силах Ноябрьской революции и совершенно правильно указывает, что «германские народные массы не только совершили Ноябрьскую революцию, но и наложили на нее свой отпечаток, вызвав к жизни Советы в Германии и побудив «социалистическое» правительство рядиться в тогу Совета народных уполномоченных. Все это показывает, что Ноябрьская революция была революцией народной, буржуазно-демократической. Определение «Кратким курсом истории ВКП(б)» Ноябрьской революции как революции буржуазной указывает на ее классовую сущность, противопоставляет ее революции пролетарской, но не исключает того, что эта революция была в то же время одной из форм буржуазной революции — революцией буржуазно-демократической».[1]

Кандидатская диссертация Е. Д. Андич «Революция 1918—1919 гг. в Венгрии» написана на основе мало известных материалов, архивных источников, имеющихся в ИМЭЛ и Музее революции, и наиболее важных венгерских печатных органов исследуемого периода. Автор останавливается на условиях, приведших к победе пролетарской диктатуры, и разоблачает деятельность и маневры венгерской социал-демократии. В работе освещена диктатура пролетариата в Венгрии, социально-экономические и культурные мероприятия диктатуры, крестьянский вопрос, борьба с внутренней контрреволюцией и интервенцией и причины падения советской власти.

На тему «Франция в 1919—1924 гг.» была защищена диссертация на степень кандидата исторических наук А. Гуральским (МГУ). На основании изучения обширного материала автор подвергает анализу новые явления во французской экономике. Подробно освещена как внутренняя, так и внешняя политика Франции за эти годы.

Второму рабочему правительству Англии (1929—1931 гг.) была посвящена кандидатская диссертация Полтавского (ИФЛИ). Работа эта основана на серьезном изучении первоисточников и подробнейшим образом освещает как внутреннюю, так и внешнюю политику рабочего правительства.

* * *

Институт истории АН СССР за последние годы начал подготовку к печати сводной работы по новейшей истории, истории Запада и Востока за период 1918—1923 гг. Работа эта охватывает годы революционного подъема после Великой Октябрьской социалистической революции и первой мировой войны (1918—1923). Значительная часть работы уже готова.

Необходимо в ближайшие годы не только закончить и издать эти два тома, но сделать все возможное для того, чтобы написать и выпустить в свет последующие томы «Всемирной истории», посвященные новейшей истории.

Одновременно необходимо на основе уже проделанной работы закончить и выпустить в свет учебники для вузов и средней школы по новейшей истории.

Появление хотя бы первых томов «Всемирной истории» и учебников в значительной степени облегчит работу по новейшей истории в высших учебных заведениях, где ощущается острая нужда в этих

[1] Ленчнер С. Ноябрьская революция в Германии, стр. 297.

работах. Оно будет стимулировать молодых научных работников смелее браться за тематику, связанную с изучением современных проблем.

Подводя итоги достигнутому в области истории новейшего времени, мы должны констатировать, что до настоящего времени советскими историками еще не разрешен ряд важнейших проблем современности. Перед Институтом истории АН СССР и перед кафедрами наших руководящих вузов стоят две неотложные задачи: 1) подготовить группу квалифицированных специалистов-исследователей по истории новейшего времени, — для этой цели необходимо в ближайшее время создать в ряде вузов специальные кафедры по новейшей истории, и 2) обеспечить в ближайшие годы изучение наиболее актуальных проблем по истории новейшего времени.

Создание научной работы, показывающей причины возникновения ненавистного всему человечеству фашизма и разоблачающей его внутреннюю политику, его дипломатию грабежа и насилия, его военно-хищнические методы, его планы истребления целых народов и так называемый «новый порядок в Европе», является неотложной задачей. Одновременно необходимо заняться подготовкой ряда исследований по вопросам национально-освободительной борьбы европейских народов — французов, поляков, чехов, сербов, греков, норвежцев, бельгийцев и других, направленной против фашистского режима. Большое внимание должно быть уделено изучению истории взаимоотношений этих держав с Советским Союзом, освещению традиционной дружбы народов демократических стран и т. д. Не менее важно создание ряда серьезных работ по международным отношениям, по проблемам Тихого океана и по внешней политике отдельных стран Запада и Востока.

Не менее ответственной задачей для наших историков является собирание и издание документов второй мировой войны как предпосылка для будущих исследований по вопросам этой войны.

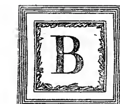
Разгром гитлеровского фашизма и упрочение связей СССР с демократическими странами откроют перед нашими историками огромные возможности для развертывания работы и разрешения основных задач по истории новейшего времени.

Проф. А. А. ГУБЕР

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СТРАН ВОСТОКА В СССР ЗА 25 ЛЕТ

стране, на практике ликвидировавшей колониальное угнетение, впервые стало мыслимым и изучение колониального мира, принципиально отличное от прежнего востоковедения.

Методологические основы для построения новой исторической дисциплины были даны в трудах основоположников марксизма и гениальных их преемников — Ленина и Сталина.

Нельзя не подчеркнуть громадной роли в деле развития марксистского востоковедения не только теоретических трудов Маркса и Энгельса, но и их конкретных исследований, оценок и высказываний, относящихся к Востоку. Достаточно вспомнить гениальные марксовы письма об Индии, дающие в сжатом виде исторический процесс превращения Индии в английскую колонию, высказывания Маркса и Энгельса о сипайском восстании, являющиеся путеводной нитью при изучении этого важнейшего момента в истории Индии XIX в., работы Маркса и Энгельса, посвященные опиумным войнам, Тайпинскому движению, и статьи и письма, относящиеся к Восточному вопросу и Османской империи, и т. д.

Великие продолжатели дела Маркса и Энгельса — Ленин и Сталин дали теоретическое оружие для создания истории колониальных и зависимых стран. Их конкретные работы и оценки происходивших в странах Востока процессов в свою очередь обеспечили правильное понимание колониальной истории.

Без ленинской постановки вопроса о «пробуждении Азии», сталинских работ о значении Октябрьской социалистической революции для Востока, ленинской и сталинской постановки национально-колониального вопроса в исторических условиях довоенного и послевоенного империализма, без гениального ленинского анализа буржуазных революций в Китае, Турции, Иране в начале XX в., тезисов Ленина по национально-колониальному вопросу, без сталинской классификации типов колониальных и зависимых стран, высказываний Сталина о китайской революции 1925—1927 гг., вооружавших на борьбу с враждебными и контрреволюционными теорийками в этой области, — без всех этих работ и многих других, которые мы не имеем возможности перечислить, марксистская история колониальных и зависимых стран не могла бы быть созданной.

Изучение нового Востока, принципиально отличное от прежнего буржуазного востоковедения, развивалось в течение всех 25 лет, прошедших после Октябрьской социалистической революции, под непо-

средственным руководством нашей партии. Создание советского востоковедения трудами научно-исследовательских и учебных учреждений (Всероссийской ассоциации востоковедения, Московского и Ленинградского институтов живых восточных языков, Коммунистического университета трудящихся Востока и др.), образование в системе Академии Наук, на базе Азиатского музея, Института востоковедения, основание первых, посвященных национальным и колониальным проблемам органов («Жизнь национальностей», «Новый Восток» и др.) осуществлялись под непосредственным руководством Ленина и Сталина. Развитие истории стран Востока за истекшие 25 лет трудно отделить от развития советского востоковедения в целом. Данная статья ограничивается попыткой подвести некоторые итоги успехов в области изучения истории Востока, не затрагивая достижений советской науки в области изучения экономики, культуры и искусства.

Первые шаги советского изучения истории Востока были неразрывно связаны с принципиальной позицией советской власти в отношении стран Востока, с отказом от захватнической колониальной политики царизма и разоблачением империалистических целей и планов великих держав. Эти новые принципы были ярко выражены уже в Декларации прав народов России 15 ноября 1917 г., в обращении к трудящимся-мусульманам, в обращении и нотах Советского правительства к Китаю, Ирану и другим странам Востока. Это новое принципиальное отношение к колониальному и полуколониальному Востоку определило и характер его изучения.

Этим новым принципам соответствовали и первые публикации документов, связанных с политикой царского правительства и других империалистических государств. Уже первые сборники секретных документов[1] содержали много интересных материалов, непосредственно относившихся к восточным странам (Турции и Балканскому полуострову, Ирану, Японии, Сиаму и др.). Не меньший интерес представляли и публикации донесений русского генерального консула в Индии в период первой мировой войны — Набокова.[2]

Не входя в оценку этих публикаций, в том числе монументального, многотомного издания, пользующегося достаточной известностью и признанием, — «Международные отношения в эпоху империализма», отметим исключительную его научную ценность для изучения истории стран Востока.[3]

Большую помощь изучению истории колониальных и зависимых стран принесли публикации договоров и соглашений — как официальные издания и сборники НКИД действующих договоров Советской страны с иностранными государствами, так и тематические издания.[4]

Отдельным важнейшим конференциям и соглашениям были также посвящены специальные публикации. Из публикаций этого порядка, относящихся к проблемам новейшей истории Востока, укажем «Севр и Лозанна» и «Вашингтонская конференция».[5]

[1] «Сборник секретных документов из архива б. Мин. иностр. дел», изд. Наркоминдела. Отв. ред. Н. Маркин. Всего в период с декабря 1917 г. по февраль 1918 г. вышло 7 сборников.

[2] «Синяя Книга». М. 1919.

[3] О публикациях см. статью проф. А. В. Ефимова.

[4] «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», чч. I—II, М. 1925. «Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1824—1825)». М. 1922. «Международные договоры и акты нового времени». М.— 1925.

[5] «Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам». Полный перевод всех связанных с конференцией

* * *

Заметной вехой на пути марксистского изучения истории Востока явилось образование Всероссийской научной ассоциации востоковедения, приступившей к своей работе в январе 1922 г. В первое время она находилась при Наркомнаце, работу которого возглавлял товарищ Сталин. Ассоциация должна была стать центром марксистского изучения Востока, объединить все общества и организации по изучению проблем Востока.

В царской России изучение Востока развивалось в исключительно тяжелых и неблагоприятных условиях. Русским ученым и в этой области приходилось бороться с официальной рутиной и косностью.

Тем не менее, русская наука, особенно в течение XIX и XX вв., выдвинула целый ряд блестящих востоковедных имен, оставивших яркий след в мировой науке. Достаточно отметить таких крупных ученых, как заложивших основы русской востоковедной науки о Ближнем Востоке Сенковского, Казем-Бека, Жуковского, Н. И. Веселовского, оригинального русского синолога В. Н. Васильева, участника первой экспедиции Пржевальского — Позднеева, санскритолога и индоведа Минаева, первого русского, совершившего поездку в Индию с научными целями.

В силу сложившейся традиции русское востоковедение, как и буржуазное востоковедение в целом, главным образом имело филологический уклон. Тщательное изучение восточных языков, древней и средневековой литературы, идеологии (в самом широком смысле) составляло основное содержание работ русских ученых. Бо́льшая часть дореволюционных исторических работ по Востоку в значительной мере являлась результатом исследования культуры и литературных памятников древнего Востока и восточного средневековья. Лишь отдельные ученые сочетали изучение этих периодов с живым интересом к современности.

К моменту Октябрьской социалистической революции русская востоковедная мысль была представлена рядом крупных имен. Но, говоря об исторических работах, в первую очередь нужно упомянуть крупнейшего исследователя истории Ирана и Средней Азии, глубокого знатока мусульманского мира, — акад. В. В. Бартольда, работы которого («Туркестан в эпоху монгольского нашествия», чч. I и II, 1898—1900; «Историко-географический обзор Ирана», Спб. 1903, 1913, и ряд ценнейших, всегда основанных на первоисточниках статей и исследований) стяжали ему мировую известность.

Среди московских востоковедов, связанных главным образом с Лазаревским институтом, работал, помимо изучения языка и литературы, над вопросами османской истории В. А. Гордлевский.

Целый ряд крупнейших русских ориенталистов принял участие в работах вновь возникшего марксистского центра востоковедения. В первую очередь это относится к В. В. Бартольду, к Н. Я. Марру, И. Ю. Крачковскому, С. Ф. Ольденбургу, В. А. Гордлевскому.

Однако со стороны некоторых крупных ученых старшего поколения в первое время существовало и недоброжелательное, недоверчивое отношение к новым принципам изучения Востока. Сложный процесс идеологической и политической перестройки представителей дореволюционной интеллигенции сказывался и на востоковедном фронте.

договоров и соглашений и ряда связанных с ней докладов и документов. Вступит. статья Л. Е. Берлина. Литиздат. НКИД. М. 1924.

Перед советскими историками-востоковедами стояла задача создать марксистскую историю стран Востока. Вместе с тем события бурных лет после первой мировой войны требовали немедленного ответа на выдвинутые жизнью вопросы современности, анализа насыщенных процессов новейшей истории колониальных стран и послевоенной колониальной политики держав. В этих условиях не всегда имелась возможность для длительного и кропотливого исследования. Кроме того, новые кадры марксистских исследователей Востока далеко еще не обладали необходимой для глубокого изучения процессов истории Востока предпосылкой — знанием восточных языков, которыми в таком совершенстве владели представители дореволюционного русского востоковедения.

Не удивительно, что большое количество работ этого периода носило скорее характер публицистических произведений, нежели исторических исследований. Из довольно многочисленных работ этого периода отметим в первую очередь ценные работы председателя Ассоциации востоковедения М. Павловича, еще в дореволюционное время много внимания уделявшего колониальной политике империализма. Такие его работы, как «Империализм и борьба за Азию и Африку», «Борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего», не только ставили политически проблемы борьбы за колонии в эпоху империализма, но и давали историю этой борьбы. Главы Павловича в книге «Персия в борьбе за независимость», и в частности главы, посвященные революции 1905—1911 гг., представляли ценность как первый марксистский очерк предвоенной истории Ирана.

Среди ряда других работ этого периода нельзя не отметить статей и отдельных книг В. А. Гурко-Кряжина,[1] посвященных истории Турции и Ирана и борьбе великих держав за эти страны, хотя и не лишенных, как известно, значительных недостатков.

По новейшей истории Китая ценными были работы А. А. Ивина и Г. Н. Войтинского.[2]

Несмотря на указанные недостатки первых работ, деятельность Всесоюзной научной ассоциации востоковедения (ВНАВ) и журнала «Новый Восток» сыграла свою положительную роль, заложив первые основы систематического марксистского изучения Востока и колоний.

В виде естественной реакции на прежнюю недооценку изучения социально-экономических проблем восточных стран (аграрного вопроса, классовой структуры, рабочего движения и т. д.), в работах молодых советских востоковедов эти вопросы занимали долгое время главное место. Помимо бесчисленных экономических статей конъюнктурного характера появляется целый ряд отдельных исследовательских работ по странам Востока и тематических сборников, посвященных социально-экономическим проблемам Востока.[3] Способствуя выяснению экономики и классовой структуры, большинство этих работ не были историческими работами. Изучение конкретной гражданской истории заслонялось зачастую социологическим анализом, не всегда подкрепленным конкретным историческим материалом.

---

[1] Гурко-Кряжин В. А. Краткая история Персии. М. 1925. «История революции в Турции». М. 1923.

[2] Войтинский Г. Н. Что происходит в Китае. Ивин А. А. Письма из Китая. М. 1926.

[3] См., например, Рейснер И. М., Афганистан; его же. Очерки классовой борьбы в Индии; Губер А. А., Индонезия. Из тематических сборников несомненную ценность представляли издания Международного аграрного института — МАИ как по сельскому хозяйству, так и по аграрному вопросу в странах Востока.

Это относится и к таким представляющим несомненную ценность работам, как «Очерки классовой борьбы в Индии» И. М. Рейснера.

Как в монографических работах, так и в изучении современного Востока в вузах на известный период устанавливается принцип «страноведения».

Однако уже в этот период марксистская историческая наука разрабатывала целый ряд вопросов истории Востока. Впервые предметом научного исследования становится история рабочего движения и борьбы рабочего класса в Китае, Японии, Индии, Турции (статьи в центральных и специальных востоковедных журналах и работы Алимова, Войтинского, Геллера, Хаяма). Советским востоковедам принадлежат и первые исследования общественного движения в послевоенном Китае (работы Войтинского, Ивина).

В то время как в возникавших новых советских востоковедных учреждениях, главным образом в Москве, делало первые шаги марксистское изучение современного Востока и появлялись первые, хотя и далеко не совершенные работы по новой истории колониальных и зависимых стран, Ленинград оставался центром, где продолжались старые традиции русского востоковедения.

Отражением работ ленинградских востоковедов являлись «Записки Коллегии востоковедов» при Азиатском музее Академии Наук. Коллегия возникла в 1921 г. под председательством В. В. Бартольда. Ее «Записки» стали как бы продолжением «Записок Восточного отдела Российского археологического общества» (в качестве первого тома «Записок Коллегии востоковедов» был выпущен подготовленный Восточным отделом XXVI том) и в значительной мере сохранили прежний характер. Меньше всего в них находили отражение бурные процессы современности. Подавляющее количество напечатанных в «Записках Коллегии востоковедов» исследований было посвящено восточным языкам, литературе и эпиграфике, древней истории (в первую очередь Египту). Вновь возобновленные в 1918 г. «Азиатские сборники» («Mélanges Asiatiques») объединяли напечатанный в различных академических изданиях востоковедный материал.

Отдавая должное чрезвычайно ценным работам ленинградских востоковедов, объединенных вокруг «Коллегии», нельзя все же не согласиться с оценкой «Записок Коллегии востоковедов», данной акад. В. П. Волгиным, отметившим отсутствие у Коллегии плана работ и какого-либо методологического единства «Записок».[1] Вместе с преобразованием Азиатского музея в Институт востоковедения Академии Наук, призванный объединить всю востоковедную работу Академии, прекратила свое существование и Коллегия востоковедов, а ее «Записки» уступили место издаваемым ИВАН трудам.

Востоковеды Ленинграда уделяли в этот период мало внимания актуальным проблемам. Из работ старшего поколения востоковедов лишь немногие по своей тематике входят в круг рассмотрения этой статьи.

Нельзя не упомянуть в первую очередь целый ряд ценных работ В. В. Бартольда, созданных им в этот период его научной деятельности. Его «Исторический обзор Ирана»,[2] написанный с обычной для В. В. сжатостью и насыщенностью материала, напечатанные по стенографическим записям его лекции, читанные в Азербайджанском государственном университете,[3] представляют собой широкую обобщенную картину

[1] Предисловие к V и последнему тому «Записок Коллегии востоковедов.» Л. 1933.
[2] Ташкент 1926.
[3] Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку 1925.

исторических судеб прикаспийских областей в связи с историей Ирана и Турции. Прекрасным учебным пособием является его краткий очерк мусульманских стран, рассчитанный на студентов-историков и являющийся как бы введением в изучение восточного средневековья.[1] Большую ценность представляют отдельные исследования, посвященные Улуг-беку и его времени. Нельзя не отметить и доклад В. В. Бартольда, посвященный проблемам феодальных отношений на Среднем Востоке, прочитанный им в ВНАВ и напечатанный на страницах «Нового Востока».

Из работ крупнейшего монголоведа Б. Я. Владимирцева нельзя не упомянуть его книгу «Чингисхан»,[2] основанную на тщательном использовании обширного материала монгольских и китайских источников и являющуюся, несмотря на популярный характер изложения, лучшей монографией о великом завоевателе. Большую научную и теоретическую ценность представляет его капитальный посмертный труд, анализирующий социальный строй монголов и устанавливающий особенности феодальных отношений при кочевом укладе монголов.[3]

История Китая в этот период в трудах старшего поколения китаеведов была представлена главным образом Н. В. Кюнером.[4] Работы проф. Кюнера, особенно последняя, страдают рядом ошибочных положений и очень существенных методологических недостатков. Вызывает недоумение и принятая автором периодизация.

* * *

Для дальнейшего развития истории Востока большое значение имело систематическое описание богатых фондов восточных рукописей, в первую очередь ленинградских. Не говоря уже о рукописных фондах Азиатского музея Академии Наук, обширные коллекции имелись в Ленинградской публичной библиотеке, в университете и др. Имелись ценные и обширные рукописные собрания в старом центре русского востоковедения — Казани и в других городах. Однако эти богатейшие сокровища до революции были крайне плохо учтены и каталогизированы. В большинстве собраний имелись лишь краткие их списки. Инициативу описи и выявления научной ценности этих часто уникальных рукописей взяли на себя крупнейшие ученые. Акад. И. Ю. Крачковским был описан ряд собраний арабских рукописей (собрание рукописей Антиохийского патриарха Григория IV, собрание Гиргаса и др., не говоря уже об отдельных рукописях). Не прошел мимо этой работы и В. В. Бартольд, ознакомившийся в результате специальной командировки в Среднюю Азию с состоянием ташкентской библиотеки и ее рукописного фонда, с регистрацией и охраной частных рукописных собраний и т. д.[5] Проводилась работа и на местах. Ценная работа в Казани по выявлению почти 600 арабских рукописей Центральной восточной библиотеки была выполнена А. И. Хури. Списки его были просмотрены Крачковским, отметившим огромное значение некоторых

---

[1] Бартольд В. В. Мусульманский мир. Введение в науку. История, вып. 22. Петербург 1922.

[2] Владимирцев Б. Я. Чингисхан. Изд. Гржебина, 1922.

[3] «Общественный строй монголов». Монгольский кочевой феодализм. М.—Л. 1934.

[4] Кюнер Н. В. Лекции по истории древнего Востока. 1919. Лекции по истории развития главнейших основ китайской материальной и духовной культуры. Владивосток 1921. Очерки новейшей политической истории Китая. Хабаровск — Владивосток 1927.

[5] См. Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан. Изв. АН СССР, 1921, сер. XI, т. XV.

рукописей.[1] Специально командированным в Казань А. А. Петровым были описаны рукописи по китаеведению и монголоведению. А. А. Семеновым был составлен «Каталог рукописей исторического отдела Бухарской центральной библиотеки» (Ташкент 1925). По заданию Крачковского было составлено А. Ковалевским описание восточных рукописей Харьковского университета.

Большое внимание выявлению рукописного фонда, а также делу библиографирования и комплектования наших библиотек по Востоку уделял С. Ф. Ольденбург. Он был инициатором издания Институтом востоковедения Академии Наук «Библиографии Востока» и редактором первого ее выпуска.

В «Библиографии Востока» рукописным собраниям и архивам уделялось большое внимание. Здесь, помимо отмеченных уже работ по описанию рукописей, были помещены ценные описи древних рукописей на китайском языке из собраний Института востоковедения Академии Наук К. К. Флуга,[2] каталог книг по истории на турецком языке А. Тверетиновой и др.

Мы не можем здесь останавливаться на текущей библиографии и рецензировании книг по Востоку, несмотря на все значение этого дела для истории стран Востока и на то, что многие рецензии (Крачковского, Бартольда, Алексеева и др.) по существу представляли собой ценные исследовательские работы. Отметим лишь некоторые крупные сводные работы, появление которых облегчало использование имеющейся литературы. Опубликованная Научной ассоциацией востоковедения критическая «Библиография Востока» (Москва 1928) охватывала аннотациями книги и журнальные статьи, вышедшие на русском языке за период с Октябрьской социалистической революции до 1925 г. включительно и в приложении имела краткий список книг и журнальных статей за 1926 и первую половину 1927 г. В дальнейшем предполагалось систематическое продолжение «библиографии», к сожалению не осуществившееся.

Не малое значение для изучения истории сопредельных с Советским Союзом стран имела довольно широко поставленная в различных научных учреждениях столиц и на местах библиография Средней Азии,[3] в частности «Библиография Средней Азии», составленная Н. Я. Ваткинд.

Отмечая незначительный интерес крупнейших наших востоковедов к проблемам новой истории Востока, мы должны притти к выводу, что и вопросы истории восточного средневековья в этот период отступали на второй план перед изучением литературы, философии и религии.

Недостаточное овладение мощным оружием марксистской методологии, которую попрежнему не желали принимать многие представители старого востоковедения, отражалось отрицательным образом на востоковедной работе академических центров даже после того, как был создан Институт востоковедения Академии Наук.

Разрешение целого ряда важных проблем методологического порядка, с которым неизбежно сталкивалось создание марксистской

[1] Крачковский И. Ю. Собрание арабских рукописей в Казани (Докл. Росс. Акад. Наук., 1924, окт. — дек.).

[2] Краткая опись древних буддийских рукописей на китайском языке. Библиография Востока, вып. 9. Краткий обзор небуддийской части рукописей фондов Инст. востоковед. АН СССР. Библиография Востока, вып. 7.

[3] Об этом см. Биснек А. Г. и Шафрановский К. И. Библиография библиографий Средней Азии. Приложение к «Библиографии Востока», вып. 8—9. Л. 1936.

истории стран Востока, также шло без участия старшего поколения востоковедов, за исключением некоторых специалистов по истории древнего Востока, в первую очередь акад. В. В. Струве.

В качестве одной из таких проблем необходимо упомянуть проблему особенностей восточного феодализма и связанную с этим дискуссию о так называемом азиатском способе производства, поставленную на очередь в связи с необычайно возросшим интересом к проблемам истории Китая, вызванным Китайской революцией 1925—1927 гг. Дискуссия эта приобрела тем бо́льшую важность, что среди сторонников азиатского способа производства было не мало псевдоученых, пытавшихся прикрыть этой теорией политически вредные оценки современных процессов в колониальных и полуколониальных странах. Дискуссия помогла разоблачить истинный характер этих теорий.

* * *

Новый этап в развитии истории стран Востока ознаменовался постановлением партии и правительства от 16 мая 1934 г. о преподавании гражданской истории. Поставленная перед советскими вузами задача подготовки кадров специалистов-преподавателей новой истории колониальных и зависимых стран вызвала к жизни сперва в крупнейших вузах Союза, а затем и в педагогических институтах столичных и областных центров общий курс новой истории колониальных и зависимых стран. В связи с вузовскими курсами и организацией специальных кафедр самый характер изучения стран Востока изменился. Впервые в полном объеме было приступлено к марксистской разработке в хронологической последовательности хода гражданской истории восточных стран и выявлению общих закономерностей исторического развития колониального мира.

Уже первые курсы новой истории колониальных и зависимых стран, читавшиеся в ЛГУ, МГУ, ИФЛИ, несмотря на существенные их недостатки, были попыткой изучить, в рамках принятой периодизации, внутренние и внешние причины, приведшие к постепенному превращению стран Востока в колониальные или зависимые страны; выявить соперничество крупнейших европейских держав на Востоке в различные периоды новой истории, вскрыть предпосылки для зарождения и развития национального движения, конкретные условия, приведшие к превращению ряда ранее полуколониальных стран в независимые (Турция, Иран, Афганистан и др.). Первые общие курсы охватывали лишь важнейшие страны Востока (Турцию, Иран, Индию, Китай), но стремились выявить общие закономерности новой и новейшей истории колониальных и зависимых стран в целом.

Отдельные недостатки и пробелы первых курсов по новой истории колониальных и зависимых стран стали предметом обсуждений и дискуссий. Эти обсуждения послужили толчком для дальнейшей, более углубленной разработки вопросов. Этому в большой мере способствовало и создание, на ряду со специальными кафедрами, в крупнейших университетах и ИФЛИ сектора новой истории Востока при Институте истории АН СССР. Была создана база для объединения востоковедных сил, работавших в первую очередь в области новой истории Востока, и для коллективной разработки важнейших проблем.

Образование сектора в составе Института истории, естественно, привело к известному размежеванию работы между ним и Институтом востоковедения АН, где главным образом сосредоточилось изучение древней и средневековой истории Востока. Это разграничение функ-

ций сказалось и в подготовке вузовских учебников, и в деле участия в капитальной многотомной «Всемирной истории» по разделам Востока. В то время как томы, посвященные древнему и средневековому периодам, подготовлялись и редактировались ИВАН, новая и новейшая история разрабатывались сектором истории колониальных и зависимых стран Института истории.

Первые же годы введения новой дисциплины в вузах и специализации в этой области студентов-историков наглядно показали не только крайний недостаток необходимых пособий по курсу, но и недостаточную разработку целого ряда общих проблем.

Создание учебников для вузов и средней школы приобретало неотложный характер. Подготовку учебника для вузов взял на себя сектор истории колониальных и зависимых стран Института истории АН СССР. Коллектив сектора, вместе с рядом специалистов Москвы и Ленинграда, проделал большую работу по созданию учебника.

Выход в свет первого тома учебника в 1940 г.[1] явился событием в изучении новой истории Востока. Учебник, несмотря на некоторые недостатки, стал не только первым марксистским обобщением истории колониальных и зависимых стран, но и первым учебником в этой области в мировой исторической литературе. Нельзя не отметить, что первый том его был переведен на китайский язык и издан в независимом Китае.

Не меньшую сложность представляет и работа над вторым томом учебника (1918—1942 гг.). Второй том посвящен новейшей истории стран Востока. Он анализирует последствия первой мировой войны для стран Востока и влияние Великой Октябрьской социалистической революции на колониальный и полуколониальный мир. Большое внимание уделяется историческим условиям и конкретной истории превращения ранее полуколониальных стран в независимые и роли колониального мира в борьбе против фашистской агрессии.

Постановление партии и правительства 1934 г. явилось мощным толчком для углубленной проработки истории отдельных стран Востока. За последние годы советские востоковеды дали новые интересные монографии, статьи и исследования по отдельным странам Востока: по Китаю — работы китаеведа проф. Кара-Мурза,[2] по истории Китая XIX в. — труды ленинградского китаеведа доц. Л. И. Думана,[3] по новой и новейшей истории Китая — проф. Г. Н. Войтинского[4], по Японии — Е. М. Жукова.

Новая история Индии, Турции и других стран Востока не была отражена в крупных монографиях, но следует сказать, что в выпущенной Соцэкгизом серии «Капиталистические страны» — в работах «Индия» Пронина, «Япония» Хаяма, «Филиппины» Губера и «Турция» Мельника — разделы истории представляют собой уже хронологически изложенные сжатые очерки, построенные на большом материале.

Нельзя не отметить участия историков-востоковедов в капитальной многотомной «Всемирной истории», издания Академии Наук СССР.

[1] «Новая история колониальных и зависимых стран», т. I, под ред. С. Н. Ростовского, И. М. Рейснера, Г. С. Кара-Мурза, Б. К. Рубцова.

[2] «Новая история Китая», ч. I. Курс, прочитанный в Московском институте востоковедения. Стеклогр. изд. Инст. востоковед. Москва. «Тайпины», Госполитиздат, 1941.

[3] Думан Л. И. Очерки по древней истории Китая (литогр. изд. Ленингр. вост. инст., 1938). Новая история Китая (лекция, читанная в ЛГУ), литогр. изд. ЛГУ, 1938.

[4] Войтинский Г. Н. КВЖД и политика империалистов в Китае; оккупация Манчжурии и борьба китайского народа. М. 1937.

Сектором истории колониальных и зависимых стран Института истории АН СССР при участии ряда привлеченных специалистов Москвы и Ленинграда были подготовлены разделы по истории Востока для томов, посвященных периоду первой мировой войны, предвоенным годам и пр. При участии московских специалистов ленинградский ИВАН подготовил томы по средневековой истории стран Востока.

Целый ряд интересных работ по истории колониальных и зависимых стран явился результатом подготовки кадров историков Востока в созданных при вузах и научно-исследовательских институтах аспирантурах. Многие работы, представленные окончившими аспирантуру на соискание степени кандидата исторических наук, представляют ценный вклад в советскую историческую науку. Отметим работы ленинградского ираниста М. С. Иванова о бабидах, написанную во время пребывания в аспирантуре Ленинградского государственного университета,[1] кандидатскую диссертацию Г. Н. Ильинского, ныне докторанта Института истории АН СССР.[2] Один из интересных эпизодов истории Египта послужил темой диссертации X. И. Кильберг, изданной в качестве монографии в 1937 г. Издательством АН СССР.[3] Из не увидевших еще свет защищенных диссертаций следует отметить работу В. Б. Луцкого «Новая история арабских стран».

Результатом углубленной проработки новой истории колониальных и зависимых стран явились и первые работы по колониальной тематике, представленные на соискание докторской степени. Из защищенных диссертаций следует отметить интересную диссертацию проф. Е. Л. Штейнберга на тему «Индийский вопрос в эпоху французской буржуазной революции», основанную на критическом изучении всех доступных источников, архивных материалов и монографий и на тщательном анализе постановки колониального вопроса французскими энциклопедистами, английскими экономистами.

Защищенная проф. Н. А. Смирновым диссертация «Борьба России и Турции за Азов» основана главным образом на русском архивном материале.

Большую ценность представляет и основанная на обширном материале и источниках на европейском и японском языках докторская диссертация Е. М. Жукова.

Из докторских диссертаций по истории восточного средневековья хотелось бы отметить ценное исследование Б. Н. Заходера, посвященное Низам-оль-Мулку и его эпохе и основанное на тщательном анализе Сиасет-наме и ряда других источников.

Из подготовляющихся диссертаций нельзя не отметить широко задуманную и основанную на проработке громадного материала работу «Освободительная война испанских колоний в начале XIX в.» самого крупного нашего знатока колониальной истории Латинской Америки — В. М. Мирошевского, докторанта Института истории АН СССР, ныне сражающегося в рядах Красной Армии с фашистскими захватчиками.[4]

Необходимо сказать и о молодых кадрах историков Востока, подготовленных уже из числа студентов (специализировавшихся по новой истории колониальных и зависимых стран после постановления 1934 г.) и молодых научных работников, окончивших в этот период

[1] Иванов М. С. Бабидские восстания в Иране. Труды Инст. востоковед. АН СССР, XXX. Изд.-во АН СССР, 1939.

[2] Ильинский Г. Н. Роль Тавриза в иранской революции 1905—1911 г.

[3] Кильберг X. И. Восстание Араба-паши в Египте.

[4] В. М. Мирошевский, с первых дней отечественной войны вступивший в ряды Красной Армии, 17 августа 1942 г. погиб на боевом посту.

аспирантуру. Из работ этих молодых историков, еще не напечатанных, но представленных и защищенных в качестве диссертаций, можно отметить диссертации окончивших аспирантуру МГУ Антоновой (Уоррен Хастингс), Н. Сомина (по новейшей истории Индии), аспиранта МИФЛИ Кузнецова (по истории Мексики) и др.

Попытка всесторонне охватить изучение отдельных стран Востока привела и к плодотворному сотрудничеству старшего поколения востоковедов с молодыми историками Востока. В качестве ценного результата такой коллективной работы нельзя не отметить изданный Академией Наук в прекрасном оформлении сборник «Китай», [1] охватывающий все стороны истории, экономики и культуры Китая. История представлена в этом сборнике статьями ленинградского китаеведа Л. И. Думана («Очерк истории Китая с древнейших времен до эпохи империализма», — ему же принадлежит и составление хронологической таблицы), Г. Ефимова («История Китая в эпоху империализма») и Г. Н. Войтинского («Борьба китайского народа за национальную независимость»).

Почти полное отсутствие на русском языке работ по отдельным восточным странам, дающих исчерпывающее представление о стране, придает сборнику «Китай» исключительное значение. В нем впервые сделана была попытка обобщить в одной коллективной работе все достижения в области изучения этой страны.

Создание обобщающих исторических монографий по отдельным странам Востока (Турции, Ирану, Индии, Китаю и др.), основанных на первоисточниках, все еще стоит в качестве важнейшей, первоочередной задачи, к сожалению еще не разрешенной.

Указания партии и товарища Сталина сказались и на характере периодических и непериодических изданий, посвященных Востоку. Возникший в 1934 г. журнал «Тихий океан», посвященный проблемам изучения восточных стран Тихого океана, выгодно отличался от «Нового Востока» и «Революционного Востока» как политической, так и научной высотой разработанных проблем. Однако круг поднятых в журнале вопросов в первую очередь относился к периоду новейшей истории колониальной политики, и над изучением гражданской истории тихоокеанских стран доминировали вопросы колониальной политики и экономики.

Из большого числа ценных статей, напечатанных в «Тихом океане», необходимо отметить работы проф. Г. Н. Войтинского (как ставящие общие проблемы изучения стран Тихого океана, так и посвященные борьбе Китая за независимость,), статьи Л. Н. Иванова, посвященные соперничеству на Тихом океане и дающие анализ тихоокеанской проблемы главным образом с точки зрения стратегических позиций держав на Тихом океане. Большую ценность представляет систематическая хроника событий на Тихом океане, начиная с 1871 г., составленная А. Л. Гальпериным на основании разнообразных источников и документации. Синхроническое распределение материала, связывающее события на Тихом океане с политикой великих держав, делает эту работу необходимым справочником для изучения стран Тихого океана. Большое внимание уделялось в журнале и систематической публикации документов, относящихся к странам и проблемам Тихого океана.

Нельзя не отметить значения таких изданий, как «Ученые записки Московского института востоковедения», содержащие ряд ценных

[1] Инст. востоковед. АН СССР. «Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость». Сборник статей под ред. акад. В. М. Алексеева, Л. И. Думана, А. А. Петрова. М.—Л. 1940.

работ, в том числе новые исследования В. А. Гордлевского, работы доцентов Аветисян и Файнберг; «Ученые записки МГУ и МИФЛИ»; «Ученые записки Ленинградского университета», где следует указать на труд молодого историка В. Антюхиной «Англо-французская борьба за Индию в эпоху Наполеона I», явившийся результатом ее работы в семинаре акад. Е. В. Тарле, ряд исследований которого, посвященных проблемам новой истории, связанным с Востоком, являются ценным вкладом в востоковедение. [1]

* * *

Великая отечественная война народов Советского Союза против фашистских захватчиков поставила перед советскими историками Востока ряд актуальных политических задач. Разоблачение захватнических планов гитлеровских разбойников в странах Востока, историческое изучение коварных методов деятельности германского империализма, доведенных фашизмом до чудовищных пределов, должны были помочь великой борьбе демократических стран против фашизма. Советские историки Востока принялись за выполнение этой задачи с таким же патриотическим рвением, как и ученые, работающие в других областях истории. Не ослабляя своей работы над учебниками и крупными монографическими исследованиями, задуманными до войны, историки Востока, связанные с Академией Наук и советскими вузами, внесли в свои планы ряд новых тем и приняли участие в капитальных коллективных исследовательских работах по разоблачению фашизма. [2] Вместе с тем ряд статей и популярных, политически актуальных антифашистских брошюр и брошюр по тематике второй мировой войны явился результатом деятельности советских востоковедов за первый год отечественной войны. [3] Успехи изучения в СССР новой истории стран Востока за истекшие годы обеспечили этим популярным брошюрам достаточно высокий научный и теоретический уровень.

Из статей и работ, посвященных тематике второй мировой войны, нельзя не отметить работу проф. Войтинского «Война на Тихом океане», [4] выделяющуюся из ряда статей, посвященных этому вопросу и носящих главным образом описательный характер, широтой и остротой поставленных в ней проблем.

* * *

В справедливой войне против гитлеризма колониальным и полуколониальным странам принадлежит громадная роль. Четверть века, прошедшие со времени первой мировой войны, внесли много нового в положение стран Востока. Многие страны, ранее являвшиеся полуколониями великих держав, своей борьбой добились политической независимости (Китай, Турция, Иран, Афганистан и др.), многие колонии прошли уже значительный путь в достижении самоуправления и независимости. Борясь сейчас против фашистских агрессоров, колониальные страны борются за скорейшее достижение возможности самостоятельного национального существования.

---

[1] См. статью «Англия и Турция», Анналы, III, 1933, и недавно вышедший I том Крымской войны, где с обычной для Е. В. Тарле эрудицией на основе обширного материала освещены и моменты внутренней истории Турции в этот период.

[2] Антифашистский сборник, подготовляемый Институтом истории АН СССР, сборник МГУ и других вузов.

[3] Гельбрас Г. Крах фашистской авантюры в Иране. Историч. журн., 1942. № 3—4. Войтинский Г. Война на Тихом океане. Там же. Губер А. Германский империализм на Дальнем Востоке.

[4] Историч. журн. 1942, № 3.

Создание специальной исторической дисциплины — истории колониальных и зависимых стран — способствовало правильному изучению и пониманию процессов превращения стран Востока в колониальные и полуколониальные, а также пониманию процессов их борьбы и освобождения.

Двадцатипятилетнее развитие в Советском Союзе истории колониальных и зависимых стран несомненно способствовало научному изучению и разрешению целого ряда вопросов. Теоретическая разработка на основе указаний Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина национально-колониального вопроса, участие в разработке проблем общественных формаций, научная постановка ряда актуальнейших проблем новейшей истории Востока, получившая должное признание и за пределами Советского Союза, создание впервые истории колониальных и зависимых стран являются несомненными достижениями советской науки. Но перед советскими историками Востока стоят еще большие и сложные задачи. Создание марксистской истории даже крупнейших восточных стран еще лишь начато. Целый ряд общих для всех восточных стран проблем лишь только намечен и поставлен и ждет углубленного разрешения. Всесторонний исторический анализ классовой структуры восточных стран, роль и место рабства как формации или как уклада в конкретных странах Востока и в определенные периоды, причины «отставания» даже наиболее мощных когда-то восточных государств и превращение их в зависимые от европейских держав страны, формирование наций в странах Востока, национальных культур, межнациональные и религиозные противоречия — вот тот далеко не полный круг вопросов, которые предстоит изучить и разрешить советским историкам Востока.

Сыграв положительную роль, выделение новой истории колониальных и зависимых стран в то же время помогло и определить необходимые точки соприкосновения новой истории Востока как раздела всеобщей истории с новой историей Европы и Америки и с историей европейского и восточного средневековья.

Работа по изучению новой истории Востока должна и может вестись плодотворно лишь в тесной связи не только с изучением древней и средневековой истории Востока, но и с изучением языка и идеологии восточных стран. Глубокое изучение восточных языков как средство для изучения истории стран Востока во всем ее многообразии должно стать одной из первоочередных задач. Создание при наших университетах восточных отделений, первым долгом в Москве и Ленинграде, где имеется для этого научная база, изучение на них языков является важнейшим условием дальнейшего изучения Востока.

Объединение востоковедных сил и правильная их расстановка — одна из важнейших задач, стоящих в первую очередь перед нашим высшим научным центром — Академией Наук СССР.

CONTENTS

HISTORY OF THE USSR

WORLD'S HISTORY

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ СССР

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
22	15 снизу	„Агностики"	„Агонистики"
174	28 сверху	Т. Гуслистый	К. Г. Гуслистый
194	7 сверху	сын Аршшти	сын Аргишти
223	17 сверху	В. Г. Василевский	В. Г. Васильевский
259	2 снизу (примечан.)	Ф. Орсин, А. Рошфова	Ф. Орсини, А. Рошфора
285	15 сверху	Kafenhaus V.	Kafenhaus B.
288	5 сверху	л.-корр. А. Н. СССР	чл.-корр. АН СССР
288	7 сверху	261 р	261

